Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Юридический факультет
Кафедра судебной экспертизы

Международная научная конференция

Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Россия, Нижний Новгород
16–17 мая 2019 г.

УДК 347.948
ББК 67.53
ISBN 978-5-91326-523-4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СБОРНИКА
EDITORIAL BOARD OF THE DIGEST

Главный редактор:

В.А. Юматов
заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

С.В. Оболенский
зам. проректора по научной работе ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор технических наук, профессор

А.В. Князев
декан химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор химических наук, профессор

Т.Б. Радбиль
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕ

В.Ю. Толстолуцкий
заведующий кафедрой права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор медицинских наук, профессор

Ф.Г. Аминев
профессор Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

М.А. Грачев
профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор

С.В. Козменкова
профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор

В.А. Тимченко
профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

В.И. Шаров
профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Editor of Chief:

V.A. Yumatov
head of the Department of forensic examination of the Faculty of law of Lobachevsky University, candidate of law sciences, associate professor

Members of Editorial Board:

S.V. Obolensky
deputy of vice-rector for research of Lobachevsky University, doctor of technical sciences, professor

A.V. Knyazev
dean of the Faculty of chemistry of Lobachevsky University, doctor of chemical sciences, professor

T.B. Radbil
head of the Department of theoretical and applied linguistics of the Institute of philology and journalism of Lobachevsky University, doctor of philology sciences, professor, academician of the RANH

V.Y. Tolstolutskiy
head of the Department of law, philosophy and social studies of the Arzamas branch of Lobachevsky University, doctor of medical sciences, professor

F.G. Aminev
professor of the Department of criminology of the Institute of law of Bashkir state university, doctor of law sciences, associate professor

M.A. Grachev
professor of Lobachevsky University, doctor of philology sciences, professor

S.V. Kozmenkova
professor of Lobachevsky University, doctor of economic sciences, professor

V.A. Timchenko
professor of Lobachevsky University, doctor of law sciences, professor

V.I. Sharov
professor of Lobachevsky University, doctor of law sciences, professor

Материалы публикуются в авторской редакции.
Мнения авторов не обязательно отражают точку зрения оргкомитета конференции.
За достоверность приводимых сведений ответственность несут авторы.

FURTHER AND BETTER EMPIRICISM FOR FORENSIC PURPOSES

Bill Louw

Coventry University (UK, Coventry)

Further and better empiricism needs a scientific explanation. This paper places its focus on the criteria in the history and philosophy of science that have facilitated the invention of a method that will produce proofs that stand up in court. Such proofs need to be free from all encumbrances of a kind that were once used, but which made the process less reliable, e.g. the provision of protocol sentences or the consulting of dictionaries. Corpus-derived subtext is sufficient to revive logical positivism totally, but as language is now its own instrumentation, we ought to single that method out for direct use in forensic investigation.

Keywords: empiricism, forensic, corpus, induction, collocation, instrumentation, logic, metaphysics, mathematics, incompleteness theorems, subtext.

INTRODUCTION

In the period before the advent of computing, philosophers knew that logic was the key to empiricism, but they assumed that the man-made discipline of philosophical logic would be sufficient for the production of reliable instrumentation. Their intuition seemed to confirm this judgement because of the stochastic parallelism that subsisted between mathematics and logic. In addition to this, both disciplines seemed to invite the possibility that they could, even with some difficulty, be made interchangeable (Russell and Whitehead, 1910, 1912, 1913, 1925–1927). The falsification of this position was brought about primarily by the second Incompleteness Theorem of Kurt Gödel in 1931 [1] which demonstrated that certain sentences (still known as Gödel Sentences) could never be confirmed within mathematics or logic because the size of these systems was too limited to accomplish the task.

The sense of shock that this produced in Russell and that reduced him to complete and utter silence on the matter was not unlike the way in which his own paradox had prevented Gottlob Frege from writing anything at all for 11 years. Gödel's Theorems left the entire community of philosophers sharing Russell's embarrassment. Several factors were involved:

(1) The a priori argument that if philosophy itself was based upon natural language, Russell and Whitehead had put their trust in systems that propelled them, a posteriori, on a wild goose chase to unite entities that were already manifestly within natural language itself (even if massively opaque to human intuition).

(2) Loss of face at Trinity College, Cambridge, where G. E. Moore held the key to solving Gödel's problem because Moore took philosophy back to its roots in the large system of the English Lang itself – a system capable of proving all Gödel sentences.

(3) The tradition of loss of face in the same department, brought about a generation earlier by professor William Whewell whose proofs of the consilience of induction [2] and its durability were not only a difficult act for Russell to follow, but were about to resurface, a mere decade after Gödel's theorems, where they would break the enemy

codes at Bletchley Park as collocation was to come to the assistance of mathematics in the very form of consilience.

Russell never mentions either Whewell or Gödel in any of his publications, including The History of Western Philosophy. In the case of Gödel, a black mark appears against Russell's good name, because Gödel contributed to the volume on Russell's life and works (edited by Schillp) [3], where the editor wrote repeatedly to Russell for a response to Gödel's paper so that the volume could go to press. No reply was received. Gödel's paper was the only one that received no printed response.

Failure to notice what is prior and constitutes the a priori is unforgiveable in the work of philosophers. Russell remarked that he and Whitehead often differed over the issue of the external word. He said that Whitehead viewed it as a bowl of jelly, but that he (Russell), more dogmatically, saw it as a bucket of shot. The more dogmatic the stance, the more severe the loss of face. When philosophers buck the system, they are easily pulled back into line even if they often take shelter behind silence. Duns Scotus briefly took the view that metaphysics was prior, but that escapade earned him the name Duns (Dunce). Linguists err more often. They may conflate collocation and colligation or look away from truth, but the moment they tell a lie about philosophy or science, matters come to a head more quickly. Michael Hoey offers the notion that metaphysics is prior in a book entitled Lexical Priming (2005) [4]. Logic alone is prior and, hence, lexical priming becomes lexical seconding. The promise of the a priori cannot be delivered on as a posteriori.

As we shall see in the sections that follow, it is only when intuitive opacity is stripped away computationally that John Sinclair's (2004) notion Trust the Text can be moved more fully into science in order to produce further and better empiricism.

INTUITIVE OPACITY AND THE ABOLITION OF MINDSETS

Even the idea that there are things that cannot be seen because they are blind to human intuition leaves the average person feeling unsettled. Only the code-breaker believes that such situations are a challenge worth undertaking. In the 1950s a teacher who took his class on a visit to the British Museum reached the Rosetta Stone and declared that all of the languages written on the stone had been deciphered except one: the Linear-B. A bright student cried out: 'Did you say, Sir, that Linear-B has not yet been deciphered?' "Yes,» said the teacher. Years later the same student, a solitary, tortured genius named Michael Ventris was credited for deciphering the Linear-B. Alan Turing, who broke the enemy codes at Bletchley Park in 1941, had the same personality traits.

And yet, very few come to experience the joy of discovery. Even Russell had to be contented with having come close. But his description of a perfectly logical natural language allowed a corpus linguist in 2008 to experience the exhilaration that he and Whitehead had so narrowly missed. Their work was ahead of its time. Alan Turing produced the computer and broke the enemy codes and became another solitary, tortured genius. Turing's name was kept secret until it leaked out in 2002. There were

others at Bletchley Park who came almost as close as Turing did, but current legislation on secrecy and fear of the death penalty held them back and denied them recognition by means of a simple tactic: the code-breakers at Bletchley Park were placed in teams and kept physically apart in Blocks and named bungalows such as Lorenz and Testery, while senior intelligence officers gathered all of the information, block by block, for use at the highest level [5, p.136].

This method was used to prevent the excellence of the work of particular persons from being recognised. Even as linguistics advanced, all new directions were either ordered or pressured from behind the scenes into the haste of remaining uniform and unaltered. This moment may well have been reached by Michael Halliday (1925-2018) by the time he addressed the First ILinC Conference at Queen's University Belfast on 15 October 2011. In his abstract for that address Halliday made a direct reference to how very few 'knowers' there were in linguistics and other disciplines. In his plenary address he made no further reference to those 'knowers' mentioned in the abstract, but returned, as part of the way forward for the subject, to what Sinclair (1933-2007) always referred to as the '…weakest part of Michael's work' (personal communication). By 2008, corpus-derived subtext was the theme common to my visits to the universities of Burgundy in Dijon, Granada in Spain and Queen's University in Belfast.

COPING WITH OPACITY

The menace of opacity had begun to act as a form of restraint for ideas and scientific thinking across many disciplines. The great insult in many departments of philosophy used to be that anything that was not logic must be pure metaphysics. However, metaphysics stood its ground and fought back with money and power to create departments and university chairs in Metaphysics, a term which allegedly referred to Aristotle and Plato's library, where logic had first place and all other books were in Greek referred to as meta ta physika, i.e at the tail end of the books on logic as the subject matter lost touch with logic as a form of 'after science'.

The mind-set of physics that gave rise to the quantum and to nuclear fission was forced to cope with opacity. Visualising sub-atomic particles in the year 1900 was at least as difficult as asking for and finding the variables in the searchline That+is+no+*+for * [6] or a+*+made+*+by [7]. In the same way that Hans Reichenbach describes how Max Planck replaced causality with probability as the main features of the quantum, physicists were invited to accept this switch. Einstein proclaimed that probability was a false picture of the Universe. He said '…that God does not play dice with it!' Others like Thomas Kuhn saw the quantum as a paradigm shift in in scientific revolutions.

Famous lectures by Einstein and others ensued. But for the purposes of this paper and the presentation based upon it, we now need to reach the high point of the research. That point is a statement of **shared logical form**. This area is still the most difficult to access in all of philosophy; and the reason for this is intuitive opacity. Ray Monk describes the manner in which Russell used to deal with it as follows. His opening line offers an insight into what intuitive opacity meant for philosophers who had nothing

but their minds and experience to rely upon as they dealt with opacity:

'Logic does have its own subject-matter, **only it is a very rarefied and elusive one** (my emphasis) (Monk, 1998: 52). He then quotes from Russell below.

[In philosophical logic] the subject-matter that you are supposed to be thinking of is so very exceedingly difficult and elusive that any person who has ever tried to think about it knows that you do not think about it except perhaps once in six months for half a minute. The rest of the time **you think about the symbols, because they are tangible, but the thing you are supposed to be thinking about is so fearfully difficult and one does not often manage to think about it**. The really good philosopher is the one who does once in six months **think about it for a minute. Bad philosophers never do'** (1985 [1918]:44, my emphasis).

This will give our audience an insight into the huge problem that corpus studies have solved for us in the area of forensic empiricism.

THE SURPRISES OF SHARED LOGICAL FORM AND THEIR CONSEQUENCES

Perhaps the biggest and most important surprise has always been the possibility of a result that offers a return to Firthian context of situation: both as truth and/or as falsehood. And it is this sort of result that would be most valued by departments of forensic study. This type of result had always been foreseen by Wittgenstein. He told Russell that his method would allow Truth to be measured like a position on a metre-stick! That method would, therefore, have the following characteristics:

1. It would split logic from metaphysics by means of the elimination of all metaphysics in order to attain the purest view of the logical form of the given.

2. It would then seek to bring back all and only those lexical variables that qualified to appear in propositions where they would fit as part of the shared logical form of the given.

3. We now know that Truth would be inherent in and reflected by the most frequent variables obtained by means of **inductive** searches of reference corpora. Variables of less frequency even down to hapaces would be **legible** and, therefore, read automatically by the most frequent variables for their Truth or their departures from Truth.

4. Such readings would disclose a **cline** for measuring Truth as well as Falsehood. This cline would constitute a phenomenon which I have been referring to informally, as 'Text reads Text'. It comes closest to Wittgenstein's intended metre-stick mentioned earlier.

5. The method discloses a fact about liars: their **decision** to lie is always a posteriori and based upon their desire to distort an a priori version of the **same** logical form. It is this version with the most frequent variables that **writes** the lie and measures the degree of its falsehood as if on a metre-stick.

6. In performing this act, the logic of the most frequent variables brings their truth back from opacity and into the intuitive range of all speakers of the language involved in the search-line or given. It verges upon an automated form of the cross-

examination of a liar.

7. It is truly **forensic** (Latin: forensic, 'of the court') and, as the most frequent variable are provided, it behaves like a form of **cloze test** that even a child can explain (Louw, forthcoming).

One of the best examples of this is to be found in a stylistic analysis [7] where the hapax line in a poem by Henry Williams, 'Daughter of the House', discloses the dishonesty of a woman who is falsely credited with having sacrificed her life to a desire to assist the elderly, whereas, in reality, she is motivated by greed and power. She has…

A heart made bleak by sacrifice

The search line is **a * made * by ***. Opacity rules during the search. The result line as subtext (the most frequent lexical variables within this grammar string) reads her motives:

a situation made possible by

The poet, who is still living, was so amazed by these results that he has offered me the use of his entire poetic output for experimental purposes, free of all royalties. This is a form of recognition for which I am deeply grateful.

BEWARE OF BREACHES OF ACADEMIC FREEDOM AND THE THEFT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Those of us who use this method automatically become 'knowers' in the words of the late Michael Halliday. Knowers are meant to be rare and often privileged. However, I must point out that my own motive for inventing the method in 2.2 above was entirely literary: I invented corpus stylistics in 1987 as part of my honorary membership of the COBUILD Dictionary team in Birmingham UK and found that this method unpacks the subtextual meaning of the Irish poet William Butler Yeats most effectively [6] and has been used for similar purposes by my colleague Marija Milojkovic (Louw and Milojkovic, 2016). Her analyses of the poetry of Brodsky are more thorough and accurate than I had ever envisaged for the use of the method.

Literary appreciation has certainly benefited from the use of the methods I have outlined; but, since 2008, there have been areas in which no acknowledgements of the source of the intellectual property relied upon have apparently occurred. Deep vetting of migrants and strategic aspects of negotiating may be benefiting from the non-disclosure of the types of use to which the method may be being put. So-called 'fake news' may be part of the applications. In stark contrast to the clandestine use of the method, largely in the West, my invitation to publish in this volume has been both entirely open and refreshing.

THE METHOD IN RELATION TO ACADEMIC DISCIPLINES AND THEIR CONTROL

In my respectful view, there are some disciplines that either show signs of being fake, or whose conditions for embracing change are arcane to the point, like ostriches, of burying their heads in the sand (an analogy that I borrow from Malinowski). But as academics we need to disclose and monitor the manner in which censorship

has become injurious to academic freedom within disciplines and threatens their advancement. The prevention of progress is like a blocked drain and the unblocking of drains always point to a cause.

In the case of the present research we see that Bertrand Russell, author of works entitled *The Scientific Outlook* (1962) and *The Impact of Science on Society* (1952 [1985]), supports science but not, as we saw earlier, when it falsifies his own work. Now, when censorship becomes self-censorship, we are witnessing an ideological shift that controls disciplines. The manner in which these forms of control operate cannot be overcome by methods that were once normal.

The status quo is often held in place by notions that once held sway but which are today worth little more than slogans. For example, a slogan or combination of slogans might look like this: 'Induction is circular and will never be justified!' If this were still the case, the method that I set out in section 2.2 above would never have been allowed, let alone successful and published. In fact, if we dissolve all disciplinary boundaries just for a moment, we find that induction is the key to all experimental thinking in all disciplines except the study of language. How then, we ask, did it come to be banned in language study? The experts who try to answer may tread upon an invisible line in the sands of control by ideology. And these sands are the accretion of decades of informally banned practice in the aftermath of a huge but hidden success.

The master of such hidden successes was the unmentionable Master of Trinity College Cambridge, William Whewell [2]. His theory of the Consilience of Inductions continues to batter its way through the history, leaving famous casualties to truth in its wake. The term *consilience* refers to the manner in which at least two disciplines **leap** over their putative boundaries in order to accomplish a truthful and immutable scientific truth (see the entry for Whewell in Mautner, 2005) [8]. For example, the truth of Kepler's elliptical orbits left Galileo's circular orbits in the dust; the enemy codes were broken by the consilience of collocation's leap to assist mathematics and Alan Turing!

But in the latter case, the impact was so powerful that in language study two things were set in place after Turing's untimely death: **1**. collocation and induction were unofficially proscribed and 'discouraged' (ostensibly subject to legislation that lasted 70 years, but which has entirely explicably remained in place and still remains there to this day, more than seven years out of time); and **2**. The setting up of the subject Linguistics, with its true objectives buried under unfathomable and fractured forms of pluralistic truth that is rewarded as though it were of great importance to mankind. True scientists will need to buck this trend. My own choice favours induction and collocation with enough subtext to prompt them to 'go viral'. However, it should be recognised that forensic work is also agreeably public and likely to assist in rectifying the expiry date of wartime legislation that depends upon a death penalty that has long since been abolished.

CONCLUSION: OR WHY THE RESEARCH ALWAYS RETURNS TO FIRTH? WITHOUT COLLOCATION THERE WOULD HAVE BEEN NO CONSILIENCE AND THE WAR MAY HAVE BEEN LOST

Collocation was the one principle of linguistics that ought to have been handed over to philosophy so that philosophy could hand it over to science. Although corpus-derived subtext appears to deal with subtext one sentence or quasi- proposition at a time, that entity always exists as a concordance line and, when opened, we have a choice of nomenclature to describe what we see: Wittgenstein would have referred to it as a Sachverhalt or 'state of affairs' or Firth as a Context of Situation. However, only Firth places collocation at a high level of abstractness in the levels of language for his theory. And this is significant because on Alan Turing's team the expert on collocation was Angus McIntosh (personal communication John Sinclair, and also in the published obituary that he wrote for McIntosh). He was forced to go down in history as a master of diachronic linguistics at Edinburgh University (in Edinburgh they all know that he worked with Turing as an expert on collocation). Collocation was not only crucial to the cracking of the enemy codes, but will be indispensable in finding the subtexts of oriental languages that are pictographic in their orthography and show a relative absence of grammar. At this time people in China can read our subtexts, but without the automation and full acceptance of collocation, we may never get to read theirs.

Sadly, philosophy, even of the Moorean, natural language kind, makes no provision for collocation. A more truthful stance is inevitable in the fullness of time. Natural language is the a priori upon which philosophy is founded and no proposition is hermetically sealed off from the influence of collocation. Propositions can readily be seen to entail proximity [9] and denial of this is likely to store up problems for philosophy sooner rather than later. In the theory race, Chomsky's examples are all 'made up' and drawn from his imagination rather than life; Halliday's System is compatible with the requirements of Gödel, but even now it lacks not only sufficient computerisation but also recognition of all that is seen and unseen. Grammatical Metaphor was the last siding into which the Systemic Functional train took shelter before crossing the border between the land of intuition and the land of full empiricism. Without the assistance of philosophy, linguistics may well have got away with its fake course. Subtextual theory will supervene to prove exactly how insubstantial scholarship is at present.

I close with a quote from the ate Michael Alexander Kirkwood Halliday.

'Systems on any scale are at risk when the knowledge that supports them becomes disintegrated, or restricted to a few privileged knowers. When knowledge becomes a commodity, produced for and distributed by the market, both these things may happen. And if universities, which should be preparing us for the future, choose to emasculate the humanities in the way that has been suggested, they will happen.' (Queen's University, Belfast: October, 2011)

REFERENCES

1. Van Heijenoort, J. (ed.) (1967). From Frege to Godel: A Source Book in Mathematical Logic, 1879–1931. Cambridge MA: Harvard University Press.
2. Butts, R.E. (ed.) (1989). William Whewell: The Theory of Scientific Method. Indianapolis: Hackett Press.
3. Schillp, P.A. (ed.) (1963 [1944]). The Philosophy of Bertrand Russell. Vol .II. New York: Harper Torchbooks.
4. Hoey, M. (2005). Lexical Priming: A New Theory of Words and Language. London: Routledge.
5. Roberts, J. (2017) Lorenz: Breaking Hitler's Top Secret Code at Bletchley Park. Stroud: History Press.
6. Louw, W.E. (2010b.) Automating the extraction of literary worlds and their subtexts from the poetry of William Butler Yeats. In Para por y sobre Luis Quereda. Falces Sierra, M. (ed.) Granada: Granada University Press.
7. Louw, W.E. (2010a). Collocation as instrumentation for meaning: a scientific fact. In Literary Education and Digital Learning: Methods and Technologies for Humanities Studies.
8. Mautner, T. (2005). The Penguin Dictionary of Philosophy. London: Penguin Books.
9. Louw, W.E. (2017). Entailing proximity. Paper presented at Korpus 17 in St Petersburg.
10. Van Peer, W. Zyngier, S. and Viana, V. (eds.) Hershey, PA: IGI Global.

Совершенствование эмпирических методов в судебно-лингвистической экспертизе

Билл Лоу

Университет Ковентри (Великобритания, Ковентри)

В целях совершенствования эмпирических методов в судебной экспертизе необходимо их научное обоснование. В статье основное внимание уделяется критериям в истории и философии науки, которые способствовали созданию метода, призванного предоставлять доказательства для суда. Такие доказательства должны быть свободны от всех обременительных процедур, которые использовались ранее и которые делали процесс судопроизводства менее объективным. Корпусный подтекст является достаточным для полного возрождения логического позитивизма, но поскольку язык обусловливает собственный инструментарий, мы должны выделить этот метод для непосредственного использования в судебно-экспертном исследовании.

Ключевые слова: эмпиризм, криминалистика, корпус, индукция, словосочетание, инструментарий, логика, метафизика, математика, теоремы о неполноте, подтекст.

DNA ANALYSIS AND REGISTRATION IN TURKEY

Mustafa Ay[1], Ayşe Serin[2], Mete K. Gulmen[2]

[1] Cukurova University, Institute of Addiction and Forensic Sciences, Department of Forensic Sciences (Turkey, Adana)

[2] Cukurova University, Faculty of Medicine, Department of Forensic Medicine (Turkey, Adana)

The article considers DNA analysis as a standard method of forensic medical examination. Two types of DNA polymorphisms have been used widely in forensic genetics: Length polymorphisms and sequence polymorphisms: STRs are currently the most commonly used length polymorphisms in forensic genetics. Another type of variation used in forensic genetics is the single nucleotide polymorphisms or SNPs. Nowadays, automated technological platforms that allow the simultaneous analysis of a multitude of genetic markers used in genetic identification.

Keyword: DNA profiling, DNA Typing Methods, forensic medical examination

INTRODUCTION

DNA profiling was first described in 1985 by Alec Jeffreys et al and had a huge impact in forensic genetics [1, p. 67–73]. Before that, classical genetic markers including blood groups, HLA, and polymorphic protein and enzymes were used for the analysis of forensic casework. But, these genetic markers were limited when it was necessary to analyze minimal or degraded material, which is commonly involved in forensic cases.

After the discovery of polymorphisms in repetitive DNA, highly informative and robust DNA typing systems have been developed which are quite powerful for the individualization of biological material of human origin. DNA typing has advantages over traditional protein assays, because it is more informative and can be analyzed in minute or degraded material. In addition, the same DNA genotype can be obtained from any tissue such as blood, saliva, semen, hair, skin, bone.

Nowadays, DNA analysis has become the standard method in forensic genetics as it is currently used by most of the labs for the majority of forensic genetic expertise and especially in criminal forensic casework and identification.

DNA POLYMORPHISMS USED IN FORENSIC GENETICS

Two types of DNA polymorphisms have been used widely in forensic genetics: Length polymorphisms and sequence polymorphisms:

STRs are currently the most commonly used length polymorphisms in forensic genetics. They were introduced into casework in the mid-1990s and are now the main tool for just about every forensic laboratory in the world – the vast majority of forensic genetic casework involves the analysis of STR polymorphisms. There are thousands of STRs that can potentially be used for forensic analysis. STR loci are spread throughout the genome including the 22 autosomal chromosomes and the X and Y sex chromosomes. They have a core unit of between 1 and 6 bp and the repeats typically range from 50 to 350 bp. While autosomal short tandem repeats (STRs) are used for individualization, Y chromosome STRs (Y-STRs) are used to determine

paternal lineage. Y-STRs can also be powerful tool for detecting male DNA foreign to the victim when traditional, autosomal STRs testing fails to aid the investigation.

STRs satisfy all the requirements for a forensic marker: they are robust, leading to successful analysis of a wide range of biological material; the results generated in different laboratories are easily compared; they are highly discriminatory, especially when analyzing a large number of loci simultaneously (multiplexing); they are very sensitive, requiring only a few cells for a successful analysis; it is relatively cheap and easy to generate STR profiles; and there is a large number of STRs throughout the genome that do not appear to be under any selective pressure.

Another type of variation used in forensic genetics is the single nucleotide polymorphisms or SNPs. These are the simplest type of polymorphisms (a simple variation in a single base) and they are usually biallelic markers. More than 11 million SNPs have been identified so far and the HapMap project [2] has provided information about the distribution of these SNPs in haplotype blocks in the human genome. SNPs in mitochondrial DNA (mtDNA) are also used as well as nuclear DNA in forensic genetics.

DNA TYPING METHODS

Technologies used for DNA typing for forensic purposes differ in their ability to differentiate two individuals and in the speed and sensitivity with which results can be obtained. The speed of analysis has dramatically improved for forensic DNA analysis. DNA testing that previously took more than 1 week can now be performed in a few hours.

PCR-based multiplex DNA profiling using STRs on capillary electrophoresis instrumentation is the gold standard for human identification, in casework and missing persons investigations. However, SNPs can be analyzed after PCR amplification of very short DNA regions surrounding the substitution site, making SNPs preferable for anthropological and crime case investigations where the DNA is often degraded (generally under 100 bp). Sequencing analysis methods are also used to determine the variation of the sequences in the control region of mtDNA for maternal lineage [3].

Nowadays, automated technological platforms that allow the simultaneous analysis of a multitude of genetic markers used in genetic identification (Next Generation Sequencing-NGS) are studied. These technologies are going to be crucial for DNA human typing in cases like mass disasters or other events where forensic specimens and samples are compromised and degraded. With the use of NGS it will be possible to achieve the simultaneous analysis of the standard autosomal DNA (STRs and SNPs), mitochondrial DNA, and X and Y chromosomal markers [4, p. 581–592].

SAMPLE COLLECTION AND INFORMED CONSENT FOR DNA ANALYSIS

In our forensic serology and genetic laboratory at the Cukurova University, Faculty of Medicine, Department of Forensic Medicine, the analyzes mentioned above is routinely performed in accordance with the standards and guidelines set by the

international commissions and committees [5–7].

In our department, blood stains on FTA cards, bone/tooth samples, buccal swabs and blood samples in EDTA tubes are routinely accepted and analyzed. In addition, samples/evidences which obtained from crime scenes and sent to our laboratory are also accepted and analyzed. Most common evidences are; stains, clothing, undergarments, condoms, cigarette butts, vaginal, oral, anal swabs, swabs from bite marks, etc. In registration process, chain-of-custody procedures are applied.

Our department's acceptance policy for samples or individuals can be in two different process. First, with the court order or prosecutor's order by assigning our department as expert witness. In this way the standards of the sample acceptance and the chain of custody for biological evidence were determined by the Forensic Medicine Institute of the Republic of Turkey [8]. Second, with the volunteer applications. After the one-on-one interview of the volunteer applicants and the experts, it is decided whether the analyzes will be carried out or not. Apart from these, no one can be forced to give samples under any circumstances. All samples should be given voluntarily by the applicants. The applicants' informed consent should be taken. The informed consent forms used by our department were formed after reviewing the literature [9, p. 335–348] on the collection of DNA samples.

The biological material is stored under appropriate conditions, depending on the nature of the sample until analysis is carried out. Additionally, priority in the work flow should be given, if there are individuals in detention or in cases that can create indignation in society and disaster victim identification cases.

APPLICATIONS IN TURKEY

Searching for biological material in the forensic laboratory is performed primarily by eye. Low power search microscopes and alternative light sources may help to localize stains and contact marks.

Body fluid identification is a substantial part of forensic analyses. The correct determination of the origin of a biological stain may give valuable information regarding the circumstances of a crime. A simple way to detect a body fluid in a stain is the use of immunochromatographic strip tests. They are easy to use, user-independent, quick, and cheap. We use several immunochromatographic strip tests for blood, saliva, semen and urine identification in our laboratory. In addition, miRNA and mRNA markers are analyzed for tissue or stain or liquid identification [10]. For routine genetic tests, analyzes are planned case-by-case.

The commercial STR kits are routinely used for individualization and parentage tests. In total 21 autosomal STR loci and amelogenin can be analyzed with these kits. If maternity/paternity is not excluded, maternity/paternity index should be over 100000. In addition, Y chromosome markers which have high potential in terms of providing discrimination in mixtures obtained from sexual assaults are used [11–14]. These markers are also used to determine paternal lineage. This aspect allows detecting intra familial relations due to inheritance of Y chromosome such as sibling, etc. For this

purposes a multiplex analysis of 17 Y-STR loci can be performed with the commercial STR kits. Moreover, 13 Rapidly Mutating Y-STR loci panels that allows differentiation in individual level through paternal lineage [15,16] have been optimized in our laboratory [17, p. 506–515]. Sequence analysis of the control region of mtDNA analyzes are performed in cases that are especially for sibling determination and contribute to the determination of maternal lineage. In addition, Single Nucleotide Polymorphisms (SNPs) panels, which are frequently used in phenotype determination, geographic origin determination, and lineage determination, are used in analyzes especially degraded teeth/bone samples. X-STR markers [18, p. 256–257] that investigates X chromosome-dependent inheritance patterns and INDEL markers [19, p. 533–540] that investigates the insertion/deletion polymorphisms in autosomal chromosomes are still undergoing process for adaptation and optimization in our lab.

REFERENCES

1. Jeffreys, A. J., Wilson, V. & Thein, S. L. Hypervariable 'minisatellite' regions in human DNA. Nature, 314 (1985) 67–73.
2. The International Human Genome Mapping Consortium, Nature, 409 (2001) 934.
3. Butler J. Forensic DNA Typing. Biology, Technology, and Genetics of STR Markers. 2nd ed. Academic press, 2005 p:1–688
4. Alvarez-Cubero MJ, Saiz M, Martínez-García B, Sayalero SM, Entrala C, Lorente JA, Martinez-Gonzalez LJ. Next generation sequencing: an application in forensic sciences? Ann Hum Biol. 2017 Nov;44(7):581–592.
5. Holt, C. L. et al. TWGDAM validation of AmpFlSTR PCR amplification kits for forensic DNA casework. J. Forensic Sci. 47, 66–96 (2002).
6. Bieber, F. R., Buckleton, J. S., Budowle, B., Butler, J. M. & Coble, M. D. Evaluation of forensic DNA mixture evidence: Protocol for evaluation, interpretation, and statistical calculations using the combined probability of inclusion. BMC Genet. 17, 1–15 (2016).
7. Washington, N. W. The Evaluation of Forensic DNA Evidence Library of Congress Cataloging-in-Publication Data The evaluation of forensic DNA evidence / Committee on DNA Forensic Science: an Update, Commission on DNA Forensic. E94 51, (2041).
8. No Title. Available at: http://www.atk.gov.tr/delil-teslim-prosedurleri.html. (Accessed: 19th March 2019)
9. Machado, H. & Silva, S. Informed Consent in Forensic DNA Databases: Volunteering, Constructions of Risk and Identity Categorization. Biosocieties 4, 335–348 (2009).
10. Serin A., Canan H., Ulubay A., A. B. Vücut Sıvılarının Tanımlanmasında Çeşitli Doku Spesifik mRNA Belirteçlerinin Etkinliğinin Araştırılması. Turkiye Klin. J Foren Med 14, 1 (2017).

11. Sibille, I. et al. Y-STR DNA amplification as biological evidence in sexually assaulted female victims with no cytological detection of spermatozoa. Forensic Sci. Int. 125, 212–6 (2002).
12. Betz, A. et al. DYS STR analysis with epithelial cells in a rape case. Forensic Sci. Int. 118, 126–130 (2001).
13. Dettlaff-Kakol, A. & Pawlowski, R. First Polish DNA 'manhunt'-an application of Y-chromosome STRs. Int. J. Legal Med. 116, 289–91 (2002).
14. Roewer, L. Y chromosome STR typing in crime casework. Forensic Sci. Med. Pathol. 5, 77–84 (2009).
15. Ballantyne, K. N. et al. Toward Male Individualization with Rapidly Mutating Y-Chromosomal Short Tandem Repeats. Hum. Mutat. 35, 1021–1032 (2014).
16. Ballantyne, K. N. et al. A new future of forensic Y-chromosome analysis: Rapidly mutating Y-STRs for differentiating male relatives and paternal lineages. Forensic Sci. Int. Genet. 6, 208–218 (2012).
17. Ay, M., Serin, A., Sevay, H., Gurkan, C. & Canan, H. Genetic characterisation of 13 rapidly mutating Y-STR loci in 100 father and son pairs from South and East Turkey. Ann. Hum. Biol. 45, 506–515 (2018).
18. Scherer, M., König, M., Bussmann, M., Prochnow, A. & Peist, R. Development and validation of the new Investigator ® Argus X-12 QS Kit. Forensic Sci. Int. Genet. Suppl. Ser. 5, e256–e257 (2015).
19. LaRue, B. L., Ge, J., King, J. L. & Budowle, B. A validation study of the Qiagen Investigator DIPplex® kit; an INDEL-based assay for human identification. Int. J. Legal Med. 126, 533–540 (2012).

Анализ ДНК и регистрация в Турции

Мустафа Аи[1], Айсе Серин[2], Мете К. Гульмен[2]

[1] *Университет Чукурова, институт судебных экспертиз и исследования зависимостей, кафедра судебных экспертиз (Турция, Адана)*
[2] *Университет Чукурова, медицинский факультет, кафедра судебно-медицинской экспертизы (Турция, Адана)*

В статье рассмотрен анализ ДНК как стандартный метод судебно-медицинской экспертизы. В судебной генетике широко используются два типа полиморфизмов ДНК: полиморфизмы длины и полиморфизмы последовательности. В настоящее время наиболее часто используемые полиморфизмы длины в судебной генетике. Другой тип вариации, используемой в судебной генетике – это одиночные нуклеотидные полиморфизмы или SNPs. В настоящее время автоматизированы технологические платформы, позволяющие проводить одновременный анализ множества генетических маркеров, используемых при генетической идентификации.

Ключевые слова: профилирование ДНК, методы типирования ДНК, судебная медицинская экспертиза.

ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА (АДИС) И БИОМЕТРИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПО ОТПЕЧАТКАМ ПАЛЬЦЕВ РУК: ПРОБЛЕМА ИСКУССТВЕННЫХ ПАПИЛЛЯРНЫХ УЗОРОВ

В.К. Кирвель

Академия управления при Президенте Республики Беларусь
(Республика Беларусь, Минск)
kirvit@tut.by

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты, а также перспективы развития дактилоскопической экспертизы, дактилоскопических учетов (автоматизированных дактилоскопических идентификационных систем) в раскрытии и расследовании преступлений, а также биометрических систем идентификации личности по отпечаткам пальцев рук для защиты персональных данных, контроля доступа к корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секторе экономики.

В работе представлены способы изготовления моделей с искусственными папиллярными узорами (фальсификация папиллярных узоров следов пальцев рук), результаты экспериментов, которые заключались в создании модели (муляжа) ногтевой фаланги пальца с искусственным папиллярным узором и верификации биометрического сканера с использование биометрических технологий.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая экспертиза, дактилоскопические учеты, автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС), фальсификация следов пальцев рук, искусственные папиллярные узоры, биометрические технологии, биометрические системы идентификации личности по отпечаткам пальцев рук, верификация, идентификация.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы эффективного обнаружения, выявления, предварительного исследования, изъятия и экспертного исследования следов пальцев рук в ходе раскрытия и расследования преступлений обусловлена растущей общественной потребностью в создании эффективного механизма противодействия преступности, надлежащем обеспечении защиты личности, прав и свобод граждан, укреплении правопорядка, повышении доверия граждан к органам власти и управления. Для ее успешного решения необходимо постоянное совершенствование научно-технических средств, приемов и методов, применяемых правоохранительными органами в ходе раскрытия и расследования преступлений. С этой целью в правоохранительную деятельность должны постоянно внедряться современные технические средства, научно обоснованные методы и методики, направленные на повышение эффективности обнаружения, выявления, предварительного исследования, изъятия и экспертного исследования следов преступлений.

Ежегодно в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) проводится в среднем около 30–40% дактилоскопических

экспертиз от всех проведенных криминалистических экспертиз. Белорусскими экспертами-криминалистами с помощью автоматизированной дактилоскопической идентификационной системы (далее – АДИС) «Дакто–2000» устанавливается свыше 12 тысяч совпадений по следам рук, изъятым в ходе осмотра места происшествия, идентифицируются около 500 неопознанных трупов, около 800 лиц, неспособных сообщить о себе какие-либо сведения или сообщивших о себе недостоверные анкетные данные [1].

Столь широкое использование сотрудниками правоохранительных органов следов рук человека в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также АДИС «Дакто–2000», как точного и надежного метода идентификации личности, обуславливает интерес у лиц, занимающихся противоправной деятельностью, в части их фальсификации. Необходимо отметить, что современные технологии позволяют создавать модели (муляжи), на которых с высокой степенью точности воспроизводятся искусственные папиллярные узоры (далее – ИПУ) пальцев рук определенного человека.

Принимая во внимание вышеизложенное, полагаем, что общественная опасность фальсификации следов пальцев рук заключается в воспрепятствовании установлению истины по делу на основе всестороннего, полного и объективного исследования, введении в заблуждение органов предварительного расследования и суда относительно действительных обстоятельств дела, входящих в предмет доказывания, что может привести к вынесению несправедливых приговоров, когда совершивший преступление не будет привлечен к ответственности.

Краткий обзор литературы по рассматриваемой проблеме указывает на факт: 1) изучения проблемы ИПУ (фальсификации следов пальцев рук) при проведении дактилоскопической экспертизы и применения АДИС зарубежными и отечественными исследователями: Т. Лэем [2], О.Я. Баевым [3], С.С. Самищенко [4], А.Г. Сухаревым [5], О.А. Соколовой [6; 7; 8], Н.В. Ефременко [9; 10], Н.С. Талецким [11] и др., 2) изучения проблемы АДИС, БСИЛ по отпечаткам пальцев рук и ИПУ зарубежными и отечественными исследователями: Я.Н. Имамвердиевым [12], T. van der Putte [13], T. Matsumoto [14], M. Sandstrom [15], В.С. Зубахой [16], Р.В. Бондаренко [17], Р.Е. Деминой [18] и др., которые создали теоретические предпосылки для исследования проблемы, а также решали отдельные практические вопросы обнаружения, выявления, предварительного исследования, изъятия и экспертного исследования сфальсифицированных следов пальцев рук в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также решали отдельные практические вопросы верификации ПО АДИС, дактилоскопических и биометрических сканеров с помощью модели (муляжа) ногтевой фаланги пальца с ИПУ.

Необходимо отметить, что проведенные белорусскими учеными и практиками исследования не носят системного и завершающего характера, а касаются только постановки проблемы и отдельных практических вопросов обнаруже-

ния, выявления, предварительного исследования, изъятия и экспертного исследования сфальсифицированных следов пальцев рук в правоохранительной практике, касаются только постановки проблемы и отдельных вопросов ведения дактилоскопических учетов с помощью АДИС и верификации биометрических сканеров с помощью модели (муляжа) ногтевой фаланги пальца с ИПУ, не исчерпали возможностей изучения всего круга аспектов указанной проблемы, которые возникают в условиях научно-технического прогресса, динамичного развития криминалистической науки, судебно-экспертной деятельности и правоохранительной практики.

Вне поля зрения отечественных исследователей остались отдельные прикладные аспекты по изготовлению моделей (муляжей) пальцев с ИПУ, отдельные теоретические и прикладные аспекты по верификации биометрических сканеров, БСИЛ по отпечаткам пальцев рук для защиты персональных данных, контроля доступа к информации и учета рабочего времени с использованием моделей (муляжей) пальцев с ИПУ.

Целью исследования является познание закономерностей, являющихся основой теории и практики использования следов пальцев рук человека в раскрытии и расследовании преступлений, в выделении перспективных направлений развития дактилоскопической экспертизы и дактилоскопических учетов (АДИС), биометрических систем идентификации личности (далее – БСИЛ) по отпечаткам пальцев рук с целью получения доступа к персональным данным, корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секторе экономики, их проблемах, предложении решений некоторых теоретических и прикладных аспектов, а также формирование на их основе единого комплекса знаний, адекватного современному развитию дактилоскопии как целостного направления в криминалистической науке, правоохранительной практике и в информационном секторе экономики.

Объектом исследования являются общественные отношения, которые возникают, развиваются и прекращаются в процессе деятельности правоохранительных органов по обнаружению, выявлению, предварительному исследованию, изъятию и экспертному исследованию сфальсифицированных следов пальцев рук в ходе раскрытия и расследования преступлений, а также при использовании биометрических методов защиты персональных данных, контроля доступа к корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секторе экономики и т.д.

При изучении предмета исследования использовались следующие методы: 1) всеобщий диалектический метод исследования; 2) общенаучные методы: анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и абстрагирование, обобщение и системный подход, статистические методы, моделирование, наблюдение, эксперимент, сравнение, описание, измерение; а также 3) специальные методы: дактилоскопические, социологические и др.

Результаты краткого обзора литературы изучения проблемы ИПУ (фальсификации следов пальцев рук) при проведении дактилоскопической экспертизы и применения АДИС в раскрытии и расследовании преступлений.

На территории постсоветского пространства первым в 1991 году проблему ИПУ в раскрытии и расследовании преступлений рассмотрел аспирант Воронежского государственного университета Тан Лэй. Под руководством профессора О.Я. Баева диссертант, исследуя прогностические функции и возможности судебной экспертизы, обратил внимание на ряд проблем, которые в перспективе могут возникнуть перед экспертами в связи с использованием преступниками достижений научно-технического прогресса. «В качестве одной из них автор впервые в советской и китайской криминалистической литературе достаточно подробно освещает проблему искусственных папиллярных узоров (ИПУ), уже возникшую в ряде стран западной Европы, и предлагает систему научно-обоснованных рекомендаций по распознанию ИПУ» [2, с. 20].

В дальнейшем, российский ученый-криминалист О.Я. Баев, рассматривая направления развития криминалистической техники, в первую очередь выделяет разработку и внедрение в практику правоохранительных органов новых способов идентификации личности по следам, обнаруженным на месте происшествия и научно обоснованных методик распознания различных фальсификаций доказательств. Он пишет, что «в зарубежной криминалистике уже возникла проблема (полагаю, к сожалению, что она если уже не стала, то в ближайшем будущем может стать актуальной и для наших субъектов процессуального исследования преступлений) распознания ИПУ – искусственных папиллярных узоров». [3, с. 51–52]

Проблему ИПУ в раскрытии и расследовании преступлений, в частности анализ способов подделки и подлога следов рук, а также методические рекомендации по установлению факта фальсификации такого рода вещественных доказательств рассмотрел в диссертационном исследовании, посвященном теории, практике и тенденциям развития современной дактилоскопии (2003), российский ученый-криминалист С.С. Самищенко. [4, с. 27]

Также проблему ИПУ (фальсификации следов пальцев рук) на экспериментальном уровне рассмотрели в своих работах российские и белорусские исследователи: А.Г. Сухарев и др. «Искусственные папиллярные узоры как негативные аспекты дактилоскопической регистрации» (2011) [5], О.А. Соколова «Особенности выявления признаков фальсификации следов папиллярных узоров рук при производстве дактилоскопических экспертиз (экспериментальные исследования)» (2018) [8], Н.В. Ефременко «О возможности фальсификации следов рук» (2014) [10] и др.

В 2011 году российские ученые А.Г. Сухарев, А.В. Стальмахов и Р.Ю. Трубицын в своем исследовании рассмотрели актуальные вопросы, связанные с возможностью фальсификации папиллярных узоров человека, а также приводят результаты экспериментов использования муляжей ногтевых фаланг пальцев с ИПУ из

слепочных масс, изготовленных с помощью лазерной гравировки на эластичных полимерных пластинах и фотолитографии, для верификации программного обеспечения АДИС «Папилон» и «Автономной биометрической идентификационной AGESES-карты» [5, с. 64-72].

В 2014 году белорусские исследователи Н.В. Ефременко и А.В. Башилова в своем исследовании «проанализировали наиболее распространенные способы (технологии), применяемые для изготовления моделей с целью фальсификации изображений папиллярных узоров пальцев рук, систематизировали выявленные в ходе проведенных многочисленных экспериментов и сравнительного исследования группы специфических признаков изображений папиллярных узоров, методы их обнаружения и исследования и предложили рекомендации по совершенствованию методики проведения комплексного исследования следов пальцев рук». [9, с. 175]

В 2018 году российский исследователь О.А. Соколова рассмотрела особенности выявления признаков фальсификации папиллярных узоров рук при производстве дактилоскопических экспертиз, а в ходе экспериментальных исследований выявила признаки, свидетельствующие о бытовом (упрощенном) способе фальсификации папиллярных узоров [8, с. 112–116].

Таким образом, **актуальность, научная и практическая значимость** проблемы ИПУ для правоохранительных органов Республики Беларусь обусловлена уже существующей экспертной методикой распознания ИПУ в России. На основании вышеизложенного, мы можем сделать вывод о том, что указанная проблема была актуальна и имела практическую значимость для правоохранительных органов России, и их учеными были разработаны соответствующие методические рекомендации. Поскольку границы Союзного государства Беларуси и России, СНГ прозрачны для перемещения людей, то можно предположить, что проблема ИПУ актуальна не только для Российской Федерации, но и для Республики Беларусь.

Как нами отмечалось выше, работ белорусских исследователей по изучению данного вопроса крайне мало, а результаты интервьюирования сотрудников оперативных, экспертно-криминалистических и следственных подразделений показали, что они не сталкивались в своей практической деятельности с проблемой ИПУ, хотя частично с ней знакомы.[1]

Проблеме ИПУ (фальсификации следов пальцев рук) также были посвящены предыдущие теоретические и экспериментальные исследования автора [19; 20; 21; 22].

---

[1] Для определения уровня информирования сотрудников правоохранительных органов о проблеме ИПУ в 2015 году было проведено интервьюирование сотрудников Н-их отделов ГКСЭ, Следственного комитета и отдела внутренних дел Н-ой области. Результаты интервьюирования показали, что с проблемой ИПУ знакомы около 38% опрошенных сотрудников. Из них, 36% опрошенных узнали о существовании ИПУ от коллег, 22% из учебной и научной литературы по криминалистической технике, 17% из СМИ (в том числе Интернет), 13% из участия в семинарах и конференциях, 12% затруднились ответить.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ. ЭКСПЕРИМЕНТ 1

Белорусские исследователи Н.В. Ефременко и А.В. Башилова указывают на шесть способов, применяемых для изготовления моделей с целью фальсификации изображений папиллярных узоров пальцев рук (любых участков ладони): 1) использование пластических масс, 2) метод фотолитографии, 3) фотополимерный способ, 4) лазерное гравирование на резине, 5) флэш-технология; 6) вулканизация резины с матриц, полученных на основе использования твердых фотополимерных композиций. Далее они ссылаются на проведенные собственные эксперименты и сравнительные исследования, в ходе которых были выявлены две группы специфических признаков, фальсификации изображений естественных папиллярных линий пальцев рук человека.

Необходимо отметить, что первые два способа были предложены японскими исследователями Tsutomu Matsumoto с коллегами еще в 2002 году. К сожалению, белорусские исследователи не описывают сами технологии изготовления моделей, а приводят результат только проведенного сравнительного исследования. Нам представляется, что суть проведенных экспериментов не только в перечисленных способах и установленных признаках фальсификации, но и в самих технологиях, в их воспроизводимости. Так, например, Н.В. Ефременко и А.В. Башилова указывают, что в первом способе использовали пластические массы из комплекта «Mikrosil TM» [9, с. 177–180]. Возникает вопрос: «Как, каким образом были получены модели для последующего сравнительно исследования?» (выделено нами – Автор).

В стремлении развеять миф о невозможности создания ИПУ обычным гражданином и восполнения пробела в экспериментах указанных исследователей, автор и студент Н.В. Чичко решили повторить эксперимент T. Matsumoto, А.Г. Сухарева и создать модель (муляж) ногтевой фаланги пальца руки с ИПУ. Для изготовления модели (муляжа) ногтевой фаланги пальца руки с ИПУ нами использовались пластилин, необходимый для получения отпечатка пальца руки, комплект паст «Mikrosil», используемый для получения объемного слепка пальца, а также коричневый магнитный порошок и магнитная кисть, для обнаружения и выявления следов пальцев рук (рис. 1).

Рис. 1. Используемые материалы для изготовления ИПУ

Для получения объемного следа пальца руки мы сделали из пластилина комок, надавили на него пальцем и в итоге получили объемный след пальца руки (рис. 2). Для получения объемного муляжа со следа пальца руки использовался комплект паст «Mikrosil». После смешивания получилась однородная смесь серого-синего цвета, которой мы залили объемный след пальца рук из пластилина (рис. 3).

После чего мы получили объемный муляж пальца руки

с ИПУ[1] (рис. 4). Далее мы решили сравнить полученный ИПУ с естественным отпечатком пальца руки донора. Для этого мы оставили след папиллярного узора, который отобразился в муляже, и след пальца руки донора на стеклянной поверхности (рис. 5).

Полученные отпечатки пальцев рук были предоставлены для проведения сравнительного исследования специалисту экспертно-криминалистического подразделения Н-ого отдела ГКСЭ. В ходе проведенного сравнительного исследования им было установлено совпадение отпечатков пальцев рук по: 1) общим признакам: а) типу папиллярного узора, б) по направлению и крутизне потоков папиллярных линий, их наличию, расположению и взаиморасположению, а также по 2) частным признакам папиллярного узора: а) по началу и окончанию папиллярных линий, б) по разветвлению и слиянию папиллярных линий, в) по наличию островков.

Для иллюстрации сравнительного исследования совпадающих признаков изготовлен снимок следа пальца руки донора и следа, полученного с использованием муляжа с ИПУ. Одноименными цифрами и линиями отмечены совпадающие детали строения папиллярных узоров: 1) начало папиллярной линии – отм. № 1, 2; 2) окончание папиллярной линии – отм. № 5, 6, 7, 9, 11, 12; 3) разветвление папиллярных линий – отм. № 10; 4) слияние папиллярных линий – отм. № 3, 8; 5) островок – отм. № 4 (рис. 6).

Рис. 2. Объемный след большого пальца правой руки

Рис. 3. Получение объемного слепка большого пальца правой руки

Рис. 4. Объемный слепок с ИПУ

Сравнительное исследование оттисков пальцев рук, полученных с помощью муляжа (№1) и от донора (№2).

На наш вопрос эксперту-криминалисту: «Если бы Вы получили на исследование кусок ленты-скотч с оттиском пальца руки, оставленным с помощью муляжа пальца руки и дактилоскопическую карту подозреваемого Н., чей папиллярный узор пальца руки воспроизведен с помощью муляжа с ИПУ, то при проведении сравнительного исследования Вы смогли бы установить различия между ними?». Ответ был: «Нет! Было бы установлено тождество двух оттисков» (выделено нами – Автор).

[1] В целях профилактики преступлений технология получения модели (муляжа ногтевой фаланги пальца с ИПУ) излагается в упрощенном виде.

Рис. 5. Получение следа пальца руки с использованием муляжа с ИПУ

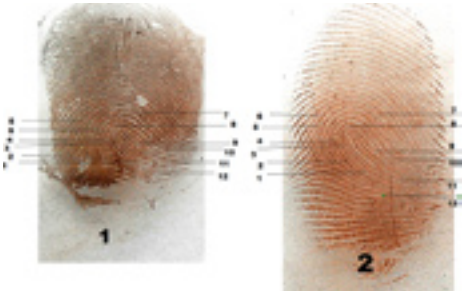


Рис. 6. Папиллярные узоры больших пальцев рук, полученные с помощью муляжа (№1) и от донора (№2)

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что развитие современных технологий позволяет создавать модели (муляжи) отпечатков пальцев рук человека с ИПУ обычным гражданином без использования специального оборудования. Проведенный нами эксперимент убедительно показал наличие проблемы ИПУ при проведении дактилоскопических экспертиз в раскрытии и расследовании преступлений на современном этапе.

Результаты краткого обзора литературы изучения проблемы верификации ПО АДИС, дактилоскопических и биометрических сканеров с помощью модели (муляжа) ногтевой фаланги пальца с ИПУ.

В 2012 году сотрудник Института информационных технологий НАН Азербайджана Я.Н. Имамвердиев предложил разработанный им эффективный метод обнаружения ИПУ отпечатков пальцев на основе модифицированной модели когерентности поля ориентаций, так как считает, что «одной из актуальных проблем, связанных с безопасностью биометрических технологий, является обнаружение фальшивых и подвергшихся искусственному изменению папиллярных узоров отпечатков пальцев» [12, с. 86].

Анализ литературы дальнего зарубежья по данной теме показал, что в ряде европейских стран и Японии тема ИПУ также уже не нова и существует некоторое количество исследований на эту тему. Необходимо отметить, что эти публикации, в основном, посвящены биометрическим системам защиты персональных данных и контроля доступа к корпоративной и личной информации.

В 2000 году на конференции по исследованиям смарт-карт и передовых технологий в г. Бристоль (Великобритания) исследователями из Нидерландов Tonom van der Putte и Jeroenom Keuningom был представлен доклад «Биометрическое распознание отпечатков пальцев: не обжигайте пальцы» [13]. Голландскими исследователями были представлены результаты эксперимента по биометрическому распознаванию отпечатков пальцев рук. Посредством создания моделей (муляжей) пальцев с ИПУ они доказали, что *все тестируемые коммерческие сканеры принимали их в качестве естественных отпечатков пальцев рук с первой или второй попытки* (выделено нами – Автор), что противоречило

информации производителя о возможности их распознавания.

В 2002 году изучению проблемы распознавания ИПУ посвящено исследование японских исследователей в области криптографии Tsutomu Matsumoto и его коллег из Национального университета г. Йокогамы «Воздействие искусственных пальцев из полимерных материалов на системы распознания отпечатков пальцев» [14], представленное ими на конференции по оптической безопасности и методам предотвращения фальсификаций. Японские исследователи в своем докладе описали создание двух технологий изготовления ИПУ, которые применялись ими для обмана сенсоров отпечатков пальцев рук, которые используются в системах безопасности. *В зависимости от применяемого способа изготовления ИПУ и вида сканеров, частота ложных определений по их данным составляла от 70 до 95%* (выделено нами – Автор).

Универсальные направления исследования ИПУ обозначила в своем монографическом труде «Обнаружение жизнеспособности в системах распознавания отпечатков пальцев» (2004) шведский исследователь Marie Sandstrom [15] из университета г. Линчепинг. Важность своего исследования автор объясняет тем, что в недалеком будущем планируется использовать биометрические паспорта с отпечатками пальцев владельца, а также их использование в системах пограничного контроля. *Следовательно, правоохранительным органам необходимо быть готовыми к использованию представителями транснациональной преступности ИПУ для фальсификации биометрических паспортов* (выделено нами – Автор).

Уязвимость использования отпечатков пальцев рук в повседневной деятельности (биометрический метод защиты персональных данных и доступ к информации), рассмотрим на следующих примерах.

С помощью обычной фотокамеры, встроенной в смартфон, доступного программного обеспечения «VeriFinger»[1] были получены отпечатки пальцев министра обороны Германии Урсулы фон дер Ляйен. Об этом заявил хакер «Starbug» (Я. Крисслер) на съезде крупнейшей в Европе ассоциация хакеров «Chaos Computer Club» (2014) [23]. По его словам, отпечатки пальцев можно легко получить в ходе общественного мероприятия с помощью обычной фотокамеры. Я. Крисслер пояснил, что отпечатки пальцев министра обороны он взял с фотографии ее ладоней крупным планом, сделанной в ходе пресс-конференции (рис. 7). Составить полный папиллярный узор ему помогли другие снимки, сделанные под разными углами на других мероприятиях. Он также считает, *что массовое использование этого способа может стать серьезным ударом по личной безопасности тех, кто выбрал отпечатки пальцев в качестве биометрического мето-*

[1] В 1998 году компания «Neurotechnology» разработала технологию идентификации отпечатков пальцев, предназначенную для биометрических системных интеграторов. «VeriFinger» осуществляет сканирование отпечатков пальцев рук с плоской поверхности и осуществляет их перенос (поворот, деформацию искаженных отпечатков пальцев рук) для биометрических систем контроля и защиты данных.

да защиты персональных данных и доступа к личной информации (выделено нами – Автор), и рекомендует высокопоставленным чиновникам на публичных мероприятиях всегда носить перчатки. Так как собранную биометрическую информацию можно использовать для аутентификации личности.[1]

В апреле 2017 года Международная платежная система «MasterCard» представила первую банковскую карту со встроенным дактилоскопическим датчиком (рис. 8). По мнению сотрудников «MasterCard» сканер отпечатков пальцев позволит заменить ввод PIN-кода и сделать процедуру подтверждения платежа более удобной и безопасной. Вместе с тем, специалисты в области информационной безопасности отмечают, что биометрическая защита не гарантирует стопроцентной защиты, так как отпечаток пальца можно скопировать и воспроизвести с помощью принтера [24].

Рис. 7. Ладони Урсулы фон дер Ляйен крупным планом

Рис. 8. Карта «MasterCard» с встроенным дактилоскопическим датчиком

Необходимо отметить, что проведенное в 2018 году исследование IDEX показало, что 56% потребителей больше доверяют защите, построенной на отпечатках пальцев, чем на PIN-кодах. 76% владельцев смартфонов используют сканер отпечатков на девайсах, а 23% используют биометрию для мобильных платежей [25].

Наиболее распространенными АДИС на территории постсоветского пространства на сегодняшний день являются российские АДИС «Папилон» [26] и «Сонда» [27], а также белорусская АДИС «Дакто – 2000» [28].

Программное обеспечение (далее – ПО) и математический аппарат (далее – МА) современных АДИС позволяют отображать отпечатки пальцев рук в виде математической модели. Основу функционирования ПО и МА составляют теория криминалистической идентификации, теория вероятности, теория информации, теория множеств, теория математической логики, теория алгоритмов и др.

Российская компания АО «Папилон» позиционирует себя как производитель надежных, избирательных и точных биометрических систем идентификации по отпечатку пальца: АДИС, дактилоскопических сканеров («Живой сканер») и биометрических терминалов, а также систем идентификации личности по радужной оболочке глаза и габитоскопических систем, ставя между ними

[1] Процедура проверки подлинности в информационных технологиях.

знак равенства, так как в основу их функционирования положены одни теоретические принципы и математические алгоритмы.

По заявлению российских разработчиков при создании поисковой математической модели описываются не только направления потоков и детали строения папиллярного узора, но и топологические характеристики гребневой структуры – взаимное положение соседних особенностей поперёк и вдоль потока папиллярных линий. Топологический подход обеспечивает избирательность поисков, превосходящую избирательность систем, описывающих только интегральную структуру узора и/или положение и направление мелких особенностей [26].

Российская компания «Сонда Технолоджи» позиционирует себя как производитель надежных, скоростных и точных биометрических систем идентификации по отпечатку пальца: АДИС, биометрических сканеров и терминалов, а также систем контроля рабочего времени, ставя также между ними знак равенства, так как в основу их функционирования также положены одни теоретические принципы и математические алгоритмы [27].

Белорусская компания НП ООО «Тодес» является производителем АДИС «Дакто – 2000» и дактилоскопических сканеров («Живой сканер»).

АДИС «Дакто – 2000» предназначена для ведения дактилоскопических учетов и осуществления проверок по следам рук, изъятым с мест нераскрытых преступлений, по массивам дактилокарт лиц, состоящих на дактилоскопическом учете в экспертно-криминалистических подразделениях, а также оперативно-справочных дактилоскопических учетов информационных подразделений правоохранительных органов. АДИС также может быть использована для дактилоскопической регистрации граждан и в идентификационных системах различного назначения.

АДИС «Дакто – 2000» (версия 4.0) прошла успешное тестирование по методике ГУ ЭКЦ МВД Российской Федерации и ГНИ ЭКЦ МВД Украины.

Разработанные математические алгоритмы обработки дактилоскопической информации позволили получить высокие показатели надежности поиска: 1) «След – След» – 100%; 2) «След – Дактилокарта» – 90%; 3) «Дактилокарта – След» – 85,5%; 4) «Дактилокарта – Дактилокарта» – 100% [28].

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем утверждать, что дактилоскопический сканер, как инструмент регистрации и контроля, который является обязательной частью любой современной АДИС, функционирует на тех же теоретических принципах и математических алгоритмах, что и биометрические сканеры систем идентификации личности.

В 2004 году российский исследователь В.С. Зубаха в диссертационном исследовании «Современное состояние и проблемы автоматизации дактилоскопических учетов» [16] рассмотрел вопросы структурной организации и принципы функционирования АДИС, проблемы автоматизации дактилоскопических уче-

тов, критерии оценки эффективности современных АДИС и достоверность результатов, полученных при проверке по АДИС.

В частности, В.С. Зубаха представил АДИС как типичный классификатор, поскольку в процессе поиска она выполняет идентификацию закодированного изображения отпечатка пальца из базы данных с запросным отпечатком. Им рассмотрены вероятность индекса совпадения и влияние режима поиска и параметров запросных отпечатков на характер плотности распределения совпадения индекса «чужих» пар отпечатков.

При исследовании зависимости индекса совпадения от режима поиска автор констатирует, что при множестве запросных отпечатков учет типа узора и интегральных характеристик для отпечатков из баз данных не влияют на характер плотности распределения индекса совпадения, а на базах ограниченного объема при снятии контроля по типу узора и интегральных характеристик увеличивается число отпечатков с ненулевым индексом совпадения. Также автором рассмотрена зависимость плотности вероятности отображения «чужих» отпечатков от особенностей запросных отпечатков (от числа признаков).

Проведенный В.С. Зубаха анализ показывает, что вероятность совпадения для «чужих» и для «родных» отпечатков зависит *от качества программного обеспечения АДИС* и субъективных ошибок оператора, а также *от особенностей запросных отпечатков и режима поиска* (выделено нами – Автор). Поэтому очень важно, чтобы при оценке характеристик АДИС частота подачи на вход в АДИС запросных отпечатков с теми или иными особенностями соответствовала частоте их появления в реальных условиях эксплуатации АДИС.

В 2011 году российские ученые А.Г. Сухарев, А.В. Стальмахов и Р.Ю. Трубицын в своем исследовании рассмотрели актуальные вопросы, связанные с возможностью фальсификации папиллярных узоров человека, а также приводят результаты экспериментов использования муляжей ногтевых фаланг пальцев с ИПУ из слепочных масс, изготовленных с помощью лазерной гравировки на эластичных полимерных пластинах и фотолитографии, для верификации ПО АДИС «Папилон» и «Автономной биометрической идентификационной AGESES-карты» [5, с. 64–72].

При этом необходимо отметить одну их главных особенностей современных АДИС. *Авторы констатируют, что используемые в настоящее время АДИС изначально не предназначены для распознавания признаков ИПУ при проверке следов пальцев рук* (выделено нами – Автор). В данном случае оператор АДИС может при необходимости в ручном режиме исправлять имеющиеся в следе искажения. Все приводит к тому, что следы от муляжей воспринимаются такими системами как следы естественных папиллярных узоров [5, с. 67].

В подтверждение этому авторами был проведен эксперимент с использованием АДИС «Папилон». Для этого были изготовлены муляжи с ИПУ двумя способами: из силиконовых компаундов и с использованием лазерной грави-

ровки на различных материалах. В ходе эксперимента муляжами оставлялись поверхностные следы папиллярных узоров пальцев рук нескольких лиц, дактилокарты которых ранее были введены в базу данных АДИС. При проверке этих следов по массиву из более 900 тысяч дактилокарт в рекомендательном списке на первое место всегда выводилась информация на участника эксперимента, чей искусственно изготовленный след проверялся. Такая ситуация объективно объяснима и связана с отсутствием задачи распознавания следов ИПУ в ПО АДИС «Папилон», о чем упоминалось выше.

В 2015 году белорусский исследователь Н.С. Талецкий в публикации «Фальсификация отпечатков папиллярных узоров пальцев рук как основной способ преодоления идентификационных биометрических систем защиты» рассмотрел вопрос о возможности изменения, подмены и фальсификации отпечатков папиллярных узоров пальцев рук лицами, занимающимся противоправной деятельностью. Опасность фальсификации отпечатков папиллярных узоров пальцев рук, по его мнению, заключается, прежде всего, в возможности обхода БСИЛ в целях получения секретной и иной информации, доступа к личным данным граждан и коммерческим «тайнам» компаний, проникновения на охраняемые объекты и т.д. В том числе не исключено и использование поддельных отпечатков папиллярных узоров рук в целях воспрепятствования установлению истины по расследуемому делу, введение в заблуждение органов предварительного расследования, дознания и суда относительно реальных обстоятельств произошедшего [11, с. 230].

ЭКСПЕРИМЕНТ 2

Исходя из положения, что в основе работы дактилоскопического сканера и биометрического сканера, который используется в информационном секторе экономики, используются одни и те же теоретические принципы и математические алгоритмы, в рамках исследования нами был проведен следующий эксперимент.

На рынке в настоящее время имеется множество биометрических устройств, нацеленных на обеспечение защиты информации, контроля рабочего времени, учета пользователей и выполнения иных функций на основе биометрических данных. Их разработчики гарантируют достаточно высокую степень защиты, обусловленную использованием соответствующих технологий. Для эксперимента нами были выбраны представленные для эксперимента компанией «BioLinkBel» (Беларусь) демонстрационная версия системы биометрической регистрации учета рабочего времени и контроля доступа «BioTime» и оптический USB-сканер «BioLink S-Match 1F, Россия» (терминал). Как отмечается российскими разработчиками, вероятность ошибок у такого прибора минимальна.

Здесь следует пояснить, что в работе биометрических сканеров, как и любых других устройств, возможны ошибки. Принято выделять 2 уровня ошибок. Это ошибки первого типа, когда имеем ошибочное отклонение верификации (False

Reject Rate, далее – FRR), т.е. сканер не может распознать зарегистрированного пользователя, а ошибки второго типа заключаются в ошибочном принятии верификации (False Accept Rate, далее – FAR), то есть незарегистрированный пользователь определяется сканером как зарегистрированный.

Ошибки первого типа (FRR) не столь критичны для системы безопасности, хотя и создают неудобства, поскольку приходится проходить верификацию вторично. А от количества ошибок второго типа (FAR), в результате которых злоумышленник может получить доступ к системе, как раз и зависит надежность системы защиты от несанкционированного доступа. Появление ошибок FRR и FAR определяется такими характеристиками, как качество и разрешение сканирования, область сканирования, математические алгоритмы, используемые для сравнения отпечатков пальцев, количество деталей, которые применяются для сравнения.

Как правило, частота возникновения ошибок FRR выше частоты возникновения FAR-ошибок. Так, *вероятность возникновения FRR-ошибки обычно составляет менее **2%**, а вероятность FAR-ошибки – менее **0,0001%*** [29].

Техническое обеспечение эксперимента: 1) ПО «Биометрическая система учета рабочего времени и контроля доступа BioTime» («BioLink Solutions», Россия, 2015) [30], 2) терминал (биометрической оптический USB-сканер «BioLink S-Match 1F, Россия», рис. 9), 3) модель (муляж) ногтевой фаланги пальца с ИПУ. (изготовлен с помощью пластилина и комплект паст «Mikrosil», рисунок 4).

Рис. 9. Биометрической оптический USB-сканер

Необходимо отметить, что на данный момент имеется несоответствие в содержании терминов, которые используются специалистами в технике и в праве. Поясним. Так, в соответствии с ГОСТ ISO/IEC 24713-1-2013 «Информационные технологии. Биометрические профили для взаимодействия и обмена данными. Часть 1. Общая архитектура биометрической системы и биометрические профили» [31], под:

идентификацией в биометрии понимается функция биометрической системы, которая выполняет поиск «один ко многим» (п. 3.25);

верификацией понимается функция биометрической системы, которая выполняет поиск запросного образца с указанным шаблоном, хранящимся в системе, в режиме «один к одному» и возвращающает результат в виде индекса совпадения или решения о совпадении (п. 3.35).

В криминалистике под идентификацией понимается процесс установления тождества объекта или личности по совокупности общих и частных признаков, осуществляемый с целью решения вопроса о том, является ли данный объект искомым [32, с. 27].

Под верификацией в логике и методологии науки (от лат. verificatio – доказательство, подтверждение) понимается процесс установления истинности научных утверждений в результате их эмпирической проверки. Верифицировать, значит прямо или косвенно подтвердить истинность научных утверждений с помощью эмпирических процедур наблюдения или эксперимента [33].

Таким образом, целью эксперимента являлась верификация ПО «BioTime» для биометрической регистрации учета рабочего времени и контроля доступа посредством эмпирической проверки, а также идентификация пользователей по совокупности общих и частных признаков с целью установления тождества.

Пользователями ПО для биометрической регистрации учета рабочего времени являлись две женщины и трое мужчин в возрасте от 20 до 40 лет и 5 муляжей их ногтевых фаланг большого пальца правой руки с ИПУ. Установочные данные участвующих в эксперименте лиц были обезличены и представлены в виде пользователей №№ 1–5 соответственно. Модели (муляжи) их ногтевых фаланг больших пальцев рук были обозначены М1 – М5 соответственно.

Верификация работы терминала и ПО посредством использования муляжей ногтевой фаланги большого пальца правой руки была запланирована в количестве 10-ти процедур.

На 7-ой процедуре верификации муляжа М4 произошла его идентификация ПО с зарегистрированным пользователем №4! Эксперимент был остановлен.

В нашем эксперименте мы наблюдали ошибку второго типа, которая заключается в ошибочном принятии верификации (FAR), то есть незарегистрированный пользователь М4 определился терминалом и ПО как зарегистрированный пользователь №4. Производителем терминала («BioLink S-Match 1F», (Россия)) вероятность FAR-ошибки заявлена как менее 0,0001%.

В эксперименте ошибка второго типа (FAR) составила 0,0294% (7 процедур х 5 муляжей = 35 процедур – 1 (М5) = 34, т.е. 1 / 34). Таким образом, заявленная производителем терминала вероятность ошибки второго типа (FAR) не соответствует указанным характеристикам и превышает ее почти в 300 раз (294 раза)!

Проведенный нами эксперимент убедительно показал наличие проблемы ИПУ для БСИЛ по отпечаткам пальцев рук с целью защиты персональных данных, контроля доступа к корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секторе экономики, а также для ведения дактилоскопических учетов с помощью АДИС (работа которых базируется на тех же теоретических принципах и математических алгоритмах) в целях раскрытия и расследования преступлений на современном этапе.

Рис. 10. 3D-биопринтер с напечатанной «искусственной» кожей

Необходимо отметить, что возможно следую-

щей проблемой криминалистики и биометрических технологий может стать следующее достижение научно-технического прогресса – 3D-биопринтер, способный печатать человеческую кожу [34].[1]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1) создание и использование ИПУ законодательством Республики Беларусь не регламентировано, что создает предпосылки их применения в противоправных целях: а) для фальсификации следов пальцев рук при проведении дактилоскопических экспертиз и использовании АДИС в раскрытии и расследовании преступлений; б) для доступа к персональным данным, корпоративной и личной информации, фальсификации учета рабочего времени в информационном секторе экономики и т.д.;

2) для предотвращения возможности использования ИПУ в преступных целях полагаем целесообразным и обоснованным: а) разработать теоретико-прикладные положения и методические рекомендации по их обнаружению, выявлению, предварительному исследованию, изъятию и экспертному исследованию сфальсифицированных следов пальцев рук в ходе раскрытия и расследования преступлений, б) разработать теоретико-прикладные положения и методические рекомендации по противодействию использования ИПУ в БСИЛ по отпечаткам пальцев рук с целью получения доступа к персональным данным, корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секторе экономики, а также в биометрических паспортах с отпечатками пальцев владельца , в) осуществить подготовку экспертных кадров в рамках повышения квалификации; г) сотрудникам органов предварительного расследования, Прокуратуры и судьям организовать изучение указанной проблемы в виде отдельной темы;

3) на современном этапе развития общества и научно-технического прогресса перспективным направлением развития дактилоскопических экспертиз и ведения дактилоскопических учетов на основе АДИС, БСИЛ по отпечаткам пальцев рук с целью получения доступа к персональным данным, корпоративной и личной информации, учета рабочего времени в информационном секто-

---

[1] Испанские ученые совместно с коллегами из компании «BioDan Group» разработали 3D-биопринтер, способный печатать человеческую кожу. Напечатанная на таком принтере кожа полностью повторяет структуру настоящей человеческой, с внешним защитным слоем эпидермиса и внутренним слоем дермы, который содержит фибробласты, вырабатывающие коллаген – белок, делающий кожу одновременно прочной и эластичной. В отличие от обычного принтера, в этом принтере используются не картриджи с краской, а инжекторы с биологическими компонентами. Печатать кожу принтер может как из аллогенных (чужих) клеток, для исследовательских нужд, так и из клеток пациента – для трансплантации. Готовый продукт может быть трансплантирован пациентам или использован в коммерческих нуждах, для тестирования химической, косметической или фармацевтической продукции в нужных количествах, оперативно и по адекватной цене, утверждают разработчики. В настоящее время созданный испанскими учеными 3D-принтер для печати кожи проходит проверку в европейских надзорных органах, отвечающих за внедрение таких технологий в медицинскую и исследовательскую практику.

ре экономики является решение проблемы ИПУ, так как факт фальсификации папиллярного узора возможно установить при наличии совокупности установленных признаков и только при проведении дактилоскопической экспертизы, а также совершенствование качества ПО АДИС и биометрических сканеров.

В заключение необходимо отметить, что автор не претендует на бесспорность высказанных суждений и выводов. Он полагает, что публикация вызовет интерес у читателей и приглашает к дискуссии теоретиков и практиков, а также предлагает проведение совместного комплексного научно-практического исследования указанной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Повышение эффективности ведения криминалистических учетов – в центре внимания коллегии Государственного комитета судебных экспертиз [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/november/21803/. Дата доступа : 05.04.2019.
2. Тан Лэй. Судебная экспертиза в уголовном процессе КНР и СССР : (опыт сравнительного исследования) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Воронеж. гос. ун-т им. Лен. ком-ла. Воронеж, 1991. 20 с.
3. Баев О.Я. Основы криминалистики : Курс лекций. – 2-е изд., перераб. и доп. / О.Я. Баев. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. 320 с.
4. Самищенко С.С. Современная дактилоскопия : теория, практика и тенденции развития : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2003. 35 с.
5. Сухарев А.Г. Искусственные папиллярные узоры как негативные аспекты дактилоскопической регистрации и верификации / А.Г. Сухарев, А.В. Стальмахов, Р.Ю. Трубицын // Судебная экспертиза. 2011. №1. С. 64–72.
6. Соколова О.А. Фальсификация следов и отпечатков рук человека / О.А. Соколова // Судебная экспертиза. 2012. №4 (32). С. 56–71.
7. Соколова, О. А. К вопросу о совершенствовании методики производства дактилоскопических экспертиз в связи с возможной фальсификацией папиллярных узоров / О. А. Соколова // Вест. Моск. ун-та МВД России. 2017. №2. С. 125–128.
8. Соколова О.А. Особенности выявления признаков фальсификации следов папиллярных узоров рук при производстве дактилоскопических экспертиз (экспериментальные исследования) / О. А. Соколова, А. Л. Лаптева // Вест. экономической безопасности. – 2018. – № 1. С. 112 – 116.
9. Ефременко Н. В. Установление факта фальсификации следов пальцев рук / Н.В. Ефременко, А.В. Башилова // Вестн. Полоц. ун-та. Сер. D. Экон. и юрид. науки. 2014. №13. С. 175–182.
10. Ефременко Н.В. О возможности фальсификации следов рук / Н.В. Ефременко, А.С. Башилова // Актуальные вопросы совершенствования судебно-

экспертной деятельности : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23-24 окт. 2014 г. / Гос. ком. судебных экспертиз Респ. Беларусь; под ред. А.И. Швед [и др.]. Минск: ГКСЭ, 2014. С. 61-63.
11. Талецкий Н.С. Фальсификация отпечатков папиллярных узоров пальцев рук как основной способ преодоления идентификационных биометрических систем защиты / Н.С. Талецкий // Вісник Південного регіонального центру Національної академії правових наук України. 2015. № 5. С. 228–234.
12. Имамвердиев, Я. Н. Метод обнаружения искусственного изменения папиллярных узоров отпечатков пальцев на основе когерентности поля ориентаций / Я.Н. Имамвердиев // Штучний інтелект. 2012. №1. С. 86–96.
13. Van der Putte, Ed. T. Biometrical fingerprint recognition. Don't get your fingers burned [Electronic resource] / Ed. T. van der Putte, J. Keuning. – Kluwer Academic Publishers, 2000, p. 289–303. – Mode of access : http://cryptome.org/fake-prints.htm. – Date of access : 05.04.2019.
14. Tsutomu Matsumoto. Impact of Artificial "Gummy» Fingers on Fingerprint Systems [Electronic resource] / Ed. T. Matsumoto, H. Matsumoto, K. Yamada, S. Hoshino. – Optical Security and Counterfeit Deterrence Techniques IV, Thursday-Friday 24-25 January 2002. – Mode of access: http://cryptome.org/gummy.htm. – Date of access : 05.04.2019.
15. Sandström, Ed. M. Liveness detection in fingerprint recognition systems [Electronic resource] / Ed. M. Sandström. – Linköping University, 2004, p. 129. – Mode of access: http://liu.diva-portal.org/. – Date of access : 05.04.2019.
16. Зубаха В.С. Современное состояние и проблемы автоматизации дактилоскопических учетов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.С. Зубаха. Саратов, 2004. 22 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/sovremennoe-sostoyanie-i-problemy-avtomatizatsii-daktiloskopicheskikh-uchetov#ixzz5gHkzP1Ev. – Дата доступа: 05.04.2019.
17. Бондаренко Р.В. Применение информационных технологий в исследовании следов рук при раскрытии и расследовании преступлений : автореф. дисс. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.В. Бондаренко. Москва, 2003. 26 с.
18. Демина Р.Е. Информационное обеспечение раскрытия преступлений: пути оптимизации / Р.Е. Демина // Вестн. Поволж. акад. гос. службы. 2008. № 3. С. 83–87.
19. Кирвель В.К. Искусственные папиллярные узоры: миф или реальность / В.К. Кирвель, А.С. Башилова // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2010. № 2 (20). С. 118–121.
20. Чемерис Е.В. Перспективы развития дактилоскопической экспертизы в Республике Беларусь : научная работа / Е.В. Чемерис // XXI Респ. конкурс науч. работ студ. Минск, 2014. 49 с.
21. Чичко Н.В. Искусственные папиллярные узоры : дипломная работа / Н.В. Чичко // Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. Минск, 2016. 61 с.

22. Кирвель В.К. Биометрические технологии : верификация оптических сканеров / В.К. Кирвель // IV Республиканская выставка-форум «Центр безопасности 2016» : материалы практ. семинара «Биометрия в системах защиты объектов различных категорий», Минск, Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cb.aercom.by/программа. – Дата доступа: 05.04.2019.
23. Хакер скопировал отпечатки пальцев по обычной фотографии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2272876. – Дата доступа: 05.04.2019.
24. MasterCard выпустила карту со сканером отпечатка пальца [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://newsroom.mastercard.com/ru/press-releases/mastercard-представляет-банковскую-карту. – Дата доступа: 05.04.2019.
25. Отпечаток вместо PIN : как устроены биометрические банковские карты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psm7.com/card/biometricheskie-bankovskie-karty.html. – Дата доступа: 05.04.2019.
26. Современные биометрические решения от АО «Папилон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.papillon.ru/rus/42. – Дата доступа: 05.04.2019.
27. Биометрические системы идентификации по отпечатку пальца : АДИС, … сканеры, терминалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sonda.ru/product/afis/. – Дата доступа: 05.04.2019.
28. АДИС «Дакто–2000» Тодес [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.todes.by/dactoru/. – Дата доступа: 05.04.2019.
29. Пахомов С. Отпечаток пальца вместо пароля / С. Пахомов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://compress.ru/article.aspx?id=10423. – Дата доступа: 05.03.2019.
30. Биометрический учет рабочего времени и контроль доступа : система «BioTime» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// biotime.ru. – Дата доступа: 05.04.2019.
31. Информационная система МЕГАНОРМ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://meganorm.ru/Index2/1/4293774/4293774788.htm. – Дата доступа: 05.04.2019.
32. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – 2-е изд. доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
33. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. 1072 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/198/ВЕРИФИКАЦИЯ. – Дата доступа: 05.04.2019.
34. 3-D bioprinter to print human skin – ScienceDaily [Electronic resource]. – Mode of access: http:// www.sciencedaily.com/releases/2017/01/170123090630.htm. – Date of access: 05.04.2019.

Fingerprint analisis (AFIS) and biometric system of identification by fingerprints: issue of artificial papillary pictures

V. Kirvel

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)
kirvit@tut.by

The article discusses the theoretical and applied aspects of the use of automated fingerprint identification systems (AFIS) in the disclosure and investigation of crimes, biometric identification systems on fingerprints to protect personal data, control access to information and accounting of working time in the information sector of the economy, as well as prospects for their development. The paper presents the results of an experiment, which consisted in the verification of an biometrical scanner using a model (dummy) of the nail phalanx of a finger with an artificial papillary pattern.

Keywords: automated fingerprint identification systems (AFIS), biometric identification systems by fingerprints, biometric technologies, fingerprinting, fingerprinting records, artificial papillary patterns, verification, identification.

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Л.Ф. Парамонова

Институт судебных экспертиз по Павлодарской области РГКП «Центр судебных экспертиз МЮ РК» (Казахстан, Павлодар)
fllid66@mail.ru

В статье рассмотрены основные этапы развития судебно-экспертной системы Республики Казахстан. На первом этапе экспертные органы были отделены от правоохранительных органов. На втором этапе все судебно-экспертные органы республики были собраны в одном министерстве. На третьем этапе судебно-экспертные органы были преобразованы в единое предприятие. В настоящее время принята отраслевая программа дальнейшего развития института судебной экспертизы в Республике Казахстан.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, органы судебной экспертизы, институт судебной экспертизы.

После обретения в 1991 году Казахстаном независимости начались коренные изменения в различных областях государственной и общественной жизни, в том числе, и в сфере деятельности правоохранительных органов и судебно-экспертных учреждений. В период с 1991 года по 1997 год в республике параллельно функционировали Казахский научно-исследовательский институт судебных экспертиз Министерства юстиции РК (далее – КазНИИ СЭ) и экспертно-криминалистические подразделения Министерства внутренних дел РК, помимо этого, собственными экспертами располагали Министерство обороны, Комитет национальной безопасности и Таможенный комитет Казахстана.

В КазНИИ СЭ и его областных отделах выполнялись наиболее сложные

судебные экспертизы (экспертизы материалов, веществ и изделий из них, автотехнические, пожарно-технические, почвоведческие, судебно-бухгалтерские экспертизы), велась научно-исследовательская работа. В институте благодаря инициативе его директора, доктора юридических наук, профессора А.Ф. Аубакирова с 1989 по 1997 годы успешно функционировал Специализированный диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций. В экспертно-криминалистических подразделениях МВД РК выполнялось большинство криминалистических экспертиз, также в функции этих подразделений входило участие в осмотрах мест происшествия, обнаружение, изъятие и фиксация вещественных доказательств. До принятия Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан судебно-экспертная деятельность регламентировалась УПК Казахской ССР, который не в полной мере соответствовал современному состоянию института специальных научных знаний и не являлся достаточным в качестве основы для его дальнейшего развития [1, с. 21].

В 1997 году судебно-экспертная система республики была изменена коренным образом: согласно Указу Президента Республики Казахстан при Министерстве юстиции РК (далее – МЮ) была образована «единая экспертная служба с передачей ей экспертно-криминалистических подразделений Государственного следственного комитета, Комитета национальной безопасности, Министерства обороны, Государственного таможенного комитета» (Указ Президента Республики Казахстан от 22 апреля 1997 года №3465 «О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан». САПП, 1997, №16, ст. 125 (Утратил силу Указом Президента РК от 9 января 2006 года №1696), при этом было предусмотрено сохранение необходимого штата специалистов-криминалистов в органах, осуществляющих дознание, предварительное следствие и оперативно-розыскную деятельность. Таким образом, для обеспечения независимости судебная экспертиза была отделена от органов дознания и следствия, а КазНИИ СЭ был преобразован в ГУ «Центр судебной экспертизы МЮ РК» (Постановление Правительства РК от 11 августа 1997 года №1245 «О создании Государственного учреждения «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан»») со штатной численностью 609 единиц.

В начальный период структура ЦСЭ состояла из аппарата управления, Центральной (Алматинской) научно-производственной лаборатории судебной экспертизы, пяти региональных и десяти областных научно-производственных лабораторий, а также лаборатории г. Семипалатинск. В дальнейшем были дополнительно организованы 33 линейных подразделения в городах и районных центрах республики, входящих в структуру региональных и областных лабораторий ЦСЭ и предназначенных для экспертного обеспечения территориальных и линейных органов внутренних дел [2, с. 193].

Для полного удовлетворения потребностей правоохранительных органов и

судов в ЦСЭ, начиная с 1997 года, были освоены и внедрены новые виды и роды судебных экспертиз, такие как, видеофонографическое исследование, экспертиза средств компьютерной технологии, медико-биологическое исследование вещественных доказательств, экспертиза специальных химических веществ, психолого-криминалистическое исследование и др.

Для закрепления правовых и организационных основ судебно-экспертной деятельности в республике был принят Закон РК от 12 ноября 1997 года «О судебной экспертизе». Законом были определены задачи и принципы судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД), формы ее организации, порядок контроля профессионального уровня экспертов, источники финансирования судебной экспертизы, а также формы международного сотрудничества.

Законодатель для предотвращения монополизации СЭД в республике в качестве альтернативы государственным экспертам ввел новый институт, а именно институт судебных экспертов, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии. Однако введенное ограничение – выдача лицензий только физическим лицам – не позволило создать достойный противовес ЦСЭ и сформировать за эти годы конкурентную среду, так как для получения лицензии необходимо быть гражданином Республики Казахстан, иметь стаж экспертной работы, располагать оснащенным помещением и дорогостоящим оборудованием (либо заключить договоры с аккредитованными профильными лабораториями), что для физического лица трудновыполнимая задача (Стандарты и требования к специально оснащенным помещениям, в которых осуществляется производство судебной экспертизы. Утверждены постановлением Правительства Республики Казахстан от 7 ноября 2001 года №1414 «Некоторые вопросы судебной экспертизы». САПП Республики Казахстан, 2001, №39, ст. 497).

В принятом в 1997 году Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-I (утратил силу Кодексом Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231) судебной экспертизе была посвящена отдельная глава, в ней регламентирован порядок назначения экспертизы, категории и виды экспертиз, содержание заключения эксперта и сообщения о невозможности дать заключение, порядок допроса эксперта. Отдельная глава посвящена образцам (до 2006 года – образцам для экспертного исследования), а именно: основания получения образцов, порядок их получения, круг лиц, имеющих право их получать, требования к упаковке образцов. Помимо этого, в новом УПК введены нормы, определяющие понятие специальных знаний, судебной экспертизы и позволяющие дифференцировать процессуальные фигуры эксперта и специалиста в зависимости от их процессуальных функций и характера используемых специальных знаний [4, с. 88].

Аналогичные изменения и дополнения были внесены в новый Гражданский процессуальный кодекс РК, принятый в 1999 году, и в Кодекс РК «Об административных правонарушениях», принятый в 2001 году. Это в свою очередь по-

влекло за собой разработку и принятие пакета нормативных межведомственных и ведомственных актов, регламентирующих собственно судебно-экспертную деятельность, а также порядок взаимодействия с правоохранительными органами и судами по вопросам назначения и производства судебных экспертиз.

В последующие годы в Закон РК «О судебной экспертизе» неоднократно вносились изменения и дополнения, часть из которых была обусловлена необходимостью скорректировать используемые термины, другая группа поправок существенно меняла нормы, регламентирующие судебно-экспертную деятельность. В таблице приведены статьи, в которые вносились изменения.

Таблица 1.
Статьи Закона, в которые вносились изменения и дополнения

№ п/п	Наименование статьи	Дата внесения изменений	Количество поправок
1	Статья 1. Основные понятия	28.12.2004 г.	1
		20.05.2005 г.	1
		12.01.2007 г.	1
2	Статья 4. Органы судебной экспертизы	05.05.2000 г.	1
		20.05.2005 г.	1
3	Статья 10. Лица, которым может быть поручено производство судебной экспертизы	06.11.2001 г.	2
		20.05.2005 г.	1
4	Статья 15. Квалификационное свидетельство судебного эксперта	05.05.2000 г.	1
		20.05.2005 г.	2
5	Статья 16. Аттестация судебного эксперта	20.05.2005 г.	1
6	Статья 17. Лицензирование судебно-экспертной деятельности	05.05.2000 г.	1
		12.01.2007 г.	1
7	Статья 18. Государственный реестр судебных экспертов	05.05.2000 г.	1
8	Статья 19. Научно-методическое и учебное обеспечение судебно-экспертной деятельности	05.05.2000 г.	1
9	Статья 20. Финансирование научных исследований, проводимых органами судебной экспертизы	05.05.2000 г.	1
		20.12.2004 г.	1
10	Статья 22. Финансирование производства судебных экспертиз	05.05.2000 г.	1
		20.12.2004 г.	1
		05.07.2006 г.	1
11	Статья 23. Материально-техническое обеспечение органов судебной экспертизы	20.12.2004 г.	1
12	Статья 24. Социальное, материальное обеспечение лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность	20.12.2004 г.	1
		15.05.2007 г.	1

Многочисленные поправки в Закон не смогли устранить все пробелы и коллизии. К 2007 году стало ясно, что действующий Закон о судебной экспертизе требует кардинальных изменений и дополнений, в связи с чем в плане законо-

проектных работ Правительства РК на 2007 год была предусмотрена разработка проекта Закона «О судебно-экспертной деятельности в РК» (О Плане законопроектных работ Правительства Республики Казахстан на 2007 год. Постановление Правительства Республики Казахстан от 2 февраля 2007 года №78). Данный проект был разработан и внесен на рассмотрение Мажилиса Парламента РК 25 декабря 2007 года (О проекте Закона Республики Казахстан «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан». Постановление Правительства Республики Казахстан от 25 декабря 2007 года №1281). Работа над проектом продолжалась два года, и в январе 2010 года в Казахстане был принят второй закон о СЭД (Закон Республики Казахстан от 20 января 2010 года № 240-IV «О судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан». Утратил силу Законом Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года №44-VI), в котором было исправлено большинство ошибок, устранены пробелы, имевшиеся в первом отраслевом законе, значительно расширен список основных понятий и дано их определение, в том числе таких терминов, как специальные научные знания, предмет, объекты и образцы судебной экспертизы, метод и методика судебно-экспертного исследования, специальность судебного эксперта, руководитель органа судебной экспертизы, Государственный реестр методик судебно-экспертных исследований РК. В законе детализированы принципы СЭД; определен правовой статус руководителя органа судебной экспертизы; порядок и условия выдачи, отказ в выдаче лицензии на занятие СЭД; законодательно закреплены особенности производства судебной экспертизы живых лиц [3, с. 119].

Второй этап реформирования судебно-экспертной системы в Казахстане начался после принятия Государственной программы дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы (Указ Президента Республики Казахстан от 31 декабря 2013 года № 720 «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы Республики Казахстан»). В соответствии с утверженным Планом мероприятий по реализации данной программы (Постановление Правительства Республики Казахстан от 1 апреля 2014 года № 292 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Государственной программы дальнейшей модернизации правоохранительной системы Республики Казахстан на 2014–2020 годы») основной задачей являлось совершенствование судебно-экспертной деятельности до уровня международных стандартов аккредитации. Одним из инструментарием достижения поставленной задачи являлась централизация экспертных функций в одном ведомстве, что кардинально повысит эффективность работы и исключит внутренние противоречия в судебно-экспертной деятельности. В 2015 году Республиканское государственное казенное предприятие «Центр судебной медицины» Министерства здравоохранения РК было передано в ведение МЮ. А в 2016 году в ведение этого министерства также переданы судебно-наркологическая и судебно-психиатрические службы республики. Вторым важным направлением

дальнейшего развития судебно-экспертной системы видилось развитие института частной судебной экспертизы: планировалось, что доля судебных экспертиз, проведенных судебными экспертами, занимающимися СЭД на основании лицензии, в 2020 году составит не менее 5 % от общего количества экспертиз, проводимых в республике.

Также в целях реализации программы был разработан и 10 февраля 2017 года подписан новый Закона РК «О судебно-экспертной деятельности» (Закон Республики Казахстан от 10 февраля 2017 года № 44-VI ЗРК). К концептуальным положениям нового закона можно отнести следующие: государственное регулирование в сфере судебно-экспертной деятельности; централизация экспертных функций в одном государственном органе; совершенствование судебно-экспертной деятельности до уровня международных стандартов аккредитации; расширение конкурентной среды за счет развития частного сектора, а именно физических лиц, осуществляющих судебно-экспертную деятельность на основании лицензии.

Постановлением Правительства РК в феврале 2017 года РГКП «Центр судебной медицины Министерства юстиции Республики Казахстан» было реорганизовано путем присоединения к нему Государственного учреждения «Центр судебной экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан», а вновь образованное предприятие переименовано в Республиканское государственное казенное предприятие «Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан» (Постановление Правительства Республики Казахстан от 3 февраля 2017 года № 34 «О некоторых вопросах судебной экспертизы»).

В январе 2019 года принята отраслевая программа дальнейшего развития института судебной экспертизы в Республике Казахстанна на 2019–2023 годы. Основными направления реформирования являются:

1. Унификация законодательной базы РК, что позволит создать условия для развития института частной судебной экспертизы, а именно законодательно закрепить возможность адвокатам получать заключение судебного эксперта в рамках уголовного, административного и гражданского процесса.

2. Внесение изменений и дополнений в Закон РК от 10 февраля 2017 года №44-VI «О судебно-экспертной деятельности» в части регламентации деятельности Палаты судебных экспертов РК, процедур присуждения специальности судебного эксперта, его аттестации, выдачи лицензии на занятие СЭД, постлицензионного контроля, порядка и размера возмещения расходов за проведенные судебные экспертизы.

3. Изменение процедуры возмещения расходов за производство судебных экспертиз с целью создания условий для конкуренции государственных и частных структур: Министерство юстиции РК должно стать администратором соответствующей бюджетной программы, участниками которой могут быть как государственная организация, так и лицензиаты.

4. Разработка Единого тарификатора стоимости экспертных услуг с учетом вида экспертизы и степени ее сложности, а также электронной системы учета назначаемых судебных экспертиз с ее размещением на Интернет-ресурсе уполномоченного органа (МЮ РК).

5. Разработка комплекса мер, направленных на улучшение условий труда, увеличение заработной платы, формирование пакета социальных гарантий.

6. Создание Учебного центра, осуществляющего свою деятельность на планомерной основе с возможностью приглашения ведущих отечественных и зарубежных специалистов в качестве преподавателей.

7. Укрепление материально-технической базы путем строительства типовых комплексов зданий, приобретения современного оборудования и программных продуктов для проведения экспертных исследований.

Реализация программы развития института судебной экспертизы в Казахстане к 2023 году обеспечит условия для:

- формирования устойчивой и наукоемкой судебно-экспертной системы, ориентированной на потребности потенциальных заказчиков;
- развития института частной судебной экспертизы в республике;
- получения адвокатами, физическими и юридическими лицами качественных и своевременных экспертных услуг, основанных на специальных научных знаниях;
- формирования в уполномоченном органе хранилища высококачественных статистических, аналитических и финансовых данных о субъектах судебной экспертизы и проводимых ими судебных экспертизах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычкова С.Ф. Организация назначения и производства судебной экспертизы: Учебное пособие. Алматы: «Жеті жаргы», 1999. 272 с.
2. Бишманов Б.М., Сагидан А.Ж. Правовые аспекты судебно-экспертной деятельности в Республике Казахстан // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. №2 (6). С. 192–196.
3. Парамонова Л.Ф. Первый казахстанский закон о судебной экспертизе: хроника изменений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №5. С. 114–120.
4. Рогов И.И., Бычкова С.Ф., Биятов Т.К. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан – общая характеристика (в сравнении с УПК КазССР). Практическое пособие. Алматы: «Жеті жаргы», 1998. 178 с.

Reform experience and development prospects of the forensic expert system of the Republic of Kazakhstan

L.F. Paramonova

Institute of forensic examinations in Pavlodar region «Center of forensic examinations of the Ministry of Justice of Kazakhstan» (Kazakhstan, Pavlodar)
fllid66@mail.ru

The article describes the main stages of development of the forensic expert system of the Republic of Kazakhstan. At the first stage, forensic authorities were separated from law enforcement agencies. At the second stage, all forensic authorities of the republic were gathered in one ministry. At the third stage, the forensic authorities were transformed into a single enterprise. Currently, a sectoral program has been adopted for the further development of the institute of forensic examination in the Republic of Kazakhstan.

Key words: forensic expert activity, authorities of forensic examination, institute of forensic examination.

ВОЗМОЖНОСТИ КОНТЕКСТУАЛЬНО-ПРОСОДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ МАНИПУЛЯТИВНОГО ДИСКУРСА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

М. Милойкович

Белградский университет (Сербия, Белград)
marija.okon@gmail.com

Контекстуально-просодическая теория, разработанная Биллом Лоу, основывается на исследовании глубинной семантики авторских словосочетаний при помощи референциальных корпусов данного языка. Если частоту употреблений определенных коллокаций в определенных контекстах можно считать языковой нормой, то любое отступление от нормы в области сочетаемости (каковым должно являться любое конкретное словоупотребление) можно считать набором дополнительных семантических признаков, недоступных интуиции, но выявляемых с помощью корпусов. Теория Лоу предполагает, что определенные нарушения сочетаемости, не являющиеся риторическими оборотами, можно считать косвенным доказательством, что носитель языка прилагал усилия, чтобы не высказать своего искреннего мнения. До сих пор теория Лоу применялась для выявления дополнительных слоев значения авторского текста, а положения о неискренности применялись в основном к литературным персонажам. Данная работа впервые рассматривает эти теоретические положения на практическом материале с целью выявления неискренности конкретных утверждений. Материалом исследования является текст лингвистической экспертизы, выявляющей признаки речевой стратегии дискредитации, по материалам статьи в одной из российских газет.

Ключевые слова: корпусная стилистика, контекстуально-просодическая теория, референциальный корпус, семантическая просодия, корпусный подтекст, Лоу, лингвистическая экспертиза

ВВЕДЕНИЕ

Началом контекстуально-просодической теории Билла Лоу (Louw) можно считать момент публикации его известной (и на сегодняшний день самой известной) работы „Irony in the text or insincerity in the writer – the diagnostic potential of semantic prosodies“ [1]. Хотя семантические просодии как таковые были замечены еще Джоном Синклером (см. к примеру [2, с. 75]), Лоу привлек внимание академического сообщества идеей, что автор не столько пишет текст, сколько его текст пишет самого автора. Эта простая мысль, одновременно теоретического и практического характера, легла в основание корпусной стилистики [3, с. 263].

Идея о том, что авторский текст выдает мысли автора более точно, чем автор это осознает или даже чем он сам бы этого хотел, основывалась на возможности использования в двадцатом веке компьютеров и больших референциальных корпусов определенного языка. Если ввести в интерфейс корпуса определенное слово или словосочетание, он за несколько секунд выдаст все его контексты, находящиеся в данном корпусе. Еще Синклер, основатель Бирмингемской школы корпусной лингвистики, заметил, что у вводимых в корпус слов и выражений есть определенные семантические тенденции. Конкретно, к его удивлению, комбинации слов часто выявляли негативную семантическую ауру, о чем до появления корпусов носители языка догадаться не могли – эти самые носители, которые передавали, из поколения в поколение, именно эти семантические тенденции – иначе их бы в языке просто не было. К примеру, слово happen оказалось негативным примерно в 70% случаев [4, с. 122], а позитивным практически в устоявшихся фразах, к примеру, *miracles happen*.

Идея Лоу, бирмингемского соратника Синклера начиная с восьмидесятых годов прошлого века, состояла в том, что автора, использующего комбинации слов вопреки их семантическим аурам, о которых сам автор подозревать, естественно, не мог, можно было заподозрить либо в (осознаваемой им) иронии, либо в (возможно неосознаваемой им) неискренности. В приведенной работе Лоу описывается пример директора Британского совета в Хараре, Зимбабве, который в телевизионном выступлении пытается хвалить Университет в Зимбабве, употребив в положительном смысле слово «симптоматично». Причем выражение «вопреки их семантическим аурам» вовсе не означает, что все должны использовать язык согласно языковой норме, «прописанной» корпусом – как неправильно предположили некоторые авторы [5, с. 261]. Каждый носитель языка в любом своем словоупотреблении обязательно отклоняется от корпусной «нормы». Тем не менее, тщательным изучением ситуационных контекстов – и авторского, и обязательно корпусных – можно установить, какие авторские отклонения не являются вполне естественными. Итак, основную роль в таких исследованиях имеет человек, а не компьютер – корпус лишь предоставляет референциальный материал. Тем не менее, исследователь ни в коей мере не руко-

водствуется своей человеческой интуицией.

Семантические просодии – тенденции значения определенных слов и коллокаций в корпусе – определяются эмпирически, через присутствие в контекстах референциального корпуса самых частых коллокатов, которые окружают данное слово или выражение [1]. В начале понятие семантических просодий распространялось только на лексику. То, что грамматика также обладает семантическими аурами, было показано Лоу с помощью определения логического языка, данного Расселлом – язык этот «состоит исключительно из синтаксиса, и никакой лексики. Если бы он включал в себя лексику, это был бы логически совершенный язык» [6, с. 197]. По Лоу, самые частые коллокаты определенных грамматических цепочек и делают эти цепочки «совершенными» – то есть восполняют их значение, делают его полным. Говоря простым языком, и лексика, и грамматика имеют семантические ауры, эмпирически определяемые их самыми частыми коллокатами, с учетом ситуационных контекстов (контексты жизни и смерти, к примеру, надо сравнивать с похожими контекстами в корпусе, а не с контекстами, скажем, шитья и рукоделья). Тем не менее, по утверждению Лоу, в рассмативаемых исследователем лексико-грамматических сочетаниях грамматика определяет значение более весомо, чем лексика, так как лежит в основе языка [3, с. 190].

Очевидно, что интертекстуальность, которую использует Лоу, основывается на методе индукции. Если мы делаем заключения об определенном слове или словосочетании на основании корпусных данных, это классическая дедукция – корпус выдает нам информацию, которую мы обобщаем. Корпусно-стилистический метод Лоу предлагает нам делать заключения о тексте, которого в корпусе нет, на основании тесктов, которые там есть. Достаточны ли для этой цели корпусные данные? Если они достаточны для общих предположений о значении коллокаций и если мы принимаем во внимание содержание контекстов (теория называется «контекстно-просодическая»), ответ однозначен – индуктивные выводы так же хороши, или плохи, как и дедуктивные, при том условии, что мы обладаем репрезентативным и сбалансированным корпусом. Иными словами, если мы полагаемся на корпус, чтобы вывести заключение о семантике выражения, почему бы нам это же заключение не применить на практике, исследуя реальный контекст? Тем не менее, и несмотря на позитивные отзывы в литературе о работах Лоу, Лоу и Милойкович [7, с. 101–102; 8, с. 572] и Милойкович [9, с. 393; 10, с. 30], никто, кроме автора этой статьи, не применял на практике индуктивный метод Лоу, тем более в отношении проблемы неискренности дискура. Я же изучала неискренность только на примерах персонажей романов и лирических героев, называя это явление авторской неискренностью (authorial insincerity, см. [11; 3, с. 273–310]).

Очевидно, что, не являясь предметом специальных исследований, ложь как таковая всегда имелась в виду при применении подхода Лоу, даже если ее каж-

додневные и банальные проявления специально не изучались. В попытке классифицировать дискурс как существование различных отклонений от фреквентных языковых употреблений, я построила «шкалу неискренности», от клише до лжи [3, с. 275]:

КЛИШЕ – БАНАЛЬНОСТЬ – ИСКРЕННОСТЬ – ВДОХНОВЛЕННАЯ ИСКРЕННОСТЬ – ВДОХНОВЛЕННАЯ НЕИСКРЕННОСТЬ – ЛОЖЬ

	/		/ NON-
NON-	/		/ POETIC
POETIC DISCOURSE	/	QUALITY DISCOURSE (POETIC, NON-POETIC)	/ DISCOURSE

Границы этих категорий, конечно же, невозможно с эмпирической точностью указать, как и границы «качественного дискурса» – скорее, одна категория плавно переходит в другую. Что касается определений, **банальность** немногим лучше **клише**, **искренность** есть корпусная «норма», **вдохновленная искренность** – это отступления в лексике, **вдохновленная неискренность** – отступления в грамматике, а **невдохновленной неискренностью** я считаю **ложь**. Я постулирую, что качественный дискурс (литературный и нелитературный) – это средние три категории, и что **ложь / манипуляция истиной** переходит в **клише**, на самом деле образуя круг. Что касается «вдохновленности», термины эти чисто технические, так как я не стремлюсь доказать, что автор писал под действием большей или меньшей степени вдохновения. Я также постулирую, пока без доказательств, что неискренность может быть ненамеренной (по отношению к себе) и намеренной (по отношению к другим). Если она намеренна, говорю я, это будет чувствоваться уже на уровне лексики (как уловимый через корпус лексический диссонанс). Если же человек не осознает собственную неискренность, то это проявится через к**орпусный (грамматический) подтекст** – по Лоу, самые частые лексические коллокаты грамматической цепочки.

В данной работе контекстуально-просодическая теория Лоу впервые применяется с целью выявления намеренной манипуляции истиной, что позволит проверить, насколько предположения, озвученные в Louw and Milojkovic [3], имеют эмпирические основания.

ЦЕЛИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве иллюстрации возможностей прикладного применения контекстуально-просодической теории (КПТ) Лоу был взят реальный случай исследования диагностических лингвистических признаков речевой стратегии дискредитации в лингвистической экспертизе. В соотвествии с текстом экспертизы, в одной из российских газет была опубликована статья против одного из депутатов города А., одновременно директора крупного оборонного предприятия, Л-ва. В обосновывающей части экспертизы утверждается, что „коммуникативная (речевая) стратегия дискредитации относится к разновидности конфликтных некооперативных речевых стратегий, призванных нанести материальный,

моральный (репутационный) или психологический ущерб адресату или объекту речевого воздействия, и в этом плане она рассматривается как речевой акт вербальной агрессии» [12].

В соответствии с целями и возможностями теории Лоу, задача этой работы – выявить корпусно-стилистическими методами признаки вербальной агрессии, сформулированные, например, в работах [13; 14].

Исследуемый случай вербальной манипуляции не является утонченным творением, в котором трудно было бы выявить упомянутую вербальную агрессию. Напротив, выражения типа «шут гороховый» достаточно ясно говорят о недобросовестной журналистской практике. Тем не менее, наличие результатов лингвистической экспертизы поможет установить, как именно референциальный корпус может своим эмпирическим потенциалом дополнить существующие на сегодняшний день возможности выявления вышеперечисленных признаков содержательной и речевой агрессии. То есть, данная работа ставит своей целью не только проверить на практике возможности КПТ, но и конкретно сравнить заключения экспертов с выводами, сделанными на основании референциального корпуса.

Что касается методологии исследования, теория Лоу применяет, кроме контекстуального анализа, два метода: выявление самых частых коллокатов (wildcarding) с последующим исследованием их контекстов, и выявление контекстов, где появляются оба указанные слова или выражения (co-selection). Первая стратегия выявляет как семантические просодии лексики, так и корпусный подтекст грамматики, а последняя придерживается определения коллокации, данного Синклером: это слова, появляющиеся на расстоянии до четырех слов друг от друга [2, с. 170]. Лоу считает, что корпусные контексты в референциальном корпусе укажут на положения дел, по Виттгенштейну (states of affairs, см. [15]), которые прольют дополнительный свет на семантику изучаемого авторского текстуального сегмента. Анализ корпусного (грамматического) подтекста у Лоу подразумевает буквальное чтение самых частых лексических («квазипропозиционных», по Лоу) переменных внутри грамматической цепочки, а уже потом рассмотрение их контекстов. Тем не менее, в русском языке лучше работает метод рассмотрения самых частых лексических коллокатов готовых лексико-грамматических словосочетаний, а не лексических коллокатов грамматических цепочек, что, вероятно, обусловлено большей флексибильностью синтаксиса русского языка.

Что касается изучения ситуационных контекстов либо в авторском тексте, либо в контекстах корпуса, Лоу придерживается определения, данного Фертом [16, с. 182]: релевантные черты участников и личностей ситуационного контекста, их вербальная и невербальная активность, релевантные объекты, результаты вербальной активности. Эта формулировка, кажется, особенно подходит к исследуемому контексту ситуации; что касается ситуационных контекстов

из корпуса, принимаются во внимание все их разнообразные компоненты, включая, конечно же, и последствия невербальных действий участников, а не только вербальных. Создается впечатление, что Лоу ориентируется на определение контекста ситуации, данного известным английским ученым, потому что считает себя прямым приемником Ферта в вопросах контекстуальности исследований и абстрактного понимания Фертом коллокации – 'an abstraction at the syntagmatic level' («над уровнем синтаксиса», см [16, с. 196]); сам же подход к контексту должен быть флексибильным.

В настоящем исследовании поиск и выборка контекстов осуществляется по Национальному корпусу русского языка (в дальнейшем именуемому НКРЯ).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ситуацинный контекст и материал исследования

Непосредственным поводом для описываемой вербальной агрессии со стороны газеты послужило ошибочное сообщение, выложенное Л-вым в социальных сетях, о тяжелой болезни известного актера Щ-ва. В статье этот частный случай раздувается, по словам экспертов, до размеров намеренного вброса ложной информации в соцсети, чем, как намекает журналист, Л-в занимается не только регулярно, но и вместо работы и за государственный счет.

Поскольку в корпусной стилистике для изучения одного текстуального сегмента исследуется большое количество микроконтекстов, исследовать целую статью здесь не представляется возможным. Поэтому в фокусе этой работы будет следующий небольшой отрывок:

По словам супруги Щ-ва, похожий **случай** с ними однажды уже **произошел**. Как-то Щ-в лег на плановое обследование в стационар. **Бульварная пресса поспешила распространить информацию**, **что** актер **якобы** при смерти. Но **одно дело, когда слухи распускают недобросовестные** журналисты, и совсем другое, когда это делает руководитель крупного оборонного предприятия – градообразующего завода А.! Это что, социально ответственный человек или обыкновенный **шалопай, сидящий в** соцсетях и **развлекающийся** вбросами? (**Очень наглядно такого рода личности обозначены** в сериале «Даешь молодежь» – **Кекс и Укроп**.) **Просто в голове не укладывается, зачем** директору солидного предприятия **сидеть** в соцсетях, **в готовности** вбросить туда информацию. **К тому же еще и недостоверную**! (101 слово, из них 41 (42,57%) моим курсивом).

Этот отрывок, законченный абзац, на первый взгляд достаточно хорошо отражающий тон всего текста, был выбран из-за своего размера и места в статье-источнике. Дело в том, что в статье, непосредственно перед этим абзацем, цитируется заявление, сделанное журналистам супругой известного артиста Д-вой, очевидно возмущенной и лично переживающей из-за злосчастного недоразумения в СМИ, касающегося преувеличенных слухов о его плохом здоровье:

– **Почему** о простудных болезнях артистов, о работе их внутренних органов **должен** знать весь мир? **Разве этично** такими вбросами о недомоганиях извест-

ного человека **поднимать рейтинг** своих интернет-ресурсов? **При этом** Л-в в сообщении назвал Щ-ва своим другом! Мне позвонила из Москвы помощница члена Совета Федерации Екатерины Лаховой, которая является другом нашей семьи, и спросила: **а что это у вас за** друг **такой появился** по фамилии Л-в? **Да какой он** друг? Мы его **даже знать-то не знали**. А теперь, **после того, что произошло**, могу с уверенностью сказать: Л-в – **неприличный человек**. (88 слов, из них 29 (32,95%) моим курсивом).

Итак, мы имеем дело с двумя законченными абзацами похожей длины, расположенными с маленьким (очень критически сформулированным по отношению к Л-ву: «Желанию нагадить 2000 километров не помеха!») промежутком друг от друга. По законам жанра ожидалось бы, что заявление супруги, лично пострадавшей из-за недоразумения в соцсетях, будет содержать большее количество выражений с негативной семантической аурой, чем репортаж об этом случае журналиста, не пострадавшего лично и оповещающего общественность о достаточно тривиальном событии (в этом заключении сказывается влияние понятия «контекст ситуации» Ферта). Тем не менее, курсивом в обоих текстах обозначены сегменты, показавшие частотой коллокатов и содержанием контекстов в референциальном корпусе негативную семантическую просодию или подтекст. Выясняется, что в тексте журналиста, обязанного по законам жанра рассуждать нейтрально и объективно, негативных аур на 9,62% больше, чем в тексте лично пострадавшей супруги актера. Но, положим, журналист мог иметь негативное отношение к происходящему – не одобрять механизмы социальных сетей, к примеру – что могло бы оправдать общую негативную настройку текста, но не являться поводом для спекуляций о его манипулятивных намерениях. Оставим эти данные до их дальнейшего более детального рассмотрения.

К цитируемому абзацу журналиста относится следующая часть заключения лингвистических экспертов:

Стратегию *de re* как основу речевой стратегии дискредитации можно показать и на следующем примере:

«Но одно дело, когда **слухи распускают** недобросовестные журналисты, и совсем другое, **когда это делает руководитель крупного оборонного предприятия – градообразующего завода А.**! Это что, социально ответственный человек или **обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами**?»

Здесь единичный случай непроверенного сообщения подвергается неоправданному обобщению – вообще всегда или обычно «распускают слухи», причем во множественном числе (получается, что это – обычное, привычное занятие для Л-ва). Но удивительно, что далее идет совершенно не вытекающая из сути описываемого конкретного события уничижительная обобщающая характеристика Л-ва как личности – «**обыкновенный шалопай, сидящий в соцсетях и развлекающийся вбросами**». Кроме того, далее мы видим негативно-снижающее,

обидное сравнение с дебиловатыми героями молодежного сериала **Кексом** и **Укропом**. Перед нами – стандартный коммуникативный механизм дискредитации, когда из одного конкретного факта делается неоправданный обобщающий негативный вывод о личности человека в целом. Подобные явления трактуются как **несправедливые преувеличения** – они обычно направлены на умаление достоинства личности.

Эффективность речевой стратегии дискредитации заключается в ее серийности, т.е. дискредитация успешна тогда, когда несправедливые преувеличения нарастают от высказывания к высказыванию по модели градации. Градацию несправедливых преувеличений мы можем видеть и в анализируемом отрывке, когда в следующей фразе идет риторический вопрос (косвенное утверждение):

«*Просто в голове не укладывается,* ***зачем директору солидного предприятия сидеть в соцсетях, в готовности вбросить туда информацию. К тому же еще и недостоверную!***».

Эффект несправедливого преувеличения усиливается за счет еще большего обобщения, которое прямо направлено на создание «ложного образа действительности». Здесь, в частности, «ложный образ действительности» заключается в том, что автор статьи подводит читателей к мысли о том, что Л-в постоянно, все время только и занимается тем, что сидит в соцсетях и регулярно вбрасывает туда непроверенную информацию (видимо, в ущерб своим прямым профессиональным обязанностям).

Этот прием называется **амплификация** – нарочитое нагнетание негативных подробностей в искаженном, преувеличенном виде с целью создания негативного фона, общей негативной тональности изложения, произвести соответствующее впечатление на адресата и тем самым сформировать негативное отношение к объекту дискредитации.

Следующие главы статьи покажут, как именно получены данные о семантических аурах слов и выражений, выделенных курсивом в абзацах, цитируемых из самой статьи, и как данные об абзаце, составленном журналистом, можно сопоставить с заключениями судэкспертизы.

Анализ высказывания супруги пострадавшего

Для начала, рассмотрим высказывание супруги пострадавшего актера, цитируемое в исследуемой статье. Первое предложение гласит: «**Почему** о простудных болезнях артистов, о работе их внутренних органов **должен** знать весь мир?» «Почему» на расстоянии 1–5 слов от словоформы «должен» выдало 1 596 документов, 2 282 вхождения. Рассмотрены первые десять документов:

1 **<u>Почему</u> в семье кто-то <u>должен</u> быть на привилегированном положении?**

2 Как по-вашему, <u>почему</u> люди, которые <u>должны</u> по идее жить «на всю катушку», пробовать **терпкий** напиток бытия, **встают на путь жертвы, становятся мучениками** за идею?

3 Не видно причин, почему церковное священноначалие должно **именно сейчас** изменить свой подход и **пойти на риск**.

4 Вряд ли нужно доказывать, что это несправедливо: природные ресурсы принадлежат всему обществу, и **непонятно, почему плоды их эксплуатации должны доставаться только его части**.

5 Глядя на эти преобразования, Киссинджер заявлял: «**Я не понимаю, почему мы должны стоять в стороне и наблюдать, как страна становится коммунистической из-за безответственности собственного народа**».

6 a И почему, кстати, именно пивовары должны платить за алкоголиков? **Неужели вы, профессионал, тоже разделяете этот миф про «пивной алкоголизм»**?

6 b Доказано, что это генетически обусловленное **расстройство, угрожающее** не всем поголовно, а **приблизительно 10 процентам популяции**. Почему платить должны производители пива? Потому, что им дано право давать рекламу того продукта, который для этих 10 процентов популяции **смертельно опасен**.

7 Это веская причина, почему мы, на мой взгляд, должны бороться за должность губернатора.

8 **Почему мильтон обязательно должен быть круглым болваном, глупее мальчишки – на этом строить не годится**.

9 Колюня сызмальства знал, что назвали его в честь деда, и честолюбивого старика это обстоятельство неимоверно тронуло, тем более его собственные сыновья, Колюнины дядья, назвали своих отпрысков иначе, но **какое всё это имело отношение к Колюне и** почему **он** должен **был улыбаться неприятному толстяку, не понимал и имени своего не любил**, втайне мечтая его поменять и назваться, например, Виктором или Алексеем.

10 a Не хуже других… **Почему я с одним Константином** должен**?! Если он не может мне хорошую квартиру?!**

10 b – **Почему мы вам свои деньги должны доверять? – запальчиво** продолжала она.

10 c – **Почему я** должен **верить банку**? – спросил Коноплянников.

10 d – Понимаете? – жить! **Почему я должна ждать? Мне нужно начинать ремонт!**

10 e **И почему я должен чувствовать себя виноватым**?

Из 15 контекстов, в семи (1, 8, 10a, 10b, 10c, 10d, 10e) присутствует негодующий риторический вопрос – на манер того, который задает актриса. Еще в трех контекстах (4, 5, 9) вместо откровенно риторического вопроса в отошении говорящего к ситуационному контексту присутствует элемент непонимания («не понимаю») и/или неприятия существующей ситуации. Эти две категории семантически и ситуационно близки друг к другу и к высказыванию актрисы. Еще в трех контекстах (2, 3, 6a) отсутствует элемент непонимания или неприятия

ситуации, зато есть выражение удивления по поводу нелогичности, на первый взгляд, или с чьей-то точки зрения, обсуждаемого положения вещей. В целом, ко-селекцией «почему» и «должен» получены контексты в основном с негативными коллокатами, указывающие на негативное положение вещей – негативные коллокаты как таковые отсутствуют только в контексте 7. В двух третях контекстов (10 из 15) говорящий испытывает негодование и раздражение описываемой нелогичной ситуацией. Категория риторических вопросов особенно соответствует высказыванию Д-вой также и в том смысле, что в корпусе преобладают тривиальные, каждодневные ситуационные контексты, и только два контекста из семи (4, 5) обсуждают проблемы глобального значения.

Фраза «разве этично» была изучена в корпусе методом «wildcarding» – как «разве *но». Поскольку этим способом мы «выключили» лексику и оставили только грамматику, обнаруженные самые частые лексические («квазипропозиционные») переменные должны, вместе с их корпусными контекстами, составить корпусный подтекст заявления актрисы.

Вот первые десять самых частых переменных во фразе «разве *но» в главном корпусе НКРЯ: можно (2013 вхождений), возможно (97), оно (79), трудно (48), нужно (42), одно (25), случайно (16), важно (16), недостаточно (14), обязательно (13). Всего имеется 149 словоформы «*но», коллоцирующей с «разве»; коллокат «этично» не обнаружен. Эти лексические переменные являются постекстом данного высказывания.

Эта же поисковая строка в корпусе обнаружила 2 063 документа, 3 355 вхождений, из которых были изучены первые 24 контекста. Все они показывают, что на вопрос «разве *но» говорящий всегда отвечает отрицательно: «не *но». Например, ответ на вопрос «разве можно?» однозначный – нельзя. Во всех контекстах подчеркивается нелогичность отношения к действительности, выраженного переменной *но, часто с негативной эмоциональной окраской. Эти данные контекстуально и ситуационно соответствуют употреблению Д-вой выражения «разве этично».

Фраза «знать не знали» найдена в корпусе 27 раз. Она может сопровождаться легкой иронией по адресу незнающих – а иногда и знающих, как показывает следующий контекст:

На Западе знать не знали про шесть условий товарища Сталина, Бог миловал романо-германцев от коллективизации и борьбы против безродных космополитов, и «Моральный кодекс строителей коммунизма» никто у них не читал, а между тем по ту сторону Эльбы сам по себе сложился тот общественный строй, о котором мечтали наши большевики

В 23 контекстах из 27 говорящий с неодобрением относится к явлению, о котором «знать не знали». Фраза же «после того, что произошло» имеет негативное значение во всех 44 контекстах, выданных корпусом. Вариации можно ожидать только в степени негативности. Это, конечно, надо связать с негатив-

ной семантической просодией глагола happen, замеченной, как уже сказано, еще Синклером. К примеру:

Тут явно видна волосатая лапа хозяина – американских спецслужб. Это они кашу заваривают. А зачем нам нужны их извинения? Разве **после того, что произошло**, можно о чем-либо договориться? Даже этот карась-идеалист Макмиллан, который у нас вчера плакался, и тот понимает, что все надо начинать сначала. Потом, после некоторого раздумья, спросил: – А что, болтаются где-нибудь поблизости иностранные журналисты? [Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]

Общее впечатление о семантическом поведении фразы «после того, что произошло» говорит, что, если принять во внимание некоторый скандал, завертевшийся вокруг здоровья известного актера, тогда ее употребление актрисой адекватно и в соответствии с нормой – и, вероятно, именно это она и имеет в виду. Но если рассматривать только вброс Л-вым первоначальных недостоверных сведений, тогда такой тривиальный момент не заслуживает этой фразы.

В целом можно сказать, что в высказывании супруги актера, пострадавшего от недостоверной новости в соцсетях, найдено 32,95% текста с негативными семантическими аурами, и что ауры эти в своем контекстуальном употреблении по степени негативности соответствуют корпусной норме, кроме выражения «знать не знали», употребленного с более негативными коллокатами, чем в корпусе, и выражения «после того, что произошло», которое в корпусе появляется в основном в контекстах более серьезных, чем сам единичный поступок Л-ва, и отвечающим скорее скандалу, впоследствии поднявшемуся вокруг здоровья Щ-ва. Выражение «неприличный человек» также не совсем идиоматично. Все это позволяет предположить, что потерпевшая давала цитируемое заявление в состоянии достаточно высокой степени негодования и раздражения, считая себя сильно пострадавшей и не думая о последствиях своих слов.

Анализ высказываний журналиста

Изначально, исследование текста журналиста было трудно тем, что от него ожидалось, по [1], внутреннее несоответствие коллокаций. Считалось, что если человек надумал искажать действительность в своих высказываниях с манипулятивными целями, в его тексте надо будет ожидать отклонения от нормы (в виде отсутствующих лексических коллокатов), или в лексических, или в лексико-грамматических сочетаниях, наподобие представителю Британского совета в [1], употребившему слово «симптоматичный» в положительном смысле, говоря об Университете в Зимбабве. В этом-то и смысл работы [1], заявляющей, что текст пишет автора. Ничего подобного в высказываниях журналиста обнаружить не удалось. Все коллокации были в соответствии с лексической и грамматической нормой появления и являлись частыми. Тут на ум пришла идея шкалы неискренности, описанная в начале этой работы, и недоказанное пред-

положение, что намеренная манипулятивная ложь из «невдохновленной неискренности» перейдет в клише. Исследуемый журналистский текст это предположение оправдал. Здесь также уместно предположить, что искажение истины может основываться на разных намерениях, и в данном случае, как покажет эта глава, мы имеем дело с манипуляцией максимально нефлексибильной – чернить, так чернить.

Как уже сказано выше, детальный анализ абзаца журналиста показал наличие 42,57% текста с негативными семантическими аурами, что на 9,62% больше, чем в тексте супруги пострадавшего. Перейдем к конкретному анализу. Словосочетание «бульварная пресса» найдено в основном корпусе НКРЯ 9 раз в шести документах. Все эти упоминания, кроме одного (контекст 2) сопровождаются недвусмысленными негативными коллокатами:

1 Вокруг обстоятельств ареста и тюремного заключения Цецы кружили самые невероятные слухи. Через три месяца, однако, ее выпустили, и Цеца вышла на свободу еще более популярной, чем прежде. В Белграде ее величают Сербской Вдовой. **Бульварная пресса** утверждает, что о ней собирается снимать фильм сама Мадонна.

2 ЛОНДОН, 3 декабря. (По телеграфу). Английская печать почти перестала давать отчеты о деле Рамзина и других вредителей. **Бульварная пресса**, в течение нескольких дней уже не упоминает ни словом об этом деле. С другой стороны, буржуазные органы, такие, как «Таймс», передают о ходе процесса с быстротой, какую только может позволить расстояние между Ригой и Москвой.

3 Только шантажистские газеты да желтая **бульварная пресса** позволяют себе брать плату за разного рода статьи и заметки в тексте… При чем же здесь прогрессивная, демократическая печать?

4 И потому более чем естественно, что **буржуазно-бульварная пресса**, а за нею и мещанские массы нашли для себя более благодарные темы, более «ударные» средства борьбы против советской демократии. Началась отчаянная травля отдельных советских групп и отдельных деятелей в расчете за одной победой одержать следующую и по частям одолеть целое… Травля производилась под самыми различными соусами, сплошь и рядом принимая вполне личный характер.

5a Колчака… Пока «несознательная» **буржуазно-бульварная пресса**, прельстившись агитацией Керенского на фронте, спекулируя на его исключительную популярность, усиленно расстилала перед ним красное сукно и вздыхала по его диктатуре, братья Суворины со стоящими за ними деловыми кругами знали, что делали.

5b Вся буржуазия схватилась за дело Гримма. Только это ей и требовалось. Не только **буржуазно-бульварная пресса**, но и желто-социалистическая» в полном восторге начала свистопляску. Радость была понятна. Ведь налицо был повод втоптать в грязь «Циммервальд». Помилуйте!

5c Несомненно, что германское сопротивление становилось при этом все сильнее, а затруднения при посылке в бой солдат все больше. Даже **бульварная пресса** не особенно распространялась об энтузиазме войск. Все эти две недели дело, конечно, висело на волоске. И для каждого простого здравого рассудка было ясно заранее, что этот волосок не нынче-завтра должен был оборваться.

5d все петербургские газеты действительно вышли без заготовленного в редакциях материала о предательстве Ленина. Только одна газета, кажется «Биржевые ведомости» не послушалась Львова и Церетели. В результате материалы о Ленине в этот день все же стали достоянием гласности. А на следующий день их перепечатала вся **буржуазно-бульварная пресса**. Но что же за материалы добыли ревнители истины по этому чудовищному делу? И как же звали этих патриотов, изобличавших Ленина в государственной измене?.. Их имена, конечно, суть достояние истории.

6 – со стороны ничтожного меньшинства. Ух как разъярилась **буржуазно-бульварная пресса**!

Далее, «одно дело, когда» (131 документ, 143 вхождения в основном корпусе НКРЯ), как и следовало ожидать, имеет семантическую просодию усугубления одного из аспектов ситуации: это замечено в 113 контекстах (79,02%). Обратная тенденция – улучшение – замечена в 27 контекстах (18,88%); в оставшихся трех (2,09%) изменение скорее приводит не к лучшему или худшему, а просто к другому, отличному от предыдущего, положению дел. Кроме того, в 30 контекстах, противоречащих семантической просодии, 17 (больше половины, или 56,66%) изначально описывают негативное положение дел.

Если до этого момента текст, хотя и с эмпирически доказуемой отрицательной окраской, соответствовал корпусной норме, здесь начинается «передергивание», «создание ложного образа действительности», «алогизмы», и практически все признаки вербальной агрессии, обозначенные лингвистами. Очевидно, что употребление данной фразы журналистом вписывается в ее семантическую просодию, поскольку речь в тексте, очевидно, идет об усугублении и без того негативной ситуации. Интересно, что именно фраза «одно дело, когда» является транзицией, переменой фокуса – с темы бульварной прессы журналист переходит на тему Л-ва. Аспект усугубления, отмеченный в корпусе, не подтверждается контекстом – как отмечают лингвисты, речь идет об одной ошибке, допущенной частным лицом, сделанной во время летнего отпуска, а не о его постоянной деятельности в качестве «руководителя крупногооборонного предприятия». Кроме того, все контексты показали, что после «одно дело, когда» следует обобщение, формулировка правила, действительного во всех таких случаях. Эта аура обобщения также не соответствует контексту.

Самое главное, семантическая аура выражения «одно дело, когда» в референциальном корпусе предполагает изначальную установку ситуации, которая затем усугубляется/улучшается/меняется. К примеру, в контексте 47 речь идет

о ценах на водку:

– Во всем цивилизованном мире кружка пива стоит около доллара, а бутылка крепкого алкоголя – не меньше десяти. А у нас – полтора доллара пол-литра водки и полдоллара – пива. Государство боится, что, подняв цену на крепкое спиртное, оно обрушит рынок легального алкоголя. **Одно дело, когда** настоящая водка стоит в провинции около 40 рублей, а «паленая» – около 20, при такой разнице большинство граждан не бросятся сознательно отравлять себя. А если, допустим, бутылка неподдельной водки при помощи акцизов дойдет до 5 долларов? Сколько у нас в год будет смертей от самоделок? Вот так и получается, что, развязав войну против пива, законодатели могут вслед за «Клинским», у которого упали темпы продаж, не только отправить остальные марки пенного напитка, но и поднять кривую смертности населения.

В данном контексте установлен изначальный ситуационный контекст, который можно описать как нейтральный – «цены на водку» – и который затем усугубляется – «цены на водку могут вырасти, а это может привести к большему потреблению вредного самогона». Корпус показал, что этот принцип усугубления изначальной ситуации характерен для данного выражения. В употреблении журналиста получается, что он устанавливает ситуационный контекст «распространение слухов на манер бульварной прессы», который затем усугубляется переменой актеров – руководитель предприятия вместо бульварной прессы – что и является причиной усугубления положения вещей. Таким образом, Л-в изначально поставлен в позицию лица, распространяющего слухи на манер бульварной прессы, что не соответствует действительности.

Фразы «слухи распускают недобросовестные» и «обыкновенный шалопай» можно посчитать однозначно отрицательными и пренебрежительными и в корпусе специально их не изучать (хотя интересно, что в некоторых корпусных контекстах слово «шалопай» имеет скорее снисходительный, чем резко осуждающий характер; кроме того, аура снисходительности действительно умаляет честь и достоинство лица, на которого она направлена). Зато интересно замечание экспертов, сделанное на основании всего цитируемого отрывка, что «автор подводит читателей к мысли о том, что Л-в постоянно, все время только и занимается тем, что сидит в соцсетях и регулярно вбрасывает туда непроверенную информацию (видимо, в ущерб своим прямым профессиональным обязанностям)». Заключение, начинающееся со слова «видимо» – общее впечатление, очевидно сформировавшееся на основании несовершенного вида словоформ „распускать», „сидящий», „развлекающийся», фразы „в готовности», и вообще повторений в этом пассаже. Эксперты не могут доказать импликацию, что Л-в распускает слухи вместо работы, а только ту, что он это делает регулярно. Тем не менее, основной корпус НКРЯ (8 контекстов) и его газетный корпус (5 контекстов) показывают, что со-присутствие лексем «сидеть» и «развлекаться», находящихся на расстоянии до 5 слов друг от друга, действительно называют в кор-

пусе положения вещей, которые противопоставлены работе, а не просто имеют место в нерабочее время. Следуют примеры из газетного корпуса:

1 Только и ходила в салоны красоты, ***сидела*** *в ресторанах и* ***развлекалась*** *в клубах.*

2 А некий человек-паук, ***сидящий*** *дома за компьютером, искренне* ***развлекается****, зная, как сильно люди боятся ЕГО.*

3 Готовиться к занятиям никто не мешает: хочешь – ***сиди*** *и «ботай», хочешь –* ***развлекайся****.*

4 Влад Доронин прибыл без Наоми Кэмпбелл и ***сидел*** *букой, пока барышни* ***развлекались****.*

5 Стояли последние дни щедрого лета, его ровесники загорали и купались в море, ***сидели*** *в кафе,* ***развлекались*** *на дискотеках.*

В целом можно сделать вывод, что в исследуемом здесь тексте журналиста в начале преобладали негативные семантические ауры, контекстуально соответствующие корпусной «норме». Как только журналист перешел к комментарию поступка Л-ва, негативные семантические ауры, найденные в его тексте, в большинстве своем (кроме выражения «к тому же еще и») перестали отвечать узусу и обрели более негативный характер, чем ситуационный контекст мог спровоцировать. Именно языковые обороты, используемые журналистом, в корпусе в основном используются в ситуациях не только гораздо более усугубленных («сидеть в», «просто в голове не укладывается»), или умаляют статус Л-ва («обыкновенный шалопай», «обозначены»), но и обнаруживают признак обобщения («одно дело, когда», «такого рода личности», «в готовности»). Обобщение усиливается намеком, что Л-в «сидит в соцсетях» вместо того, чтобы работать (со-присутствие лексем «сидеть» и «развлекаться).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Контекстуально-просодическая теория, как и ожидалось, оказалась вполне способной объяснить эффект «магии слова», упомянутый экспертами, как в плане содержания, как и в чисто речевом аспекте. План содержания, очевидно, проявляется в сравнении контекстов ситуации и положения дел в исследуемом сегменте и в референциальном корпусе. Речевой аспект – это специфические (не только негативные и позитивные) семантические ауры, характерные не только для лексических фраз с уже знакомой коннотацией («обыкновенный шалопай», «социально ответственный», «в голове не укладывается»), но и для фраз, в чьем подтексте мы этого предполагать не могли («поднимать рейтинг», «поспешила *ить», «информацию, что»).

Само присутствие в тексте негативных аур, даже в большом количестве, не может интерпретироваться, как вербальная агрессия. Действительно, почему мы не можем обвинить Д-ву в применении стратегии дискредитации? Она не только дала негативное заявление о Л-ве, но и употребила фразу «неприличный человек», которая объективно является обобщением, усугубленным при этом

выражением «могу с уверенностью сказать».

Даже если не принимать во внимание, что Д-ва является потерпевшей, страдающей от эмоционального шока, эмпирически удалось показать, что семантические ауры, ею употребленные, практически никогда не выходят за рамки корпусной нормы. За исключением фразы «после того, что произошло» (которая наверняка относится не к поступку Л-ва, а к его последствиям), что, скорее, говорит о ее понимании происшедшего и эмоциональном состоянии, ее коллокации отвечают норме их корпусной «тривиальности», хотя и выражают негодование (со-присутствие «почему» и «должен», «разве *но», «а что это у вас за»). Устойчивость негодующей ауры в контекстах соответствующей степени тривиальности (включая определение «неприличный») свидетельствует об искренности Д-вой, которая позволяет языку, носителем которого она является, диктовать ей языковые обороты.

Журналист как автор исследуемого экспертизой текста также является носителем языка, на котором этот тект написан. Тем не менее семантика его высказываний постоянно отклоняется от контектуальной нормы корпуса. Выражения, использованные им, ожидаемо вызывают в корпусе – а значит, и в его сознании, как и в сознании читателя, – совершенно иные положения вещей, чуждые описываемой ситуации. Отклонения от нормы в употреблении конкретных носителей, как это происходит в заявлении Д-вой, нужно ожидать, и их отсутствие было бы, напротив, подозрительным. Не существует текста, полностью отвечающего норме, но в случае журналиста мы наблюдаем постоянное, категоричное и, с точки зрения корпусной нормы, неестественное отклонение в сторону усугубления и обобщения, совсем несогласуемого с тривиальностью контекста. Эта постоянная неестественность употребления языка, чьим носителем является и сам журналист, дает нам право уличить его не просто в неискренности, а в намерении манипулировать сознанием читателя. Если бы несоответствие между контекстуальной нормой и фразами журналиста было менее кардинально, или если бы наличествовали несоответствия внутри лексических и лексико-грамматических сочетаний, автора текста можно было бы уличить в более или менее сознательной неискренности, но не в откровенной манипуляции.

Поскольку в проанализированных отрывках не нашлось лексических или лексико-грамматических диссонансов как таковых, на что указывали проведенные автором ранее исследования «авторской неискренности», можно предположить, что, обманывая самого себя, не имея конкретного намерения ввести кого-либо в заблуждение, герой может употреблять лексику, которая в корпусе реже сочетается со своей грамматикой. В этом случае не только контексты, но и частые лексические коллокаты грамматических цепочек углубляют наше понимание текста.

С другой стороны, намеренная ложь, возможно, более склонна использовать именно частые лексико-грамматические комбинации, в корпусе принад-

лежащие к ситуационным контекстам, которые более соответствуют картине, творимой лжецом.

Это положение нуждается в дальнейшей проверке не только из-за недостаточного количества данных, но и поскольку речь идет о разных языках. Во всяком случае, работа подтверждает, как изначально предполагалось, что «невдохновенная неискренность» может перерастать в клише.

Эксперты совершенно правы, употребляя определение «стратегия». «Стратегия» подразумевает намерение. Текст журналиста манипулирует созанием адресата весьма очевидно, и одних лексических коннотаций уже достаточно, чтобы выявить не только результат, но и намерение. Тем не менее, это исследование показало, как на уровне сочетаемости можно отличить искренний текст от намеренно лживого. Намеренная ложь стала доказуемой на уровне гораздо более эмпирическом. Что касается аспекта чисто практического, использование данных референциального корпуса позволяет проводить лингвистическую экспертизу более тонко и выявлять большее количество нюансов, чем это доступно невооруженным глазом.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http: // www.ruscorpora.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Louw, W.E. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In Text and Technology: In Honour of John Sinclair, M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds), Amsterdam: John Benjamins, 1993, pp. 152–176.
2. Sinclair, J.M. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
3. Louw, B. and Milojkovic, M. Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016.
4. Sinclair, J. M. Reading concordances. Harlow: Pearson Education Limited, 2003.
5. Hunston S. Semantic Prosody Revisited. International Journal of Corpus Linguistics. 2007. № 12 (2)б pp. 245/264.
6. Russell, B. In Bertrand Russell : A Collection of Critical Essays, D. Pears (ed.). New York: Anchor Books, 1956.
7. Simpson, P. Stylistics: A Resource Book for Students: 2nd Edition. Abingdon: Routledge, 2014.
8. Shen, D. Peter Stockwell and Sara Whiteley, Eds. The Cambridge Handbook of Stylistics. In Style, 2015, № 49, pp. 4.
9. McIntyre, D. The year's work in stylistics. In Language and Literature, 2014, № 23.
10. Toolan, M. Making Sense of Narrative Text: Situation, Repetition, and Picturing in the Reading of Short Stories. Abingdon: Routledge, 2016.

11. Milojkovic, M. Is corpus stylistics bent on self-improvement? The role of reference corpora 20 years after the advent of semantic prosody. In Journal of Literary Semantics, 2013, № 42(1), pp. 59-78.
12. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2008. 284 с.
13. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
14. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 18–21.
15. Wittgenstein, L. Tractatus Logico-Philosophicus. Trans. D.F. Pears and D.F. McGuiness, 1960. London: Routledge and Kegan Paul, 1922.
16. Firth, J.R. Papers in Linguistics: 1934 – 1951. Oxford: OUP, 1957.
17. Toolan, M. Making Sense of Narrative Text: Situation, Repetition, and Picturing in the Reading of Short Stories. Abingdon: Routledge, 2016.
18. Xiao. R. and McEnery T. Collocation, Semantic Prosody, and Near Synonymy: A Cross-Linguistic Perspective. In Applied Linguistics, 2006, № 27 (1), pp. 103–129.

The diagnostic potential of contextual prosodic theory in establishing the features of manipulative discourse for the purposes of forensic expertise

M. Milojkovic

University of Belgrade (Serbia, Belgrade)

Contextual Prosodic Theory, developed by Bill Louw, investigates additional semantic layers in authorial collocations against the background of reference corpora. If the language norm is the sum of frequent collocations used in certain contexts, then any deviation from the norm (in other words, any collocation in natural language) yields insights into additional nuances of meaning, inaccessible to our intuition but recoverable in a reference corpus. It is one of the premises of Louw's theory that certain collocational clashes, unless they amount to a rhetorical device, may be considered indirect proof that the speaker is 'at pains to conceal' what he or she really thinks. To date, Louw's theory has dealt mainly with semantic auras of authorial text, and has never been applied to investigating insincerity in natural language, apart from the language of literary personages or personas in lyrical poetry. This paper, for the first time, implements his theoretical stance to practical material with a view to proving that a particular statement is insincere. The material in question is an existing text of linguistic expertise which detects features of discrediting tactics in an article published in one of Russian newspapers.

Keywords: corpus stylistics, Contextual Prosodic Theory, reference corpus, semantic prosody, corpus-derived subtext, Louw, linguistic expertise

СУДЕБНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ИРАКЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Алсаег Билал Амджад[1], Рафи Назар Джамиль[2], Н.В. Зылёва[3]

[1] Университет Мосула (Ирак, г. Мосул)
belal_amjad@uomosul.edu.iq, belalamjad@yahoo.com
[2] Университет Мосула (Ирак, г. Мосул)
rafe.jameeln@yahoo.com
[3] ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (Россия, г. Тюмень),
n.v.zylyova@utmn.ru, zyileva@mail.ru

Одной из угроз экономической безопасности любой страны являются экономические преступления, поскольку совокупный материальный ущерб от данных видов правонарушений намного выше ущерба от других преступлений. В экономически развитых странах процесс расследования экономических преступлений обычно не обходится без экономической экспертизы, однако в Ираке в настоящее время в открытом доступе нет информации о том, как проводится судебная экономическая экспертиза и проводится ли. На фоне отсутствия законодательной базы по судебной экономической экспертизе, и, в то же время, необходимости выяснять обстоятельства возникших споров между сторонами для предоставления фактов о действительности финансовых операций в суде, некоторые иракские ученые предложили применять судебный учет, цель которого практически повторяет цель судебной экономической экспертизы. Для проведения судебной экономической экспертизы, как и для ведения судебного учета, специалисту необходимы профессиональные знания в разных областях науки, умение интегрировать полученные навыки и опыт. Именно в профессиональной подготовке специалиста-эксперта авторы статьи видят перспективы развития судебной экономической экспертизы в Ираке.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, эксперт, судебный учет, судебный бухгалтер.

Долгие годы Республика Ирак находилась в экономической блокаде, в таких условиях экономические преступления практически не совершались. Экономическая открытость страны потребовала особого внимания к преступлениям, затрагивающим экономическую безопасность, и, в связи с этим, создания судов по коммерческим вопросам, с 2010 года такой суд начал свою деятельность в Багдаде.

Багдадский суд предварительного производства (или суд первой инстанции), специализирующийся на коммерческих делах, в своей деятельности, скорее всего, применяет результаты судебной экономической экспертизы, которые позволяют уменьшить давление на решение по делу, особенно учитывая тот факт, что одной из сторон в суде часто выступают международные компании или иностранные лица. Однако, поскольку в настоящее время в Ираке нет нормативного акта, раскрывающего суть судебной экономической экспертизы, методику ее проведения, ответственность за выдачу экспертного заключения и т.п., как проводится экспертиза в иракском суде достоверно неизвестно.

Под судебной экономической экспертизой мы, как и специалисты Центра по проведению судебных экспертиз и исследований АНО «Судебный Эксперт», понимаем «род экспертиз, направленных на изучение деятельности финансово-

экономического характера, осуществляемой хозяйствующим субъектом, то есть анализ и оценку корректности финансовых операций, их отражения в учете, а также исследование кредитной, налоговой и других областей деятельности» [1]. Эксперт занимается исследованием уставных и иных распорядительных документов (приказов), договоров и актов сверок по их исполнению, выписок регистрирующих органов и реестров (по ценным бумагам, долям собственников), первичных бухгалтерских документов, регистров бухгалтерского и налогового учета, бухгалтерской и налоговой отчетности с пояснительными записками, иных документов и сведений, позволяющих раскрыть действительную причину возникновения спорных ситуаций, анализом полученных данных, проверкой их на соответствие законодательству, а также отвечает за дачу экспертного заключения по поставленным перед ним вопросам.

То, что в России называют судебной экономической экспертизой, в Ираке некоторые ученые-экономисты определили как «судебный учет», возникший впервые в Америке.

По мнению авторов, понятие «судебный учет» российским слушателем может быть воспринято как «учет в суде», а «судебный бухгалтер», как «бухгалтер в бухгалтерии суда». Иракские ученые, соглашаясь со своими американскими коллегами, под понятием «судебный учет» определили систему обеспечения надлежащего анализа дел в суде, так чтобы этот анализ являлся основой для обсуждения между заинтересованными сторонами и судом и принимался во внимание при окончательном вынесении соответствующего решения [2]. При этом, судебный учет учеными рассматривается как новая область бухгалтерского учета, основанная на интеграции как бухгалтерского, так и аудиторского опыта, юридических и экономических знаний и навыков расследования по финансовым, торговым и экономическим вопросам. Помимо цифр и транзакций, цель данного учета в том, чтобы довести до сведения заинтересованных сторон факты по спорным или расследуемым вопросам. Согласно «Журналу судебного учета», судебный учет должен вести бухгалтер (судебный бухгалтер), обладающий профессиональным опытом, достаточным для того, чтобы предоставлять факты о действительности финансовых транзакций в судебных или административных делах [3]. Авторы статьи не согласны с тем, что те обязанности, которые возлагают на судебного бухгалтера, можно назвать «учетными», поскольку, исходя из определений судебного учета, деятельность такого бухгалтера носит исследовательский, аналитический, оценочный, а не учетный характер.

Несмотря на схожесть области применения данных судебной экономической экспертизы и судебного учета, мы видим отличие. Если «судебный учет – это область бухгалтерского учета, специализирующаяся на выяснении обязательств, возникающих в связи с фактическими или предполагаемыми спорами между сторонами в споре» [2], то судебная экономическая экспертиза – это именно процессуальное действие, т.е. исследование учетных данных по кон-

кретному (фактическому) делу в суде. Судебный учет должен вести бухгалтер организации, в то время как судебную экономическую экспертизу проводит независимый эксперт.

На возникший вопрос о том, всем ли организациям необходимо вести судебный учет, исследователи уточнили, что данный вид учета в большей степени полезен таким иракским учреждениям, как: Комиссия по инвестициям Ниневии (Ниневия – провинция Ирака – примечание авторов), Комиссия по добросовестности – Бюро расследований в Ниневии, Центральный банк Ирака и Суды предварительного производства, специализирующиеся на коммерческих исках.

Комиссия по инвестициям Ниневии – это молодая организация, созданная в 2008 году с целью определения лучших инвестиционных проектов, соответствующих положениям Закона «Об инвестициях и концессях, гарантирующих кризис», их продвижения на местном и глобальном уровне. При выборе инвестиционного проекта, сотрудники организации, кроме прочего, проверяют законность источника денег инвестора, противодействуя операциям по отмыванию денег [4]. Следует отметить, что в настоящее время экспертизы достоверности и законности раскрытия финансовой информации инвестором проводятся данной организацией не всегда, из-за недостатка квалифицированных специалистов. По мнению исследователей, в Комиссии по инвестициям Ниневии должно быть создано обособленное подразделение, которое будет отвечать за проведение экономических экспертиз и ведения судебного учета, и состоять из бухгалтеров и экономистов, подготовленных как внутри страны, так и за ее пределами, чтобы приобрести достаточные навыки для выполнения обязанностей экономического эксперта.

Бюро расследований в Ниневии Комиссии по добросовестности является независимым государственным органом, занимающимся вопросами общественной целостности и борьбы с коррупцией, и было создано в Ираке в 2004 году. Сотрудники Бюро проверяют механизм заключения государственных контрактов с внутренними и внешними сторонами, расследуют вопросы о мошенничестве и изъятии валюты внутренними и внешними сторонами, которые так или иначе затрагивают экономику страны [4]. Как и в случае с Комиссией по инвестициям, в Комиссии по добросовестности отмечается недостаток квалифицированных специалистов, умеющих проанализировать достоверность данных, предоставляемых для проверки.

Центральный банк Ирака сталкивается с проблемой предоставления частными банками информации о реальной работе некоторых клиентов, что является препятствием в борьбе с отмыванием денег. Решением данной проблемы могло бы выступить создание обособленного подразделения, деятельность которого была бы направлена на борьбу с отмыванием денег через экспертизу предоставляемых клиентом экономических данных. Работу данного подразделения могут обеспечить только специалисты, умеющие вести судебный учет, т.е.

обладающие профессиональным опытом, достаточным для того, чтобы предоставлять факты о действительности финансовых потоков.

Те профессиональные обязанности, которые возложены иракскими учеными на сотрудников Комиссия по инвестициям, Комиссии по добросовестности, Центрального банка в рамках ведения судебного учета для проверки данных контрагентов с целью выявления мошенничества, во многих крупных российских организациях выполняют сотрудники Служб экономической безопасности бизнеса, и, по нашему мнению, это более правильно. Более того, мы не согласны с тем, что сотрудники Суда предварительного производства, специализирующегося на коммерческих исках, должны вести судебный учет. Поскольку судебное делопроизводство никак нельзя назвать взаимоотношениями между контрагентами, изучение специалистом деятельности финансово-экономического характера, осуществляемой хозяйствующим субъектом и ее анализ в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, является именно экономической экспертизой, а не судебным учетом.

Таким образом, в Ираке некоторые ученые-экономисты отождествляют судебную экономическую экспертизу с судебным учетом, а результаты деятельности эксперта рассматривают не только как доказательный источник по конкретным гражданским или уголовным процессам, но и как дополнительный информационный источник по спорным вопросам между сторонами, желающими решить их в досудебном порядке. Авторы статьи не согласны с данным положением и считают необходимым развивать судебную экономическую экспертизу как отдельную важную деятельность по обеспечению экономической безопасности страны.

Следует отметить, что в настоящее время развитие экспертной деятельности в Ираке не поспевает за экономическим развитием в стране. По мнению авторов, поспособствовать развитию экономической экспертизы и судебного учета могли бы не только разработки соответствующих нормативных актов, но и образовательные семинары и конференции, ответственность за проведение которых могли бы взять на себя Союз бухгалтеров и аудиторов в Ираке и Федеральное бюро финансового контроля, создав Центр развития экспертизы и судебного учета.

Несмотря на то, что при подготовке экспертного заключения важным является профессиональное суждение, академическое и профессиональное образование является ключевым шагом для развития способностей и компетенций лиц, применяющих в своей области знания бухгалтерского и налогового учета, юриспруденции, предпринимательства. По мнению авторов, существует острая необходимость разработки и внедрения в существующие учебные планы образовательных программ в области бухгалтерского учета, аудита и информационных систем дисциплин, связанных с судебной экономической экспертизой, с судебным учетом или экономической безопасностью бизнеса, которых на данный

момент нет в учебных планах высшего образования в Ираке.

Для того, чтобы новые дисциплины были полезны и развивали соответствующие компетенции, некоторые правительственные и организационные органы, такие как: Ассоциация бухгалтеров и аудиторов, Министерство финансов, суды Ирака, службы безопасности, Комиссия по добросовестности Ирака, Федеральное бюро финансового контроля, Центральный банк Ирака, Налоговый орган и другие соответствующие органы, должны (если они могут этим поделиться) описать экономические проблемы с которыми они сталкиваются и решения по ним. Юридические или бухгалтерские фирмы также играют важную роль в обмене мнениями и опытом, чтобы помочь разработать практические планы для решения существующих экономических проблем, например, «теневого» учета, неуплаты налогов, отмывания денег и мошенничества в финансовой отчетности.

Таким образом, перспективы развития судебной экономической экспертизы в Ираке, авторы статьи видят в разработке и утверждении соответствующих законодательных актов и в совершенствовании экономического образования, способного предоставить квалифицированных специалистов. Качественное образование повысит эффективность деятельности тех, кто занимается расследованием финансовых преступлений всех видов, особенно в органах по борьбе с неподкупностью в Ираке, службах безопасности и центральном банке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Экономическая экспертиза [Электронный ресурс] Официальный сайт Центра по проведению судебных экспертиз и исследования АНО «Судебный Эксперт» – Режим доступа: http://sudexpa.ru/expertises/ekonomicheskaia-ekspertiza/ (дата обращения: 18.02.2019)
2. Аль-Джалили, Мукдад Ахмад. Судебный учет и его применение в Ираке // Журнал развития Рафидайна, Университет Мосула, Факультет менеджмента и экономики, № 107, том 34, 2012

[الجليلي ، مقداد احمد : المحاسبة القضائية وإمكانية تطبيقها في العراق ، مجلة تنمية الرافدين ، جامعة الموصل ، كلية الادارة والاقتصاد ، العدد 107 ، مجلد 34 ، 2012]

3. Хафаджи и Тиаб, Али Аббас Карим и Саджад Амер. Необходимость судебного учета при вынесении судебных решений и его применение в иракской среде // Университет Кадисия, Ирак, 2018.

[الخفاجي وذياب ، علي عباس كريم وسجاد عامر : مدى الحاجة إلى المحاسبة القضائية في تعزيز الأحكام القضائية - ومدى إمكانية تطبيقها في البيئة العراقية ، جامعة القادسية ، العراق ، 2018]

4. Джамиль Рави Низар. Судебный учет и его связь с финансовыми преступлениями // Дар аль-Айям, Амман, Иордания, 2018.

[جميل ، رافي نزار : المحاسبة القضائية وصلتها بالجرائم المالية ، دار الايام ، عمان ، الاردن ، 2018]

Forensic economic expertise in Iraq: State and development prospects

Alsaeg Bilal Amjad[1], Rafi Nazar Jameel[2], Zyleva Natalya Vladimirovna[3]

[1] Mosul University (Iraq, Mosul)
belal_amjad@uomosul.edu.iq, belalamjad@yahoo.com
[2] Mosul University (Iraq, Mosul)
rafe.jameeln@yahoo.com
[3] Tyumen State University (Russia, Tyumen)
n.v.zylyova@utmn.ru, zyileva@mail.ru

One of the threats to the economic security of any country is economic crimes, since the cumulative material damage from these types of offenses is much higher than the damage from other crimes. No process of investigation of economic crimes is complete without economic expertise, but in Iraq at present there is no regulation on the implementation of judicial economic expertise. Against the background of the absence of a legal framework for Forensic economic expertise, and the need to clarify the circumstances of the disputes between the parties to provide facts about the validity of financial operations in court, Some of the Iraqi scientists have proposed adopted the concept of Forensic accounting, the purpose of which almost repeats the goal of Forensic economic expertise. For conducting a forensic economic examination, as well as for conducting court records, a specialist needs professional knowledge in various fields of science, the ability to integrate the skills and experience gained. It is in the preparation of professional experts that the authors of the article see the prospects for the development of forensic economic expertise in Iraq.

Keywords: forensic economic examination, expert, forensic accounting, forensic accountant.

О НЕКОТОРЫХ ПОДХОДАХ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ф.Г. Аминев[1], А.Ф. Аминев[2]

[1] Институт права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (Россия, Уфа)
[2] Экспертно-криминалистический центр МВД по Республике Башкортостан (Россия, Уфа)
faminev@mail.ru

Рассматриваются проблемы качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и пути его повышения: даны рекомендации по отдельным направлениям деятельности судебно-экспертных организаций; обозначены пути совершенствования профессиональной подготовки экспертов государственных судебно-экспертных организаций; показаны пути повышения качества деятельности негосударственных судебно-экспертных организаций.

Предложены меры по повышению квалификационных требований к судебным экспертам, что окажет благотворное влияние на повышение качества их работы. Предложено обучение и прием квалификационных экзаменов у экспертов негосударственных судебно-экспертных организаций проводить на том же уровне, что и у экспертов государственных судебно-экспертных организаций. Для скорейшего повышения качества судебно-экспертной деятельности представлены первоочередные мероприятия.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, эксперт, генотипоскопическая экспертиза, профессиональная подготовка, сертификация.

В современных условиях усиления состязательности в уголовном, гражданском, арбитражном, административном судопроизводстве возросло значение судебно-экспертной деятельности в формирования объективной доказательственной базы. В понятие судебно-экспертной деятельности входит система действий судебного эксперта и руководителя судебно-экспертной организации, иных экспертов из числа сведущих лиц по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, профессиональной подготовке и экспертной профилактике. Все вышеперечисленные действия должны приводить к получению одного из самых объективных видов доказательств – заключению эксперта.

Меры по повышению качества судебно-экспертной деятельности подробно рассматривают в своих трудах Т.В. Аверьянова, А.Ф. Волынский, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин, Ю.Г. Корухов, Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева, Г.Г. Омельянюк, Е.Р. Россинская, С.А. Смирнова, В.Ф. Статкус, А.И. Усов, В.Н. Хрусталев, В.И. Юматов и др. Относительно систем менеджмента качества судебно-экспертной деятельности, основанных на международных стандартах и отечественных инструкциях в данной области, проводятся научные исследования [1]. Не вызывает сомнения, что высокое качество данного вида деятельности возможно обеспечить только в результате проведения комплекса правовых, научно-методических, организационных мер. Некоторые из них представляется необходимым рассмотреть подробнее.

Без сомнений, качество и, следовательно, доказательственная значимость полученного в результате экспертного исследования заключения эксперта, его истинность, полнота, обоснованность и достоверность выводов во многом зависят от компетентности судебного эксперта [2, с. 74]. Практика показывает, что соответствующий уровень компетентности и качества работы эксперта может быть достигнут только в ходе кропотливой профессиональной подготовки.

При этом отмечается, что вопросам профессиональной подготовки судебных экспертов в государственных судебно-экспертных организациях постоянно уделяется достаточно серьезное внимание. Поэтому вполне обоснованными выглядят меры по расширению количества видов и родов проводимых в них судебных экспертиз, включая такие высокотехнологичные экспертизы, как фоноскопические, компьютерно-технические, генотипоскопические и другие. Особое значение в рамках специального экспертного профессионального образования придается подготовке кадров с высшим экспертным образованием на факультетах и кафедрах судебных экспертиз образовательных учреждений Москвы, Волгограда, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода. Безусловно, научно-педагогический потенциал специальных экспертных факультетов и кафедр вузов очень высок и позволяет подавать слушателям, курсантам и студентам учебный материал на достаточном научном уровне и прививать практические навыки и умения, соответствующие требованиям к эксперту.

После окончания таких специализированных вузов судебно-экспертные организации получают в свои ряды высококвалифицированные кадры, хотя следует согласиться с В.Н. Хрусталевым в том, что необходимо и дальше продолжать поиск дополнительных резервов для повышения качества профессиональной подготовки экспертов путем реализации следующих предложений:

– замена испытаний (в настоящее время – результатов ЕГЭ) для будущих экспертов по обществознанию на математику с целью отбора абитуриентов, склонных к изучению естественнонаучных дисциплин;

– в целях поддержания высокого уровня квалификации преподавателей экспертных кафедр организовать ежегодное выполнение ими не менее пяти судебных экспертиз по заданиям правоохранительных органов;

– разработать систему контроля за самостоятельностью выполнения курсантами учебных экспертиз [3, с. 34–35] и т. д.

Кроме вышеописанной академической подготовки, в государственных судебно-экспертных организациях проводится так называемая ученическая профессиональная подготовка лиц, назначенных на экспертные должности в силовых ведомствах и не имеющих высшего либо среднего профессионального образования по специальности «Судебная экспертиза» – в рамках дополнительного профессионального обучения: стажировка в занимаемой должности [4, с. 57–58] и т.д. Данная форма профессиональной подготовки, а точнее, переподготовки, тщательно регламентирована ведомственными приказами Министерства здравоохранения, МВД, ФСБ, Министерства юстиции, МЧС, Министерства обороны и других ведомств Российской Федерации.

Анализ практики свидетельствует о том, что подготовка судебного эксперта из специалиста-педагога (агронома, инженера и т.д.) на базе региональных ЭКЦ не может быть признана соответствующей требованиям времени, но это вынужденная мера в условиях отсутствия большего количества вузов, готовящих профессиональных судебных экспертов. Такую форму подготовки экспертов-криминалистов нельзя практиковать дальше, так как в подразделениях силовых ведомств она может трансформироваться в еще менее профессионально пригодную форму, когда начинает преобладать строевая и боевая подготовка в ущерб специальной экспертной подготовке сотрудников экспертно-криминалистических подразделений.

Представляется, необходимо вышеописанную систему профессиональной переподготовки судебных экспертов заменить следующей: для экспертов с высшим неюридическим образованием проводить 6-месячные курсы дополнительного профессионального образования на базе юридических вузов (необязательно системы МВД РФ) с привлечением ведущих специалистов-практиков региональных экспертно-криминалистических центров.

Еще более серьезны проблемы профессиональной подготовки и переподготовки судебных экспертов негосударственных судебно-экспертных органи-

заций. К описанным выше добавляется проблема первоначальной подготовки этих экспертов: у них отсутствует обязательность первоначальной подготовки по экспертной специальности. Такое положение объясняется тем, что для определения компетентности судебного эксперта по выполнению определенного вида судебных экспертиз следователи, дознаватели, судьи руководствуются издавна сложившейся практикой (не противоречащей процессуальному законодательству): требуют показать документ, удостоверяющий наличие специальных знаний в конкретной области (диплом о высшем профессиональном образовании). В отдельных случаях запрашивается сертификат соответствия компетентности эксперта требованиям системы добровольной сертификации негосударственных судебных экспертов, который в настоящее время ускоренно печатают и раздают более 30 «палат» и «федераций судебных экспертов», не имеющих ни методической, ни материальной, ни кадровой базы для обучения и квалифицированной сертификации судебных экспертов. В результате такого обучения и «сертификаций» к производству экспертиз допускаются лица, не имеющие профессиональной подготовки по производству судебных экспертиз. Обучение таких лиц, к сожалению, проводится с нарушением всех требований дидактики: научности, доступности, системности, наглядности, связи с практикой, контроля результатов обучения. И становится совершенно понятным недовольство следователей и судей качеством работы таких судебных экспертов.

В целях повышения качества судебных экспертиз, проводимых негосударственными судебно-экспертными организациями, представляется необходимым организовать профессиональную подготовку их судебных экспертов на таком же уровне, что государственных судебных экспертов.

Представляется оптимальным предложение директора РФЦСЭ при Министерстве юстиции РФ С.А. Смирновой, которая считает, что в целях соблюдения всеми судебными экспертами и экспертными учреждениями единых требований, предъявляемых к их компетентности, и обеспечения достоверности исследований необходимо провести стандартизацию судебно-экспертной деятельности [5, с. 263].

И такое положение может быть достигнуто двумя путями:

– за счет обучения в вузах по специализированным программам: ФГОС ВО по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» с получением диплома о высшем образовании или по магистерской программе по специальности «Судебная экспертиза» определенной специализации (в МГЮУ и др.);

– получение судебными экспертами негосударственных судебно-экспертных организаций дополнительного профессионального образования по конкретной экспертной специальности путем обучения по дополнительным профессиональным программам в рамках повышения квалификации и профессиональной подготовки.

Второй путь системы профессиональной подготовки негосударственных

судебных экспертов издавна ведется Союзом «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)». К проведению курсов переподготовки и повышения квалификации экспертов в СУДЭКС привлекаются квалифицированные и авторитетные ученые и ведущие эксперты-практики, владеющие знаниями и навыками современных методов и методик экспертного исследования. На этих курсах кроме основ уголовного права и процесса, криминалистики, должны обязательно преподаваться специальные дисциплины: «Введение в судебную экспертологию», «Основы экспертной ситуалогии» (как части криминалистической ситуалогии), «Этика судебного эксперта» и т.д.

Полагаем, что для реализации предложения С.А. Смирновой необходимо законодательно закрепить требование об обязательности прохождения всеми судебными экспертами негосударственных и государственных судебно-экспертных организаций подготовки (или переподготовки) в установленной законодательством системе профессионального обучения судебных экспертов с последующей сдачей квалификационных экзаменов. Особое внимание следует уделить качественной подготовке судебных экспертов по проведению таких сложных видов (родов) судебных экспертиз, как «Исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ, лекарственных средств», «Исследование психологии и психофизиологии человека», «Исследование экологического состояния естественных и искусственных биоценозов», «Генотипоскопическая экспертиза (ДНК-анализ)».

В связи с необходимостью унификации подготовки судебных экспертов и приведения судебно-экспертной деятельности к единым требованиям принимать квалификационные экзамены следует поручить единой вневедомственной Высшей федеральной квалификационной комиссии судебных экспертов с филиалами в территориальных округах Российской Федерации (без сдачи такого экзамена лицо не допускается к судебно-экспертной деятельности). В состав данной комиссии по подготовке и проведению квалификационных экзаменов должны быть включены, наряду с представителями государственных судебно-экспертных организаций, и наиболее известные судебные эксперты – представители Союза «Палата судебных экспертов им. Ю.Г. Корухова (СУДЭКС)», а также обязательное участие профессорско-преподавательского состава вузов, осуществляющих подготовку по специальности «Судебная экспертиза» [6, с. 239].

Данная Комиссия[1] должна иметь право проводить обучение, принимать квалификационные экзамены , выдавать дипломы и квалификационные аттестаты эксперта единого образца (для судебных экспертов государственных и негосу-

[1] В исключительных случаях, проведение квалификационных испытаний судебных экспертов из числа ученых, обладающих специальными знаниями в крайне узких, специфических областях науки, которыми не обладает ни один член комиссии (органа) по стандартизации, следует поручать ученым советам научно-исследовательских центров Российской академии наук или государственных университетов соответствующего профиля.

дарственных судебно-экспертных организаций), приостанавливать право производства судебных экспертиз экспертами, проводящими судебные экспертизы на низком уровне, вести реестры сертифицированных судебных экспертов, судебно-экспертных лабораторий, прошедших аккредитацию и т. д. Такая Высшая федеральная квалификационная комиссия должна быть наделена полномочиями:

– проведения рецензий заключений экспертов;

– проведения мероприятий по выявлению экспертов, систематически проводящих судебные экспертизы низкого качества;

– при выявлении низкого качества заключений эксперта (включая заключения с ошибочными выводами), вызывать их исполнителей для проведения дополнительного обучения;

– в случае неоднократного выявления ошибочных заключений эксперта – лишать таких экспертов права производства судебных экспертиз конкретного вида (рода), с исключением их из всероссийского реестра судебных экспертов и т.д.

Таким образом будет осуществляться контроль качества деятельности судебных экспертов в целях успешного решения задач судебно-экспертной деятельности.

Кроме того, для повышения качества судебно-экспертной деятельности представляется необходимым провести следующие первоочередные мероприятия:

– ускорить принятие Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»;

– унифицировать регламентацию судебно-экспертной деятельности в процессуальных кодексах различных видов судопроизводства (арбитражного, гражданского, уголовного, административного, конституционного);

– для однозначного трактования и повышения качества результатов работы ведомственных судебно-экспертных организаций необходимо унифицировать ведомственные нормативные акты, касающиеся организации и производства судебных экспертиз;

– привести отечественные стандарты и руководства органов по аккредитации к единым требованиям с международными стандартами судебно-экспертной деятельности;

– расширить деятельность Технического комитета Росстандарта по стандартизации № 134 «Судебная экспертиза», включая стандартизацию экспертных методик;

– разработать порядок валидации и сертификации экспертных методик;

– составить единый реестр сертифицированных экспертных методик

– разработать единые требования к аккредитации судебно-экспертных лабораторий;

– организовать подготовку ответственных сотрудников судебно-экспертных

организаций по контролю за качеством судебно-экспертной деятельности данных организаций;

– выработать ключевые требования к компетентности сотрудников судебно-экспертных организаций, к судебно-экспертной деятельности в целом.

Вышеназванными не ограничиваются меры по повышению качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, но и их реализация позволит существенно повысить уровень судебно-экспертного обеспечения судопроизводства.

Данная работа проведена в рамках выполнения гранта РФФИ-мк №18-29-14076 по теме «Правовые и этические аспекты всеобщей ДНК-паспортизации населения Российской Федерации для целей ДНК-идентификации личности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кузьмин С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности: автореф. … канд. юрид. наук. М., 2016. 31 с.
2. Галяшина Е.И. Унификация судебно-экспертной деятельности и проблемы доступа к профессии эксперта // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 21 января 2016 г.). М.: Проспект, 2016. С. 71–77.
3. Хрусталев В.Н. Академическая подготовка судебных экспертов в России: воспоминание о будущем // Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном процессе и по делам об административных правонарушениях : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 26 сентября 2013 г. С. 30–38.
4. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2015. 724 с.
5. Смирнова С.А. Законодательное регулирование инноваций судебно-экспертной деятельности // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: матер. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 января 2016 г. М.: Проспект, 2016. С. 262–265.
6. Россинская Е.Р. Классификация судебных экспертиз в русле стандартизации судебно-экспертной деятельности // Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности: матер. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 21 января 2016 г. М.: Проспект, 2016. С. 234–239.

On some approaches to improving the quality of forensic activities in the Russian Federation

F.G. Aminev[1], A.F. Aminev[2]

[1] Institute of law Of the «Bashkir state University» (Russia, Ufa)
[2] Forensic center of the Ministry of internal Affairs of the Republic of Bashkortostan
faminev@mail.ru

The problems of the quality of forensic activities in the Russian Federation and ways to improve it are considered: recommendations on certain areas of activity of forensic organizations are given; ways of improving the professional training of experts of state forensic organizations are indicated; ways of improving the quality of activities of non-state forensic organizations are shown.

Measures are proposed to improve the qualification requirements for judicial experts, which will have a beneficial effect on improving the quality of their work. Proposed training and qualification examinations for experts from non-state su-Sankt-Peterburg-expert organisations to carry out at the same level as the experts of state forensic institutions. Priority measures are presented to improve the quality of forensic activities as soon as possible.

Keywords: forensic examination, forensic organization, forensic activity, expert, professional training, certification

УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕГО ИСТОЧНИКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ НЕФТЕЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ПРОДУКТОВ ИХ ПЕРЕРАБОТКИ

Л.Г. Бабаева[1], Х.С. Хибиев[2] М. Г. Рамазанова[1]

[1] Дагестанский государственный университет
[2] ЭИО № 2 ЭКС регионального филиала ЦЭКТУ (Россия, г. Махачкала)
chidirlas@mail.ru

Диагностика и идентификация нефтяного сырья, товарных нефтепродуктов на предмет установления единого источника по происхождению (принадлежности единой массе, объему, скважине), а также определения общего источника происхождения наслоений и их остатков, представляет значительный интерес. В статье рассматриваются актуальные вопросы установления источника происхождения нефти Северного Кавказа и продуктов их переработки.

Ключевые слова: судебная экспертиза товарных нефтепродуктов, горюче-смазочные материалы, нефтепродукты.

Экспертное исследование товарных нефтепродуктов (НП) и горюче-смазочных материалов (ГСМ) связано с необходимостью установления фактических данных и обстоятельств при расследовании преступлений и судебном рассмотрении уголовных дел о поджогах, сожжении трупов в целях сокрытия убийств, об убийствах с использованием холодного и огнестрельного оружия, дорожно-транспортных происшествиях, хищениях (кражи, несанкционированные врезки в нефтепровод с целью хищения нефтяного сырья, разливы нефти, в

том числе техногенные, пожары и поджоги и т.п.).

Видоизменение НП и ГСМ может явиться следствием внешнего воздействия различных условий в неопределенной степени, в том числе, как в результате испарения, неполного возгорания, так и при технологическом производстве – переработке нефти и нефтяного сырья вплоть до товарных нефтепродуктов.

В качестве объектов исследования (модельных объектов) нами были выбраны образцы нефти двух месторождений Северного Кавказа: г. Избербаш (образец №1) и г. Калмыцк (образец №2), и нефтепровода Баку–Новороссийск (образец №3), а также продукты их переработки – средне-дистилляционные фракции, основные характеристики которых приведены в Таблице 1.

Таблица 1.
Данные в % (об.) перегонки при атмосферном давлении средне-дистиллятных фракций Избербашской нефти (№ 1, ρ= 0,835г/см3, ω(S) = 0.12656%), нефти с нефтепровода Баку-Новороссийск (№ 2, ρ= 0,846г/см3, ω(S) = 0.54291%) и Калмыцкой нефти (№3, ρ= 0,834г/см3, ω(S) = 0.14530%)

Фракционный состав,%		**V, мл**	**0**	**5**	**10**	**15**	**20**	**25**	**30**	**35**	**40**	**45**	**50**	**55**	**60**	**65**	**70**
Температура, 0С	№ 1	н.к.	179	203	215	238	249	255	264	277	289	295	300	324	330	341	350
	№ 2	н.к.	175	218	236	280	289	294	305	315	320	322	331	340	345	348	350
	№ 3	н.к.	178	201	231	251	270	280	298	310	320	335	340	345	348	350	

ГАЗОХРОМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Хроматография – метод разделения, обнаружения и определения веществ, основанный на различии их поведения в системе из двух несмешивающихся фаз – подвижной и неподвижной.

Подвижной фазой может быть жидкость (раствор анализируемой смеси) или газ (смесь газов или паров веществ), неподвижной – твердое вещество или жидкость. [1].

Газовая хроматография, в которой подвижная фаза газообразна, одна из наиболее эффективных разновидностей этого метода [2].

Нами при проведении экспериментальных хроматографичеких моделирований использован режим программирования температуры [3]. Преимущество программирования температуры заключается в том, что растворенные вещества проходят по колонке при температуре, оптимальной для их разделения, если соответствующим образом выбраны начальная температура и скорость нагрева. В результате продолжительность анализа значительно снижается, достигается хорошее разделение, а высота последних пиков возрастает.

Каждому компоненту смеси на хроматограммах соответствует отдельный пик – максимум сигнала детектора. На основе полученных хроматограмм образцов нефтей №№ 1–3, а также их среднедистиллятных фракций (рис. 1, 2) проведен качественный и количественный анализ нормальных углеводородов (н-УВ).

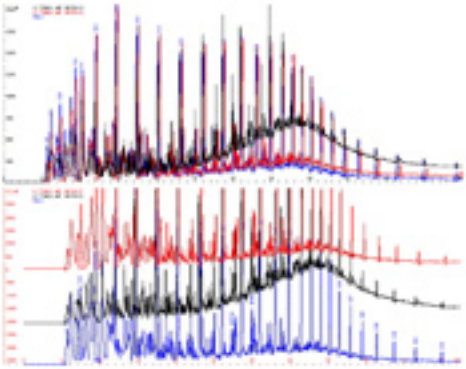


Рис. 1. Общий вид и профиль хроматографической картины образцов нефти:
№ 1 – г. Избербаш; № 2 – нефтепровод Баку–Новороссийск;
№ 3 – г. Калмыцк (наложением и каскадом)

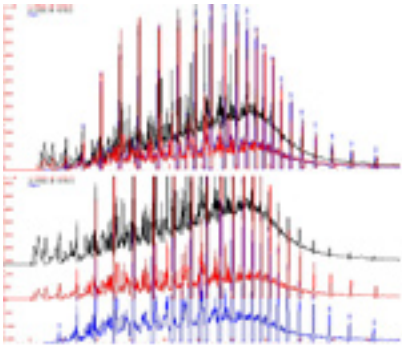


Рис. 2. Общий вид и профиль хроматографической картины
среднедистиллятных фракций образцов нефти:
№ 1 – г. Избербаш; № 2 – нефтепровод Баку–Новороссийск;
№ 3 – г. Калмыцк (наложением и каскадом).

Условия и методика ГЖХ-анализа:

хроматограф «Кристалл 5000.1»;

Колонка: ZB-5 (1=60м);

Неподвижная фаза – 5%- полифенилдиметилсилоксилан;

Характеристика жидкой фазы;

ρ (плотность) – 1,07 г/см3 , g (масса носителя) – 16,5 мг;

С (процентное содержание) – 100%;

Газ-носитель – гелий (1,019 мл/мин), воздух – 300мл/мин.;

Детектор – ПИД, температура детектора – 300 °С;

Температура испарителя – 285 °С;

Мертвое время – 3 мин.

Режим программирования температуры:

37 °С – задержка на три минуты, рост температуры от 37 °С до 110 °С, со

скоростью 10 °С, 110 °С – задержка на 1 минуту., рост температуры от 110 °С до 180 °С, со скоростью 5 °С в минуту, рост температуры от 180 °С до 285 °С, со скоростью 12 °С в мин.

Ввод проб образцов объемом 0,5–1 мкл в испаритель осуществлялось с использованием периферийного устройства Дозатора автоматического жидкостного (ДАЖ).

Обработка выходных данных качественного и количественного анализа проведена с использованием программно-аналитического комплекса «Хроматек Аналитик 2.6», прилагаемому к хроматографическому комплексу «Кристалл 5000.1».

Для исследуемых образцов средне-дистиллятных фракций по полученным хроматограммам (рис. № 2) были рассчитаны следующие характеристики:

1. Время удерживания (t_R-абсолютное, t'_R – исправленное и его логарифм $\lg t'_R$, $t_{Rотн}$ – относительное);
2. Удерживаемый объем и его логарифм (V_R – абсолютный, $V_{Rотн}$ – относительный, $\lg V_R$ – логарифм относительного удерживаемого объема);
3. Температура выхода вещества (T_R и $1000/T_R$);
4. Индекс Ковача (J).

Удерживаемый объем (VR) (объем газа-носителя, прошедший через колонку от момента ввода пробы до момента выхода максимальной концентрации вещества) находили по уравнению

$$V_R = T_R * \vartheta \quad (1)$$

где T_R – время удерживания (время от момента ввода пробы до выхода максимума концентрации определяемого компонента); ϑ – объемная скорость газа носителя.

Однако на абсолютные величины этих первичных параметров удерживания могут влиять ошибки эксперимента. Чтобы их снизить нами использованы относительные величины с применением стандартов [4, 5]. Например, исправленное время удерживания (t'R) –время, прошедшее с момента появления несорбирующего газа tR(0) до появления пика соединения:

$$t'_R = t_R - t_R(0) \quad (2)$$

Относительное время удерживания ($t_{Rотн}$) – отношение исправленного времени удерживания данного соединения к соответствующему времени стандартного соединения:

$$t_{Rотн} = t'_R / t_{ст} \quad (3)$$

где $t_{ст}$ время удерживания стандартного состояния.

Исправленный удерживаемый объем (V'_R) :

$$V'_R = V_R - V_R(0) \quad (4)$$

Точность определения относительных параметров удерживания выше, чем у абсолютных [1]. Еще удобнее и целесообразнее определять параметры относительно двух н-алканов, один из которых имеет меньшее, а другой – большее

время удерживания или температуру удерживания, чем интересующее нас соединение. Эти два соседних алкана являются стандартами. Подобный параметр был введен в практику в 1958 г. Ковачем [2]. При программировании температуры индекс удерживания Ковача (J) определяется по формуле:

$$J = 100\ ((T_{R,I} - T_{R,n})/\ (T_{R,(n+1)} - T_{R,n})) + 100*n \qquad (5)$$

где: $T_{R,i}$ – температура удерживания анализируемого вещества; $T_{R,n}$ – температура удерживания н-парафина с числом n-атомов углерода; $T_{R,(n+1)}$ – температура удерживания н-парафина с числом (n+1) атомов углерода.

В данном случае за стандарт берутся два соседних алкана – до и после исследуемого соединения. Значения индексов приведены в таблице 2.

Таблица 2.
Сравнение образцов

Число атомов	J(T)	J(lgt'R)	J(t'R)	J(lg VR)	J(T)	J(lgt'R)	J(t'R)	J(lg VR)	J(T)	J(lgt'R)	J(t'R)	J(lg VR)
C9	-	-	-	-	-	-	-	-				
C10	945,823	969,603	945,823	952,055	945,808	972,086	945,808	952,036				
C11	1044,035	1057,873	1044,035	1050,000	1044,213	1058,465	1044,213	1050,237	-	-	-	
C12	1148,633	1158,523	1148,633	1154,124	1148,905	1158,939	1148,905	1154,688	1148,690	1159,016	1148,670	
C13	1249,179	1256,589	1249,179	1253,939	1249,005	1256,538	1249,005	1253,374	1248,216	1255,970	1248,276	
C14	1349,230	1354,902	1349,230	1353,521	1349,155	1355,122	1349,155	1353,147	1350,269	1356,190	1350,269	
C15	1449,268	1454,438	1449,268	1452,800	1449,208	1453,801	1449,208	1453,175	1449,091	1453,801	1449,092	
C16	1550,346	1554,225	1550,346	1553,153	1550,185	1554,483	1550,185	1553,153	1550,407	1554,861	1550,407	
C17	1673,177	1674,713	1673,177	1675,362	1671,880	1674,157	1671,880	1673,239	1672,309	1673,864	1672,309	
пристан	1741,493	1774,000	1741,493	1742,500	1744,317	1745,098	1744,317	1746,341	1743,022	1745,098	1743,022	
C18	1855,192	1856,000	1855,112	1856,098	1852,319	1853,846	1852,319	1852,381	1853,950	1854,902	1853,950	
фитан	1952,876	1953,659	1953,042	1952,941	1957,279	1958,537	1957,279	1958,824	1954,620	1959,098	1954,620	
C19	2035,252	2037,255	2035,252	2037,209	2032,879	2034,694	2032,879	2034,146	2034,425	2036,000	2034,425	
C20	2152,326	2155,333	2152,326	2154,000	2152,184	2153,333	2152,184	2154,000	2152,354	2153,333	2152,354	
C21	2254,180	2256,000	2254,180	2254,762	2253,268	2254,902	2253,268	2253,488	2253,858	2256,000	2253,858	
C22	2353,798	2356,410	2353,798	2355,882	2356,082	2357,500	2356,082	2357,143	2353,958	2355,000	2353,958	
C23	2451,889	2450,000	2451,889	2451,724	2450,759	2451,515	2450,759	2451,724	2451,849	2451,429	2451,849	
C24	2549,960	2553,125	2549,960	2550,000	2550,081	2550,000	2550,081	2551,852	2550,061	2553,125	2550,061	
C25	2648,396	2648,387	2648,396	2650,000	2648,443	2650,000	2648,443	2648,148	2648,583	2648,387	2648,583	
C26	2747,327	2748,485	2747,327	2748,276	2747,392	2748,485	2747,323	2748,276	2747,131	2748,425	2747,131	
C27	2846,265	2847,222	2846,265	2848,387	2846,429	2847,222	2846,429	2848,387	2846,537	2847,222	2846,537	
C28	2945,625	2946,341	2945,625	2944,444	2945,689	2947,500	2945,689	2945,714	2945,486	2946,341	2945,486	
C29	3045,327	3047,826	3045,327	3047,619	3045,294	3046,667	3045,294	3046,341	3045,428	3047,826	3045,423	
C30	3144,857	3145,283	3144,857	3146,809	3144,899	3145,283	3144,899	3146,809	3144,845	3145,283	3144,845	
C31	3244,903	3246,774	3244,903	3245,455	3244,478	3246,774	3244,478	3245,455	3244,819	3246,774	3244,819	
C32	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	

Гораздо значительным изменениям подвергается УВ состав легкокипящих фракций нефти и нефтепродуктов при горении или воздействии иных факторов окружающей среды. УВ состав изменяется в основном под воздействием теплового испарения [6]. Что касается среднедистиллятных топлив, то наличие в составе керосина и дизельных топлив более высококипящих и сложных по

строению компонентов по сравнению с легкокипящими определяет возможность обнаружения их и идентификации на предмет происхождения по сырью при наличии дифференцирующих признаков (перераспределение тяжелых компонентов топлив как в парафинонафтеновой, так и в ароматической фракции, сохранение соотношений н-УВ и изопреноидов, в частности С17/пристан, пристан/С18, С18/фитан) [7-9].

С этой целью нами были построены и рассчитаны доверительные критерии (не более 10 %) перераспределения тяжелых компонентов в полученных среднедистиллятных фракциях, а также соотношения н-УВ и изопреноидов в исходных образцах нефтей №№ 1-3 и в полученных средне-дистиллятных фракциях (Рис. 3).

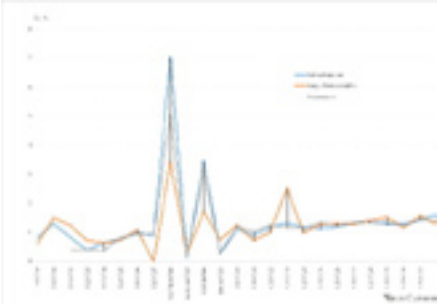


Рис. 3. Общий вид и профиль кривых распределения соотношений УВ и изопреноидов (пристан и фитан) среднедистиллятных фракций образцов нефти: № 1 – г. Избербаш; № 2 – нефтепровод Баку–Новороссийск; № 3 – г. Калмыцк (наложением и каскадом)

По полученным характеристикам среднедистиллятных фракций исследуемых образцов нефтей с трех месторождений Северного Кавказа, а также комплекс идентификационных и дифференцирующих признаков образцов нефтей в нативном виде в сравнении с полученными моделированием (фракционной перегонкой при атмосферном давлении и разделении) их средне-дистиллятными фракциями, в частности индексы удерживания Ковача, качественный и количественный состав предельных н-УВ, а также их соотношения с изопреноидами, коррелируются, что позволяет определить общий (единый) источник происхождения нефти и нефтепродуктов по сырью, или установить принадлежность ранее единой массе (единому объему).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяхирев Д.А., Шушунова А.Ф. Руководство по газовой хроматографии. М.: Высшая школа, 1975, 279 с.
2. Большова Т.А., Брыкина Г.Д., Шпигун О.А. Основы хроматографических методов анализа. М.: МГУ, 1992, 109 с.
3. Серов Ю.М., Конюхов В.Ю., Крюков А.Ю., Жаворонкова К.Н. Хроматографические методы анализа (учебное пособие). М.: РУДН, 2011, 218 с.
4. Новак Й. Количественный анализ методом газовой хроматографии. М.:

Мир, 1978, 179 с.
5. Кузнецов О.Ю., Балак Г.М., Приваленко А.Н., Пуляев Н.Н. Применение газовой хроматографии для исследования углеводородного состава и идентификации нефтепродуктов [Текст] / Фундаментальные исследования. 2017, №8, Т. 2, С. 264–269.
6. Криминалистическое исследование нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов. Выпуск I. (Методическое пособие для экспертов, следователей и судей). М., 1987.
7. Бабаева Л.Г., Хибиев Х.С., Зейналов М.З., Юсуфова Г.А. Изучение углеводородного состава нефти некоторых месторождений Северного Кавказа методом газожидкостной хроматографии [Текст] // Материалы Всеросс. конф. «Современные проблемы химии и нефтехимии». Махачкала: ДГТУ, 2008, С.7–9.
8. Бабаева Л.Г., Хибиев Х.С., Юсуфова Г.А., Супиева В.Н. Использование корреляционного анализа для изучения углеводородного состава и свойств нефти методом газожидкостной хроматографи [Текст] // Материалы международной конференции «Инноватка – 2011» изд. Ульяновского госуниверситета, 2011, С.162–164.
9. Бабаева Л.Г., Хибиев Х.С., Магомедова М.Р. Исследование корреляционной зависимости углеводородного состава ряда алканов от физико-химических характеристик остаточной фракции нефти [Текст] //Сборник научных статей международ.научно-практ. конф. «Актуальные вопросы современных математических и естественных наук», г. Екатеринбург, 2015, С. 37–42.

Establishment of a common source of origin of the North Caucasus oils and their products

L. G. Babaeva[1], *H. S. Hibiev*[2], *Ramazanova M. G.*[1]

[1] *Dagestan State University*

[2] *EIO number 2 (Makhachkala) ECS - branch of CEKTU Pyatigorsk*

chidirlas@mail.ru

Diagnostics and identification of crude oil, commodity oil products in order to establish a single source of origin (belonging to a single mass, volume, well), as well as determine the common source of the deposits and their residues, is of considerable interest. The article deals with topical issues of establishing the source of origin of oil of the North Caucasus and their products.

Keywords: forensic examination of petroleum products, fuels and lubricants, petroleum products.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ПОВОДУ ИНСТРУМЕНТАРИЯ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОГО ПО «OTEXPERT» ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.С. Бершацкий

ЭКО СУ СК РФ по Нижегородской области (Россия, Нижний Новгород)
baer-shats-ne@yandex.ru

В данной работе речь пойдёт об инструментарии, предоставляемом эксперту-лингвисту для идентификации лиц по голосу и речи программным продуктом «OTExpert 6.1 (сборка 4)» разработки ООО «ОТ-КОНТАКТ». Данное программное обеспечение выбрано как объект анализа в связи с тем, что опыт автора в решении идентификационных задач сформирован при взаимодействии именно с этим продуктом, а также в связи с актуальностью программы (регулярными обновлениями). Изучение иных программных продуктов и сравнение их с «OTExpert» на данном этапе не входило в задачи исследователя, в том числе в связи с отсутствием соответствующих дистрибутивов и ключей активации, однако рассматривается как перспективное направление работы в будущем.

Ключевые слова: судебная фоноскопическая экспертиза, идентификация лиц по голосу и речи, программное обеспечение.

Совсем недавно основными инструментами работы эксперта-лингвиста при проведении фоноскопических исследований были текстовый редактор и программы типа «Adobe Audition», «Sound Forge» или тому подобные, главным образом предназначенные для работников звукозаписывающих студий и радиостанций.

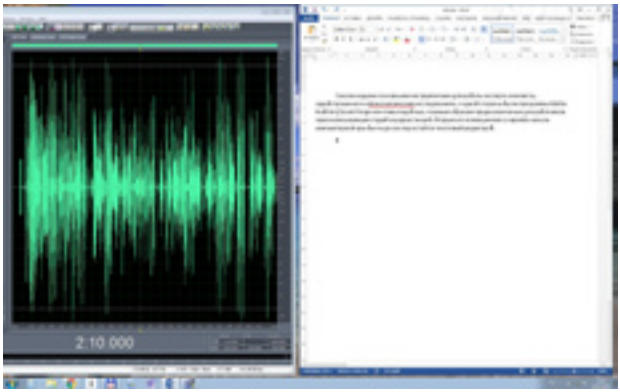


Рис. 1. Adobe Audition + Word

Этот минималистичный набор, с одной стороны, говорит о «непритязательности» эксперта-лингвиста, но уже одно то, как экономит время сотрудника привязка конкретных отрезков текста к определенным участкам фонограммы, свидетельствует о перспективах развития инструментария для лингвистического анализа.

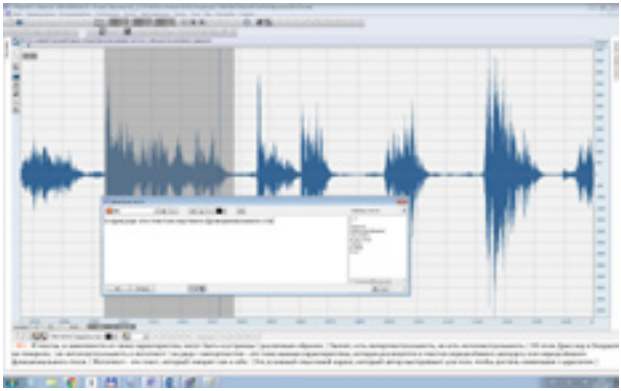


Рис. 2. Окно ввода текста в «OTExpert»

Если раньше, чтобы переслушать тот или иной фрагмент звукозаписи, нужно было сначала потратить время на его поиски, то теперь мы «вызываем» в программе поиск по тексту и моментально обнаруживаем нужный отрезок. Суммарно эту экономию довольно сложно «оцифровать». У опытного лингвиста, по самым осторожным предположениям, в рамках экспертизы эта экономия может измеряться в часах, а у начинающего счёт может пойти на дни.

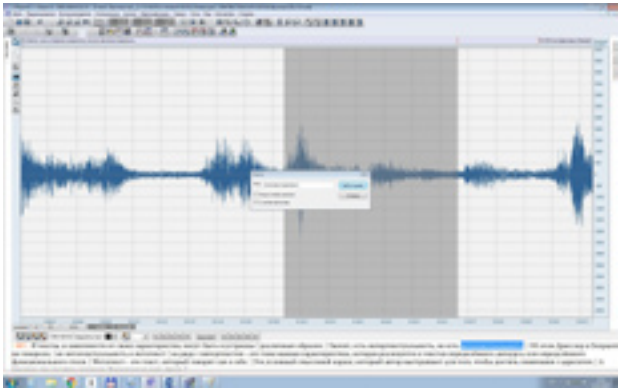


Рис. 3. Поиск по тексту в «OTExpert»

Фактор привязки текста к звуковой дорожке бережёт время также и экспертам-акустикам. Во-первых, потому, что они наравне с лингвистами участвуют в установлении дословного содержания фонограмм. Во-вторых, последние версии «OTExpert» предлагают автоматический поиск триад и диад по установленному тексту, что ускоряет процесс анализа микроструктуры звуков. Но на этом польза связи буквы и звука для экспертов-акустиков, пожалуй, заканчивается, а для экспертов-лингвистов только начинается.

Однако, автоматизация производства экспертизы коснулась в первую очередь акустического анализа. Это объясняется тем, что лингвистические параметры хуже поддаются математическому вычислению, а также тем, что создателями ПО для фоноскопии являются в основном специалисты-акустики.

Перечислим, какими инструментами может пользоваться эксперт-лингвист при работе с ПО «OTExpert 6.1 (сборка 4)».

Первый, как по очереди, так и, на наш взгляд, по важности, инструмент – это уже продемонстрированная нами опция стенографирования текста.

Главное достоинство окна ввода текста в «OTExpert» заключается в том, что пользователю не нужно выходить из него, чтобы воспроизвести отрезок фонограммы заново или с нужного ему места. Это позволяет работать существенно быстрее, не переключаясь постоянно с той программы, где мы слушаем звук, на ту, где мы набираем текст.

В окне ввода и редактирования текста в «OTExpert» реализованы несколько основных опций форматирования, которые при работе над одним и тем же файлом позволяют разным пользователям так или иначе маркировать участки своей работы.

Соответственно, набранный в «OTExpert» текст потом можно легко скопировать в буфер обмена или экспортировать в «Microsoft Word».

Далее обратим внимание на появившийся недавно инструмент «Лингвистические метки». Уже при установлении текста эксперт может отмечать вертикальными метками обнаруженные признаки. Так что при достаточном качестве и длительности фонограммы к моменту завершения установки дословного содержания у лингвиста под рукой может оказаться широкий перечень примеров для иллюстрации характерных особенностей речи диктора.

Рис. 4. Лингвометка 1 в «OTExpert»

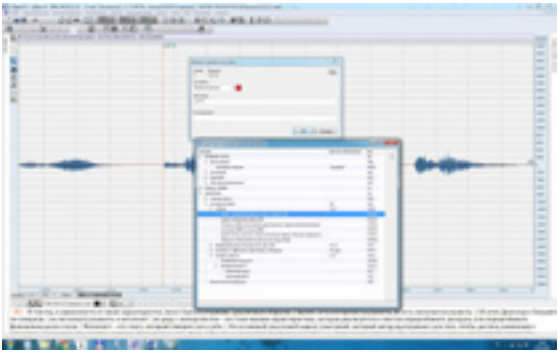


Рис. 5. Лингвометка 2 в «OTExpert»

Рис. 6. Лингвометка 3 в «OTExpert»

Также на данном этапе развития программы её разработчики дополнили меню «Идентификация» пунктами «Сегментные признаки» и «Признаки голоса и речи» с возможностью добавлять новые, удалять и редактировать имеющиеся. По сути, это инструмент создания и редактирования протокола лингвистического исследования, развитие которого в будущем может исключить необходимость во внешнем текстовом редакторе, но организация этих разделов пока ещё вызывает некоторые вопросы. Впрочем частота выхода обновлений программы даёт надежду на скорейшую оптимизацию данных нововведений.

Рис. 7. Сегментные признаки 1 в «OTExpert»

Рис. 8. Сегментные признаки 2 в «OTExpert»

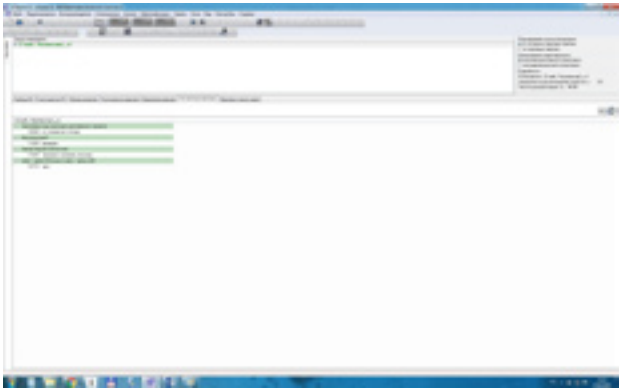


Рис. 9. Сегментные признаки 3 в «OTExpert»

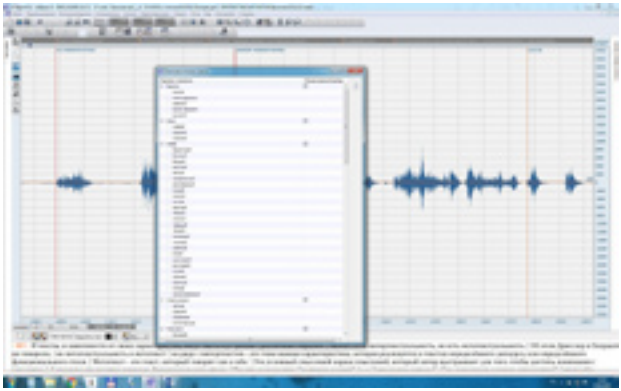


Рис. 10. Признаки голоса и речи 1 в «OTExpert»

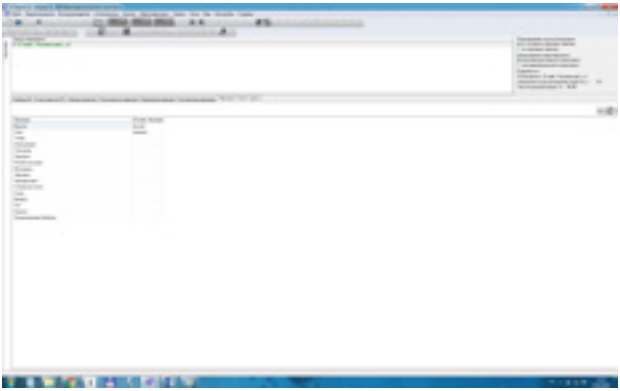


Рис. 11. Признаки голоса и речи 2 в «OTExpert»

Теперь обозначим как вспомогательные имевшиеся и в предыдущих сборках и версиях опции определения основного тона голоса диктора по кепстрограмме и упомянутую выше расстановку триад. Эти инструменты в первую очередь относятся к набору эксперта-акустика, но могут также служить подспорьем и для лингвиста при подтверждении предположений о высоте голоса диктора, интонационном контуре его речи, а также ряде и подъёме произносимых гласных.

Завершим перечисление «лингвистических» инструментов функцией «Найти в словарях».

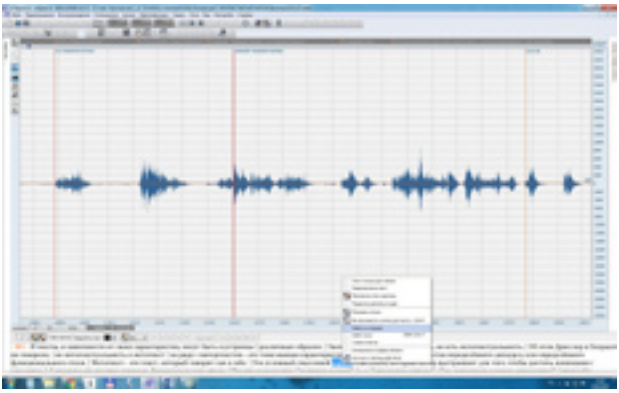


Рис. 12. Найти в словарях 1 в «OTExpert»

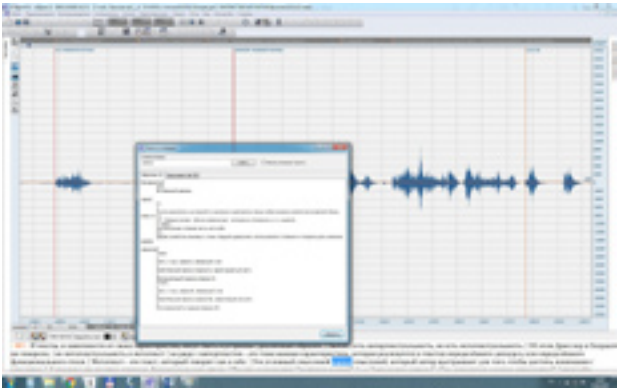


Рис. 13. Найти в словарях 2 в «OTExpert»

Возможность проверить выделенное в установленном тексте фонограммы слово по словарю также появилась в актуальной сборке последней версии программы. Интегрированных словарей пока только два, так что в данный момент этот признак стоит на последнем месте по важности, хотя и обладает значительным потенциалом для установления особенностей лексической структуры анализируемой речи.

Рассмотрим перспективные направления развития инструментария для лингвистических идентификационных исследований.

Сегодня можно говорить о существенном внимании научного сообщества к так называемым «big data», или «большим данным». Они, безусловно, также служат и развитию речевых технологий. Проиллюстрировать результат применения «больших данных» в этой области можно с помощью сервиса Yandex SpeechKit, который предлагает платформа «Яндекс.Облако». Этот сервис позволяет разработчикам приложений и сайтов использовать речевые технологии «Яндекса»: распознавание речи (Speech-to-Text) и синтез речи (Text-to-Speech).

Применительно к задачам фоноскопической экспертизы нас интересует именно распознавание, поэтому остановимся на описании преобразования типа «Speech-to-Text».

«SpeechKit» решает задачу распознавания в два этапа. На первом этапе в аудиосигнале выделяются наборы звуков, которые могут быть интерпретированы как слова. Для каждого набора звуков обычно существует несколько вариантов слов — то есть несколько гипотез.

На втором этапе подключается языковая модель, которая позволяет проверить каждую гипотезу с точки зрения структуры языка и контекста — насколько данное слово согласуется со словами, распознанными ранее. Система распознавания проверяет гипотезы, пользуясь языковой моделью как словарем. Создание такого словаря — это сложная вычислительная задача, здесь используется машинное обучение нейронных сетей.

Нейронная сеть обучается на речи, которая обычно используется в той или

иной области. Поэтому языковые модели специализируются на распознавании речи определенной тематики. Например, для распознавания номера телефона лучше всего подходит модель Числа, а для того, чтобы распознать имя и фамилию абонента, следует использовать модель Имена.

Для подготовки моделей используются большие массивы данных из сервисов и приложений Яндекса. Это позволяет постоянно улучшать качество распознавания [4].

Внедрение подобной системы распознавания речи в программы для производства судебной фоноскопической экспертизы кажется нам крайне важным, поскольку, во-первых, установка дословного содержания в большинстве случаев выступает как отдельная задача экспертного фоноскопического исследования, а во-вторых, очень полезна при проведении лингвистического анализа.

Очевидно, что на текущем этапе качество распознавания речи, произнесённой диктором со средними речевокальными данными в зашумлённой акустической обстановке, будет невысокое и о превращении длительной аудиозаписи в достоверную текстовую расшифровку не может быть речи, но ускорить процесс стенографирования можно уже сейчас, предлагая программе на распознавание короткие участки фонограммы и редактируя предложенные ею гипотезы, то есть работая в полуавтоматическом режиме.

Процесс определения характерных особенностей того или иного диктора также может быть частично автоматизирован. Причём в настоящий момент его удобнее всего будет основывать на графическом (текстовом) облике слова.

Так, например, возможно будет алгоритмизировать преобразование текстовой информации в фонетическую транскрипцию. Чтобы на её основе обнаруживать индивидуальные особенности, она должна будет отражать нормативное произнесение звуков речи.

Затем программу потребуется «научить» различать звуки по типам (гласный ударный, безударный; согласный мягкий, твёрдый; согласный взрывной, шипящий и т.д.) и организовать поиск по фонетической транскрипции. Так, например, обнаружив велярное произнесение мягкого р мы сможем прослушать другие его реализации по поисковой фразе: «[р’]», а не искать по тексту сочетания р с переднеязычными гласными и употребление буквы перед мягким знаком.

Такой поиск полезно будет «интеллектуализировать», предусмотрев возможность задавать искомые компоненты не только конкретными символами транскрипции, но и категориями. Например, «заднеязычный твёрдый + гласный среднего ряда».

Эти изменения помогут ускорить анализ на фонетическом уровне. Исследовать уровень фразы и слова позволит организация «категориального» поиска по типу реализованного в Национальном корпусе русского языка.

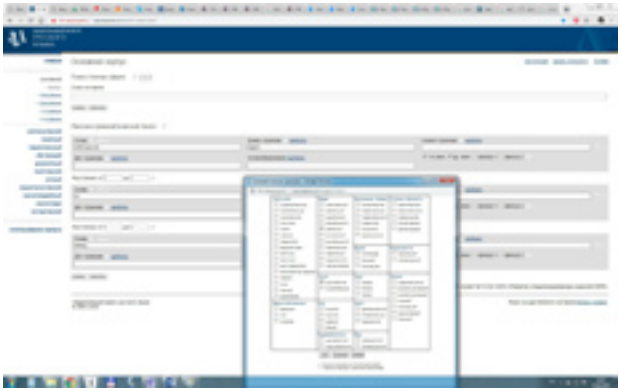


Рис. 14. Национальный корпус русского языка в «OTExpert»

И наконец очень важно аккумулировать собственные «большие данные», то есть организовать библиотеку признаков. Она будет полезна как для систематизации опыта конкретного эксперта, так и при обмене таким опытом. Тем более, что ООО «ОТ-КОНТАКТ» уже занималось созданием подобных баз данных в рамках создания ПО «DB-Expert», которое предназначено для ведения картотек аудио- и видеофайлов, созданных с использованием различных устройств и программ, «позволяет автоматически анализировать структуру файлов и выделять индивидуализирующие признаки, искать в базе данных образцы с таким же набором признаков, как и у исследуемого файла, группировать устройства по одному или нескольким признакам, проверять группу файлов на соответствие выбранному набору признаков» [5].

Итак, в данной работе был проанализирован ряд инструментов, предоставляемых ПО «OTExpert» для лингвистического исследования в рамках идентификации лиц по голосу и речи, а также сделан ряд замечаний о перспективах совершенствования данного набора инструментов. В рамках дальнейшего развития темы можно провести анализ и последующее сравнение других программных продуктов.

Ещё одно перспективное направление исследования темы развития ПО для лингвистического анализа в рамках фоноскопии – это знакомство с принципами работы «распознавателей» речи, в частности – «Yandex SpeechKit», так как с целью выявления инвариантного облика слова они призваны «отсекать» индивидуальные особенности дикторов. В связи с этим полезно проанализировать возможность сохранения и интерпретации такой «отсекаемой» на данном этапе информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Идентификация лиц по устной речи на русском языке. Методика «Диалект». Пособие для экспертов. Издание 2-е, переработанное и дополненное/ Н.Б. Кураченкова, Н.В. Байчаров, М.А. Ермакова. Под редакцией В.М. Богданова. М., 2007.

2. Руководство пользователя ПО «OTExpert 6.1 (сборка 4)».
3. Яндекс.Облако. [Электронный ресурс]. URL: https://cloud.yandex.ru/docs/speechkit/ (дата обращения: 15.04.2019).
4. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 15.04.2019).
5. ОТ-Контакт [Электронный ресурс]. URL: http://www.timbre.ru/product.php?lang=ru (дата обращения: 16.04.2019).

Some observations about the tools provided by the «OTExpert» software for linguistic research in the framework of phonoscopic forensic examination

A.S. Bershatsky

Forensic department of the Investigation department of the Investigative committee of the Russian Federation in Nizhny Novgorod Region (Russia, Nizhny Novgorod)
baer-shats-ne@yandex.ru

In this report we focused on the tools provided by the software product «OTExpert 6.1 (version 4)» developed by «OT-CONTACT» LLC. This software was chosen due to the fact that the author's experience in solving identification problems was formed during the interaction with this product, as well as due to the program's relevance (regular updates).

Keywords: forensic phonoscopic examination, identification of persons by voice and speech, software.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь

Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (Россия, Москва)
economist-expert@rambler.ru

Судебная экономическая экспертиза, ее содержание, задачи и способы их решения формируются, меняются и развиваются с учетом конкретных социальных и экономических условий в стране. Необходимо вырабатывать общие подходы к пониманию наиболее существенных аспектов современных экономических исследований, повышать профессиональную компетенцию экспертов, чтобы обеспечить высокое качество экспертиз.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза; специальные знания; методическое обеспечение; взаимодействие; легализация доходов, полученных преступным путем; профессиональная компетенция эксперта.

Судебная экономическая экспертиза[1] прошла более чем вековой путь раз-

[1] В данной статье под термином судебная экономическая экспертиза мы будем понимать все виды исследований, выполняемых по заданию правоприменителя и требующих применения специальных экономических знаний в широком смысле, т.е. знаний из области бухгалтерского учета, финансов, кредита, налогообложения, денежного обращения и т.п.

вития, если за условную точку отсчета брать один из первых научных трудов в этой области – книгу С.Ф. Иванова «Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе», изданную в 1913 году [1]. На протяжении этого времени представления о том, что есть судебная экономическая экспертиза, каковы ее составляющие, кто должен и может ее выполнять, что входит в ее предмет, каковы пределы компетенции эксперта-экономиста менялись довольно существенно. Отчасти это объясняется углублением, расширением, конкретизацией, постепенным формированием теоретических основ экономических исследований, обусловленных накопленным эмпирическим материалом, т.е. экспертной практикой, которая, в свою очередь, сообразуется с потребностями правоприменителя. С другой стороны, развитие материнских наук также способствует выработке и внедрению новых подходов к пониманию сути судебной экономической экспертизы, совершенствованию и актуализации ее методов. Но самое существенное, кардинальное влияние на теоретическую базу судебной экономической экспертизы и ее практику, понимание ее задач и возможностей оказали политические и экономические преобразования, произошедшие в нашей стране в конце XX века, поскольку данная экспертиза тесно связана и напрямую зависит от общественных отношений, изменяется вместе с ними.

Свободный рынок, многообразие форм собственности, конкуренция, возможность осуществлять предпринимательскую деятельность без указания «сверху», на свой риск, но с несением определенной ответственности перед контрагентами, наемным персоналом, государством, появление новых видов экономических правонарушений, рост числа спорных экономических вопросов в отношениях хозяйствующих субъектов обусловили потребность в различных формах применения специальных экономических знаний, привели к пониманию необходимости нового актуального взгляда на судебные исследования в данной области. Но объективная особенность любой судебной экспертизы заключается в том, что ее теоретическая база вырабатывается только после накопления и осмысления определенного объема практического материала. В итоге после проведенных социальных, политических и экономических реформ образовался существенный недостаток, пробел в научном обосновании и методическом обеспечении судебной экономической экспертизы.

Надо отметить, что за прошедшие 30 лет было издано достаточно большое количество научных работ, учебных и методических материалов по данной тематике, однако их основная часть, по мнению авторов статьи, содержит не вполне корректные, спорные, а в ряде случаев и неправильные положения. Некоторые книги представляют собой компиляцию, не слишком удачно составленную из различных источников, причем без понимания смысла исходных текстов и зачастую даже без указания первоисточника. Иногда встречаются «труды», в главах которых слова аудит, аудиторская проверка, аудитор просто заменяются на бухгалтерская (экономическая) экспертиза, эксперт-бухгалтер, и всё выдается

за учебник, методическое пособие по судебной бухгалтерской (экономической) экспертизе. Другие книги содержат перепечатки устаревших тезисов, которые потеряли свою актуальность (например, отсылки к планово-экономической экспертизе), или положения, уже не разделяемые абсолютным большинством практикующих судебных экспертов-экономистов (например, возможность вынесения экспертом суждения о правильности актов ревизии, решение вопросов о недостаче товарно-материальных ценностей, факте ущерба, выявлении ответственных за них лиц).

Основная причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что авторы таких «трудов» не являются профессиональными судебными экспертами и излагают свои представления о судебной экономической экспертизе, не вполне владея теоретическим и практическим материалом, не видя разницы между различными формами применения специальных экономических знаний, не понимая процессуальных особенностей данной области деятельности. Это приводит к тому, что у части пользователей такой сомнительной информации, включая студентов, правоприменителей и лиц, привлекаемых к производству судебных экспертиз не на постоянной основе, складывается ошибочное представление о судебной экономической экспертизе, направлениях ее развития, возможностях, особенностях назначения и производства, пределах компетенции эксперта-экономиста, применяемых методах исследования и т.п. Перечисленное, в свою очередь, негативно влияет на уровень подготовки будущих специалистов, правильность оценки и восприятие выводов эксперта, качество выполняемых экспертных исследований, а значит, и на уровень судопроизводства в целом.

Причем следует оговориться, что высказывание и обсуждение спорных и неоднозначных идей, частных мнений в различных статьях, докладах на конференциях, семинарах, круглых столах является нормальным явлением и даже необходимой практикой, поскольку служит именно развитию теории и практики экспертизы, а в дискуссиях вырабатывается общее понимание многих вопросов. Однако полагаем, что в учебных изданиях такой подход недопустим. Они должны содержать те положения, которые признаны профессиональным экспертным сообществом и проверены практикой.

Организация постоянных дискуссионных площадок, создание учебной литературы, выработка практических рекомендаций, не входящих в противоречие с современным процессуальным законодательством, положениями теории судебной экспертизы, учитывающих мнение профессиональных судебных экспертов и сложившуюся экспертную практику, будет способствовать формированию и развитию теории судебной экономической экспертизы, адекватной требованиям времени, совершенствованию практики производства экономических исследований, повышению научной обоснованности ее методического обеспечения. И всё это вполне отвечает современным мировым трендам судебно-экспертной деятельности, направленным на ее гармонизацию с лучшими международными

практиками, переходу на новый прогрессивный уровень использования специальных знаний [2].

Тенденции развития судебной экономической экспертизы несколько отличаются от направлений совершенствования других видов судебных экспертиз. Данное обстоятельство объясняется вполне объективными причинами: криминалистические исследования базируются на положениях естественных наук, таких как физика, химия, биология и др., которые, в свою очередь, не имеют национального деления, а национальные экономики и системы учета – реально существующий факт. Поэтому экономическая экспертиза в своей теоретической части в большей степени должна развиваться именно в направлении выработки единообразного понимания ее существа, четкого обозначения ее возможностей и пределов компетенции исполнителя, совершенствования и унификации терминологического аппарата, научной обоснованности методических подходов экспертного исследования, повышения достоверности заключения эксперта и его выводов.

Серьезное внимание надлежит уделить и проблеме предотвращения экспертных ошибок, что актуально для любой экспертизы. Исключить вероятность различных просчетов, оплошностей, упущений полностью невозможно, но минимизировать ее – задача крайне важная.

В практическом плане важно повышать уровень профессиональной компетенции и квалификации судебных экспертов-экономистов, работающих как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях. Как отмечал А.Р. Шляхов [3], эксперты по определению должны быть компетентными в решении вопросов, составляющих предмет рода, вида их экспертизы, но такой опыт нарабатывается не сразу, а с течением времени. При этом личная компетенция эксперта расширяется и углубляется, когда он участвует в различных методических разработках, проводит научные исследования, а также знакомится с мнениями других лиц по выбранной и смежной тематике. Современные тенденции в этой области следующие.

В ряде российских вузов на протяжении многих лет преподается специальность «Судебная экспертиза» и читается курс по экономическим (бухгалтерским) исследованиям. Качество подготовки выпускников в сильнейшей степени зависит от того, насколько сами преподаватели имеют адекватное представление о данной области деятельности, какие у них практические навыки.

Действующие эксперты-экономисты – сотрудники системы судебно-экспертных учреждений Минюста России, помимо предварительного получения необходимого профильного высшего образования, уже на рабочем месте в обязательном порядке проходят обучение и после сдачи экзаменов по различным дисциплинам получают диплом о профессиональной переподготовке по экспертным специальностям 17.1 «Исследование записей бухгалтерского учета», 18.1 «Исследование показателей финансового состояния и финансово-

экономической деятельности хозяйствующего субъекта»[1]. Перечисленное не освобождает их от обязанности периодически подтверждать свой профессиональный уровень перед экспертно-квалификационной комиссией.

Экспертно-криминалистические учреждения МВД России обеспечены выпускниками ведомственных учебных заведений, а кроме того, проводят мероприятия по повышению квалификации своих сотрудников.

Что же касается негосударственных судебных экспертов, то их ряды пополняются различными специалистами, чей уровень подготовки весьма различается, общие подходы к повышению профессионализма и квалификации отсутствуют. Одним из возможных способов восполнения такого пробела можно назвать сертификацию компетентности лиц, обладающих специальными экономическими знаниями, которые вовлечены в сферу производства судебных экспертиз. В настоящее время такая сертификация проводится на добровольной основе и самыми разными организациями, что не всегда дает гарантию надлежащего качества подготовки сертифицированного специалиста. Полагаем, что деятельность по сертификации должна быть упорядочена, проводиться на основе единого подхода и компетентными лицами, возможно, авторитетными представителями различных государственных и негосударственных экспертных учреждений.

Особенно актуальным развитие и совершенствование теории и практики судебной экономической экспертизы представляется в силу изменений, которые имеют место в современном мире. Преступность, в том числе и экономическая, выходит далеко за пределы границ одной страны и становится транснациональной. Расширяется международное экономическое сотрудничество, и экономические договоры связывают нашу страну со многими другими. Это вызывает необходимость взаимодействия судебных экспертов-экономистов разных стран, а также остро ставит вопросы об обеспечении качества судебно-экспертной деятельности, понимании логики действий эксперта и доверии к результатам (выводам) экспертизы, в частности, при проведении комплексных исследований по экономическим преступлениям или спорам, затрагивающим интересы представителей нескольких государств [4].

Кроме того, Россия присоединяется и ратифицирует международные договоры, соглашения, как регламентирующие правила реализации экономических интересов участников внешнеэкономических отношений, так и ставящие заслон интернациональной преступности. Так, в связи с участием России в реализации мероприятий в рамках международной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, остро встала необходи-

[1] Данные специальности перечислены в Перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (утвержден приказом Минюста России от 27.12.2012 г. № 237, внесены изменения приказом Минюста России от 29.10.2013 г. № 199).

мость в повышении эффективности экспертного сопровождения уголовных дел по преступлениям указанной категории. В настоящее время началась активная проработка данного вопроса, в которой принимают участие компетентные сотрудники различных организаций, в том числе ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, ЭКЦ МВД России, Росфинмониторинга и др., был предложен ряд шагов для обеспечения развития национальной системы противодействия легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

В декабре 2018 года был проведен совместный межведомственный семинар, посвященный указанной тематике, в ходе которого обсуждались сложности, возникающие при адаптации международных стандартов по противодействию отмыванию преступных доходов, обозначены границы компетенции сотрудников различных ведомств, намечены пути дальнейшего взаимодействия для обеспечения комплексного подхода в решении поставленных задач, в том числе в разработке экспертных методик.

Мы полагаем, что именно таким способом – совместными согласованными усилиями квалифицированных специалистов и надлежит развивать теорию и совершенствовать практику судебной экономической экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов С.Ф. Бухгалтерская экспертиза в судебном процессе: пособие для юристов и бухгалтеров-экспертов. СПб.: Издание книжного склада «Коммерческая Литература», 1913. 222 с.
2. Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важнейших международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 11–17.
3. Шляхов А.Р. Труды по судебной экспертизе. М: Наука, 2006. 567 с. (Библиотека судебного эксперта).
4. Виноградова М.М., Бондарь Н.Н. Судебные экономические экспертизы: проблемы международного взаимодействия и пути их решения // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 1. С. 115–120. DOI: 10.30764 /1819-2785-2018-13-1-115-120.

Modern trends in the development of the forensic economic expertise

M.M. Vinogradova, N.N. Bondar',

The Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (Russia, Moscow)

economist-expert@rambler.ru

Forensic economic expertise, its content, tasks and ways to solve them are formed, changed and developed taking into account the specific social and economic conditions in the country. It is necessary to develop common approaches to understanding the most essential aspects of modern economic research, to increase the professional competence of experts to ensure the high quality

of expertise.

Keywords: forensic economic examination; special knowledge; methodological support; legalization of criminal profits; interaction; professional competence of the expert.

К ВОПРОСУ О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ КЛАССИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ УСТРОЙСТВ

В.В. Воронин, А.В. Камелов, П.П. Петров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
vadimvoronin74@yandex.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения специальных цифровых устройств в процессе уголовно-процессуальной деятельности различными полицейскими и другими правоохранительными подразделениями, а также назревшая необходимость пересмотра некоторых положений термина специальная техника, элементов существующей классификации с последующим юридическим закреплением в законодательстве РФ.

Ключевые слова: специальная техника, правоохранительные органы, оперативно-розыскная деятельность, цифровые устройства, классификация.

Раскрытие и расследование преступлений сегодня невозможно представить без использования разнообразных технических средств. В настоящее время правоохранительные органы оснащены внушительным арсеналом техники, позволяющим эффективно решать поставленные перед ними задачи в деле борьбы с преступностью и обеспечения безопасности граждан. Одни средства применяются для поиска и обнаружения следов на месте преступления, с помощью других осуществляется их фиксация и изъятие, третьи предназначены для исследования вещественных доказательств в ходе производства судебных экспертиз. Отдельную группу составляют технические средства организационного и вспомогательного характера.

Приборы и устройства, используемые в уголовно-процессуальной деятельности, принято называть «криминалистической техникой». Тактика и методика применения этих средств разрабатываются криминалистикой.

Разнообразные технические средства, используемые в оперативно-розыскной деятельности, получили название «оперативная техника». При проведении оперативно-розыскных мероприятий данная группа технических средств используется преимущественно негласным образом, а тактические приемы их применения имеют ограничительный гриф секретности.

Технические средства, позволяющие эффективно решать организационные, профилактические и иные вспомогательные задачи правоохранительных органов, объединены под названием «административная техника». Применение такой техники носит открытый характер и регулируется нормами администра-

тивного законодательства и ведомственными нормативно-правовыми актами.

Необходимо отметить, что значительная часть технических средств, состоящих на вооружении правоохранительных органов, в силу своих функциональных возможностей в определенных условиях может быть использована как при осуществлении следственных действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий, так и в административной деятельности. Такой универсальных характер большинства технических средств делает общепринятую их классификацию по такому критерию как «направление деятельности правоохранительных органов» достаточно условной и неоднозначной.

В целом, всю совокупность приборов, устройств, приспособлений, а также веществ и материалов, используемых правоохранительными органами при осуществлении своих полномочий, принято называть «специальной техникой».

В научной и специальной литературе, разными авторами были предприняты попытки сформулировать определение понятия «специальная техника».

Так, Ванчаков Н.Б. понимает под специальной техникой совокупность технических средств, материалов и соответствующих тактико-технических приемов, используемых органами внутренних дел в соответствии с законом для выполнения их специфических задач [1].

Матижев П.В. рассматривает специальную технику, как систему технических средств, устройств и соответствующих тактико-технических приемов, используемых органами внутренних дел при условии соблюдения законности в целях обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, розыска скрывшихся преступников [2].

Зайцев В.В. определяет специальную технику органов внутренних дел как совокупность технических средств, тактических приемов их применения и соответствующих им методов, используемых сотрудниками органов внутренних дел в целях предупреждения и раскрытия преступлений, розыска преступников, создания необходимых условий для содержания осужденных на основании и во исполнение законов и подзаконных нормативных актов [3].

Обобщив предложенные авторами понятия, «специальную технику» можно представить как совокупность технических средств, приемов и методов их применения сотрудниками правоохранительных органов для решения возложенных на них специфических задач, к которым относятся борьба с преступностью, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск преступников.

В таком определении, по нашему мнению, происходит смешение понятий технического средства, используемого в деятельности органов внутренних дел и средства специальной техники. Термин «специальный» означает «особый, исключительно для чего-нибудь предназначенный» [4]. Между тем, такая формулировка это совершенно не учитывает.

Анализ приведенных определений позволяет выделить лишь ключевые моменты, характеризующие технику правоохранительных органов в целом как специальную в силу специфики решаемых с ее помощью задач при использовании соответствующей тактики и методики на основе действующего законодательства.

Сегодня остро назрела необходимость пересмотра ключевых положений термина «специальная техника», начиная с несовершенства ее определения и заканчивая элементами существующей классификации.

Прежде всего это касается самой спорной и неоднозначной группы технических средств, предназначенных для фиксации (фото-, видео-, аудио-) действий проверяемых и разрабатываемых лиц в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий [5]. Как указывалось нами ранее, данная категория приборов и устройств, исходя из специфики решаемых с ее помощью задач, может быть отнесена к «оперативной технике».

В соответствии с классификацией по особенностям конструирования и производства «оперативную технику», как в прочем и любую другую «специальную технику», принято разделять на:

– технические средства общего назначения;

– технику, приспособленную для целей задач, решаемых в ходе ОРМ;

– специально сконструированные для оперативно-розыскной деятельности технические средства.

Актуальность данной классификации, разработанной в период, когда различия между аппаратурой фото-, киносъемки и записи звука, используемой в быту, и оперативной техникой были очень существенны, не вызывает сомнений. Габариты, размеры аппаратуры, её малый вес и, как следствие, возможность использования в оперативных целях с минимумом конструктивных переделок имели в тот момент решающее значение. Так, как только появился миниатюрный бытовой фотоаппарат «Киев-30», его сразу стали использовать оперативные подразделения, а в народе он получил название «шпионского». Зачастую задачи специальной разработки техники сводились к созданию универсального камуфляжа, так называемого «прикрытия» для неё. Классическим примером таких средств является кинокамера, размещенная в хозяйственной сумке или портфеле и её более поздний аналог – видеокамера в сумке-«барсетке». И в том и в другом случае такие средства фиксации позволяли негласно использовать их, не привлекая внимания к снимающему, для решения задач оперативно-розыскной деятельности [6].

Разработкой и изготовлением таких средств занимались уполномоченные ведомственные организации. В некоторых случаях и сами сотрудники на местах могли адаптировать такую технику для решения конкретной задачи.

Ситуация существенно поменялась в XXI веке с появлением и бурным развитием, а также всеобщей доступностью цифровых электронных средств.

В целом, первые цифровые устройства записи немногим отличались от своих «аналоговых» предшественников. Принципиальное значение имел лишь способ записи информации – не на пленочные носители, а на элементы цифровой памяти. При этом размеры цифровой аппаратуры иногда даже превосходили размеры существующей «аналоговой» техники. Однако тенденции производителей таковы, что каждое последующее поколение цифровых устройств становится значительно меньше по своим массогабаритным характеристикам и существенно превосходит по функциональному содержанию.

Проблема переосмысления понятия и классификации «специальной техники», на наш взгляд, наиболее остро обозначилась с появлением в широком доступе различных средств многофункционального назначения, совмещающих в себе возможности фото-видеофиксации, звукозаписи и многое другое. Например, современные мобильные устройства на базе средств сотовой связи, в которых помимо основного функционала, установлены фото-видеокамера, позволяющая получать качественные изображения, графический редактор, дающий пользователю возможность их улучшать, запоминающее устройство, способное сохранять полученные фото-видеофайлы, а функция выхода в сеть «Интернет» позволяет оперативно обмениваться различной информацией, в том числе и графической.

Таким образом, современные средства сотовой связи – это универсальные устройства, обеспечивающие не только передачу и прием речевой информации, но и обладающие возможностью фото- и видеофиксации, аудиозаписи, локализации местонахождения и многими другими, важными с точки зрения понятия «специальной техники», возможностями.

Пользователи таких устройств совершенно незаметным образом, используя нехитрые приемы и комбинации, имеют возможность проводить фотографирование или осуществлять видео- и звукозапись.

Современные мобильные средства беспроводной связи в своем дополнительном техническом оснащении схожи с различными комбинированными устройствами звуко- и видеозаписи, закамуфлированными под бытовые приборы и приспособления, такие как, например, авторучки, часы и брелоки и т.д. Перечисленные девайсы свободно продаются на различных интернет-ресурсах, а покупатели этих устройств подпадают по нормы действующего законодательства в сфере оборота специальных технических средств для негласного получение информации (УК РФ Статья 138.1. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации).

Согласно «Списку видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию» (утвержден постановлением Правительства РФ от 10 марта 2000 г. N 214) к техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации, относятся фотокамеры, телевизионные видеокамеры, за-

камуфлированные под бытовые предметы [7].

Исходя из логики законодателя, под уголовную ответственность попадают не только простые покупатели устройств с возможностью фото-, видео- и звукозаписи, закамуфлированных под часы, брелоки и тому подобное, свободно продающихся на иностранных интернет-ресурсах, но и все пользователи сотовых телефонов, в которых имеется фотокамера и диктофон, так как в определенном смысле мобильные телефоны можно считать камуфляжем для фото- и видеокамер. Иными словами, нет и не может быть принципиальной разницы закамуфлирована видеокамера под часы, зажигалку или телефон. Такое широкое трактование специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, дает правоприменителю неограниченные возможности к привлечению обладателей различных широко распространенных в мире девайсов к уголовной ответственности, вплоть до лишения свободы.

Решение данной проблемы, на наш взгляд, лежит в изменении подхода к понятию и классификации «специальной техники», в частности, к четкому определению группы технических средств, используемых в оперативно-розыскной деятельности, и пересмотру категории технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Одним из возможных способов приведения правовых норм к существующим реалиям, могло бы стать законодательное закрепление термина «специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации» [8]. Кроме того, на наш взгляд, необходимо внести существенные изменения в действующий в настоящее время перечень видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, исключив из него подобные им устройства фотографирования, видеосъемки и звукозаписи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Специальная техника органов внутренних дел: Учебник для образовательных учреждений МВД России / Под редакцией доктора юридических наук, профессора, генерал-майора милиции В.Л. Попова. М.: ЦИиНМОКП МВД России, 2000. 275 с.
2. Специальная техника ОВД: Учебное пособие Ж.А. Вагапов, П.В. Матижев Нижегородская академия МВД России, Чебоксарский филиал. Чебоксары, 2007. 162 с.
3. Оперативная техника органов внутренних дел: учеб. пособие /В.В. Зайцев, С.Н. Кленов. М.: Изд-во ЦИ и НМОКП ... М.: Юрлитинформ, 2001. 130 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. Проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2012. 736 с.
5. Воронин В.В., Камелов А.В., Петров П.В. Из опыта проведения занятий с

использованием современной цифровой фотографической техники при подготовке студентов на юридическом факультете // Сборник статей участников Международной научно-практической конференции «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ». Издательство Арзамасского филиала ННГУ, 2017. С. 59–63.
6. Воронин В.В., Камелов А.В., Петров П.В. Некоторые вопросы подготовки специалиста к участию в не процессуальной (оперативно-розыскной) деятельности правоохранительных органов. Сборник статей участников Международной научно-практической конференции «Наука сегодня: задачи и пути их решения». Вологда, 30 мая 2018 г.: в 2 частях. Часть 2. Вологда: ООО «Маркер», 2018. С. 110–114.
7. Постановление Правительства РФ от 10.03.2000 N 214 (ред. от 20.03.2018) «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию» [Электронный ресурс] / КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26436/ (дата обращения 22.02.2019 г.).
8. Камелов А.В. Проблемы допустимости результатов применения цифровых средств фото-видеофиксации в ходе следственных действий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского № 3. Часть 2. Н.Новгород: изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 67–69.

To the question of the imperfection of the classification of special equipment on the example of the use of multifunctional digital devices

V.V. Voronin, A.V. Kamelov, P.P. Petrov

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
vadimvoronin74@yandex.ru

The article discusses topical issues of the use of special digital devices, in the process of criminal procedure, various police and other law enforcement units, as well as the urgent need to revise some provisions of the term special equipment, elements of the existing classification, followed by legal recognition in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: special equipment, law enforcement agencies, operational search activity, digital devices, classification.

БИОМЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В.А. Газизов[1], *И.Н. Подволоцкий*[2]

[1] *Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)*
vagaz48@rambler.ru

[2] *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)*
inpodvolockij@msal.ru

Развитие средств установления и отождествления личности невозможно без проведения комплекса мероприятий различного характера. Организационного – создание единого аппаратно-программного комплекса для судебных и правоохранительных структур. Правового – принятия законов и стандартов, имеющих нормативное назначение. Финансового – обеспечение бюджетными средствами. Теоретического – выбор и познание закономерностей, связанных с возможностью отождествления человека по совокупности признаков внешности.

Ключевые слова: биометрия, идентификация, портретная экспертиза, свойства и признаки внешности.

Утвержденная Указом Президента России «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [1], призвана повысить безопасность граждан и государства в условиях современной глобализации. В этой связи государственные, а в большей степени, коммерческие структуры приступили к созданию и совершенствованию биометрических систем идентификации человека по изображению лица и другим уникальным свойствам (почерку, папиллярным узорам, сетчатке глаза и др.).

Представляется, что подобная задача является крайне актуальной в связи с увеличением миграционных потоков и развитием интеллектуальных систем видеонаблюдения. Подобная деятельность за рубежом ведется не один десяток лет и системы контроля позволяют фиксировать передвижения человека на протяжении всего времени его нахождения в конкретном населенном пункте. По нашему мнению подобная деятельность не должна выходить за рамки приоритета защиты прав и свобод граждан, гарантированных конституционным законодательством.

Не вдаваясь в анализ возможностей идентификации человека по всему комплексу признаков, остановимся на аспектах отождествления человека по его портретному изображению.

Суть портерной биометрической идентификации заключается в создании математической модели человека, изображение которого вводится в систему (оператором или автоматически) посредством компьютерных программ. Способ распознавания строится на математических вычислениях размерных параметров конкретных элементов внешности человека (ширина, высота, длина, соотношение и др.). Результаты вычислений сохраняются в памяти программы

и затем, в автоматическом режиме, сопоставляются с параметрами обсчета изображений людей, которые вводятся в систему позднее.

Более актуальной в настоящее время считается методика интеллектуального видеонаблюдения [2–4], позволяющая обрабатывать и распознавать видеообразы человека в режиме реального времени при получении динамических изображений человека. Подобная методика связана с логическим программированием интеллектуального видеонаблюдения [5].

Аналогичным образом происходит отождествление внешности человека посредством распознавания образов на основе глубоких нейронных сетей и машинного обучения [6, 7]. Нейронные сети также лидируют среди методов по распознаванию и идентификации лиц [8].

Использование систем видеонаблюдения не ограничивается только мониторингом окружающей обстановки в общественных местах. Подобные системы можно эффективно использовать при формировании биометрических учетов в правоохранительных органах, видеоархивах банковских и финансовых структур, а также при портретной идентификации в судопроизводстве.

Представляется, что для реализации Указа Президента потребуются энергичные усилия по созданию федеральной государственной структуры, разработке единого законодательства и обеспечении техническими средствами (отечественного производства).

В целях повышения эффективности создаваемой системы предлагаем принятие следующих мер:

1. Разработка стандартных процедур фото-, видеофиксации внешности человека. В настоящий момент фотографирование внешности человека для любительских и государственных нужд осуществляется посредством разнообразных цифровые устройств и приспособлений. Обработка изображений осуществляется вручную или автоматическими программными средствами, которые вносят значительные изменения в естественное отображение признаков внешности. Для исправления данной ситуации требуется строгое соблюдение стандартных операционных процедур цифровой фотографии, обеспечивающих получение достоверных и качественных портретных изображений.

2. Разработка и принятие (законов) национальных стандартов цифровой фото-, видеофиксации внешности человека. Нормативные документы необходимы для обеспечения единых требований к использованию технологий цифровой фотографии в правоприменительной и судебной деятельности в России. Деятельность в этом направлении уже ведется, в частности, в июне 2018 года Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций утвержден «Порядок обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации» [9]. Национальные стандарты должны быть совместимы с международными требованиями в данной области с учетом приоритетных направлений развития государства.

3. Создание и совершенствование технических средств и программного обеспечения для цифровой фото-, видеофиксации внешности человека. Для повышения качества электронных портретных фотоизображений для документов, удостоверяющих личность (паспортов, водительских удостоверений и т.п.) с возможностью дальнейшего использования биометрических параметров, следует разработать электронный комплекс технических средств, соответствующий современным потребностям. Подобными комплексами следует обеспечивать участников деятельности, связанной с выдачей документов государственного образца.

4. Совершенствование организации и финансирования биометрических технологий. Действующая с 2014 года и по настоящее время концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» [10] требует дополнения за счет увеличения площади действия и охвата прилегающих территорий. Подобные комплексы следует объединять в безопасный регион, область, республику и т.п. Подобные действия позволят создать единую информационную среду, обеспечивающую эффективное и незамедлительное взаимодействие структур, ответственных за обеспечение безопасности и правопорядка.

5. Создание комплексных систем. Комплексное направление в биометрии способствует установлению конкретного человека, попавшего в поле зрения правоохранительных органов. На сегодняшний день биометрические характеристики имеет внешность человека, его голос, отпечатки папиллярных узоров. Развиваются системы распознавания узора сетчатки глаза, кровеносных сосудов, температурных областей организма человека. Следует уделить внимание динамическим параметрам двигательных функций человека (походке, артикуляции, жестикуляции, почерку, привычкам и т.п.). Нельзя оставлять без внимания признаки одежды и вещей, постоянно носимых человеком (с учетом их единства и многообразия).

Таким образом, существующая на сегодняшний день в России система концепций, стандартов и технических средств в области биометрии, создаваемая на основе передовых международных требований с учетом комплексного подхода к фиксируемым и распознаваемым свойствам и признакам человека, посредством фото-, видеонаблюдения и пространственно-территориального распространения создает необходимый фундамент для развития и совершенствования биометрической системы государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы». Документ предоставлен КонсультантПлюс. Дата сохранения: 07.09.2018.
2. Skarlatidis A., Artikis A., Filippou J., Paliouras G. A probabilistic logic programming event calculus // Theory and Practice of Logic Programming. 2014.

No. 9. P. 1–33.
3. Shet V., Singh M., Bahlmann C., Ramesh V., Neumann J., Davis L. Predicate logic based image gram-mars for complex pattern recognition // International Journal of Computer Vision. 2011. Vol. 93, No. 2. P. 141–161.
4. Shet V., Harwood D., Davis L. VidMAP: Video monitoring of activity with Prolog // AVSS 2005. IEEE, 2005. P. 224–229.
5. Морозов А.А., Сушкова О.С. Анализ видеоизображений в реальном времени средствами языка акторный пролог. Информационные технологии и нанотехнологии. 2016. С. 350-356.
6. Ciresan D.; Meier U.; Schmidhuber J. (June 2012). «Multi-column deep neural networks for image classification». 2012 IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition. New York: Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE): 3642–3649.
7. Krizhevsky Al. ImageNet Classification with Deep Convolutional Neural Networks. // Advances in Neural Information Processing Systems 25 (NIPS 2012).
8. Журавлев И.Л., Соколов А.Ю., Кадейшвили А.А. Эффективность идентификации и верификации лиц нейронной сетью при низком качестве фотоизображений. Энциклопедия Судебной Экспертизы. № 2 (13). 2017. С. 76–87. [Электронный ресурс]. Режим доступа – свободный. URL: www.proexpertizu.ru (дата обращения 23.01.2019).
9. Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 25 июня 2018 г. № 321. «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической системе, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации» Приложение № 1 к приказу Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 25.06. 2018 № 321. Порядок обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных в целях идентификации.
10. Концепция построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р.

Biometric system as an element of information society development

V.A. Gazizov[1], *I.N. Podoloski*[2]

[1] *Moscow University of the Ministry of internal Affairs. V.J. Kikot (Russia, Moscow)*
vagaz48@rambler.ru
[2] *University named after O.E. Kutafin (MSAL) (Russia, Moscow)*
inpodvolockij@msal.ru

The development of means of identification is impossible without a set of activities of different nature. Organizational – creation of a single hardware and software complex for judicial and law enforcement agencies. Legal-adoption of laws and standards having a regulatory purpose. Financial-provision of budgetary funds. Theoretical-the choice and knowledge of the laws associated with the possibility of identification of a person on the grounds of appearance.

Keywords: biometrics, identification, examination of the portrait, the properties and characteristics of appearance.

ПОДГОТОВКА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ ПО СПЕЦИАЛИЗАЦИИ «РЕЧЕВЕДЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ»: ПРОБЛЕМЫ УНИФИКАЦИИ ПОДХОДОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОГРАММАМ

Е.И. Галяшина

Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, Москва)
eigalyashina@gmail.com

Рассмотрены подходы к профессиональной подготовке судебных экспертов в области исследования продуктов речевой деятельности (речеведческих экспертиз) по направлениям юриспруденции и филологии. Обосновывается необходимость единого подхода к системе подготовки кадров в области судебной лингвистической, авторoведческой, фоноскопической экспертизы, основанного на формировании профессиональных компетенций в пределах экспертных специальностей с опорой на интегрированный комплекс («сплав») юридических и лингвистических (речеведческих знаний).

Ключевые слова: судебное речеведение, криминалистика, экспертная специальность, обучение.

Повышение эффективности судебно-экспертной деятельности напрямую зависит от уровня квалификации ее субъектов. Подготовка профессиональных кадров для судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в последние годы находится в поле зрения не только гражданского общества, профессионального экспертного сообщества, но и руководства страны.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 08 декабря 2018 года №1502 «О Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» утверждено Положение, в котором перечислены основные задачи комиссии.

К ним относятся: подготовка предложений по формированию государ-

ственной политики и совершенствованию законодательства Российской Федерации в сфере судебно-экспертной деятельности; разработка единых подходов к научно-методическому обеспечению судебно-экспертной деятельности, включая внедрение современных приемов и методов проведения экспертных исследований; подготовка предложений по организации контроля за качеством работы негосударственных экспертных учреждений и организаций, а также негосударственных экспертов; разработка единых подходов к определению уровня квалификации судебных экспертов; разработка рекомендаций по подготовке кадров в области судебно-экспертной деятельности, профессиональной переподготовке и повышению их квалификации, а также рекомендаций по государственной аккредитации образовательной деятельности по образовательным программам, связанным с подготовкой кадров в области судебно-экспертной деятельности.

Для решения задач, нацеленных на повышение эффективности профессионального обучения и специализации экспертов, комиссия участвует в разработке профессиональных и образовательных стандартов по экспертным специальностям, разрабатывает предложения об установлении профессиональных и квалификационных требований к негосударственным экспертам, а также по организации контроля (надзора) за их деятельностью.

Далеко не случайно вопросы унификации образовательных программ профессиональной подготовки экспертных кадров, включая и экспертов по речеведческим экспертизам, находятся в числе приоритетных для российского государства. Проведенный нами экспресс-анализ рынка образовательных услуг, предлагаемых различными вузами по подготовке экспертов в области исследования продуктов речевой деятельности, показывает наличие разнообразия программ и направлений подготовки по направлениям юриспруденции и филологии.

На систематической основе в рамках юридического образования [1] по направлению «Судебная экспертиза», специализация №5 «Речеведческие экспертизы» (уровень специалитета) профессиональная подготовка судебных экспертов-речеведов в настоящее время осуществляется в таких российских вузах, как: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Институт судебных экспертиз), Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (юридический факультет).

Подготовка по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» в указанных вузах включает: комплекс юридических знаний по отраслям материального и процессуального права, необходимых для формирования компетенций судебного эксперта-речеведа в области правового обеспечения экспертного исследования следов речевых действий, образующих различные составы правонарушений; знаний из теории судебной экспертизы (экспертологии), криминалистики

и криминологии, филологических и речеведческих знаний из материнских наук в области исследования речи и ее продуктов как объектов судебно-экспертного исследования; общеэкспертные знания; специальные знания по родам и видам речеведческих экспертиз; а также овладение профессиональными навыками и умениями применения экспертных методик при выполнении лабораторных работ, учебных и контрольных экспертиз; прохождение учебных, производственных и преддипломных практик; осуществление научно-исследовательской работы студентами и написание дипломной работы по определенному виду или роду экспертизы, входящей в класс речеведческих (например, судебной лингвистической, судебной автороведческой, судебной фоноскопической и т.д.).

Обучение экспертов-речеведов по специальности 40.05.03 предназначено для подготовки судебных экспертов из лиц, впервые получающих высшее образование. В рамках учебных планов по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» предусмотрено системное и взаимосвязанное изучение как обязательных юридических, в том числе экспертных, криминалистических, так и филологических, речеведческих дисциплин, включая такие дисциплины как «Теория судебной экспертизы», «Судебное речеведение», «Основы прикладной и математической лингвистики», «Социолингвистика», «Основы стилистики и культурологии», «Общее языкознание и современный русский язык», «Диалектология», «Лингвистический анализ», «Литературоведческий анализа», «Язык и мышление», «Судебная лингвистическая экспертиза», «Судебная автороведческая экспертиза», «Судебная фоноскопическая экспертиза» и целый ряд других учебных дисциплин.

Область профессиональной деятельности экспертов-речеведов включает: судебно-экспертную деятельность по обеспечению судопроизводства, предупреждению, раскрытию и расследованию правонарушений путем использования специальных знаний в области речеведческих экспертиз в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей вербальной информации, необходимой для установления фактических данных (обстоятельств уголовного и гражданского дела, дела об административном правонарушении). Объектами профессиональной деятельности экспертов-речеведов являются: свойства и признаки вербальной информации, зафиксированной на материальных носителях, имеющей розыскное и доказательственное значение.

Специальные знания и компетенции эксперта-речеведа охватывают широкий спектр знаний, навыков и умений. Он должен обладать способностью в профессиональной деятельности применять методики экспертиз и исследований речи, зафиксированной на любом материальном носителе в любой форме (рукописной, машинописной, электронной, звучащей); при участии в процессуальных и не процессуальных действиях применять методы и средства речеведческих экспертиз в целях обнаружения, фиксации, изъятия и предварительного исследования объектов — речевых произведений — для установления

фактических данных (обстоятельств дела) в гражданском, административном, уголовном судопроизводстве; оказывать методическую помощь субъектам правоприменительной деятельности по вопросам назначения и производства речеведческих экспертиз и консультации по современным возможностям исследования речевых произведений, вовлекаемых в сферу судопроизводства в качестве документов, вещественных доказательств, а также иных материалов дела [2, с. 41–43].

Е.Р. Россинская отмечает, что «Подготовка судебного эксперта – это не механическое соединение двух образований (юридического и иного), а интегративное образование, позволяющее обучающемуся приобрести необходимые профессиональные компетенции, сформировать экспертное мышление, тогда как отдельно взятые два образования не позволяют этого сделать. Компетенции формируются только в течение нескольких лет экспертной практики, при этом возможны многочисленные ошибки. Поэтому иногда даже двух высших образований недостаточно» [3, с. 79].

Преимущества реализуемого в рамках специальности «Судебная экспертиза» интегрированного подхода, основанного на «сплаве» юридических, экспертных и речеведческих (лингвистических) знаний, к профессиональной подготовке судебных экспертов в области экспертизы продуктов речевой деятельности (судебной лингвистической экспертизы, судебной автороведческой экспертизы, судебной фоноскопической экспертизы) очевидна и отвечает основным тенденциям развития образования экспертов в мировой практике.

Так, например, в Казахстане с 1 января 2017 года в Классификатор специальностей высшего и послевузовского образования введена специальность «Судебная экспертиза» – по уровню докторантуры (PhD). По уровню магистратуры она была введена годом раньше [4].

В Российской Федерации по специальности «Судебная экспертиза» обучение осуществляется в более 30 вузах. Координацией их деятельности и оказанием содействия в обеспечении качества судебно-экспертного образования занимается Ассоциация образовательных учреждений «Судебная экспертиза», учредителем которой выступили Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова».

Как показал наш анализ основных образовательных программ высшего профессионального образования уровня специалитета, размещенных на сайтах вузов, осуществляющих подготовку по направлению «Судебная экспертиза», специализация «Речеведческие экспертизы», все программы предусматривают значительную долю филологических (речеведческих) дисциплин, обеспечивающих наличие лингвистической составляющей в подготовке соответствующих специалистов. И это понятно, так как освоение соответствующих профессиональных компетенций, как выше уже отмечалось, невозможно без освоения ма-

теринских наук, к числу которых относится и лингвистика.

Однако, некоторые филологи либо не знают, либо не хотят знать об особенностях подготовки судебных экспертов в рамках юридического образования, в упор не видят обширный блок филологических дисциплин, изучаемых экспертами-речеведами, позволяют себе огульно чернить систему профессиональной подготовки экспертов, в частности, по судебной лингвистической экспертизе. Так, Баранов А.Н. пишет: «вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованщине» [5, с. 19]. К сожалению, автор не приводит конкретных образовательных организаций, в подтверждение своей сентенции, поэтому трудно понять, к кому конкретно он относит оскорбительную номинацию «юридическая образованщина». Тем не менее использование подобных бездоказательных высказываний обычно характеризуется как нерукопожатность и не делает ученому чести.

В то же время в рамках филологического образования юридический компонент в подготовке экспертов по лингвистической экспертизе либо вовсе отсутствует, либо представлен крайне скупо.

Например, на сайте Тольяттинского государственного университета размещена магистерская программа «Лингвокриминалистика» по направлению 45.01.01. «Филология» [6]. В качестве миссии программы указывается, что магистерская программа «Лингвокриминалистика» предназначена для формирования у магистрантов общекультурных и профессиональных компетенций для осуществления экспертных исследований, связанных с широким кругом проблем, возникающих в области взаимодействия языка и права (дела о защите чести и достоинства, разжигании межнациональной розни; судебные споры в сфере патентоведения, товарных знаков, рекламы и т. д.). Важность программы обосновывается авторами тем, что в современном обществе актуализируются проблемы, возникающие на стыке языка и права, на рынке профессиональных услуг широко востребованы специалисты, обладающие широким спектром компетенций в области юридической лингвистики для проведения экспертных исследований при разрешении судебных споров в сфере уголовного, гражданского и ар-битражного законодательства, а также в сфере патентоведения и рекламы.

Однако, собственно юридических и экспертных дисциплин, позволяющих сформировать требуемые для судебно-экспертной деятельности компетенции (знания, навыки и умения), в числе дисциплин, изучаемых магистрантами, нет.

В базовой части представлены: Филология в системе современного гуманитарного знания, История и методология филологии, Английский язык, Правонарушения, совершаемые вербальным образом. К числу обязательных дисциплин относятся: Методы научных исследований в лингвистике, Основы лингвисти-

ческой интерпретации спорных текстов, Теория и практика лингвистической экспертизы. Среди дисциплин по выбору находятся: Теория и практика речевого воздействия и взаимодействия, Социология языка, Психология восприятия, Современный документный текст, Актуальные проблемы современной устной коммуникации, Философия языка.

Основная образовательная программа высшего профессионального образования, уровень магистратуры по направлению 45.04.01 «Филология», направленность (профиль) подготовки «Лингвокриминалистика», представлена и на сайте Иркутского государственного университета [7]. В качестве миссии программы заявлено, что для производства лингвистической экспертизы продуктов речевой деятельности требуются высококвалифицированные специалисты, способные решать самый широкий круг проблем, возникающих в области взаимодействия языка и права. Подготовка таких специалистов составляет миссию магистерской программы «Лингвокриминалистика». Характер профессиональной деятельности выпускников магистерской программы «Лингвокриминалистика»: это квалифицированный многоаспектный анализ различных типов текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов). Такой анализ ориентирован, в первую очередь, на разрешение конфликтных ситуаций, связанных с филологической стороной текстов. Область профессиональной деятельности выпускников данной магистерской программы –работа в экспертных центрах и фоноскопических лабораториях системы органов внутренних дел, суда и прокуратуры, адвокатуры. По заявлению разработчиков программы с ней сопряжен, в частности, профессиональный стандарт «Следователь-криминалист» (Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 23.03.2015 № 183).

На сайте Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева представлена рабочая программа учебной дисциплины «Лингвокриминалистика», изучаемой по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование», направленность (профиль) «Русский язык и литература» [8]. Цель курса, как это указано в рабочей программе данного курса, заключается в формировании у обучающихся представления о соотношении языка и права, в определении места и роли юридизированного языка в правовой системе общества, знакомство с правовыми основами проведения лингвистической экспертизы; знакомство со структурными, стилистическими и др. особенностями экспертного заключения; обучение анализу текста на предмет выявления спорных языковых фактов, противоречащих действующему законодательству; формирование навыков работы с различными лексикографическими источниками. К числу изучаемых вопросов относятся: Экспертиза как процессуальное действие. Назначение и структура заключения эксперта. Вопросы, выносимые на разрешение лингвистической экспертизы. Сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию. Оскорбление и языковые средства его выражения. Линг-

вистическая экспертиза – междисциплинарное филологическое исследование. Принципы экспертного исследования. Виды экспертиз, исследующих продукты речевой деятельности. Клевета, оскорбление. Неприкосновенность частной жизни.

Можно привести примеры и других подобных образовательных программ подготовки филологов или лингвистов в качестве «лингвистов-экспертов». Всех их объединяет отсутствие системного изучения правовой, теоретической, организационной основы судебно-экспертной деятельности, отраслей материального и процессуального права, экспертологии и собственно криминалистики, без знания которых осуществление судебно-экспертной деятельности филологами и лингвистами влечет процессуальные и деятельностные ошибки, вызывает много нареканий правоприменителя и неприглядную критику представителей гражданского общества.

Так, например, Д. Дубровский отмечает: «Такого рода экспертизы вызывают большой публичный интерес. С одной стороны, тексты гуманитариев несколько более понятны, по сравнению со сложными техническими или медицинскими, широкой публике. С другой стороны, именно это обстоятельство позволяет оценить тот зачастую катастрофический уровень профессионализма, который демонстрируют многие эксперты. … эксперт-филолог Лариса Горбань, кандидат филологических наук, преподаватель Мурманского гуманитарного университета в экспертизе по делу Мурманской молодежной правозащитной газеты (2014) обнаружила, что «В текстах и заголовках «Международной правозащитной газеты» скрытые призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации заключаются во многократном требовании «свободы» и «прав», которые, по мнению эксперта, еще и усиливались многократным использованием восклицательных знаков. Традицию приравнивать любые политические лозунги к экстремистским продолжили и другие эксперты. В Курской лаборатории судебной экспертизы, увидели в требовании «Долой самодержавие и престолонаследие» (2010) призывы к свержению конституционного строя России. При этом филологи Елена Трубникова и Дмитрий Бердников посчитали, что «выражение «самодержавие и престолонаследие» следует рассматривать как «синоним государственной власти». Когда же филолога Трубникову спросили, считает ли она современный государственный строй в Российской федерации самодержавием, она честно призналась, что она «и не думала признавать существующий в России режим самодержавием, а лишь анализировала текст с точки зрения лингвистики». … Надо сказать, что филологи специального назначения не боятся утверждений, которые вообще могут поставить под сомнение не только их профессиональную репутацию, но и, как кажется, простую человеческую вменяемость» [9].

Следует отметить, что использование филологами номинации «Лингвокриминалистика» вводит потребителей образовательных услуг в заблуждение, соз-

давая ореол «юридизации» преподаваемых лингвистических дисциплин, которые никакого отношения к криминалистике как юридической науке, имеющей свой предмет, объект, изучаемые закономерности и структуру, не имеют. Вряд ли можно согласиться и с предложением М.А. Грачева видеть «лингвокриминалистику» в структуре криминалистики [10, с. 21–31]. Скорее можно говорить о криминалистическом использовании специальных лингвистических знаний, что входит в уже сложившуюся научную парадигму судебного речеведения. Для обозначения области прикладной лингвистики как отрасли знаний на стыке языка и права некоторые филологи используют также термины «судебная лингвистика» и «юрислингвистика» [11, с. 9].

Говорить о «лингвокриминалистике» с позиций криминалистики как науки и учебной дисциплины также бессмысленно, как говорить о «неокриминалистике», «биокриминалистике», «химиокриминалистике», «психокриминалистике» и т.д.

В завершении необходимо сказать, что профессия судебного эксперта неразрывно связана с судопроизводством, специальные знания эксперта определены пределами судебно-экспертной специальности, а потому подготовка судебных экспертов должна быть основана на полноценных, глубоких юридических знаниях.

Бесспорно, что для квалифицированного экспертного исследования продуктов устной и письменной речи (судебной лингвистической, судебной автороведческой, судебной фоноскопической экспертизы) в силу специфики исследуемого объекта необходимо привлечение сведущего лица, обладающего помимо высшего образования и специальными знаниями в пределах соответствующей судебно-экспертной специальности. Унификация экспертных специальностей по родам и видам экспертиз – насущная задача ближайшего будущего. Тем не менее уже сейчас наличие у государственного судебного эксперта дополнительного профессионального образования по существующим ведомственным перечням экспертных специальностей является критерием его допуска к самостоятельному производству экспертиз конкретного рода или вида [12].

Очевидно, что профессиональные и квалификационные требования для лиц, не являющихся работниками государственных судебно-экспертных учреждений, должны быть такими же. Соответственно для лиц, получивших высшее юридическое образование по специальности «Судебная экспертиза», специализация «Речеведческие экспертизы», для получения допуска на право самостоятельного производства экспертизы, входящей в данный класс, достаточно получение дополнительного профессионального образования в форме повышения квалификации по одной или нескольким судебно-экспертным специальностям [13]. Однако лицам с педагогическим, филологическим, лингвистическим и иным (не экспертным) образованием (уровень специалитета, магистратуры подготовки кадров высшей квалификации) необходимо получение новой юри-

дической квалификации «Судебный эксперт». Поэтому для них должна осуществляться профессиональная переподготовка в объеме специальных знаний соответствующей экспертной специальности (специализации) [14, с. 31].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФГОС ВО по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» (уровень специалитета). Утвержден приказом Минобрнауки России от 28.10.2016 N 1342 (ред. от 13.07.2017) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета)» (Зарегистрировано в Минюсте России 06.12.2016 N 44595). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс».
2. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения: наука – экспертиза – обучение //Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. №12. С. 38–44.
3. Россинская Е.Р. Актуальные проблемы подготовки судебных экспертов и
4. дополнительного образования по отдельным экспертным специальностям // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 3. С. 78-85.
5. Что будет с судебной экспертизой после внедрения международного стандарта [Электронный ресурс] // Informburo. URL: https://informburo.kz/stati/kak-menyaetsya-sudebnaya-ekspertiza-kazahstana-s-vnedreniem-mezhdunarodnogo-standarta-.html (дата обращения: 07.02.2019).
6. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18–27.
7. Лингвокриминалистика [Электронный ресурс] // Тольяттинский государственный университет. URL: https://priem.tltsu.ru/master/%D0%9B%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0.pdf (дата обращения: 07.02.2019).
8. Лингвокриминалистика [Электронный ресурс] //Иркутский государственный университет. URL: https://isu.ru/filearchive/edu_files/OPOP45.04.01Filologija_Lingvokriminalistika,zaochn.,2017_1959.pdf (дата обращения 07.02.2019).
9. http://oreluniver.ru/public/file/edu/44.03.05FL/569/2018/o/annotations/1519131412_44.03.05_RPD_Lingvokriminalistika_2017.pdf (дата обращения 07.02.2019).
10. Дубровский Д. Эксперты специального назначения. 27.10.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.opendemocracy.net/od-russia/dmitriy-dubrovskiy/eksperty-killery (дата обращения 07.02.2019).
11. Грачев М.А. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник. М.: Флинта : Наука, 2016.

12. Судебная лингвистика : монография /О.Н. Матвеева, Н.В. Вязигина, Ю.В. Холоденко и др./ Под ред. О.Н. Матвеевой. Барнаул: Концепт, 2015.
13. Галяшина Е.И. Доступ к профессии эксперта и паспорт экспертной специальности / Е.И. Галяшина // Эксперт-криминалист. 2016. №2. С. 30-33.
14. Галяшина Е.И. Квалификационные и профессиональные требования к эксперту по судебной лингвистической экспертизе : лингвист-эксперт или эксперт-лингвист / Е.И. Галяшина // Язык. Право. Общество : сб.ст. V Междунар. науч.-практ. конф (г. Пенза, 22–25 мая 2018 г.) / под общ. Ред. О.В. Барабаш; редколлегия: М.Б. Ворошилова, Т.В. Дубровская, А.К. Дятлова, Н.А. Павлова. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. С. 27–32.
15. Галяшина Е.И. Компетентностный подход к подготовке судебных экспертов и стратегия развития специализации «Речеведческие экспертизы» (специальность 40.05.03 Судебная экспертиза) в рамках юридического образования Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12 (85) December. С. 27–35.

Training forensic experts in the specialization of "Speech Expertise": problems of unifying approaches to educational programs

E.I. Galyashina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Russia, Moscow)
eigalyashina@gmail.com

The paper looks at approaches to forensic speech examiners' training in the fields of philology and jurisprudence. The need for a unified approach to the system of personnel training in the field of forensic linguistic, authorship, phonoscopic expertises, based on the formation of professional competencies within expert specialties based on an integrated complex of legal and linguistic (speech) knowledge is substantiated.

Keywords: forensic speech examination, criminalistics, expert specialty, training.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ

И.В. Герасимова, А.Н. Новоселова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
antonina40@ya.ru

Статья содержит интерпретацию результатов исследования отношения к речевой агрессии различных субъектов образовательных отношений. В ходе исследования применены методики опроса (с использованием элементов опросника Басса-Дарки), «рисунка несуществующего животного» (использовался в работе с дошкольниками); ассоциативного эксперимента. Предпринятый анализ позволяет сформировать проблемное поле нейтрализации конфликтного взаимодействия в образовательной среде.

Ключевые слова: вербальная агрессия, конфликтогенный текст, речевой акт.

В современном общественном дискурсе одним из объектов лингвистических исследований является проблема возрастания уровня речевой агрессии. Неоднозначность возникает уже на стадии определения терминологического статуса самого понятия «речевая агрессия», «вербальная агрессия», «словесная агрессия» и т.д. Например, это и узкое понимание термина («форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [1]), и широкое («доминирующее речевое поведение в целом» [2]).

Неоднозначность отразилась и на оценке данного явления. Так, Жельвис В.И., Михальская А.К. и др. придают ему статус негативного коммуникативного явления, в то время, как Ратмайр Р. определяет его как реализацию особых – «пробивных» – стратегий в деловой коммуникации. Если конфликтогенные тексты содержат дискурсивные признаки вербальной агрессии, то, с функционально-прагматической точки зрения, они препятствуют достижению заданной коммуникативной цели, поскольку языковые средства не оказывают необходимого воздействия на адресата из-за дополнительных эмоциональных реакций. Таким образом, коммуникация оказывается неэффективной, и адресант не достигает поставленных целей.

Фиксация в настоящее время постоянного роста уровня речевой агрессии в поведении людей отмечается общественным дискурсом. Об этом же свидетельствует и современная образовательная практика. Так, в общественной практике выявляется множество образцов деструктивного конфликтного поведения, в том числе – вербально выраженные. Данные факты актуализируют исследование проблемы речевой агрессии как экспликации комплексных негативных процессов в практике образовательной деятельности.

Процесс диагностики речевого акта, содержащего признаки речевой агрессии, представляет из себя определенную сложность. Щербинина Ю.В. указывает, что «если мы опираемся на контекст речевой ситуации, т. е. анализируем конкретные условия общения: место, время, состав участников, их намерения и отношения между ними» тогда мы можем квалифицировать высказывание с точки зрения проявления в нем агрессии. При этом важным оказывается:

– определить «отрицательное коммуникативное намерение говорящего» (такое, как унижение чести и достоинства, профессиональной репутации и т.д.);

– выявить «несоответствие высказывания характеру общения и «образу адресата»» (фамильярное обращение в официальной обстановке и т. п.);

– установить наличие «отрицательной эмоциональной реакции адресата на данное высказывание» (обида и т. п.) и соответствующего ответного поведения (например, ответное оскорбление и т. п.) [3].

Очевидно, что ключевую роль в диагностике вербальной агрессии играет способ восприятия адресатом обращенного к нему высказывания. Уровень речевой агрессии в социуме в образовательной среде находится в непосред-

ственной зависимости от своевременного выявления и грамотной интерпретации интенции и содержания конфликтных речевых актов.

Нами было предпринято исследование (состав выборки – более 100 респондентов: учителей, студентов, школьников и дошкольников) способов восприятия и отношения различных участников образовательных отношений к феномену речевой агрессии. Методами исследования были выбраны: опрос (с использованием элементов опросника Басса-Дарки), методика «рисунок несуществующего животного» (использовался в работе с дошкольниками); ассоциативный эксперимент.

Результаты предпринятого исследования позволяют констатировать следующее.

1. Уровень речевой агрессии в современном обществе в целом (в том числе в образовательной среде) определяется респондентами как

– высокий и обнаруживающий устойчивую тенденцию к дальнейшему повышению (от 77% до 86%),

– неизменно высокий (от 12% до 18%),

– высокий, но обнаруживающий устойчивую тенденцию к снижению (от 2% до 5% опрошенных).

Незначительный уровень речевой агрессии не был отмечен ни одной из опрошенных групп.

2. Локализацией потенциально конфликтогенных текстов, по мнению опрошенных, являются[1]: Интернет (социальные сети, виртуальные игры) (66% опрошенных учителей, 83% учеников и 88% студентов); средства массовой информации (70% учителей, 32% учеников и 27% студентов). До 45% опрошенных обучающихся указывают, что встречаются с проявлением речевой агрессии в образовательной организации, однако доля педагогов, определяющих, что грубое, оскорбительное словесное обращение сосредоточено в образовательной среде, гораздо ниже – до 20 %). Знаменательным является факт, отмеченный респондентами: в качестве мест возникновения речевой агрессии выступают дом (семья), общественные места (поликлиники, магазины и т.д.).

3. Ответы респондентов, независимо от групп опрошенных, фиксируют низкий уровень рефлексии над собственным речевым поведением. Так, лишь до 105% педагогов и до 10% обучающихся свидетельствуют о том, что сами выступают источником вербальной агрессии. Вместе с тем, до 55% респондентов разных групп сообщают, что направленная на них вербальная агрессия воспринимается ими как негативная, вызывая ответные чувства и эмоции. От 32% до 40% опрошенных из разных групп указали, что в зависимости от коммуникативной ситуации реагируют на агрессивное высказывание ответной репликой с негативным контекстом.

4. Причины распространения речевой агрессии большинство респондентов

[1] Ответ на данный вопрос подразумевал возможность множественных ответов.

(от 60% до 65% опрошенных) видят во внешних явлениях – пропаганде агрессивного поведения в Интернете и СМИ, напряженности социально-экономической и политической обстановки. В меньшей степени респонденты сопрягают данное явление с низким уровнем общей культуры населения (до 50% по разным группам).

5. Респонденты связывают с проявлением речевой агрессии использование определенного пласта лексики – т.н. инвективных (оскорбительных) языковых средств.

Выше мы анализировали результаты опроса и ассоциативного эксперимента, предпринятые в группе школьников, студентов и учителей общеобразовательных организаций.

Склонность обучающихся дошкольных образовательных организаций к реализации вербальной агрессии выявлялась, по методике Ю.В. Щербининой. В ходе эксперимента было установлено, что дошкольников, склонных к проявлению вербальной агрессии, отличают тревожность, неуверенность в себе. Они часто скованны при коммуникации и только достаточно длительный контакт, особенно сопровождаемый совместной игрой, позволяет им проявить себя в общении. По методике «рисунок несуществующего животного» можно судить о наличии агрессивных тенденций в поведении по следующим деталям в рисунке: «глаза, пустые глазницы; оскал, видны зубы; агрессивная позиция животного; зачеркнутая фигура или деформированная; клыки, рога, шипы» [Щербинина Ю.В.]. Предложение нарисовать такое животное позволяет выделить наличие вербальной агрессии по признаку «оскал, видны зубы».

По результатам анализа теста «Несуществующее животное» (репрезентативная выборка возрастной категории 6–7 лет – 30 чел.) выявлено, что у 4 испытуемых наличествует вербальная агрессия. Возрастная категория детей 5-6 лет показывает, что из 28 испытуемых речевая агрессия проявляется у 12 человек.

Такая разница основана на том, что в подготовительной группе дети, как правило, не только научились речевому и эмоциональному самоконтролю, но и имеют широкий лексический базис выражения мыслей и чувств. У детей старшей группы, в силу возрастных особенностей, данные компетенции еще недостаточно развиты, что и отражено в результатах репрезентативной выборки.

Анализ полученных данных позволяет определить проблемное поле деятельности с задачей: нейтрализовать речевую агрессию в образовательной среде.

1. Участники образовательных отношений в рефлексивно-оценочном ключе воспринимают (и, соответственно, относят к «очагам» речевой агрессии) исключительно эксплетивную речевую агрессию (термин Е.И. Шейгал) – прямую, грубую, формально выраженную коммуникативную агрессию (бранные инвективы; речевые акты угрозы, категоричные требования и т.д.). Вместе с тем, существует т.н. имплицитная (скрытая) речевая агрессия, проявляющаяся в косвенных речевых актах, иронических высказываниях, отказе от взаимодей-

ствия.

Особое внимание обращаем на содержащие завуалированное выражение агрессивного воздействия речевые акты, что является манипулятивной формой вербальной агрессии. В современной образовательной практике она проявляется в случаях немотивированного коммуникативной ситуацией использования иноязычной (заимствованной, калькированной) лексики в рамках рационально-осознанного адресантом понятийно-терминологического аппарата.

Скрытая (имплицитная) речевая агрессия наряду с агрессией эксплетивной приводит к неэффективной коммуникации, при которой, по мнению В.В. Дементьева, понимание высказывания осложнено дополнительными смыслами, не содержащимися в нем как таковом, что ведет к семантическим потерям [4]. В таком случае речевые акты требуют дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата и часто нацелены на реализацию скрытых целей, препятствующих образовательному взаимодействию, (самопрезентация, осознанное введение в заблуждение, сокрытие фактов и т. д.). Такая коммуникация, очевидно, не воспринимается как враждебная участниками общения, однако с точки зрения результата – решения учебных, воспитательных и развивающих задач, она не менее негативна.

2. Участники образовательных отношений в основном отслеживают случаи проявления речевого воздействия, которое, помимо собственно враждебного намерения, направлено на достижение какой-либо цели, т.н. «инструментальной» агрессии. Именно поэтому, заметим, опрошенные респонденты нечасто воспринимают себя источниками вербальной агрессии: они считают, как указывалось выше, что эмоциональная реакция на грубое речевое поведение не оценивается как акт коммуникативной агрессии. Однако, к конфликтному коммуникативному поведению относятся и случаи неинструментальной вербальной агрессии, служащей задачам аффективной психологической «разрядки за счет коммуникативного партнера».

3. Участники образовательных отношений рассматривают прекращение или отказ от взаимодействия с инициатором конфликтного речевого акта основным способом защиты от данного явления. Заметим, что по мнению исследователя К. Ф. Седова, прекращение контакта или «демонстрация нежелания вступать в него» также порождают конфликтогенный текст в формате т.н. пассивной вербальной агрессии [5]. Уточняя мысль, скажем, что технологический репертуар выхода из конфликтного взаимодействия гораздо более разнообразен, и такие приемы должны стать объектом отдельного изучения и практического применения.

4. Респонденты не воспринимают оценочно факты реализуемой ими в неофициальном коммуникативном дискурсе невраждебной агрессии, поскольку они не характеризуются такими интенциями, как нанесение вреда, ущерба собеседнику, унижение или оскорбление его. Но речевые акты содержат формально выраженные на структурно-семантическом и прагматическом уровнях призна-

ки агрессивности. То есть, участники анкетирования не определяют фамильярное, грубое обращение в близком кругу как проявление речевой агрессии.

5. Разные группы опрошенных (кроме дошкольников) демонстрируют вполне сопоставимый уровень представлений о речевой агрессии и практических навыках управления конфликтным взаимодействием в целом. Такое положение дел косвенно свидетельствует об актуальности просветительской работы и расширения представлений о речевой агрессии на различных уровнях образования – общем, высшем и дополнительном профессиональном.

Деструктивность конфликтного общения и коммуникации, содержащей вербальную агрессию, усиливается серьезными семантико-смысловыми потерями, затрудняющими полноценную передачу информации. Хотя такое взаимодействие обеспечивает сиюминутный психологический эффект, получаемый исключительно языковыми средствами. Вот почему столь важна системная информационно-образовательная деятельность (в виде специальных обучающих модулей) во всех видах образовательных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О.Н. Быкова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1999. Вып. 1(8). С. 91–103.
2. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации / Е.Н. Басовская // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2004. Вып. 7. С. 257–263.
3. Щербинина Ю.В. Русский язык: речевая агрессия и пути ее преодоления / Ю.В. Щербинина. М.: Флинта: Наука, 2004. 224 с.
4. Дементьев В.В. Фактические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 34–44.
5. Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2005.С. 32–41.
6. Воронцова. Т.А. Речевая агрессия : коммуникативно-дискурсивный подход / Т. А. Воронцова // диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Челябинкс, 2006
7. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. М.: Ладомир, 1997. 330 с.
8. Михальская А.К. Основы риторики: Мысль и слово: учеб. пособие для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / А.К. Михальская. М.: Просвещение, 1996. 416 с.
9. Ратмайр Р. Прагматика извинения. М., 2003.

Speech aggression in modern educational discourse: problem identification

I.V. Gerasimova, A.N. Novoselova
The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
antonina40@ya.ru

The article contents the interpretation of the results of the research connected with the different educational subjects attitude to the verbal aggression. Such methodic as survey (elements of Bass-Darky), «the picture of unreal animal» (survey of preschoolers), associative experiment are used. According to the analysis the problems of conflict interaction are formulated.

Keywords: verbal aggression, conflictogenic text, speech act.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО КОПИЯМ ДОКУМЕНТОВ

Е.Ю. Говоркова
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
sudexpert2011@mail.ru

В статье освещаются проблемы судебного почерковедения в области исследования копий документов, рассматриваются вопросы возможности и целесообразности производства судебно-почерковедческих экспертиз по изображениям почерковых объектов. Определяются критерии пригодности изображений для почерковедческого исследования. Приводится перечень дополнительных задач, решение которых необходимо при исследовании копий документов. Рассматриваются типичные экспертные ситуации, возникающие при исследовании копий почерковых объектов, возможные формы выводов и обоснования их формирования.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, понятие копии объекта, возможность и целесообразность почерковедческих экспертиз по копиям документов.

Развитие экономических отношений неизбежно влечет значительное увеличение числа имущественных преступлений, при раскрытии и расследовании которых основными вещественными доказательствами являются различные виды документов. Рыночная экономика вызвала постоянный рост документооборота. С середины 90-х годов прошлого столетия с повсеместным распространением копировально-множительных устройств в документообороте страны широко стали использоваться копии документов, содержащие изображения рукописных реквизитов (кратких записей расшифровки подписей и сумм, подписей и текстов различного объема). В основном это были копии различных кредитных, бухгалтерских, налоговых документов, доверенностей, расписок и т.п., выполненные электрофотографическим способом, реже – способом струйной печати. Первоначально на экспертизу поступали единичные объекты в виде копий, но их количество ежегодно возрастало, в то же время единый методический подход к их экспертному исследованию отсутствовал. Мнения специалистов по вопросу о возможности почерковедческого исследования изображений

подписей и записей в копиях документов были и до сих пор остаются различными – от признания возможности и необходимости проведения такого рода исследований до их полного запрета. Учитывая потребности практики, специалистами разных ведомств разрабатывались методические рекомендации по исследованию копий почерковых объектов.

Так, в 2000 году в целях обеспечения научно-методических основ исследования сотрудниками ГУ ЭКЦ МВД России было подготовлено информационное письмо «Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов» [1], в котором были разработаны:

– принципы исследования копий изображений почерковых объектов, выполненных на копировально-множительных устройствах;

– критерии пригодности копий (изображений) для почерковедческого исследования;

– критерии оценки системы идентификационных и диагностических признаков почерка, отобразившихся в копиях почерковых объектов, выполненных различными способами копирования.

К устойчивым общим признакам почерка авторы отнесли топографические признаки, отражающие пространственную ориентацию движений, транскрипцию подписи, степень выработанности почерка, степень сложности движений, преобладающую форму и направление движений, размер, разгон, наклон, форму и линию основания подписи. К устойчивым частным признакам почерка были отнесены: строение (по конструкции, по степени сложности), форма движений при выполнении, относительное направление сгибательных движений, протяженность движений по вертикали (горизонтали), количество движений, размещение движений по вертикали (горизонтали), размещение точек пересечения движений.

Кроме того, были рассмотрены особенности отображения идентификационных признаков почерка в копиях документов с учетом специфики функционирования копировально-множительных устройств, выявлена зависимость качества передачи признаков от того, какой является копия – первой или последующей.

После установления способа изготовления копии документа следовало определить пригодность изображения для идентификационного или диагностического исследования, которая характеризуется четкостью штрихов, небольшими по площади наложениями, незначительными смещениями частей элементов письменных знаков относительно друг друга, отсутствием слабоокрашенных элементов или их частей, а также забивающего фона и пересечений со штрихами, не относящимися к исследуемому почерковому материалу. На практике, исходя из перечисленных критериев, экспертами устанавливалось еще и качество копии (низкое или неудовлетворительное, среднее, высокое). В случае неудовлетворительного качества копия признавалась непригодной для почерковед-

ческого исследования с последующим отказом от решения вопроса.

В связи с отсутствием возможности исключения монтажа реквизитов документа по копиям и других способов технической подделки предлагалось решать вопрос об исполнителе в отношении подписи (записи), изображение которой расположено в копии документа, а не подписи в оригинале с обязательным указанием этого в заключении.

Авторы исходили из того, что все представленные на исследование копии являются репрогафическими копиями, полученными непосредственно с оригиналов документов – копиями 1-го поколения.

В 2005 году в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте России (далее – РФЦСЭ) было подготовлено информационное письмо «Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям» [2]. Аргументация возможности исследования копий почерковых объектов, приведенная в документе, сводится к тому, что вся «техническая связь», связанная с изготовлением копий находится за пределами компетенции эксперта-почерковеда. Эксперт не решает задач «как, например, подпись или запись попала на документ, с которого изготовлена копия», не изготовлен ли документ с помощью монтажа, он «решает вопрос только об исполнителе рукописного объекта, с которого изготовлена копия. При этом неважно, была ли это первая копия или копия копии, или запись/подпись были составлены из частей оригинальных почерковых объектов». Далее авторы все-таки признают, что «такая интерпретация идентификационной задачи, решаемой экспертом-почерковедом, отдаляет его решение от установления факта, интересующего суд и следствие, которым, как правило, является подлинность или неподлинность документа». Экспериментальные исследования и анализ экспертной практики, проведенный авторами, свидетельствует, по их мнению, о том, что принятие категорических идентификационных решений в отношении исполнителя «оригинальных подписей по копиям, изготовленным электрофотографических способом возможно, причем в категорической как положительной, так и отрицательной форме. Вряд ли было бы правильно ограничивать эксперта требованиями дачи только каких-то определенных, например, вероятных выводов, потому что изображение подписи – ограниченно пригодный объект и нахождение изображения подписи на документе может быть результатом монтажа». Гипотетически допуская возможность монтажа реквизитов документов в представленных копиях, авторы указывали на необходимость предварительного технико-криминалистического исследования копий документов. Невозможность проведения исследования подписи на предмет ее технической подделки объяснялась отсутствием у эксперта-почерковеда соответствующей компетенции: «Вопрос о процессе получения этого изображения на исследуемом документе не решался, так как установление факта монтажа и других способов переноса изображения подписи или ее частей с других документов выходит за пределы

компетенции эксперта-почерковеда». Тем не менее, основы почерковедческого исследования по копиям документов принципиально не изменились.

Создание главными государственными судебно-экспертными учреждениями нашей страны методических рекомендаций по данному вопросу свидетельствовало о наличии единой точки зрения при ответе на вопрос о возможности исследования копий почерковых объектов при производстве судебной почерковедческой экспертизы.

Большинство авторов, занимавшихся изучением данной проблемы, считало, что для обеспечения полноты и всесторонности исследования копий рукописей и подписей должны быть решены следующие дополнительные задачи [3].

1. Установление способа изготовления документа в целом и подписи в частности. Это относится к предмету технико-криминалистической экспертизы. В экспертно-криминалистических подразделениях МВД России почерковедческие экспертизы обычно выполняются сотрудниками, компетентными как в области судебного почерковедения, так и технико-криминалистического исследования документов. И будучи по сути комплексными экспертизами, организационно они не оформляются как таковые. В системе Минюста России эти экспертные специальности разделены и нередко эксперты-почерковеды, ссылаясь на ведомственное информационное письмо [2], устраняются от решения вопроса о факте технической подделки подписи (записи), обосновывая свою позицию некомпетентностью в данном вопросе.

2. Изучение качества копии, определение ее диагностической и идентификационной информативности, решение вопроса о пригодности для исследования.

3. Решение вопроса о применении технических средств и приемов при выполнении рукописного текста или подписи. Если эксперту не удалось выявить признаки применения технических средств либо приемов при выполнении подписи (записи любого объема) на копии документа, то это не может служить свидетельством отсутствия факта выполнения почерковых объектов с применением технических средств и приемов.

4. Исследование признаков необычного выполнения подписи (рукописи) производится с учетом способа воспроизведения изображений в копии документа. Для разграничения признаков необычности выполнения рукописи и признаков низкого качества копии можно использовать прием сравнения с изображениями других реквизитов документов.

5. Изучение идентификационных общих и частных признаков в копии почеркового объекта производится по общепринятой схеме.

В качестве типичных экспертных ситуаций, складывающихся при исследовании копий подписей (кратких записей) и формировании вывода, приводятся следующие:

а) формирование альтернативного вывода об исполнителе подписи (запи-

си) – хорошее качество копии; отсутствие признаков необычного выполнения и признаков применения технических средств при выполнении подписи (записи); высокая информативность почеркового объекта; наличие существенных, устойчивых, в совокупности индивидуальных совпадений идентификационных общих и частных признаков при отсутствии существенных различий.

У эксперта формируется альтернативный вывод о выполнении спорной подписи (записи), изображение которой исследуется в представленной копии, самим лицом, от имени которого она значится, либо о нанесении ее на документ способом монтажа с использованием какой-либо подписи предполагаемого исполнителя. При этом другие способы технического воспроизведения исключаются;

б) формирование вероятного положительного вывода об исполнителе подписи (записи) – удовлетворительное качество копии; средняя информативность почеркового объекта (подписи, записи), отсутствие признаков необычного выполнения и применения технических средств при выполнении подписи (записи), высокая вариационность образцов; наличие устойчивых совпадений, среди которых преобладают мало- и среднезначимые, образующие совокупность, лишь близкую к индивидуальной; имеются различия, которые могут быть объяснены различными условиями выполнения, диапазоном вариационности образцов или трансформацией признаков при копировании. В данном случае при формировании вероятного положительного вывода об исполнителе подписи (записи), формируется вывод об отсутствии возможности решения вопроса о применении технических средств и приемов при ее выполнении;

в) формирование вероятного положительного вывода о применении технических средств при выполнении подписи и вывод о невозможности решения вопроса об исполнителе – наличие признаков необычного выполнения подписи (записи) и некоторых признаков технической подготовки; совпадение большинства общих и частных признаков; наличие достаточного количества существенных различий;

г) формирование категорического отрицательного вывода о выполнении подписи (записи) лицом, от имени которого она значится, и о выполнении ее с подражанием какой-либо подписи предполагаемого исполнителя – хорошее качество копии; отсутствие признаков предварительной технической подготовки; наличие признаков необычности выполнения подписи; совпадение наиболее броских общих и частных признаков; наличие существенных, устойчивых различий, не связанных с искажениями, возникающими при копировании;

д) формирование вывода о невозможности решения вопроса по существу – среднее качество копии; малая или средняя информативность подписи (записи); имеются либо отсутствуют признаки необычного выполнения; высокая вариационность образцов; имеются как совпадающие, так и различающиеся признаки, при этом установить их природу невозможно;

е) формирование категорического положительного вывода о применении технических средств при выполнении подписи (записи) и вывода о невозможности решения вопроса об исполнителе по существу – среднее или хорошее качество копии; наличие либо отсутствие признаков необычного выполнения; любая информативность почеркового объекта; совпадение большинства общих и частных признаков; полное совпадение нескольких спорных подписей или спорной подписи и свободного образца при наложении.

Компьютерная техника и современные технические средства наделены громадными возможностями для создания, ввода, обработки и воспроизведения изображений. Это привело к появлению новых объектов экспертного исследования в области судебно-почерковедческой экспертизы – документов, содержащих изображения реквизитов, выполненных с использованием технических средств, пишущими приборами, которые обычно используются для выполнения рукописей, возможно изготовление таких изображений и в графическом редакторе. Для маскировки способа нанесения изображений их копируют. Подобные объекты малопригодны для почерковедческого исследования, поскольку на основе анализа изображения обычно невозможно доказать существование рукописного оригинала. Выводы по таким объектам могут быть только условными (в предположении существования оригинала) и вероятными (из-за невозможности восстановлении технологии письма в необходимом объеме) [4].

При производстве почерковедческих экспертиз по копиям почерковых объектов эксперты, в большинстве случаев, проводят идентификационные исследования по тем же принципам, что и в отношении рукописных почерковых объектов, хотя по копиям нельзя достоверно выделить особенности, характеризующие навыковые компоненты почерка исполнителя. Копии зачастую воспринимаются как прямые, при этом из внимания упускается тот факт, что данный способ воспроизведения изображений практически нивелирует признаки квалифицированной технической подделки подписей (записей): компьютерного монтажа, копирования «на просвет», использования графопостроителей и пр. Игнорирование данного факта может привести к возникновению экспертных ошибок при производстве экспертиз по копиям документов.

С целью анализа сложившейся ситуации на заседании Федерального межведомственного координационного методического совета по судебной экспертизе в 2012 году было принято решение о проведении экспериментального исследования, суть которого заключалась в проведении идентификационного почерковедческого исследования подписей, изображения которых расположены в представленных на исследование копиях. Были подготовлены три документа, содержащие шесть подписей от имени двух лиц. Две подписи являлись оттисками печатной формы (факсимиле), две – изготовлены с помощью компьютерного монтажа, одна подпись выполнена лицом, от имени которого она значится, под действием сбивающего фактора (непривычный пишущий прибор, неудобная

поза); одна подпись выполнена способом копирования «на просвет». С данных документов были получены электрофотографические копии, которые с образцами почерка и подписей предполагаемых исполнителей были направлены в 14 ЭКП МВД России и в 6 государственных судебно-экспертных учреждений иных органов исполнительной власти: РФЦСЭ при Минюсте России, Следственный комитет, ФСКН России, ЦЭКТУ ФТС России, НИИ криминалистики ФСБ России, Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России. ЭКЦ ГУ МВД России по Нижегородской области не вошло в число участников эксперимента.

Полученные обобщенные результаты наглядно продемонстрировали неэффективность исследования копий документов имеющимися в распоряжении экспертов методами. Количество ошибочных выводов вместе с отказами от решения вопросов составило около 90%. Следует отметить, что наименьшее количество ошибочных выводов (16%) было сделано по подлинным подписям, выполненным под действием сбивающих факторов.

На основании проведенного эксперимента в 2015 году ЭКЦ МВД России было подготовлено и направлено в региональные экспертные подразделения системы МВД России новое информационное письмо «Современные подходы к исследованию копий документов» [6], согласно которому производство почерковедческих экспертиз по копиям (изображениям) документов недопустимо. Согласно письму изображения почерковых объектов, выполненные с применением копировально-множительных устройств не пригодны для почерковедческого исследования по следующим причинам:

« – по электрофотографическому изображению невозможно доказать факт существования рукописных записей, поскольку они могут быть сымитированы с применением технических средств;

– невозможно установить, были ли исследуемые записи (подписи) выполнены в оригинале документа, копия которого представлена на экспертизу, либо внесены в данную копию документа путем монтажа;

– невозможно установить факт предварительной технической подготовки записи (подписи);

– вероятность выявления и правильной оценки диагностических признаков (в том числе нажимных, ритмических и иных характеристик почерка) является минимальной в связи с их нивелированием или искажением в изображениях, изготовленных с применением копировально-множительных устройств;

– по изображению невозможно установить ряд важных идентификационных признаков;

– по изображению невозможно дифференцировать природу происхождения отдельных признаков (обусловлено ли их появление особенностями письменно-двигательного навыка исполнителя или спецификой работы копировально-множительных устройств)» [6, с. 3–4].

Кроме того, использование условного вывода, предусмотренного типовыми методиками применительно к исследованию копий почерковых объектов, было признано некорректным. Основной целью производства почерковедческих экспертиз, с точки зрения органов предварительного расследования, является доказывание подлинности документа – вещественного доказательства. Так как при недоказанности существования оригинала документа нецелесообразно при описании объектов экспертизы использовать термин «копия документа», в информационном письме предлагается использовать термин «изображение документа» (изображение подписи в изображении документа).

В связи с признанием не пригодными для почерковедческого исследования копий изображений при поступлении таковых на экспертизу эксперт вправе отказаться от решения поставленных вопросов по существу в соответствии с ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», составив при этом мотивированное письменное заключение о непригодности объектов. Нельзя не согласиться с тем, что совершенно бессмысленно проводить исследование и формулировать выводы с множеством условий и допущений. При невозможности решения экспертной задачи недопустимо гадать, заменять доказательное обоснование суждений различными ссылками. Однако на практике исследование копий документов является необходимым условием получения оперативно-разыскной информации и выдвижения версий. В таких случаях проведение предварительных исследований в отношении изображений документов при отсутствии возможности предоставления оригиналов документов в рамках оперативно-разыскных мероприятий возможно. В письме рекомендуется давать вывод о совпадении либо различии общеконфигурационных характеристик сравниваемых объектов ввиду того, что по изображениям невозможно судить о многих параметрах выполнения почерковых реализаций. Результаты исследования оформляются справкой об исследовании, в которой необходимо отразить возможность решения вопроса об исполнителе при предоставлении оригиналов документов.

В связи с изданием данного информационного письма МВД России у ведущих государственных экспертных учреждений вновь отсутствует единый подход к исследованию копий почерковых объектов, кроме того, эксперты негосударственных экспертных учреждений также по-разному подходят к вопросу исследования копий. Возможность производства экспертизы по копиям документов каждым экспертом решается индивидуально в зависимости от особенностей конкретной ситуации: качества копии, наличия и характера проявления диагностических признаков, качества и достаточности сопоставимого сравнительного материала.

Таким образом, существует насущная необходимость создания унифицированных методических рекомендаций, отражающих единый подход к производству почерковедческих экспертиз по копиям документов. Дальнейшее развитие

и совершенствование экспертного исследования копий должно способствовать разработке методов установления копии с учетом различных способов ее получения, разработке методов определения пригодности копии с учетом ее качества для решения идентификационных и диагностических задач; разработке критериев принятия идентификационных решений с учетом качества копии, объема рукописного объекта и проявлений диагностических признаков; определению перспектив исследования копий подписей, смонтированных из разных частей подлинных подписей [7, с.146].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соколов С.В., Куранова Е.А., Розанкова Е.В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: Информационное письмо. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.
2. Ефремова М.В., Орлова В.Ф., Старосельская А.Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям. Информационное письмо // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. М., 2006, №1(1).
3. Исматова Т.И., Шведова Н.Н., Кочеров М.А. Некоторые особенности методики исследования копий почерковых объектов // Судебная экспертиза: российский и международный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. Волгоград: ВА МВД России, 2012.
4. Коршиков А.П. Общая методика проведения идентификационных почерковедческих исследований для установления исполнителей рукописных записей (подписей). Часть 1. Методические рекомендации по определению технологических параметров выполнения рукописных записей. М., 2005.
5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч. 1/ под общей редакцией В.В. Мартынова. М.: Интеркрим-пресс, 2010.
6. Информационное письмо. Современные подходы к исследованию копий документов. М.: ЭКЦ МВД России, 2015.
7. Судебная почерковедческая экспертиза: учеб. пособие /И.Н. Подволоцкий. М.: Норма : ИНФРА – М., 2017.

Features of production of handwriting examination on copies of documents

E.Y. Govorkova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russia)
sudexpert2011@mail.ru

The article highlights the problems of forensic handwriting examination in the field of research copies of documents, discusses the possibility and feasibility of the production of a forensic handwriting examinations by images handwriting objects, defines standards for the suitability of images for handwriting research. There are a list of additional tasks in the article which are necessary in the research of copies of documents. The article discusses typical situations which occurs in the research of copies of handwriting objects. Describes the possible form of conclusions

and rationale of their formation.

Keywords: forensic handwriting examination, a copy of the object, the possibility and feasibility of handwriting examinations according copies of documents.

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.П. Голубятников, А.В. Горбачева

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)
alena_91_91@list.ru

Несмотря на многообразие форм применения специальных экономических знаний, а также количество научных трудов, среди ученых-юристов и ученых экономистов нет единого мнения по некоторым аспектам судебно-бухгалтерской экспертизы.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, специальные экономические знания, эксперт-бухгалтер, эксперт-экономист.

На сегодняшний день борьба с преступлениями экономической направленности является одной из важных проблем, нуждающихся в отдельном исследовании. Все чаще оперативные сотрудники подразделений ЭБиПК, дознаватели, следователи и суд обращаются за помощью к сведущим лицам в проведении специализированных экономических исследований, поэтому появляется острая необходимость применения новых подходов в деятельности судебно-экспертных служб, определения приоритетных направлений их развития.

Современные реалии таковы, что правоохранительные органы нуждаются во всестороннем анализе финансово-хозяйственной деятельности организации, в которой совершено преступление, при этом наиболее часто по большинству дел о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях прибегают к возможностям судебно-бухгалтерской экспертизы. Для успешной борьбы с преступлениями в сфере экономики следует совершенствовать существующие методы их выявления и профилактики.

Для начала необходимо заострить внимание на научном содержании специальных экономических знаний, используемых при производстве судебно-бухгалтерской экспертизы. Выделяют три точки зрения, освящающие эту проблему.

В первую очередь нужно рассмотреть вопрос о «монокомпетенции» соответствующих экспертов, когда, например, каждой экономической науке соответствует своя экспертиза. Следует отметить, что такое понимание не только ошибочно, но и представляет опасность для практики правоохранительной деятельности, и в настоящее время данная точка зрения встречается крайне редко [1].

В качестве примера можно привести положение, представленное в рабо-

те Э.Ф. Мусина, С.В. Ефимова, В.Г. Савенко, в которой авторы признают для эксперта-бухгалтера фактически достаточной экспертной базой бухгалтерский учет [2, с. 15–16]. В данном случае возможности экспертизы ограничиваются только проверкой правильности корреспонденции счетов и исключаются из объектов исследования собственно бухгалтерские документы, это приводит авторов к выводам, необоснованно сужающим возможности судебно-бухгалтерской экспертизы как средства получения доказательств по уголовному делу.

Вторая, фактически доминирующая в юридической литературе, позиция состоит в признании научной компетенции сведущего лица, состоящей в комплексе положений взаимосвязанных экономических наук, что только и позволяет эксперту проводить исследование представленных материалов.

Так, П.К. Пошюнас, определяя содержание термина «специальные экономические познания» сведущих лиц, отмечает, что в них должны входить как знания в области специальных экономических наук (бухгалтерский учет, финансы и кредит, экономика труда, планирование народного хозяйства, экономическая статистика), так и знания отраслевых экономических наук, контроля, уголовного (гражданского) процесса, криминалистики, судебной ревизии и судебных экономических экспертиз [3].

А.Н. Мамкин также подчеркивает, что специальные знания эксперта-экономиста – это совокупность знаний, умений и навыков в области бухгалтерского учета, аудита, экономического и финансового анализа, налогообложения и т.д.; они широко применяются в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе [4, с. 26–27].

Третья точка зрения заключается в концептуальном положении о том, что в структуру специальных экономических знаний, которые должны образовывать научную компетенцию сведущего лица (эксперта-бухгалтера, специалиста-экономиста, ревизора, специалиста-ревизора и др.), обязательно должна включаться совокупность специальных экономических знаний, адаптированных к задачам раскрытия и расследования преступлений или к задачам правоохранительной деятельности.

Такая позиция представляется наиболее убедительной и подтверждается мнением С.П. Голубятникова, Е.С. Лехановой, И.Н. Сорокотягина, Е.С. Дубоносова и др. о том, что в качестве инструмента исследования сведущие лица должны использовать приемы анализа хозяйственной деятельности, уже адаптированные к специфике решаемых задач.

Единственное, с чем трудно согласиться, так это с предложением авторов о выделении знаний в самостоятельный блок и тем самым, исключаемых из содержания специальных экономических знаний.

Представляется, что более правильным положением является признание судебно-экономических знаний как одной из частей специальных экономиче-

ских знаний, которыми должны обладать специалисты, проводящие исследования источников экономической информации, а именно: эксперты-экономисты на стадии расследования преступлений и упоминавшиеся ранее специалисты-ревизоры на стадии выявления. В этой связи представляется более убедительной позиция Л.П. Климович [5], А.В. Горбачевой [6], которые предлагают расширение понятия «специальные экономические знания эксперта-бухгалтера» [7] путем включения в их состав, наряду со знаниями в области бухгалтерского учета, также и знаний в области судебной бухгалтерии, понимаемой в данном случае в качестве экспертной науки.

До сих пор сохраняет дискуссионность вопрос о необходимости адаптации специальных экономических знаний в целях научного обеспечения производства судебно-экономической экспертизы. Одно из спорных суждений, отрицательно влияющих на разрешение рассматриваемой проблемы, содержится в известной работе А.И. Винберга и Н.Т. Малаховской, которые в частности отмечают: «… решение судебно-бухгалтерских задач выполняется путем использования данных учета, планово-экономических, финансовых и других наук, не вызывающих их трансформации в предметную экспертную науку» [8, с. 154].

Следует обратить внимание на два относительно самостоятельных процесса адаптации специальных экономических знаний к задачам выявления и раскрытия преступлений – процесс возникновения судебно-экономических знаний на основе адаптации положений экономических наук к задачам экспертных исследований и процесс возникновения экономико-криминалистических знаний на основе адаптации совокупности положений конкретно-экономических наук и новых областей судебно-экономических знаний к решению задач оперативно-следственной практики [9].

В настоящее время данная проблема находится лишь в начальной стадии разработки, к примеру, в работах Е.С. Лехановой [10], Г.А. Шумака [11], и, на наш взгляд, подлежит дальнейшей серьезной проработке.

В ряде классических работ, посвященных судебно-бухгалтерской экспертизе задачи эксперта фактически подменяются задачами, стоящими перед ревизорами.

Так, например, в работе «Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов» (под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворковой. М., 2011), рекомендуемые методики строятся по видам хозяйственных операций и задачами экспертизы признаются соблюдение законности и обеспечения сохранности материальных ценностей при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности предприятий. По нашему мнению, представленные функции судебно-бухгалтерской экспертизы выглядят достаточно сомнительно.

Так, во втором разделе «Методика судебно-бухгалтерской экспертизы» имеется ряд существенных положений, требующих корректив. К примеру, в пара-

графах, которые называются «Стандарты экспертного исследования», приводятся частные методики проведения документальных ревизий [12, с. 226]. Мы приходим к такому выводу исходя из следующих ошибок авторов указанной работы: при проведении экспертного исследования операций с денежными средствами в кассе и на счетах в банке должны быть решены следующие задачи: установление суммы причиненного организации ущерба, определение целевого назначения поступивших денежных средств и их расхода, выявление и определение причин, обусловивших возникшее правонарушение, и разработка профилактических мероприятий [12, с. 225].

В параграфе, посвященном экспертному исследованию товарно-материальных ценностей, авторы определяют целью такого исследования проверку сохранности ценностей, законности операций с материально-производственными запасами и установлении суммы материального ущерба, а применение расчетно-аналитических методов предлагают разделить на проверку их фактического состояния, которая осуществляется с помощью инвентаризации, и проверку правильности оценки ценностей в учете и отчетности [12, с. 268], однако, как известно, инвентаризация предназначена для решения ревизионных задач и не входит в компетенцию эксперта-бухгалтера.

Кроме этого в названном издании можно встретить, к примеру, такие рекомендации: «при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы эксперт может провести инвентаризацию денежных средств в кассе», «отсутствие ценностей в организации, приобретение их за счет средств организации подтверждаются экспертом-бухгалтером путем проведения инвентаризации и …при проведении обыска в квартире у руководителя и главного бухгалтера организации». Подобных ошибочных рекомендаций достаточно много, в виду этого различие в использовании специальных экономических знаний в форме документальных исследований и судебно-бухгалтерской экспертизы может восприниматься не должным образом, поскольку авторами указанного издания не проводится отличие по предмету деятельности ревизора и эксперта-бухгалтера.

По нашему мнению, корни многих подобных ситуаций кроются в возникших еще в прошлом веке ошибочных представлениях о тождестве содержания таких форм использования специальных экономических знаний, как документальная ревизия и судебно-бухгалтерская экспертиза.

К сожалению, на сегодняшний день уровень этих ошибочных представлений в значительной степени возрастает, о чем свидетельствует содержание ряда современных монографических исследований и инструктивных материалов.

Существуют другие более обоснованные подходы к вопросу о разработке методик производства судебно-бухгалтерской экспертизы. Одним из примеров реализации такого рода подходов можно считать положения общей и частных методик судебно-бухгалтерской экспертизы [13, с. 20].

Что касается встречающихся фактов назначения судебно-бухгалтерской

экспертизы в ситуациях, не требующих использования специальных экономических знаний, то возможность возникновения таких ошибок может быть сокращена путем внедрения в практику инструктивных материалов и методических рекомендаций, разрабатываемых для производства экспертизы по конкретным уголовным делам.

Следует считать обязательным в рамках разрабатываемых методик указывать типичные ситуации, требующие производства экспертных исследований, иными словами, до формулирования экспертных задач в каждом постановлении должна быть указана сущность конфликтной ситуации, требующая для своего разрешения получить новое доказательство по уголовному, гражданскому или административному делу. Таким доказательством как раз и будет являться заключение эксперта-бухгалтера, которое будет подлежать оценке со стороны следствия и суда наряду со всеми другими доказательствами, собранными по делу.

Авторы данной статьи, естественно, не претендует на бесспорность представленных в ней положений, однако отмеченные в ней проблемы заслуживают дальнейшей разработки с целью достижения консенсуса между специалистами в области юриспруденции и экономики путем создания инструктивных материалов, определяющих пределы предмета судебно-бухгалтерской экспертизы, проводимой по конкретным уголовным делам, которые были бы единообразными для экспертов-бухгалтеров, состоящих на службе как в экспертных учреждениях, подведомственных Министерству юстиции Российской Федерации, так и в подведомственных Министерству внутренних дел Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачева А.В. О некоторых вопросах содержания специальных экономических знаний / А.В. Горбачева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 246–249.
2. Мусин Э.Ф., Ефимов С.В., Савенко В.Г. «Судебно-экономическая экспертиза в органах внутренних дел Российской Федерации». М., 2010.
3. Пошюнас П.К. Научные основы судебной ревизии и судебно-экономической экспертизы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ленинградский государственный университет. Л.,1989. 44 с.
4. Мамкин А.Н. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений: дисс. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. С. 167.
5. Климович Л.П. Научные основы современной судебной экономической экспертизы: монография. М.: Проспект, 2014. 144 с.
6. Горбачева А.В. О некоторых вопросах содержания специальных экономических знаний / А.В. Горбачева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1 (33). С. 246–249.

7. Голубятников С.П., Леханова Е.С. Судебно-экономические знания в деятельности субъектов доказывания по уголовному делу / С.П. Голубятников, Е.С. Леханова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17. С. 97–101.
8. Винберг А.И., Малаховская Н.Т. Судебная экспертология. Волгоград, 1979.
9. Голубятников С.П., Горбачева А.В. О некоторых рекомендациях по использованию специальных экономических знаний / С.П. Голубятников, А.В. Горбачева // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям и преступлениям в сфере экономики: Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 149–154.
10. Леханова Е.С. Проблемы криминалистической адаптации судебно-экономических знаний к задачам раскрытия и расследования преступлений / Е.С. Леханова // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 2. С. 91–95.
11. Голубятников С.П., Шумак Г.А. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений / С.П. Голубятников, Г.А. Шумак // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 122–128.
12. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов, 3-е изд. перераб. и доп. / под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили, Ж.А. Кеворковой. М.: Закон и право, 2011.
13. Голубятников С.П. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие / С.П. Голубятников, Е.С. Леханова, А.Н. Мамкин. Н. Новгород: НА МВД России, 2010.

On the issue of methodological foundations of forensic accounting

S.P. Golubyatnikov, A.V. Gorbacheva
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
alena_91_91@list.ru

Despite the diversity of forms of application of special economic knowledge, as well as the number of scientific works among legal scholars and economists, there is no consensus on some aspects of forensic accounting expertise.

Keywords: forensic accounting expertise, special economic knowledge, expert accountant, expert economist.

ПРОБЛЕМЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Д.С. Гольцев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)
dragon8705@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы информационного и методического обеспечения судебно-экономических экспертиз, существующие в настоящий момент типовые методики проведения экспертных исследований, а также приводится обзор типичных экспертных ошибок.

Ключевые слова: методика, судебно-экономическая экспертиза, этапы проверки, финансовый анализ, бухгалтерская отчетность.

В настоящее время, когда экономика Российской Федерации находится в состоянии длительного кризиса, а также под действием антироссийских экономических санкций огромное значение приобретает обеспечение стабильной работы экономических механизмов, выявление и предотвращение преступлений в сфере экономики.

В этих условиях приоритетными направлениями развития судебно-экспертной деятельности будут являться совершенствование организации производства экспертиз, их научно-методического и информационного обеспечения, а также улучшение материально-технического оснащения экспертных учреждений, прежде всего государственных. Однако вследствие плохой экономической ситуации и воздействия санкций на российскую экономику серьёзная модернизация материально-технической базы в настоящее время трудно осуществима.

Поэтому в сложившейся обстановке именно организационные мероприятия следует выдвинуть на первый план, так как они позволят повысить результативность судебных экспертиз, создать необходимые условия разработки и внедрения экспертных методик, усовершенствовать систему подготовки и повышения квалификации экспертных кадров, а также обеспечить эффективный контроль.

Одним из организационных методов повышения эффективности работы экспертно-криминалистических подразделений является стандартизация информационно-методического обеспечения судебной экспертизы.

В настоящее время проведение различных видов судебно-экономических экспертиз регламентируется следующими нормативными документами:

– Приказ МВД России от 11 января 2009 г. №7 (с изм. от 16.05.2016) «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»;

– Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. №511 (ред. от 18.01.2017) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в ЭКП ОВД РФ»;

– Приказ МВД России от 9 января 2013 г. №2 «Вопросы определения уровня профессиональной подготовки экспертов в системе МВД России»;

– Указание заместителя Министра внутренних дел России Смирного А.М. №1/1495 от 26.02.2010 г. «Об обеспечении разделения компетенций подразделений судебно-экономических экспертиз и документальных проверок и ревизий органов внутренних дел»;

– Письмо №37/9-951 от 06.03.2006 г. «О распределении компетенции экспертов и ревизоров».

Однако судебно-экономические экспертизы в большинстве своем не обеспечены современными паспортизованными методиками. Также необходимо отметить, что в экономической деятельности Российской Федерации в течение более 10 лет используются международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), развита система аудиторской деятельности в данной области, но ни в одном руководстве по судебно-бухгалтерской экспертизе какие-либо методики, позволяющие проводить соответствующие экспертные исследования, не описаны.

В результате сложилась критическая ситуация с разработкой, утверждением и практическим использованием паспортизированных экспертных методик по всем родам и видам судебно-экономической экспертизы. Вместо экспертных методик сотрудники экспертно-криминалистических подразделений ОВД РФ вынуждены использовать многочисленные инструктивные письма, рекомендации, простейшие учебные пособия и методические указания, несмотря на то, что п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ предусматривает в заключении эксперта указывать примененные при её производстве методики [2].

В настоящее время общая методика проведения исследований в рамках судебно-экономической экспертизы включает в себя следующую последовательность действий эксперта:

1. Ознакомление с представленными на экспертизу объектами;
2. Анализ достаточности объектов исследования для разрешения поставленных перед экспертом вопросов и дачи заключения;
3. Эксперт определяет возможность дачи заключения по поставленным вопросам и степень определенности выводов;
4. Выбор методов, приемов и способов проведения исследования;
5. Определение экономического содержания хозяйственных операций, имущества и обязательств, сведения о которых содержатся в представленных материалах;
6. Определение показателей исследуемой финансово-хозяйственной деятельности;
7. В пределах своей компетенции эксперт-экономист определяет обязанности исследуемых лиц по выполнению положений соответствующего законодательства;

8. Далее устанавливается фактическое выполнение этими лицами положений соответствующего законодательства;

9. Производится сопоставление определенных в ходе исследований обязанностей лиц по выполнению положений соответствующих отраслей законодательства с их фактическим выполнением;

10. Анализ и обобщение полученных результатов и формулирование выводов.

Рассмотренная выше методика относится к общей, и для узкоспециализированных экономических экспертиз не подходит. Поэтому при отсутствии стандартизированных экспертных методик по конкретным видам экспертиз, имеющих необходимый правовой статус, остается высоким уровень рисков признания соответствующих заключений экспертов недопустимыми доказательствами после их проверки (ст. 87 УПК РФ) и оценки (ст. 88 УПК РФ).

В виду несовершенства или отсутствия типовых методик проведения судебно-экономических экспертиз в настоящее время часто встречаются следующие экспертные ошибки:

1. Недостаточность выборки коэффициентов, которые используются для определения составляющих финансового состояния: платежеспособности, рентабельности, финансовой устойчивости и т.д.;

2. Эксперты-экономисты применяют при производстве экспертизы части нормативов, заданные федеральным органом исполнительной власти в сфере банкротства в 90-х гг. прошлого века;

3. Эксперты формулируют выводы основываясь исключительно на техническом расчете коэффициентов, что приводит к неполноте исследования и недостаточной обоснованности выводов;

4. Механическое наложение установленного на предыдущем этапе экономического содержания осуществленных финансово-хозяйственных операций на общий тренд динамики, исследуемой составляющей финансового состояния. При этом необходимо дать оценку, как конкретная финансово-хозяйственная операция (совокупность операций) повлияла на изучаемые экспертом составляющие финансового состояния исследуемого лица, исключив воздействие остальных операций либо разложив их воздействие методами факторного анализа. В данном случае эксперты игнорируют влияние остальных операций, осуществлявшихся в исследуемом периоде, которые также оказывают влияние на динамику финансового состояния;

5. Ошибки в построении правовой модели обязательств, возникающих на основе установленных фактов хозяйственной деятельности. Ошибки могут допускаться в связи с неправильным применением конкретных норм законодательства, устанавливающих ставки, льготы и т.д.

Исходя из анализа наиболее часто встречающихся экспертных ошибок можно сделать вывод о необходимости скорейшей разработки и утверждения

типовых методик по каждому виду судебно-экономических экспертиз в целях повышения качества их проведения. Разработка типовых экспертных методик также позволит улучшить качество подготовки экспертных кадров в области экономических экспертиз учебными заведения системы МВД России.

Кроме отмечаемых выше проблем, имеется острая необходимость в автоматизации процесса проведения экономических экспертиз для формирования возможности обработки в интерактивном режиме больших объемов информации, ставшей предметом экспертизы. Так, исключение необходимости осуществлять вручную даже отдельные механические действия способно на порядок сократить время проведения отдельных экспертиз.

Также ощущается общая разобщенность сообщества экспертов-экономистов и, как следствие, нехватка современных экспертных систем с обширными библиотеками знаний. Решение отмеченных проблем невозможно без налаживания диалога между экспертами-экономистами разных ведомств, а также государственными органами, регулирующими сферы, становящиеся объектом экономических экспертиз.

Пронизывание коммуникативными линиями позволит поступательно подойти к решению отмечаемых в статье проблем, выведя на более высокий уровень, и, как следствие, в значительной мере повысить их качество и охват.

Разработка и широкое применение подобных информационных баз данных позволит вывести на более высокий уровень и информационно-методическое обеспечение судебно-экономических экспертиз всех видов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рекомендации о порядке производства экономических экспертиз экспертно-криминалистическими подразделениями органов внутренних дел // Направлено в ЭКП ОВД России 30.04.2004 (исх. 37/18-1997 от 30.04.2004).
2. Научно-методические и информационно-технологические основы развития судебно-экономической экспертизы в уголовном судопроизводстве. Прорвич В.А. // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы: сборник научных трудов I Международного форума (7–8 июня 2017 г.) : научное электронное издание (90,4 МБ). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017 г. 648 с.

Problems of standardization of information and methodological support economic forensic examinations

D.S. Goltsev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Russia. Moscow)
dragon8705@mail.ru

The article discusses the issues of information and methodological support of judicial and economic examinations, currently existing typical methods of conducting expert research, as well as provides an overview of typical expert errors.

Keywords: methodology, forensic economic examination, verification steps, financial analysis, financial statements.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ О КОРРУПЦИИ: ИЗ ОПЫТА ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

М.А. Грачев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
ma-gracev@mail.ru

В статье обобщается опыт проведения судебных экспертиз о взятках, рассматриваются лингвистические аспекты установления передачи денежных средств от одного фигуранта другому. Автор предлагает экспертам-речеведам анализировать концепт «взятка». При этом он указывает на важность обработки полученных аудио-видеозаписей, составление качественной экспертизы.

Ключевые слова: взятка, концепт, экспертиза, оперативный сотрудник, стенограмма, метод.

В настоящее время наблюдается увеличение коррупционных преступлений. Так, согласно порталу правовой статистики crimestat.ru, который ведет Генпрокуратура, с января по октябрь 2018 г. зарегистрирован 3171 случай получения взятки (ст. 290 УК РФ). За тот же период в 2017 году было зарегистрировано 2899 случаев получения взятки. Рост подобных преступлений составляет 9,4%. Количество преступлений по ст. 291 УК РФ («дача взятки») увеличилось на 10,5%: 2251 преступление в январе — октябре 2018 года против 2037 за тот же период годом ранее [3].

Общество крайне заинтересовано в решении ряда процессуально-правовых вопросов, касающихся коррупции. И в решении данных проблем должны сыграть роль лингвисты-эксперты.

При анализе экспертиз о взятках важно определиться в разрядах фигурантов. Необходимо выявить их следующие роли: взяточник, взяткодатель, посредник, распространитель слухов о взятках. При этом эксперт должен установить, какую лингвистическую роль играет тот или иной фигурант. Необходимо оценить его языковые составляющие в вопросе о взятках. Важным здесь является объяснение жестов и мимики.

Особую роль в определении взятки играет подтекстовая и затекстовая формы по-

дачи информации.

Из всего сказанного ясно видно, что важнейшую роль в определении факта дачи взятки играют оперативные данные. Между тем оперативные уполномоченные сами расшифровывают видео-аудиозаписи. Тогда как это должен сделать эксперт-лингвист.

Дело в том, что оперативники допускают при составлении стенограммы многочисленные ошибки. Приведём наиболее типичные из них.

1. Неправильное описание зафиксированных фактов. Например, в аудиозаписи: «Слышно было шуршание бумаги». (М.Г.: подразумевалась передача денег.) Но шуршать может и обёртка конфеты, и книга, и бумажный документ.

2. Пренебрежение словами-сорняками и звуками-сорняками. Между тем они могут быть показателями смысла.

3. Игнорирование интонации, которая может изменить факт дачи взятки. Так, в одном из видеороликов оперативными работниками зафиксировано, как кассир предприятия приносит в кабинет директора его заработную плату. Он иронически спрашивает: «Это что? Взятка?» Кассир лишь улыбается. Однако этот эпизод используется как факт обвинения в суде, причём не обращая внимания на интонацию, а также на социальный статус коммуникантов. И никто из оперативных и судебных работников не задаётся вопросом: для чего, с какой целью скромный кассир будет давать взятку главе предприятия?

4. Порой оперативные сотрудники не расшифровывают нецензурные слова, делая помету «нецензурное» (см. также сокращённые варианты этого слова: «нцензр.», «нцнзр.», нецензур.»). Или оставляют только буквы с точками: б…, х…, п…, е… . При этом выясняется, что порой к нецензурным словам они ошибочно относят следующие лексемы: говно, жопа, ссать, хрен и проч., что и лингвистически, и юридически неправильно. Да, это грубые и неприличные слова, но они не являются нецензурными лексемами. Нецензурные слова также могут иметь лексические значения, поэтому в стенограмме должны быть полностью расшифрованы. Одним словом, стенограмму должен составлять лингвист-эксперт. Именно он поймёт, где может быть преднамеренная передача денег (взятка) от одного лица другу, а где – возврат долга, командировочные расходы, заработная плата и проч.

Нередко перед экспертом-лингвистом ставят вопросы, которые нуждаются в корректировках. Обобщив их, можно представить следующую классификацию поставленных вопросов: 1) Имеется ли на аудио-видеофайлах свидетельство того, что Иванов Н.Н. получал денежные средства в виде взятки? 2) Усматривается ли осведомленность Иванова Н.Н. о том, что Сидоров И.И. и Петров П.П. осуществляли какую-либо незаконную деятельность? 3) Имеется ли на аудио-видеофайлах свидетельство того, что Сидоров И.И. и Петров П.П. получали денежные средства в виде взятки? 4) Усматривается ли в их действиях обман лиц, у которых они получали денежные средства? Варианты вопросов: 1) Имеются ли в событиях, запечатленных в аудио-видеофайлах, свидетельства того, что Иванов Н.Н. получал денежные средства в виде взяток? 2) Имеются ли в событиях, запечатленных в аудио-видеофайлах, свидетельства того, что Сидоров И.И.

получал денежные средства в виде взяток? 3) Имеются ли в событиях, запечатленных в аудио-видеофайлах, свидетельства того, что Петров П.П. получал денежные средства в виде взяток? 4) Имеются ли в событиях, запечатлённых в аудио-видеофайлах, свидетельства того, что между Ивановым Н.Н., Сидоровым И.И., Петровым П.П. имеется сговор на незаконное получение денежных средств? Вопросы, поставленные перед экспертом, должны тщательно подвергаться анализу и возможному переформулированию.

В делах о взятках обязательно должен быть видеоаспект. Также обязательна комплексная лингво-психологическая экспертиза, в которой была бы объяснена кинесика фигурантов.

Лингвистический анализ предоставленного на экспертизу текстового материала должен быть основан на выводах современных исследований в области лексикологии и фразеологии, лингвостилистики, теории речевых актов, теории речевого воздействия, лингвистической прагматики и логического анализа языка [4, с. 138].

Прежде чем приступить к непосредственному анализу диалогов фигурантов, следует дать общую оценку лингвистических средств. Назовём это условно преамбулой диалогов между фигурантами дела.

Так, например, в одной из стенограмм (и в видео-аудиоматериалах) зафиксирована устная речь лиц с высшим образованием. Доказательством этого служит относительно правильный синтаксис, нормированное, не диалектное произношение, небольшое количество просторечных слов, использование специальной лексики. При этом имеет место употребление вульгаризмов и нецензурных слов. Участниками диалога используется, в основном, разговорный синтаксис: неполные, односоставные, нечленимые предложения. В представленном тексте, в основном, присутствует диалог, то есть разговор двух лиц, реже – полилог, когда в разговор вступает третье и четвёртое лицо.

В стенограмме отражены невербальные средства коммуникации: жесты, которые зафиксированы в видеоматериале, и, что особенно важно, эмоционально-экспрессивные проявления – смех, также зафиксированный и в видео-аудиоматериале. Включение невербальных компонентов коммуникации в стенограмму существенно уточняет характер взаимоотношений участников диалогов, общий эмоциональный фон общения и, как следствие, смысл диалогов как таковых.

В диалогах преобладает разговорный и официальный стили. Большинство слов употребляется в прямом значении. Однако есть и ряд лексем, употреблённых в переносном значении. Для некоторых предложений характерна неполнота, недоговорённость. Часть информации оказывается за кадром видеозаписей.

Представленный на изучение видео-аудиоматериал тематически неоднороден. Участники исследуемых диалогов разговаривают на различные темы: в разговорах имеет место и фатическая (контактоподдерживающая) коммуникация – о женщинах, о вкусовых предпочтениях, о погоде и др.

Подводя итог проведённого предварительного анализа о взятках, следует заметить важный лингвистический аспект: в аудио-видеозаписях почти отсутствуют слова, свя-

занные с концептом ВЗЯТКА. И только в одном случае слово взятка употребляется в виде шутки.

То есть в аудио-видеозаписях фигурантами почти не упоминается слово ВЗЯТКА, а также его синонимы [1]: дача; леве; котлета; откат; занос; посул; мзда; нагар; хабар (хабара); замазка; цыпа; цыпка; барашек в бумажке; абиссинский налог; слам; хапанцы; пешкеш; магарыч; подмазка; бакшиш (https://sinonim.org/). Почти не употребляются в стенограмме и названия взяточников: взяткодатель, коррупционер, подкупщик, лиходатель, мздодатель, мздаятель, взяткополучатель, коррупционер, взяточник, лихоимец, мздоимец, лихоимщик, мздолюбец, посульник. В стенограмме отсутствуют многообразные номинации способов и феномена коррупции: «взяточничество», «лихоимство», «мздоимство», «посулоимство», «посулоимание», «злоупотребление властью (полномочиями)», «продажность (судей, чиновников)», «подкуп», «дача взятки», эвфемистичные номинации типа «дать барашка в бумажке», «дать на лапу», «подмазать», «подмаслить» и т. п. [2, с. 51-56]

Приведённые выше и им подобные слова не используют не только предполагаемые фигуранты уголовного дела о взяточничестве, но и их коллеги, подчинённые или партнёры.

Мы должны обращать внимание на тот факт, когда указанные выше слова не соответствую основному их значению и произносятся, например, в шутку. При этом следует учитывать не только контекст и ситуацию, но и само положение говорящих. Например, руководитель крупного предприятия навряд ли может серьёзно назвать себя коррупционером или взяточником в присутствии подчинённых. Когда Иванов Н. Н. спрашивает, что это «**за взятка**», у других участников диалога данный вопрос не вызывает страха или даже боязни, он явно шутит, о чём свидетельствует поведение участников диалога. Слово коррупционер также произносится в шутку фигурантом В.В. Ворониным или в отвлечённом значении, без привязки к какому-либо фигуранту, см. текст: Неизвестный: «Угу, я знаю, что мы местные. Ну, просто, нет, в практике ставят местных людей министрами – слишком много коррупционеров всяких».

Главным из всех перечисленных слов является лексема **ВЗЯТКА** – деньги или материальные ценности, даваемые лицу как **подкуп** [1, с. 128]. В этом определении явно различаются четыре аспекта: 1) деньги или материальные ценности; 2) их передача кому-л.; 3) лицо как объект взятки; 4) подкуп – цель взятки. Главный признак из этих четырёх признаков – подкуп как цель взятки.

Поэтому исследование должно быть построено исходя из лексики, обозначающей возможную передачу денег или иных материальных ценностей за выполнение какой–либо услуги руководителю или кому-либо из его окружения и определением её как подкуп (см. выше признаки **ВЗЯТКИ**). Причём должны быть проанализированы как вербальные, так и невербальные средства возможных неоднозначных аудио-видеозаписей. Оперативная запись должна представлять собой видеосъёмку с соответствующими комментариями, в которых однозначно должны содержаться слова о передаче взятки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002 (а также издание 2006 г.). 1536 с.
2. Плотникова А.М., Старикова К.В. Динамика лексико-семантического поля «ВЗЯТКА» в русском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2016. С.51-56.
3. Портал правовой статистики // [Электронный ресурс] URL: www.crimestat.ru (дата обращения: 15.01.2019)
4. Цена слова: Из практики лингвистических текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. М.В. Горбаневского – 2-е изд., испр. и доп. М.: Галерия, 2002.

Peculiarities of linguistic expert examination concerning corruption: based on judicial studies experience

M.A. Grachev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. (Russia, Nizhny Novgorod)
ma-grachev@mail.ru

The paper summarizes judicial studies experience concerning bribes, revieus linguishe aspects of establishment of the fact of money transfer from one person involved to another. The autor Suggests Speech recognition expersts to analyce the concept “bribe”. The auhor points aut the imporfance of the received audio-videofiles processing and performing qualifative expert examination.

Keywords: bribe, concept, expertise, operative officer, transcript, method.

ПОБУЖДЕНИЕ КАК ЭКСПЕРТНОЕ ПОНЯТИЕ В РАМКАХ КОМПЛЕКСНОЙ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

О.Д. Гурина

ГБУ г. Москвы МИЦ (Россия, Москва)
godgur@yandex.ru

В статье рассматривается «побуждение» как экспертное понятие, используемое в комплексной психолого-лингвистической экспертизе по различным категориям дел (на примере материалов исследований, проведенных в ГБУ г. Москвы «МИЦ»). Приведены примеры различных типов побуждений, выделены психологические признаки побуждений.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, психологическое воздействие, побуждение, экстремизм и терроризм, сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, склонение к суициду.

В настоящее время востребованным видом экспертиз в рамках исследования информационных продуктов становится комплексная психолого-лингвистическая экспертиза. Подобные экспертизы назначаются по различным категориям дел: по делам о противодействии экстремизму, терроризму, по де-

лам о склонении несовершеннолетних к совершению сексуальных действий, распространении информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних и др. [1].

Одной из специальных задач при проведении экспертиз по данным категориям дел является установление психологических и лингвистических признаков побуждения к каким-либо действиям, имеющим юридическое значение.

С одной стороны, побуждение является важным компонентом состава преступлений различного рода, с другой стороны, побуждение представляет собой специальное психологическое и лингвистическое понятие в экспертизе.

С точки зрения психологической экспертизы под побуждением понимается коммуникативное воздействие на субъекта с целью формирования у него установки, готовности к совершению каких-либо действий [2, с. 8].

Побуждение с точки зрения психологии может быть рассмотрено как одна из форм психологического воздействия, которое осуществляется разными способами. Побуждение является одним из важных компонентов в квалификации преступлений. Юридическое значение имеет негативное психологическое воздействие, в отношении которого также используются понятия «психологическое насилие», «манипулирование», «принуждение», «понуждение», «шантаж», «угроза» [3].

Признаки побуждения устанавливаются в рамках комплексных психолого-лингвистических экспертиз по следующим категориям дел (на примере материалов исследований, проведенных в ГБУ г. Москвы «МИЦ»).

1. По делам о противодействии экстремизму, терроризму (ст. 280 УК РФ, ст. 280.1 УК РФ, ч. 1 ст. 250.1 УК РФ, ч. 1 ст. 205.2 УК РФ, ч. 1 ст. 354 УК РФ, Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности). Наличие побуждения решается в рамках вопроса: «Содержатся ли в представленных материалах психологические и лингвистические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) к совершению каких-либо действий (в том числе насильственных, разрушительных, дискриминационных)?».

Психологические признаки побуждений по делам о противодействии экстремизму, терроризму подробно описаны в Методике проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму [4]. Устанавливаемые признаки выражены в следующем:

«тематика» – автор направляет адресата на некую ситуацию, представляет ее как конфликт;

«отношение» – автор выражает свое негативное эмоционально-смысловое отношение к ситуации, оценивает ее как негативную для адресата; ситуация оценивается как требующая вмешательства адресата, его действий; автор дает положительную оценку предлагаемых им действий, представляет их как желательные;

«цель» – формирование у адресата представления о невозможности бездействия и отношения, соответствующего этому представлению, а также готовности к совершению описываемых действий (установки) [4, с. 61].

Пример 1: видеозапись, содержащаяся в файле «XXX об Исламе, Коране и мусульманах.mp.4», представляет собой монолог говорящего на камеру. Тема сообщения – отношение говорящего к религии ислама, Корану и мусульманам, в частности.

В речи говорящего отражен межрелигиозный конфликт, представленный в противопоставлении мусульман немусльманам. Это выражено в следующих утверждениях говорящего:

– Коран является экстремистской книгой, а ислам – экстремистским верованием, тем самым мусульмане представляют опасность, угрозу для немусульман;

– учение Корана – ислам – представлено как обоснование терроризма;

– опасность ислама сравнивается с опасностью фашизма (нацизма).

Тем самым говорящий убеждает адресата в том, что Коран и ислам представляют опасность, угрозу жизни и здоровью немусульманам. Подобные убеждения адресата направлены на формирование у них враждебно-презрительного отношения к мусульманам.

С целью разрешения конфликта говорящий предлагает совершать следующие действия:

– запретить Коран *(Коран надо запретить так же, как у нас, у нас есть список запрещённой литературы в стране, вот Коран должен туда попасть)*;

– отправить мусульман в специальные лагеря *(Всех, кто верят в пророка Мохаммеда и так далее, надо отправлять в специальные лагеря…)*;

– обратить мусульман в другую религию *(Всех, кто верят в пророка Мохаммеда и так далее, надо … переучивать на другую религию, как-то избавлять их от этого)*;

– уничтожить мусульман, не желающих изменить веру *(Кто не хочет, пусть уходят в леса, и потом ФСБ накрывает их ядерными ударами в этих лесах…)*;

– побудить мусульман покинуть занимаемые ими территории *(Кто не хочет [отречься от ислама], пусть уходят в леса.)*.

Тем самым в речи говорящего мусульмане представлены как враги, с которыми необходимо бороться насильственными и дискриминационными способами. Представленные побуждения направлены на формирование у адресата готовности к совершению указанных действий.

Таким образом, в речи говорящего содержатся психологические признаки побуждения (в том числе в форме призыва) немусульман к дискриминационным и насильственным действиям по отношению к мусульманам как группе лиц, выделяемой по религиозному признаку; дискриминационного побуждения к мусульманам покинуть занимаемые им территории.

Пример 2: объект содержит видеозапись беседы нескольких лиц. Разговор между коммуникантами протекает на фоне бытовых действий. В представленной видеозаписи ведущим коммуникантом является говорящий М1. Тема беседы со стороны говорящего М1 – разъяснение положений ислама, в том числе таких понятий, как *шахада, шахид*.

Говорящий М1 формирует положительное эмоционально-смысловое отношение к деятельности *шахидов*, представляя их героями, заслуживающими высшие блага после смерти. Говорящий М1 демонстрирует положительное отношение к деятельности, направленной на насильственную борьбу с противниками, через апелляцию к авторитетным источникам ислама (например, к Корану).

В речи говорящего М1 выражено побуждение к насильственным действиям по отношению к полицейским, военным. Он сообщает о необходимости их уничтожать как врагов: *По возможности, если убивать, то (убивать) вот этих мусоров, мусоров и военных*. Тем самым, речь говорящего направлена на формирование готовности у адресата к совершению насильственных действий по отношению к полицейским, военным. Данные действия он представляет как необходимые, оправданные, апеллируя к Корану.

Социально-психологическая направленность речи говорящего М1 – формирование у адресата положительного эмоционально-смыслового отношения к насильственным действиям, как приемлемым и необходимым, совершаемым для высших целей *(во имя Аллаха)*; убеждение адресата в правильности действий *шахидов*, как лиц, совершающих насилие по отношению к противникам, с целью доказать свою приверженность исламу; формирование у адресата готовности к совершению насильственных действий по отношению к военным и полицейским.

Таким образом, в высказываниях говорящего М1 содержатся психологические признаки побуждения к насильственным действиям в отношении сотрудников правоохранительных органов, представителям российских вооруженных сил; это выражено в представлении этих действий как необходимых, приемлемых, что направлено на формирование у адресата готовности к совершению указанных действий.

2. По делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних (ст. 131 УК РФ, 132 УК РФ, 135 УК РФ). Наличие побуждения решается в рамках вопроса: «Содержатся ли в представленных материалах психологические и лингвистические признаки побуждения N к каким-либо действиям, в том числе сексуальным?». В настоящее время ведется научно-методическая деятельность по разработке методических рекомендаций для производства подобного рода исследований и экспертиз. Устанавливаемые признаки выражены в следующем:

– «тематика» – привлечение внимания адресата к половой сфере жизни человека, сексуальным отношениям, сексуальным действиям.

– «отношение» – автор демонстрирует свое положительное отношение к сексуальным действиям; представляет их как приемлемые, желательные, приносящие удовольствие;

– «цель» – формирование у адресата представления о желательности, приемлемости описываемых им сексуальных действий, формирование у адресата готовности к их совершению.

Пример 3 (высказывания приведены в неполном виде, использованы замены отдельных слов и выражений): представленная переписка начинается со слов пользователя «XXX», который уверяет пользователя «YYY», что шантажа не будет. Из чего следует, что пользователи вступают в контакт не впервые и имели отношения в прошлом. Одна из основных тем представленной переписки – прошлые сексуальные отношения пользователей и обсуждение возможности их продолжения.

Пользователь «YYY» стремится:

– побудить пользователя «XXX» к обсуждению фантазий на тему секса, сексуальных ласк: …*поговори со мной о своих желаниях, я все сотру, все останется между нами, мы веть не увидимся больше, не бойся; у тебя есть что от себя еще…какие либо фантазии или еще что*;

– побудить пользователя «XXX» выслать собственные интимные фотографии: *Пришли свою фотку, где ты обнаженная, хочу подрочить*;

– побудить продолжить общение на сексуальную тематику, апеллируя к чувствам наслаждения, удовольствия, с одной стороны: *Ну тебе то нравилось; От удовольствий не надо отказываться; Ты же любишь интим* (пользователь «YYY»); с другой стороны, пользователь «YYY» шантажирует пользователя «XXX» наличием у него ее интимных фотографий: *Я не удалил ничего, теперь я тебе соврал; я отправлю твои фото всем; приедешь в москву, станешь популярной осталось только до компьютера дойти дома*, тем самым провоцирует пользователя «XXX» к продолжению общения, в том числе на сексуальные темы.

3. По делам о склонении к самоубийству (ст. 110 УК РФ, 110.1 УК РФ, 110.2 УК РФ). Перед экспертами ставится вопрос «Содержатся ли в представленных материалах психологические и лингвистические признаки побуждения лица N к каким-либо действиям? Если да, то к каким?». При анализе подобных материалов опираются, в основном на опыт производства исследований по иным категориям дел (в том числе по преступлениям сексуального характера в отношении несовершеннолетних). Как определяет М.В. Кроз, Н.А. Ратинова и О.Р. Онищенко объективная сторона данного преступления (склонения к самоубийству) выражается преимущественно в активных действиях по доведению лица до самоубийства или до покушения на самоубийство. Среди способов совершения данного преступления выделяют угрозы, систематическое унижение, жестокое обращение с потерпевшим [2, с. 59]. Устанавливаемые признаки побуждения могут быть выражены в следующем (предположительно):

– «тематика» – привлечение внимания адресата к теме жизни и смерти, формирование у адресата интереса к теме смерти, способам лишения жизни, в том числе за счет негативного психологического воздействия на адресата;

– «отношение» – автор демонстрирует положительное отношение к лишению жизни адресата и/или демонстрирует негативное отношение к продолжению существования адресата как бессмысленного, приносящего вред окружающим и самому себе;

– «цель» – формирование у адресата установки (готовности) к совершению суицида.

Таким образом, побуждение может быть рассмотрено как одно из экспертных понятий и иметь свои квалифицирующие признаки в зависимости от категории дела. Побуждение как экспертное понятие определяется как формирование у адресата установки к совершению каких-либо действий, при этом экспертом не устанавливается способность адресата к реализации данных действий.

Исследуется характер и форма побуждения, например, побуждение к насильственным действиям через использование формы призыва (устанавливается лингвистом) – *Убивать этих тварей, всех до единого!*; или побуждение к совершению унизительных действий через использования формы угрозы, шантажа (устанавливается совместно с лингвистом) – *Если не сделаешь свое фото без трусов, то вышлю остальные фото твоим друзьям*.

Конкретизация понятия «побуждения» как экспертного позволит экспертам более точно определять сферу своей компетенции, что в целом направлено на улучшение качества проводимых экспертиз и исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: форма, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (44). 2016. С. 98–107.
2. Кроз М.В., Ратинова Н.А., Онищенко О.Р. Криминальное психологическое воздействие. М., 2008.
3. Психологическое воздействие: Механизмы, стратегии, возможности противодействия / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 368 с.
4. Методика проведения психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму/ Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Motivation as an expert concept in the framework of complex psychological and linguistic examination

O.D. Gurina

GBU Moscow MITS (Russia, Moscow)
godgur@yandex.ru

The article deals with «motivation» as an expert concept used in the complex psychological and linguistic expertise in various categories of cases (for example, the materials of research conducted in the GBU of Moscow «MITS»). Examples of various types of motives are given, psychological signs of motives are allocated.

Keywords: complex psychological and linguistic expertise, psychological impact, motivation, extremism and terrorism, sexual crimes against minors, suicidal inclination.

ИСКАЖЕНИЯ УЧЕТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ КАК ОБЪЕКТ СУДЕБНОЙ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

А.Ф. Дятлова

ФГКОУ ВО «Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя»
(Россия, Москва)
angelina09_63@mail.ru

В практической деятельности юридических лиц, к сожалению, имеют место существенные искажения учетной и отчетной информации о реальных фактах экономической деятельности. Этими искажениями по существу скрываются злоупотребления, направленные на причинение ущерба экономическому субъекту и государству. С целью поиска и раскрытия необходимой учетной информации о фактах хозяйственной деятельности экономического субъекта, в отношении которого возбуждено гражданское или уголовное дело, судебно-следственными органами назначаются судебно-бухгалтерские экспертизы. В ходе проведения экспертизы эксперт-бухгалтер (специалист-бухгалтер) сталкивается с различными способами непреднамеренного и преднамеренного искажения учетно-аналитической информации в бухгалтерском учете и отчетности реальных фактов хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: ошибки в бухгалтерском учете и отчетности, судебно-бухгалтерская экспертиза, эксперт-бухгалтер, методические, технические и преднамеренные ошибки.

Искажения реальной (правдивой) информации о фактах хозяйственной деятельности юридических лиц по существу являются ошибками в бухгалтерском учете и бухгалтерской (финансовой) отчетности. Однако виды совершаемых ошибок (искажений) и их содержание весьма разнообразны и связаны с:

- неправильным применением норм национальных и международных стандартов по бухгалтерскому учету и отчетности;
- отсутствием или ошибками закрепленных правил ведения бухгалтерского учета в учетной политики экономического субъекта;
- математическими ошибкам в подсчетах и расчетах в бухгалтерском учете;
- неточностью определения объектов учета;

- неполным и недостоверным отражением информации в отчетности на дату ее подписания;

- неправомерными действиями должностных лиц экономических субъектов и др.

Не следует относить к ошибкам описки, неточности, пропуски в регистрации фактов хозяйственной жизни в бухгалтерском учете и отчетности экономического субъекта, в связи с появлением уточненной информации, которая не была доступна на дату свершения операции.

Ошибка считается существенной, если ее наличие делает отчетность недостоверной, определяется экономическим субъектом самостоятельно.

Анализируя ошибки, можно их классифицировать по следующим группам: технические и методологические. К техническим ошибкам следует относить: пропуски описки и арифметические ошибки, которые приводят к искажению фактических значений; «задваивание» информации в учете на основании одного первичного документа; ошибки в процессе обработки, хранении информации; неправильное отражение информации по статьям бухгалтерского баланса, отчета о финансовых результатах, отчета о движении денежных средств, отчета об изменениях капитала и других отчетных форм и пояснений.

Методологические ошибки связаны и с ошибками и неточностями в оформлении первичных документов, подтверждающих достоверность факта хозяйственной жизни, среди них, фальсифицированные документы, либо отсутствие подтверждающих документов; ошибочное отражение фактов хозяйственной жизни в регистрах учета; ошибки, связанные с несвоевременным отражение фактов хозяйственной жизни в учете; ошибочные корреспонденции счетов; ошибки в оценке объектов учета и их идентификации, ошибки при составлении бухгалтерской (финансовой) отчетности и др.

Ошибки в бухгалтерском учете и отчётности могут иметь место в практике экономических субъектов в определённых пределах (несущественные) и могут считаться допустимыми. Искажения информации чаще всего может быть также и в форме фальсификации, вуалирования и инсайдерных операций.

Вуалирование активно используется в зарубежной практике функционирования экономических компаний. По своей сути – это преднамеренные действия должностных лиц в целях искажения учетной информации, в основном, в пределах методологии бухгалтерского учёта. Вуалирование информации в бухгалтерском учете и, как следствие, в бухгалтерском балансе и других формах отчётности может быть не всегда умышленным. Поскольку такие искажения возникают в результате подмены экономического содержания, то, прежде всего, такое возможно в силу незнания соответствующих методических положений бухгалтерского учёта и правил составления бухгалтерской (финансовой) отчётности. Для вуалирования характерно быстрое обнаружение незначительных ошибок, хотя и применяется этот способ достаточно часто. В отдельных

случаях такие ошибки (искажения) способны отвлечь внимание пользователей бухгалтерской (финансовой) отчётности от более серьёзных нарушений, вплоть до фальсификации [1, с. 16–21].

Фальсификация в бухгалтерском учете и отчетности – это преднамеренные действия должностных лиц субъекта по искажению данных бухгалтерского учета и бухгалтерской (финансовой) отчётности, отражающей ложное представление о фактах хозяйственной деятельности организации, её финансовом состоянии и финансовых результатах деятельности. Основными приемами фальсификации в этой части являются: оформление заведомо ложных первичных документов на завышенные или вообще невыполненные объемы работ, изъятие первичных документов, внесение изменений в правильно заполненные бухгалтерские документы, отражение нерекомендуемых бухгалтерских записей при документальном оформлении сделок со связанными сторонами, агрессивное применение бухгалтерских стандартов, налоговая оптимизация путем искажения данных налогового учета, пропуск, не указание показателей отчетности и совершение ничтожных и притворных сделок [2, с. 152–164].

Приёмы вуалирования встречаются в бухгалтерской отчётности экономического субъекта значительно чаще, чем фальсификация. Фальсификация фактов хозяйственной жизни, чаще всего, обнаруживается случайно.

Инсайдерные операции. Бухгалтерская (финансовая) отчётность будет полезной лишь при полном раскрытии в ней информации достоверно, своевременной и справедливой. Инсайдерные операции применяются с целью заведомого искажения учетной информации в интересах руководства экономического субъекта путем неполного освящения реальной информации. Руководители, зная об ответственности, заведомо снабжают заинтересованных лиц искаженной информацией. Однако личная заинтересованность руководства экономического субъекта иногда преобладает над этическими нормами его поведения, что рассматривается как факт злоупотребления доверием акционеров.

Как правило, такое искажение учетной информации, осуществляется в отношении ценных бумаг. Инсайдерные торговые операции с ценными бумагами к тому же являются и неэтичными, поскольку ведут к нарушению руководством своих обязанностей перед акционерами, доверившими ему управление организацией.

В настоящее время за грубые нарушения в бухгалтерском учете и отчетности действующим законодательством предусмотрены меры, в соответствии с которыми должностные лица могут быть привлечены к соответствующей административной, материальной, налоговой и уголовной ответственности.

В целях доказательства экономических преступлений в юридической деятельности зачастую необходимо использование специальных познаний, а именно знаний в области бухгалтерского учета и отчетности. Такие знания необходимы и являются обязательными для проведения привлеченными специалистами

судебно-бухгалтерских экспертиз с целью установления истинного состояния исследуемой экономической проблемы.

Специальные бухгалтерские познания – это совокупность профессиональных знаний, умений и навыков (специальное образование, практический опыт работы, компетентность, профессиональное суждение, нормативное правовое регулирование) в области бухгалтерского учета и отчетности, использование которых обеспечивает исследование процессов и явлений финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов в целях их использования в юридической сфере [3].

Необходимость применения специфических знаний в области бухгалтерского учета и отчетности возникает, как правило, на стадии проведения оперативно-розыскной деятельности и судебно-бухгалтерских экспертиз.

Как правило, профессиональный эксперт привлекается судебно-следственными органами в период оперативно-розыскных мероприятий в качестве консультанта, непосредственного участника оперативно-розыскных действий и непосредственно участвовать в проведении документальных ревизий (проверок) хозяйственных фактов по предмету исследования.

Дополнительные знания в области бухгалтерского учета и отчетности при проведении отдельных оперативно-розыскных действий становятся необходимыми в случае, когда факты хозяйственной деятельности становятся предметом расследования и отсутствие профессиональных знаний тормозит процесс расследования или доказательства (недоказательства) вины подозреваемого.

Профессиональные эксперты обычно привлекаются для проведения документальной проверки (ревизии), проводимой по инициативе правоохранительных органов. В большинстве случаев такие специализированные экспертные проверки (ревизии) проводятся при необходимости до возбуждения уголовного дела в основном в сфере экономических преступлений, и инициаторами которых, как правило, являются оперативные работники органов дознания. В случае необходимости бухгалтерские экспертизы (судебно-бухгалтерские) могут организовываться и судебными органами с целью получения необходимых дополнительных доказательств по рассматриваемым уголовным делам.

Документальная ревизия назначается в основном при наличии следующих обстоятельств: это всевозможные несоответствия в форме подлога, требующие дополнительного обоснования или подтверждения. А также это существенные расхождения, полученные в результате инвентаризации, также могут свидетельствовать о фактах подлога. И наиболее существенное это противоправная деятельность проверяемых должностных лиц и их связь с должностными лицами, работающими в других организациях, где тоже совершались аналогичные преступления.

На практике для получения различного рода доказательств в области бухгалтерского учета и отчетности в процессе расследования экономических преступлений могут привлекаться специалист-бухгалтер и эксперт-бухгалтер.

Отличие функций специалиста-бухгалтера от функций эксперта заключается в том, что специалист-бухгалтер сам не выявляет доказательств, а лишь оказывает содействие следователю в обнаружении, закреплении и изъятии фактических данных, имеющих значение для исследуемого процесса. Специалист не обладает процессуальной самостоятельностью, он лишь оказывает помощь следователю в силу его возможной некомпетентности в вопросах бухгалтерского учета [3].

Правовые основы деятельности специалиста-бухгалтера регламентируются в ст. 58, 70–71, 164, 168, 270 УПК РФ [4].

Помощь специалиста-бухгалтера в проведении досудебных разбирательств заключается, например, в следующих рекомендательных действиях по поводу:

- проверяемых первичных документов и регистров бухгалтерского учета в отношении конкретного факта хозяйственной жизни;
- количества экземпляров, которое должен иметь необходимый документ и типичные места в документах, в которых может отражаться подложная информация;
- определения добросовестного характера первичных документов;
- правильного использования информации первичных документов в качестве доказательной базы при допросах;
- какие вопросы необходимо (целесообразно) поставить перед экспертом-бухгалтером и другие.

В своей работе специалист в области бухгалтерского учета и отчетности при участии в процессе расследования обладает, например, следующими полномочиями:

- используя свой профессиональный опыт и знания, помогает следователю в сборе доказательств;
- специалист с материалами дела не знакомится, в дознании не участвует;
- протокол следователя, составленный на основании знаний бухгалтера, является источником доказательства;
- специалист-бухгалтер имеет право делать подлежащие занесению в протокол следователя заявления, относящиеся к обнаружению, закреплению и изъятию доказательств;
- вся деятельность специалиста-бухгалтера осуществляется только в присутствии следователя и др.

Однако наиболее полно специалист-бухгалтер проявляет себя в судопроизводстве, существенно расширяя возможности правоприменителя по осуществлению своих профессиональных обязанностей.

Таким образом, при проведении судебно-бухгалтерских экспертиз знание возможных вариантов искажений в бухгалтерском учете и отчетности позволят бухгалтеру-специалисту и эксперту-бухгалтеру повысить качество экспертизы и сократить время на ее проведение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дятлова А.Ф. Методы вуалирования и фальсификации бухгалтерской финансовой информации (статья). Актуальные вопросы экономики и агробизнеса: сборник статей VIII. Ид-во Брянского ГАУ, 2017 (часть 2). С.16–21.
2. Быковская Ю.В., Дятлова А.Ф. Особенности применения метода бухгалтерского анализа при выявлении преступлений экономической направленности // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 12 (450). С. 152–164.
3. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»/ Н.И. Майлис и др.- М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 207с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

Distortions of accounting information in accounting as an object of forensic accounting expertise

O.F. Dyatlova

MOSCOW University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot», Russia, Moscow

angelina09_63@mail.ru

In the practice of legal entities, unfortunately, there are significant distortions of accounting and reporting information about the real facts of economic activity. These distortions essentially hide abuses aimed at causing damage to the economic entity and the state. For the purpose of search and disclosure of necessary accounting information on the facts of economic activity of the economic entity concerning which civil or criminal case is brought, judicial and investigative authorities appoint judicial and accounting examinations. During the examination, the expert accountant (specialist accountant) is faced with various ways of unintentional and intentional distortion of accounting and analytical information in accounting and reporting of real facts of economic activity.

Keywords: errors in accounting and reporting, forensic accounting expertise, expert accountant, methodological, technical and intentional errors.

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТАКТИКИ СЕКСУАЛЬНОГО ОНЛАЙН-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕКСТИНГА И ПОРНОМЕСТИ)

О. В. Зайцева, Н. В. Зобнина

ГБУ МИЦ (Россия, Москва)
deyaldewer@mail.ru; z.nat14@mail.ru

В статье представлен анализ наиболее часто встречаемых коммуникативных практик в мирном и преступном секстинге, выявленных на примере 400 текстов.

Ключевые слова: секстинг, порноместь, сексуальное онлайн-взаимодействие, коммуникативные тактики, мишени манипулятивного воздействия.

Изучение секстинга началось относительно недавно. Термин «секстинг» был внесен в Новый Оксфордский Американский Словарь (New Oxford American Dictionary) в 2009 году, и примерно с этого времени начинаются исследования этой разновидности сексуальной интеракции, имеющей семиотический характер. В настоящее время в науке существуют два взгляда на секстинг как коммуникативную практику. Ряд авторов рассматривает секстинг как интимную визуальную коммуникацию и определяют ее как согласованный обмен фотографическими изображениями интимного характера (реже – видеозаписями), снятыми на камеру мобильного телефона, исключая текстовую переписку сексуальной направленности без визуального компонента между коммуникантами либо обмен изображениями сексуальной направленности, не произведенными самими коммуникантами [4, с. 59], [9, с. 2]. Другие исследователи характеризуют секстинг как коммуникативную практику обмена текстовыми и графическими сообщениями сексуальной направленности по мобильному телефону, планшету, ноутбуку и персональному компьютеру Отдельный эпизод текстовой и/или визуальной направленности называется секстом. На законодательном уровне секстинг не имеет определения и балансирует на грани производства порнографии (что является уголовно наказуемым деянием, согласно ст. 242 УК РФ) и легальной сексуальной интеракции. Таким образом, одним из основополагающих критериев секстинга является критерий легальности, который определяется соответствием отдельно взятых эпизодов параметрам, расположенным слева на шкале бинарных характеристик: частный–публичный, согласие–принуждение, сексуальное познание – сексуальная эксплуатация. В случае полного или частичного несоответствия (кому? чему?) мы имеем дело с прецедентом порномести (англ. revenge porn; исходный термин в Новом оксфордском американском словаре трактуется следующим образом: «публикация в сети Интернет обычно бывшим партнером фотографических изображений или видеоизображений сексуального характера другого лица без его согласия с целью причинить ему моральные и психические страдания» [Revealing or sexually explicit images or videos of a person posted on the Internet, typically by a former sexual partner, without the consent of the subject and in order to cause them distress or embarrassment] [6,

с. 120]). Ряд авторов предлагают более широкую трактовку порномести, усматривая в ней разновидность конфликтного взаимодействия, в рамках которого один из партнеров решается на обнародование переписок либо выражает угрозу их публикации с целью унижения и доминирования над партнером получения над ним контроля и пролонгированного манипулятивного воздействия, в том числе с применением шантажа и угрозами насилия [6, с. 122], [10].

В данной статье секстинг и порноместь трактуются в качестве разновидностей вербальной/визуальной или вербально-визуальной сексуальной интеракции посредством социальных сетей (VK.com, Facebook, Periscope), сайтов знакомств (Tinder, Badoo, Mamba), месседжеров (Whatsapp, Viber, Skype) и приложений обмена сообщениями (SMS, MMS), установленных на смартфонах, планшетах, ноутбуках и персональных компьютерах [4, с. 59]. Лингвистический и психологический анализ секстов предполагает, что участие в секстинге происходит не только с целью получения информации и обмена ею, но и для актуализации и обмена эмоциями и, тем самым, получения нового чувственного опыта, иными словами, – осуществляется коммуникантами добровольно. Секстинг актуализируется в рамках модели положительного согласия [1, с. 201–206], в соответствии с которой оба коммуниканта должны словом (эксплицитно) или действием (имплицитно) продемонстрировать свою готовность на сексуальное взаимодействие.

Выявление коммуникативных тактик партнеров в секстинге и порномести позволяет понять, каким образом коммуниканты выражают свои позиции. На основании 400 секстов на английском (53) и русском (347) языках были выделены прямые и скрытые коммуникативные тактики инициатора и адресата в условиях секстинга (168), а также агрессора и жертвы в условиях порномести (232) (см. таблицу 1). Для наглядной демонстрации коммуникативных тактик был представлен цикл переписок двух партнеров, которых мы условно обозначили как Д и С.

Таблица 1.
Коммуникативные тактики в условиях секстинга и порномести

Коммуникативные тактики в условиях секстинга	
А. Прямые коммуникативные тактики	
Инициатор	Адресат
1. Прямое указание	1. Моментальное подчинение
2. Уговаривания	2. Бартер (Я – тебе, ты – мне)
	3. Перехват инициативы
Б. Скрытые коммуникативные тактики	
Инициатор	Адресат

1. Заигрывание	1. Управление плотностью общения
1.1. Поощрение	
1.2. Псевдоугроза	
1.3. Псевдонаказание	
1.4. Псевдоальтернатива	
2. Провокация	2. Демонстрации сомнения
3. Передача инициативы 4. 1. Управление плотностью общения	3. Первичный отказ
	4. Провокация
Коммуникативные тактики в условиях порномести	
Агрессор	Жертва
1. Прямая угроза-наказание	1. Блокировка канала связи (мгновенная)
2. Шантаж 2.1. Доброжелательность (Бартер)	2. Ответная угроза (обращение к «защитнику»)
	2.1.Ответная порноместь
3. Глумление	3. Апелляция к чувству жалости, справедливости
3.1. Трансляция реакции нескольких пользователей	3.1. Торг (смягчение требование агрессора)
3.2. Скидывание фрагментов переписок на стену в соц. сети	

Для прямых коммуникативных тактик характерно использование маркированных конверсационных элементов, посредством которых демонстрируется наименее двусмысленно заинтересованность партнера в сексуальной интеракции. Прямой характер выражения намерения достигается за счет использования директив как в форме утверждений, так и форме вопросов; данные формы директив требуют у коммуниканта наименьших усилий в вычислениях того, чего от него хочет партнер. В качестве директив могут выступать также фотографические изображения, гиф-файлы и видеоролики.

Пример 1.
Прямые коммуникативные тактики

С	1	23:01	Пришли фотографию без одежды
Д	2	23:01	Ну и, разумеется, твою в ответ)) *скидывает свою фотографию* Твоя очередь
С	3	23:01	*скидывает свою фотографию*
Д	4	23:02	А как же верхняя часть? Она мне тоже интересна!

В примере 1 продемонстрировано, как может развиваться диалог между пользователями за счет прямых коммуникативных тактик в условиях секстинга. С начинает разговор (реплика 1) при помощи побуждения к размещению фото. При этом в данном эпизоде коммуникации императив не воспринимается Д как грубость. Ответная реплика указывает на перехват Д инициативы у С, актуализирует тактику «Бартер»: отправив пользователю С свою фотографию (тактика

«Мгновенного подчинения»), пользователь Д за счет директивы с семантикой обязательства (реплика 2: «Твоя очередь») выражает свою заинтересованность в ответной фотографии. Пример 1 также иллюстрирует ситуацию с отсутствием четко закрепленных ролей в условиях секстинга: они могут как сохраняться на протяжении всего секста, так и быть переходящими.

Скрытые коммуникативные тактики направлены на вовлечение в секстинг пользователя путем манипуляций (см. Пример 2). К маркерам скрытых тактик относятся:

(1) директивы-намеки (реплика 1), посредством которых актуализируется интерес адресата к инициатору;

(2) описательные конструкции и изображения эротического характера, направленные на сенсорную стимуляцию органов восприятия за счет вербального воздействия (см. Пример 2, реплика 3) или визуального ряда (при этом визуальный ряд не всегда может содержать изображения самого пользователя). Скрытые коммуникативные тактики вносят в сексуальную коммуникацию элемент игры: прибегая к манипулированию, инициатор пытается не оставить адресату выбора (например, в отказе от взаимодействия). При этом в случае использовании некоторых разновидностей скрытых тактик (как, например, «Псевдоугроза» (см. Пример 2, реплика 6), «Псевдонаказание» (Пример 2, реплика 5) и «Псевдоальтернатива») может показаться, что идентичности одного из коммуникантов может наноситься урон, что на самом деле не так.

Пример 2.
Скрытые коммуникативные тактики

Д	1	14:21	Ты помнишь, что сегодня пятница?
С	2	14:23	О боже. Только не сейчас. У меня очень много работы.
Д	3	14:23	Это очень грустная новость. Потому что я уже представляю, как снимаю с тебя твой свитер. Мои руки гладят твою грудь, а губы целуют шею
С	4	14:23	Вот черт. И что ты сделаешь потом?
Д	5	14:24	А потом я исчезну, потому что твой отказ меня уязвил :)
С	6	14:24	Хей! Если ты это сделаешь, то никогда не узнаешь, что я сделаю с тобой, когда мы встретимся.
Д	7	14:24	И что же?

Пример 2. Посредством применения директивы-намека инициатор актуализирует в памяти адресата ряд ассоциативно связанных событий их взаимодействия с номинацией «пятница», тем самым, оба участника коммуникации понимают смысл, который несет используемая речевая конструкция. Также здесь иллюстрируется ситуация, где первичный отказ (реплика 2) не несет характера категоричности и может быть вписан в сексуальное взаимодействие как один из способов «поддразнить» партнера. Нежелание С вступать в сексуальную интеракцию могло бы быть продемонстрировано при помощи ограничения канала

связи (игнорированием сообщения от Д) либо более жестким отказом от взаимодействия.

Любой состоявшийся эпизод секстинга, изначально протекающий в рамках модели положительного согласия, не является гарантией безопасности: конфликт между партнерами, приведший к расставанию, возникновение чувства обиды, желания отмщения и получения личной выгоды, или изначально преступный умысел одного из партнеров может привести к ситуации порномести. Агрессор представляет собой лицо, жаждущее отмщения/самоутверждения/доминирования или выгоды, а жертва вынуждена под действием психологического давления всеми силами оборонять свою идентичность, прибегая к той или иной коммуникативной тактике через призму своих индивидуально-психологических особенностей. Данная форма также характеризуется высокой интенсивностью общения, являющейся индикатором контроля над жертвой (интервал между репликами не составляет с начала момента общения до его завершения более 2–3 минут).

Пример 3.
Коммуникативные тактики в условиях порномести

С	1	15:11	Знаешь, что я заснял? Как ты целовалась с мужем своей сестры…
Д	2	15:11	Что тебе нужно?
С	3	15:11	Все что я хочу от тебя сейчас это свежую порцию фоток твоего обнаженного тела. Думаю, твоей сестре очень не понравится, когда она это узнает.
Д	4	15:13	Умоляю. Не надо
С	5	15:13	Никому не пошлю, если сфотографируешься для меня. Ты мне нравишься, я не хочу портить тебе всё. Сделаешь, и я оставлю тебя в покое. Договорились?
Д	6	15:14	Сделаю, но раздеваться не буду, ладно?
С	7	15:15	Заткнись. Я могу тебя так нагнуть в любой момент, что тебе и не снилось, просто не надо доводить до этого
Д	8	15:16	Ты должен это прекратить! Будь благоразумен! В противном случае я иду писать обращение в полицию.
С	9	15:17	Ты не будешь ставить мне условия. Иначе в довесок к твоим любовным утехам с мужем сестренки все увидят еще и те фотографии, которые ты отсылала мне.

Пример 3 иллюстрирует случай угрозы-наказания, посредством которой агрессор С принуждает жертву Д к отправке эротических фотографий угрозой применения насилия (реплика 7), а также компромата на Д (реплики 1 и 3). В качестве мишени манипулятивного воздействия С использует актуализацию у Д чувства тревоги и страха перед раскрытием тайны и разрушением эмоционально значимых для Д отношений и в то же время прибегает к тактике «Доброжелательность» (реплика 5), прикрывая шантаж и угрозу публикации материалов своим нежеланием портить Д жизнь. Угроза С вызывает ответную реакцию жертвы, и она использует тактику «Ответная угроза» (реплика 8), где требует прекращения воздействия, аппелируя к здравому смыслу С и угрожая уголов-

ным преследованием.

Конструирование порномести происходит в рамках речевого жанра угрозы-наказания или шантажа, в основе которого лежит стремление одного из партнеров интеракции нанести урон идентичности другому и установить над ним свой контроль.

Анализ коммуникативных тактик секстинга и порномести демонстрирует их сложную организацию как разновидностей сексуальной интеракции. Выявление коммуникативных тактик в секстинге и порномести во многом позволит понять, каким образом строится сексуальное взаимодействие людей в виртуальном пространстве. Хотя порноместь в некотором смысле подобна виртуальному изнасилованию, секстинг все же остается относительно безопасным явлением, направленным на сексуальное познание, таким образом, в случае с секстингом необходимо разработать рекомендации по вопросам законодательного регулирования политики конфиденциальности и превенции случаев порномести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Curtis, J. N., & Burnett, S. (2017). Affirmative Consent: What Do College Student Leaders Think About “Yes Means Yes” as the Standard for Sexual Behavior? American Journal of Sexuality Education, 12(3), 201–214.
2. Day T. (2010) The New Digital Dating Behavior – Sexting: Teens' Explicit Love Letters: Criminal Justice or Civil Liability, 33 Hastings Comm. & Ent.L.J. 69–78.
3. Draper N. R.A. (2012) Is Your Teen at Risk? Discourses of adolescent sexting in United States television news, Journal of Children and Media, 6:2, 221–236.
4. Hasinoff A.A (2016) How to have great sext: consent advice in online sexting tips, Communication and Critical/Cultural Studies, 13:1, 58–74.
5. Jenkins E. M. & Stamp G. H. (2018): Sexting in the public domain: competing discourses in online news article comments in the US and the UK involving teenage sexting, Journal of Children and Media 6:2, 221–236.
6. Langlois G., & Slane A. (2017). Economies of reputation: the case of revenge porn. Communication and Critical/Cultural Studies, 14(2), 120–138.
7. M. Lee, Th. Crofts et al M.E. (2015). Sexting and Young People. Report to the Criminology Research Advisory Council., 2015, 1–6.
8. Lippman J. R. & Campbell S. W. (2014) Damned If You Do, Damned If You Don't…If You're a Girl: Relational and Normative Contexts of Adolescent Sexting in the United States, Journal of Children and Media, 8:4, 371-386.
9. Madigan S, Ly A, Rash CL, Van Ouytsel J, Temple JR. Prevalence of Multiple Forms of Sexting Behavior Among Youth: A Systematic Review and Meta-analysis. JAMA Pediatr. 2018;172(4): 327–335.
10. Chris Lloyd (2017): The crime of sexting: a deconstructive approach, Information & Communications Technology Law, 1–32.

Conversational tactics by constructing sexting and revenge porn

O.V. Zaytseva, N.V. Zobnina

Moscow Research Center (Russia, Moscow)
deyaldewer@mail.ru; z.nat14@mail.ru

Paper deals with the analysis of conversational tactics constructed by conversational partners in sext writing and revenge porn dialogue

Keywords: sexting, revenge porn, discourse analysis, conversational tactics, manipulation targets.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ТАМОЖЕННЫХ ЛАБОРАТОРИЙ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОЙ (СУДЕБНОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НЕФТЕПРОДУКТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕСЕЧЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

О.П. Зарубин, К.В. Кандеев

Федеральная таможенная служба Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление Экспертно-криминалистическая служба г. Нижний Новгород (ФТС ЭКС – региональный филиал ЦЭКТУ г. Нижний Новгород) (Россия, Нижний Новгород)
axeljaga@gmail.com

Таможенная судебная экспертиза – один из необходимых инструментов, направленных на борьбу с таможенными преступлениями. В последние годы необходимость международного сотрудничества таможенных лабораторий становится очевидной. В настоящем докладе рассмотрены особенности сотрудничества мировых таможенных лабораторий, практические аспекты и проблематика такого рода взаимодействий.

Ключевые слова: таможенные преступления, судебная экспертиза, международное сотрудничество, международные сличительные испытания, нефтепродукты.

Сам факт пересечения различными товарами государственных границ предполагает осуществление международного взаимодействия в сфере торговли. В условиях постоянного роста объемов торговли между странами и непрерывных процессов торговой интеграции международное таможенное сотрудничество является обязательной и необходимой сферой деятельности Федеральной таможенной службы Российской Федерации [1].

Международное таможенное сотрудничество государств по борьбе с преступлениями в таможенной сфере неразрывно связано с деятельностью международных организаций (Всемирная Таможенная Организация, Евразийское экономическое сообщество, Высший евразийский экономический совет, Таможенный союз ЕАЭС), которые играют особую роль, в том числе и в сфере унификации и гармонизации норм и принципов международного таможенного права [2]. Главной и универсальной международной таможенной организацией является Всемирная таможенная организация, которая учреждена Конвенцией о создании Совета таможенного сотрудничества от 15 декабря 1950 г. (вступила

в силу 4 ноября 1952 г.).

В целом сотрудничество государств по борьбе с таможенными преступлениями проявляется в следующих направлениях:

1) определение страны происхождения товаров;

2) таможенные процедуры;

3) борьба с контрабандой и другими таможенными правонарушениями;

4) таможенные льготы и преференции.

Если более подробно рассматривать такое направление международного сотрудничества, как борьба с контрабандой, то именно здесь можно проследить этап, на котором осуществляется взаимодействие таможенных лабораторий разных стран мира в части производства таможенных экспертиз.

В докладе рассмотрена специфика международного взаимодействия в сфере таможенной (судебной) экспертизы. Приведен практический пример влияния международного взаимодействия таможенных лабораторий на судопроизводство, направленное на пресечение и выявление преступлений в таможенной сфере, связанных с незаконным вывозом одного вида (типа) товара (на примере нефтепродукта) под видом другого (уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ)) [3].

26 октября 2016 года между Федеральной таможенной службой России и Всемирной таможенной организацией был подписан Меморандум о взаимопонимании, в соответствии с которым Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление было наделено статусом региональной таможенной лаборатории Всемирной Таможенной Организации. Таким образом, в настоящем докладе впервые представлен обзор некоторых практических аспектов функционирования Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления как региональной таможенной лаборатории Всемирной Таможенной Организации.

Практическое взаимодействие таможенных лабораторий разных стран происходит в рамках заседаний Научного Подкомитета Совета по Гармонизированной Системе[1] Всемирной Таможенной Организации, ежегодно проводимых в Бельгии (г. Брюссель).

В соответствии с нормативными актами Всемирной Таможенной Организации Научный Подкомитет является консультативной частью Совета по Гармонизированной Системе Всемирной Таможенной Организации в вопросах, где необходимы знания в области химии и иных науках. Практически, Научный Подкомитет осуществляет свою деятельность в соответствии с инструкциями (запросами) Совета, его комитетов и подкомитетов и оказывает содействие вышеозначенным институтам в соответствии со своими полномочиями. Он также организует форумы и иные мероприятия для обмена мнениями Таможенными

[1] Гармонизированная система описания и кодирования товаров – стандартизированная система классификации товаров в международной торговле.

лабораториями членов Всемирной Таможенной Организации.

Задачами и областью компетенции Научного Подкомитета являются:

1) Помощь Комитету по Гармонизированной Системе и подкомитету по общим вопросам в их технических вопросах, в частности в вопросах классификации химических продуктов;

2) Помощь Совету, его комитетам и подкомитетам в их работе, связанной со всеми научными и инженерными аспектами таможенного администрирования, процедурными и операционными вопросами;

3) Организация форумов для обмена взглядами сотрудников таможенных лабораторий членов Всемирной Таможенной Организации в научных и инженерных вопросах для решения таможенных задач.

Председатель Научного Подкомитета выбирается среди представленных членов. Научный подкомитет проводит свои заседания по требованию и темам, согласованным с Комитетом по Гармонизированной Системе и Советом. Обычно они происходят раз в год.

Таможенное дело неразрывно связывает два таких таможенных понятия, как «классификация» и «идентификация». Идентификация товара и последующая его товарная классификация необходима для установления соответствия сведений, представленных в декларации на товар и в сопроводительных документах, тексту товарной позиции и подсубпозиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (в основе которой лежит Гармонизированная Система) [4], для исключения случаев подмены одного товара другим. Именно такие случаи (подмены одного товара другим), в большинстве своем, и составляют основу таможенных преступлений.

Необходимость установления соответствия перемещаемого товара и представленной на него документации предполагает, что под «идентификацией товаров таможенных целях» следует понимать «выявление индивидуальных признаков товара для установления его принадлежности к определенной однородной группировке товаров в ТН ВЭД ЕАЭС». Идентификация предшествует принятию решения по классификации товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС и необходима для осуществления практически всех таможенных операций, в том числе для целей налогообложения, технического регулирования, ведения статистики и др.

Очевидно, что идентификация товара – это установление его потребительских свойств (назначения, материала изготовления, природы происхождения и пр.) на основании совпадения имеющихся признаков. Именно таможенная экспертиза является инструментом, позволяющим проводить идентификацию товаров и выявлять их признаки.

За то время, которое прошло с момента наделения Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной

службы России статусом региональной таможенной лаборатории Всемирной Таможенной Организации, стало очевидно, что международное взаимодействие таможенных лабораторий оказывает непосредственное влияние на качество таможенной экспертизы, на решение спорных вопросов классификации товаров и пресечение нарушений таможенного законодательства.

Следует выделить некий «инструментарий», который образовался за время международного сотрудничества таможенных лабораторий Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления Федеральной таможенной службы России и с помощью которого происходит совершенствование структуры и качества таможенной экспертизы:

1) Международные стажировки. Неотъемлемая часть международного взаимодействия таможенных лабораторий – стажировки экспертов с целью повышения квалификации. Работа по обучению и стажировке на базе региональных таможенных лабораторий одна из основных задач международного сотрудничества таможенных лабораторий. По результатам стажировок экспертам могут присвоить статус аккредитованного эксперта Всемирной Таможенной Организации.

2) Проведение (и участие в) международных встреч, семинаров и конференций в рамках статуса региональной таможенной лаборатории Всемирной Таможенной Организации. Обмен профессиональным опытом и поддержание культурных связей закреплено Положением об организации и порядке осуществления международной деятельности ФТС России (Приказ ФТС России от 27.09.2012 N 1948 «Об утверждении Положения об организации и порядке осуществления международной деятельности ФТС России») [5]. Такой формат взаимодействия расширит экспертные возможности, подходы по методологии исследования и идентификации различных товаров среди экспертного сообщества различных стран.

3) Участие должностных лиц Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления в заседаниях Научного Подкомитета Совета по Гармонизированной Системе Всемирной таможенной Организации, а также во встречах, конференциях, сессиях и иных мероприятиях, проводимых под эгидой Всемирной Таможенной Организации.

4) Участие в международных сличительных испытаниях[1] совместно экспертов стран Евроазиатского экономического союза, экспертов стран ближнего и дальнего зарубежья с целью повышения качества экспертной работы и уровня квалификации экспертов.

5) Интеграция методических материалов, разработка и апробация новых методик проведения исследований в таможенном деле среди экспертного сообщества экспертов ЦЭКТУ, экспертов стран ближнего и дальнего зарубежья.

---

[1] Форма экспериментальной проверки деятельности испытательной лаборатории с целью подтверждения ее компетентности.

Особое внимание хотелось бы уделить последним двум пунктам (участие в международных сличительных испытаниях и интеграция методических материалов, разработка и апробация новых методик), поскольку именно они оказывают непосредственное влияние на практику применения таможенных судебных экспертиз в качестве доказательств по делам о таможенных преступлениях.

Далее в качестве примера непосредственного влияния международного сотрудничества таможенных лабораторий в сфере таможенной (судебной) экспертизы нефтепродуктов приведены следующие судебные материалы (участники дела обезличены):

Некое Общество в 2016 г. обратилось в Арбитражный суд с заявлением о признании незаконными решения одной из региональных таможен ФТС России о классификации товара. Как следует из материалов дела, Обществом был заключен контракт на экспорт нефтепродуктов, заявленным как «аналогичные продукты, в которых масса ароматических составных частей превышает массу неароматических» (группа товаров «Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки»). Вместе с тем, в ходе осуществления таможенного контроля правильности классификации товара (в том числе, и с применением результатов таможенной идентификационной экспертизы, выполненной в нашей Службе), таможенным органом было установлено, что классификация товара осуществлена декларантом неверно. Руководствуясь Основными правилами интерпретации товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности[1], результатами заключения таможенного эксперта, в котором было показано, что исследуемый товар является остатком от переработки нефти или нефтепродуктов, таможней было вынесено Решение о классификации товаров, согласно которому товар был классифицирован как остаточный нефтепродукт.

Считая решение таможенного органа незаконным, Общество оспорило его в арбитражном суде. Одним из основных оспариваемых параметров товара был классификационный признак, оказывающий непосредственное влияние на классификацию товара, заключающийся в определенном пороговом значении содержания ароматических углеводородов (более или менее 80 массовых %) в товаре. Метод определения данного показателя закреплен в тексте Гармонизированной Системы (соответственно, и в тексте Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности) и носит название «Приложение А (Annex A)»). Таможенная экспертиза показала, что содержание ароматических углеводородов составило значение более 80 массовых %. Обществом в Суд были представлены многочисленные акты экспертных исследований, сертификаты качества, которые якобы свидетельствовали об обратном – содержание ароматических углеводородов в товаре менее 80 массовых %. На справедливый вопрос представителей таможенного органа о том, почему таможенная экспертиза свидетель-

[1] Правила, в соответствии с которыми осуществляется классификация товаров в Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности.

ствует об обратном, представители Общества в судебных заседаниях утверждали (безосновательно), что таможенная экспертиза проведена некачественно.

Случай интересен тем, что именно на момент судопроизводства в рамках международного сотрудничества на базе нашей Службы прошли Международные сличительные испытания 4 (четырех) образцов нефтепродуктов, организованные Европейским Союзом по 23 (двадцати трем) показателям качества, включая и определение содержания ароматических углеводородов по Приложению А, которые были признаны как удовлетворительные.

Также именно в этот период времени происходят изменения в методе (Приложение А) в Европейской номенклатуре: незначительно меняется методика измерений, вводится второй метод, аналогичный по методологии проведения исследований старому методу, однако имеющий иные размеры оборудования, количества исследуемого образца и применяемых реагентов.

К сожалению, результаты Международных сличительных испытаний и второй метод исследования были получены нашей Службой уже после окончания судебного заседания первой инстанции. Суд принял неоднозначное решение в пользу Общества, мотивировав настоящее решение тем, что по аналогичному делу Суд принял решение в пользу Общества. Решением Суда заявленные требования Общества удовлетворены, Суд обязал таможню устранить допущенные нарушения прав и законных интересов общества.

Возможно, наличие результатов, полученных вторым методом исследования (исследование двумя методами), увеличило бы правовой вес и обоснованность таможенного заключения, а удовлетворительные результаты международных сличительных испытаний, представленные вовремя в Суд, послужили бы дополнительным доказательством компетентности таможенной лаборатории в вопросах исследования нефтепродуктов.

На настоящий момент дело рассматривается в Суде следующей инстанции, материалы об успешном проведении нашей Службой Международных сличительных испытаний представлены таможенному органу для использования при формировании мотивированной позиции в Суде.

Таким образом, приведенные в настоящем докладе особенности международного сотрудничества, осуществляемого Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением в статусе региональной таможенной лаборатории Всемирной Таможенной Организации, раскрывают практические аспекты такого рода взаимодействия, оказывающие непосредственное влияние на форму и внутреннее наполнение таможенной экспертизы. Именно международное сотрудничество в сфере методологии исследований, совершенствования экспертных возможностей является основой обоснованного, полного и всестороннего исследования, ложащегося в основу таможенной экспертизы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.02.2019).
2. Международное сотрудничество в борьбе с таможенными преступлениями Научно-методический журнал NovaInfo.Ru. №57. 2016. С. 487–488 [Электронное периодическое издание]. URL: https://www.novainfo.ru (дата обращения: 06.02.2019).
3. Зарубин О.П. Судебно-химическое расследование: особенности применения современных физико-химических методов исследования нефти и нефтепродуктов //Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 124–130.
4. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (приложение N 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.02.2019).
5. Приказ ФТС России от 27.09.2012 N 1948 (ред. от 21.04.2017) «Об утверждении Положения об организации и порядке осуществления международной деятельности ФТС России» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 06.02.2019).

International cooperation of customs laboratories in the field of customs (judicial) expert examination of petroleum products as a tool to prevent customs offenses

O.P. Zarubin, K.V. Kandeev

Federal Customs Service Central expert forensic customs administration Expert forensic branch Nizhny Novgorod (FCS EKS - regional branch of CEKTU Nizhny Novgorod) (Russia, Nizhny Novgorod)

axeljaga@gmail.com

Customs (judicial) expert examination is one of the necessary tools to combat customs offenses. In recent years, the need for international cooperation of customs laboratories has become apparent. This report considers the peculiarities of cooperation between global customs laboratories, practical aspects and problems of such interactions.

Key words: customs crimes, judicial expert examination, international cooperation, international comparative tests, petroleum products.

СОДЕРЖАНИЕ ДОКУМЕНТА И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.В. Ионова

Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина (Россия, Москва)

Статья посвящена проблеме интерпретации содержания документа как объекта лингвистической экспертизы. Требования к лексической точности, терминологической определенности и правильности формулировок в них должны быть значительно выше, чем в обыденном тексте. Однозначность толкования является обязательным качеством документного текста, однако на практике оно не всегда выполняется. Вопросы содержательного и смыслового анализа документов часто являются объектом расследования в гражданских и уголовных делах. Анализ документов показывает наличие в них логических нарушений, семантической неоднозначности, грамматических неточностей. При наличии комплекса нарушений текст не может рассматриваться в качестве нормативного документа. Установление его статуса возможно при помощи лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: документ, точность, логичность, непротиворечивость, содержание, смысл, толкование.

Одним из важнейших вопросов лингвистической экспертизы признается исследование содержания и смысла текстов [1; 2]. При этом под содержанием принято понимать объективную часть текста, вербализирующую внеязыковую ситуацию и отражающую определенное положение дел; под смыслом – субъективную часть текста, которая принадлежит когнитивной сфере человека и связана с уяснением человеком сути дела [3, с. 155].

Вопросы содержательного / смыслового анализа приобретают особую значимость при рассмотрении документов, которые выступают материалом расследования в гражданских и уголовных делах. Документный текст – функционально, содержательно, структурно и нормативно завершенное речевое единство, являющееся основным коммуникативным компонентом документа, скрепленное модальностью, являющейся производной от функционально-нормативный условий документной коммуникации и соответствующее унифицирующим и стандартизирующим правилам» [4, с. 37]. Он рассчитан на людей, профессионально владеющих терминами и технологиями определенной специальной области и не нуждающихся в дополнительных регламентациях, или предполагает, что представленные в нем понятия и термины из иных областей знания могут интерпретироваться исходя из общеязыковых представлений об их значении.

Стиль официальных документов должен отличаться точностью и ясностью, его единицы – однозначностью толкования [4]. Термины должны быть полнозначными - отражать в своем значении все исчерпывающее признаки, необходимые для идентификации обозначаемого им понятия. Отметим, что однозначное понимание варианта лексического значения возможно при условии правильно составленного предложения или текста. Если контекст не является достаточ-

ным, то в нем могут не различаться варианты значений многозначного слова и читатель такого текста вправе понимать любое из возможных значений слова или одновременно несколько его значений. Таким образом, многозначность / однозначность толкований слов в данном исследовании оценивается с двух позиций: 1) в языке (словарях), 2) в тексте.

В качестве материала для анализа рассмотрим содержание и проблемы, связанные с толкованием Приказа МВД России от 12.04.1999 № 288 (ред. От 15.07.2013) «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814» в его части XX: «Требования к размещению оружия, оборудованию оружейных комнат, хранилищ, складов, помещений для показа, демонстрации либо торговли оружием, стрелковых тиров и стрельбищ» (далее – Требования). Данным документом обязаны руководствоваться представители охранных предприятий при оборудовании оружейных комнат.

Требования как документ – это точно сформулированное описание ожидаемой совокупности значимых характеристик объекта, условия, которым он должен соответствовать [5]. В рассматриваемом случае это требования, связанные с процессами эксплуатации и хранения оружия, оборудование помещений его хранения.

В практике применения положений указанных Требований и реализации его положений в процессе оборудования и организации охраны комнат хранения оружия сотрудники охранных предприятий постоянно сталкиваются с проблемой толкования отдельных слов и целых предложений названного документа, что дает основание для двояких интерпретаций смысла документа, затрудняет беспрепятственное выполнение предписаний. По мнению исполнителей, ряд положений Требований являются не вполне определенными по смыслу, в них не представлен регламент, обеспечивающий техническое регулирование этих процессов. Лица, проверяющие правильность исполнения Требований, оценивают положения документа исходя из их представлений о его содержании, которые не всегда тождественны его пониманию исполнителями. Потребность в разрешении противоречий в толковании спорных положений документа определяет необходимость проведения объективного лингвистического анализа материала с применением методов дефиниционного, лексико-семантического, синтаксического и контекстуального анализа, приемов лексикографического анализа.

Как показал лингвистический анализ указанного документа, в нем имеется специальная лексика, которая в используемом тексте не получает необходимой определенности, поскольку перенесение технической терминологии (пропускной режим, рубеж защиты, полка профиля, посторонние лица и др.) в организационный документ еще не обеспечивает однозначности его интерпретации.

Так, исходя из Требований «*Комната для хранения оружия должна быть оборудована средствами пожаротушения по нормам, установленным Государственной противопожарной службой МЧС России, и многорубежной охранно-*

пожарной сигнализацией». Здесь *рубеж* – оборудованный участок в виде технического средства охранной сигнализации, последовательно объединенный в цепь с другим участком с техническими средствами, основанными на иных физических принципах действия и не зависящий от не входящих в данную цепь технических средств. По отношению к понятию *многорубежный* в тексте документа можно использовать как первое значение слова «много» (*большое число защит*), так и второе значение (*больше одной, а также последовательно, комплексно*). По отношению к понятию «многорубежный» возможно использование двух значений: 1) большое число защит, 2) больше одной защиты. В результате проведения дефиниционного (толкование содержания понятий), семантического (выявление компонентов содержания слов), синтаксического (установление особенностей сочетаемости слов) и контекстуального (установление смысла предложений в тексте) видов анализа лексического материала Требований было выявлено, что в нем неоднозначно понимается целый ряд положений: *следует ли снимать ремень со служебного оружия ПКСК при его хранении; указание списка лиц в случае закрепленности единиц оружия за каждым из работников; место прикрепления бирки и описи; толщина цементации укрепления; понимание многорубежной охранно-пожарной сигнализации; время работы дублирующей системы* и др. Неоднозначными по причине неясных формулировок являются положения: *место крепления бирки; толщина объекта; как определить надежность крепления устройства; расстояние от двери; каким образом отверстия в стенах, предназначенные для инженерных сетей, следует закрывать стальной решеткой из прутка; что понимать под запирающим устройством*. В совокупности данные единицы образуют неясный и неточно сформулированный текст с неоднозначным лексическим составом.

При проведении лингвистического анализа спорных предложений Требований учитывалось, что для интерпретации содержания текста важно не только содержание общеупотребительных слов и терминов, но их сочетания, связь внутри предложения как коммуникативной единицы. Предложение – единица языка, которая представляет собой грамматически организованное соединение слов и обладающее смысловой и интонационной законченностью. Содержание предложений, как и семантика слов, может быть однозначным или неоднозначным в зависимости от выполнения пишущим существующих грамматических норм, а также от актуальной семантики, реализуемой в контексте. Нарушения правил могут быть обусловлены внутренними законами языка, но чаще всего зависят от «человеческого фактора»: незнания пишущим грамматических норм русского языка или неумения их применять; незнания им точных значений слов; отсутствия редакционной правки текста специалистом; имеющегося у пишущего намерения сознательно затемнить смысл и провоцировать двусмысленность предложения.

Для анализа представленного на исследование материала была использова-

на комплексная процедура, включающая в себя анализ: а) логического содержания; б) семантики (с учетом содержания слов); в) грамматических характеристик предложения. Проиллюстрируем процедуру лингвистического анализа примерами спорных предложений рассматриваемого документа.

Спорное предложение № 1

Пропускной режим и режимы внутри указанных объектов с вооруженными огнестрельным оружием охранниками, используемыми техническими средствами охраны должны обеспечивать сохранность оружия и патронов, безопасность их хранения, исключая доступ к ним посторонних лиц в период хранения, выдачи, приема, заряжения, обслуживания и проведения контрольно-проверочных мероприятий.

Анализируемое предложение является простым, полным, повествовательным, утвердительным, оформленным грамматически в соответствии с нормами русского языка.

Логическое содержание передает следующую информацию: субъект суждения: пропускной режим и режимы внутри объектов. Признаки субъекта: *а) с вооруженными огнестрельным оружием охранниками, б) используемыми техническими средствами охраны*. Предикат: *должны обеспечивать*. Дополнительные действия: *исключая доступ к ним посторонних лиц в период хранения, выдачи, приема, заряжения, обслуживания и проведения контрольно-проверочных мероприятий.* Объект: *а) сохранность оружия и патронов, б) безопасность их хранения.* Признаки объекта – нет. Обстоятельства: *а) в период хранения, б) в период выдачи, в) в период приема, г) в период заряжения, д) в период обслуживания, е) в период проведения контрольно-проверочных мероприятий.*

Указанное предложение с лингвистической точки зрения может иметь 2 варианта толкования. Неоднозначность логического содержания состоит в двояком понимании субъекта действий: 1. Пропускной режим и режимы внутри объектов, наделенные признаками: а) с вооруженными огнестрельным оружием охранниками, б) используемыми техническими средствами охраны. 2. Режимы внутри объектов, наделенные признаками: а) с вооруженными огнестрельным оружием охранниками, б) используемыми техническими средствами охраны. В первом случае названные признаки относятся к «пропускному режиму», во втором случае названные признаки не относятся «пропускному режиму».

Семантика слов и форм слов рассматриваемой единицы допускает неоднозначность толкования: а) исходя из формы слов «*пропускной режим и режимы*» пропускной режим – один, «*режимов внутри указанных объектов*» – больше одного. Это подтверждается в следующем абзаце: *На объектах организаций, где размещается только гражданское пневматическое, метательное и (или) холодное оружие, подлежащее регистрации в органах внутренних дел, допускается* ***внутриобъектовые режимы*** *осуществлять с помощью технических средств и* ***пропускного режима****, а в помещениях с иным гражданским оружием, приобре-*

тение которого гражданами осуществляется без лицензий органов внутренних дел, – с помощью технических средств. Здесь также «*пропускной режим*» – один, «*внутриобъектовых режимов*» – больше одного.

Учитывая, что Требования адресуются всем охранным предприятиям и организациям, закономерно, что в тексте они обозначаются формой множественного числа: *режимы внутри указанных объектов, на объектах организаций, внутриобъектовые режимы, в оружейных комнатах, на пульты охраны организаций, в помещениях, в складских помещениях и др.* Однако эти формы в исследуемом тексте используются непоследовательно: *для подключения помещения, комната для хранения оружия, вблизи поста охраны, в складском помещении и др.* В связи с этим неоднозначность толкования даже с учетом контекста сохраняется.

В предложении «*(…) Внутри указанных* ***объектов*** *с вооруженными огнестрельным оружием* ***охранниками****, используемыми техническими средствами…*» формы слов показывают, что охранников на указанных объектах должно быть больше одного (см. *охранниками* – форма множественного числа). В то же время с учетом обобщенных смыслов – документ адресуется всем организациям подобного рода – данное слово согласуется по форме со словом «*объектов*». Речь идет более чем об одном объекте, поэтому и более чем об одном охраннике, вооруженном огнестрельным оружием. Однако контекст предложения позволяет толковать эти смыслы и как наличие более чем одного охранника на каждом из указанных объектов.

Грамматика анализируемого предложения соответствует нормам современного литературного языка. Значительно осложняет однозначное понимание предложения причастный оборот «с вооруженными огнестрельным оружием охранниками», стоящий после определяемого слова. Грамматически его использование не нарушает синтаксических норм и, возможно, является вынужденной мерой, т.к. в данном предложении используется несколько определений к разным словам. Однако при построении такой конструкции нарушены нормы пунктуации. В соответствии с существующими нормами письма в данном случае комплекс определений должен обособляться (выделяться с двух сторон запятыми): «*Пропускной режим и режимы внутри указанных объектов(,)* ***с вооруженными огнестрельным оружием охранниками, используемыми техническими средствами охраны(,)*** *должны обеспечивать сохранность оружия и патронов…*». Для облегчения понимания предложения однородные определения уместно было бы соединить союзом: *с вооруженными огнестрельным оружием охранниками* ***и*** *используемыми техническими средствами охраны*. Однако пишущий не предпринял усилий для прояснения выражаемого смысла, а, напротив, создал трудности для его толкования.

Таким образом, спорное предложение №1 имеет логические, лексические и грамматическое неточности формулировок, не позволяющие понимать его

однозначно. Обилие в тексте документа формулировок, допускающих логические, семантические или грамматические неточности и противоречия, делает сам текст Требования в значительной степени неточным, а его смысл неопределенным.

Проведенный анализ текста документа, связанного с регламентацией деятельности в сфере размещения оружия, оборудования помещений для его хранения и правил его демонстрации и использования, позволяет заключить, что для инструкций, требований, приказов должно быть характерно повышенное внимание к вербализации нормируемых обстоятельств и действий. Требования к лексической точности, терминологической определенности и правильности формулировок в них должны быть значительно выше, чем в обыденном тексте: относительная точность текста не является достаточной для его профессиональной интерпретации и расценивается как отклонение от точности и нормативности. При отсутствии жесткости в понимании как отдельных слов, выражений, так и целых разделов текста документ следует рассматривать как неоднозначный, он не может использоваться в качестве нормативного документа, неисполнение которого влечет за собой определенные санкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. Ю.М. Дильдина. Общая ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.
1. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму / Под ред. Кукушкиной О.В., Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.
1. Новиков А.И. Доминантность и транспозиция в процессе осмысления текста // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. М.: Азбуковник, 2002. С.155–181.
1. Кушнерук, С.П. Документная лингвистика: Учебное пособие для студентов документоведческих, экономико-правовых и филологических специальностей / С.П. Кушнерук. Волгоград, Волгоградское научное издательство, 2007. 245с.
1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

CONTENT AND INTERPRETATION OF THE DOCUMENT AS A SUBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE

S.V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute (Russia, Moscow)

The article is devoted to the problem of interpretation of the document content as an object of linguistic expertise. The requirements for lexical accuracy, terminological certainty and correctness of the wording in them should be much higher than in the ordinary text. Unambiguity of interpretation is a mandatory quality of the document text, but in practice it is not always fulfilled. Questions of substantive and semantic analysis of documents is often the object of investigation in civil and criminal cases. The analysis of documents shows the presence of logical violations, semantic ambiguity, grammatical inaccuracies. The complex of such violations in the text deprives it of the status of a normative document. Linguistic expertise allows to establish the status of the document text.

Keywords: document, accuracy, consistency, consistency, content, meaning, interpretation

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ КОНТРОЛЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ОПЕРАЦИЙ С ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ

И.Н. Калинина

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» (Россия, Краснодар)

kalininaf@mail.ru

Наиболее часто подвержены хищениям денежные средства, поскольку они являются средством платежа. Для выявления этих и других недобросовестных действий руководства и материально-ответственных лиц эксперт-бухгалтер использует документальные методы контроля.

Ключевые слова: денежные средства, хищение, недобросовестные действия.

Денежные средства – это активы, быстро и легко преобразуемые в любые другие материальные ценности, и служащие поэтому в качестве показателя их ликвидности. Именно это и провоцирует материально-ответственных и должностных лиц на различные недобросовестные действия: хищение или нецелевое использование денег.

Организации могут хранить имеющиеся денежные средства в кассе, на расчетных, валютных и специальных счетах в банках. Денежные средства могут быть зафиксированы в денежных документах, находиться в пути или быть в виде финансовых вложений. Кроме того, они могут числиться в составе резервов под обесценение вложений в ценные бумаги.

Практика показывает, что недобросовестные действия материально-ответственных и должностных лиц с денежными средствами часто являются предметом исследования судебно-бухгалтерской экспертизы.

Выделяют ряд задач, стоящих перед судебной-бухгалтерской экспертизой

денежных средств:

– установление законности получения денежных средств и оценка целевого их использования;

– определение размера ущерба, нанесенного экономическому субъекту или государству;

– выявление причин, способствовавших совершению недобросовестных действий;

– определение круга виновных лиц;

– оценка влияния выявленных нарушений на финансовые показатели деятельности экономического субъекта.

Во многом качество проведенной проверки зависит от правильного применения экспертом необходимых методов. Учитывая специфику судебной экспертизы, наиболее приемлемыми для этого являются документальные приемы. По нашему мнению, при экспертном исследовании операций с денежными средствами целесообразно использовать:

– формальную проверку;

– арифметические процедуры;

– аналитические процедуры;

– подтверждение;

– проверку документов;

– прослеживание;

– нормативно-правовую проверку;

– проверку на действительность факта хозяйственной жизни;

– встречную проверку;

– взаимную сверку документов;

– хронологическую проверку движения денежных средств.

Формальная проверка направлена на оценку правильности и обоснованности внесения исправлений в документы. При наличии исправлений эксперту необходимо убедиться, что внесенные корректировки являются законными, т. е. отсутствует подлог в документе. Исправления в банковских документах не допускают вовсе.

Изучая бухгалтерские документы, эксперт-бухгалтер устанавливает законность их применения. Например, поступление денежных средств в кассу или их выдача производятся на основании приходных и расходных кассовых ордеров. Требования по их оформлению установлены Банком России [1]. Если же в организации используют другие документы для отражения движения денежных средств, то такие документы не могут являться оправдательными, т. е. законными.

Арифметические процедуры включают в себя арифметическую проверку, т. е. повторный пересчет или расчет полученных показателей другими возможными способами (отличающимися от способа, использованного при первичном расчете) и сопоставление полученных результатов.

В большой хозяйственной системе количество документов, а тем более результатов (отраженных в них арифметических действий) может быть чрезвычайно велико.

Аналитические процедуры включают в себя:

– проверку соответствия информации, содержащейся в бухгалтерской (финансовой) отчетности, данным первичного учета и регистрам бухгалтерского учета. Эксперт-бухгалтер сравнивает сведения, полученные из бухгалтерского баланса, отчета о движении денежных средств, с данными приходных и расходных кассовых ордеров, кассовой книги, авансовых отчетов, Главной книги и других регистров синтетического и аналитического учета по счетам денежных средств;

– сверку информации, отраженной в различных формах бухгалтерской (финансовой) отчетности;

– проверку полученных отчетных данных на непротиворечивость другим источникам информации;

– сравнение полученных сведений с показателями предыдущих периодов и анализ необычных отклонений, т. е. данных, существенно отличающихся от их нормальных значений.

Подтверждение позволяет получить эксперту-бухгалтеру информацию о реальности остатков на счетах учета денежных средств, счетов расчетов, счетов дебиторской и кредиторской задолженности.

С целью установления реальности какого-либо документа эксперту-бухгалтеру следует выбрать определенные записи в бухгалтерском учете и проследить отражение факта хозяйственной жизни в учете вплоть до того первичного документа, который подтвердит реальность и целесообразность его выполнения.

Процедура, в ходе которой эксперт проверяет некоторые первичные документы, устанавливает отражение данных первичных документов в регистрах синтетического и аналитического учета, находит заключительную корреспонденцию счетов и убеждается в том, что соответствующие факты хозяйственной жизни правильно или неправильно отражены в бухгалтерском учете, называется прослеживанием. Данная процедура позволяет изучать нетипичные статьи и события, которые отражаются в документах клиента.

При определении категории операций, в отношении которых следует применить процедуру прослеживания, эксперту рекомендуется изучить кредитовые обороты по аналитическим счетам, ведомостям, отчетам, синтетическим счетам, отраженным в Главной книге, обращая внимание на нетиповые корреспонденции счетов [2].

Нормативно-правовая проверка позволяет эксперту-бухгалтеру оценить отраженные в документах факты хозяйственной жизни с точки зрения их соответствия различным нормативам, инструкциям, положениям, законам.

Проверка на действительность факта хозяйственной жизни (в неискаженных объемах) или фактов экономической деятельности представляет собой сложную экспертную процедуру, так как не исключена возможность, что эксперт-бухгалтер именно здесь столкнется с интеллектуальным подлогом.

Часто для проверки нескольких документов по однотипным или взаимосвязанным фактам хозяйственной жизни эксперты осуществляют встречную проверку и взаимную сверку документов.

Применение встречной проверки направлено на выявление злоупотреблений различного типа, при которых один и тот же факт хозяйственной жизни, осуществляемый разными сторонами, находит разные отражения в бухгалтерском учете каждой их этих сторон. Данный метод весьма эффективен, поскольку позволяет выявить ряд существенных нарушений:

– полное или частичное неоприходование денежных средств;

– присвоение выручки от продажи товаров, работ и услуг, в том числе и сдаваемой в банк;

– наличие полностью или частично бестоварных операций;

– излишнее списание денежных средств;

– нецелевое использование денежных средств.

При взаимной сверке происходит сопоставление различных по своему наименованию и характеру документов, в которых отражаются аспекты одних и тех же фактов хозяйственной жизни.

Взаимная сверка позволяет выявить:

– полностью или частично бестоварные или безденежные операции;

– участие в хозяйственной деятельности неучтенных ценностей;

– создание неучтенных излишков различных материалов, сырья, товаров и других ценностей с целью дальнейшего оформления подложных документов об их реализации или приобретении (с присвоением самих ценностей или денег);

– составление подложных бухгалтерских записей, не подтвержденных оправдательными первичными документами;

– необоснованная выдача подотчетных средств;

– нецелевое использование денежных средств или их присвоение.

Хронологическая проверка движения денежных средств заключается в том, что сверка информации о движении денежных средств может осуществляться на каждую дату (на конец каждого дня) любого межинвентаризационного периода.

При использовании данного приема выявляется ряд противоречий в бухгалтерском учете:

– количество израсходованных денежных средств превышает их максимально возможный остаток;

– документально оформлен такой расход денежных средств, которого вообще не могло быть.

Наличие этих и других подобных несоответствий вызвано некорректным ведением бухгалтерского учета поступивших и выданных денежных средств. Например, неполное оприходование полученных в кассу денег.

Задача эксперта-бухгалтера – изучить все представленные ему документы (материалы дела). В процессе исследования он должен осуществить последовательный осмотр всех первичных документов и учетных регистров. Практика показывает, что зачастую недобросовестные действия и прочие нарушения оформляются нестандартными документами. Например:

1) в организации были использованы документы неустановленной формы. В соответствии с ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации» [3] в качестве приложений к учетной политике необходимо приложить формы первичных документов, используемых в бухгалтерском учете экономического субъекта;

2) в первичных документах остались незаполненными все необходимые документы. Часто в первичных учетных документах отсутствуют подписи должностных лиц. Это нарушение является весьма существенным, поскольку отсутствие подписи руководителя организации на расходном кассовом ордере свидетельствует о незаконной выдаче денег из кассы. В случае выявления такое нарушение может быть классифицировано как недостача денег в кассе;

3) использованы ненадлежащие реквизиты. В отсутствие руководителя или главного бухгалтера организации документы, как правило, подписывают их заместители. Однако если отсутствует приказ руководителя, разрешающий совершать такие действия указанным лицам, то подписанный документ будет являться недействительным. Следовательно, денежные средства, выданные на основании расходного кассового ордера, подписанного заместителем руководителя или главного бухгалтера при отсутствии приказа, будут являться недостачей или хищением.

Таким образом, применение документальных методов контроля при экспертном исследовании операций с денежными средствами позволяет эксперту-бухгалтеру выявить недобросовестные действия должностных и материально-ответственных лиц, а также установить величину ущерба.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О порядке ведения кассовых операций юридическими лицами и упрощенном порядке ведения кассовых операций индивидуальными предпринимателями и субъектами малого предпринимательства: Указание Центрального Банка РФ от 11 марта 2014 № 3210-У.
2. Сафонова, М. Ф. Бухгалтерская экспертиза : учебник / М.Ф. Сафонова, И.Н. Калинина, О.И. Швырева. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 413 с.
3. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» ПБУ 1/2008: приказ Министерства финансов РФ от 06.10.2008 № 106н.

Documentary control methods used with expert research of cash transactions

I.N. Kalinina

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Russia, Krasnodar)
kalininaf@mail.ru

Money is the most frequently stolen because it is a means of payment. To identify these and other unfair actions of the management and materially responsible persons, the expert-accountant uses documentary methods of control.

Keywords: cash, embezzlement, unfair actions.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕНТГЕНОВСКИХ И СПЕКТРОСКОПИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ДЛЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОЕДИНЕНИЙ

А.В. Князев, Е.Н. Буланов, О.В. Крашенинникова, А.С. Шипилова, С.С. Князева, В.Ж. Корокин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
knyazevav@gmail.com

Идентификация огромного разнообразия известных человечеству соединений является сложной задачей, которая может быть решена с использованием огромного разнообразия современных методов исследования. В нашей работе мы наиболее активно используем рентгеновские и спектроскопические методы исследования, которые являются эффективным инструментом идентификации и изучение структурных характеристик соединений.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ, порошковая рентгенография, колебательная спектроскопия.

Исследование состава, строения и свойств неорганических соединений подразумевает активное использование рентгеновских методов (иногда совместно с другими методами). Алгоритм исследований следующий:

1. Синтез соединений. При этом использовали различные методы синтеза неорганических соединений: твердофазный синтез, синтез в гидротермальных условиях, осаждение из раствора [1].

2. Определение состава соединений. Основной метод в наших исследованиях это рентгенофлуоресцентный анализ [2].

3. Исследование строения. Именно здесь активно использовались рентгенографические методы, такие как порошковая рентгенография и рентгеноструктурный анализ [1, 3].

4. Изучение свойств соединений и диаграмм состояния. Основные методы исследования здесь были – высокотемпературная рентгенография и дифференциальная сканирующая калориметрия [4].

Для элементного анализа полученных соединений использовали энергоди-

сперсионный рентгенофлуоресцентный спектрометр EDX-900HS (от 11Na до 92U) фирмы Shimadzu. Для определения концентрации элементов использовали метод фундаментальных параметров, позволяющий определять элементный состав без калибровочных кривых. В основе метода фундаментальных параметров лежит теоретический расчет количественного содержания элементов на основе полученных данных об интенсивности вторичного рентгеновского излучения. Однако хотелось бы заметить, что метод фундаментальных параметров зачастую является полуколичественным в связи с тем, что накладываются основные аналитические линии в спектре, поэтому для проведения точного анализа необходимы калибровочные кривые, построенные по эталонным смесям.

Рентгенофазовый анализ, выполняемый на рентгеновском дифрактометре XRD-6000 фирмы Shimadzu, использовали: во-первых, для идентификации синтезированных кристаллических веществ, но это рутинная часть работы. Во-вторых, для изучения кристаллической структуры соединений. С этой целью проводили полнопрофильный рентгеновский анализ.

Полнопрофильный рентгеновский анализ проводили методом Ритвельда с использованием программного обеспечения RIETAN-2000. Метод основан на нахождении степени соответствия между измеренной и теоретической дифрактограммой, вычисленной по модели предполагаемой структуры. Метод Ритвельда является двухшаговой процедурой, предусматривающей описание профиля рентгенограммы на первом этапе и уточнение структурных параметров по интегральным интенсивностям на втором. В ходе уточнения структуры были рассчитаны параметры, характеризующие асимметрию пика, координаты атомов, их заселенности, индивидуальные тепловые параметры. По полученным кристаллографическим данным построены фрагменты кристаллических структур соединений.

Однако с помощью метода Ритвельда практически невозможно расшифровать структуру соединений, содержащих большое число «легких» атомов. Для таких соединений мы использовали метод рентгеноструктурного анализа, который позволяет детально изучить структуру [1]. Единственным недостатком данного метода является необходимость вырастить хорошо сформированный монокристалл.

Еще одна задача, которая возникает перед материаловедами, – это использование порошковой рентгенографии для определения среднего размера частиц в поликристаллических порошках. Еще в ранних работах Дебай и Шеррер заметили, что дифракционные максимумы для ультрамалых частиц шире, чем для веществ в обычном порошкообразном состоянии. В дальшейшем Шеррер вывел формулу, представленную на слайде, которая связывает размер частиц и ширину максимума на полувысоте. Отмечу, что данный метод может быть использован для частиц размером от 1 до 100 нм.

Понятно, что порошковая рентгенография является непрямым методом

определения размера частиц. Более достоверные данные можно получить, используя атомно-силовую микроскопию.

Одной из наших важнейших задач является изготовление материалов на основе сложных оксидов. В качестве примера, будут рассмотрены изделия на основе гидроксиапатита. Данное соединение выбрано, прежде всего, благодаря своей биосовместимости. Гидроксиапатит, полученный золь-гель методом, имеет размер частиц порядка 80 нм, благодаря чему значительно облегчается задача изготовления биокерамики, которую используют при производстве имплантов. Кроме того, впервые нами были получены без использования жестких гидротермальных условий гидроксиапатитные вискеры, одномерные бездислокационные кристаллы, которые могут быть использованы для армирования материалов.

Высокотемпературные рентгеновские исследования проводили на дифрактометре XRD-6000 фирмы Shimadzu, оснащенном приставкой HA-1001. Данный метод использовали для изучения фазовых переходов, а также для определения качественных и количественных характеристик теплового расширения соединений [5]. Для этого записывали рентгенограммы при различных температурах, затем их индицировали и на основании этих результатов строили температурные зависимости параметров элементарной ячейки. На соединениях, в которых обнаружены фазовые переходы, происходит немонотонное изменение подобных зависимостей.

Детальное описание анизотропии теплового расширения кристалла дается фигурами расширения. Наглядно могут быть представлены двумерные и трехмерные фигуры теплового расширения. Величина коэффициента теплового расширения в данном направлении соответствует длине радиус-вектора, проведенного из начала координат в этом направлении до границы поверхности фигуры расширения.

Немаловажной частью работы было изучение и моделирование фазовых диаграмм, которое проводилось с помощью трех методов – высокотемпературная рентгенография, дифференциальная сканирующая калориметрия и реакционная калориметрия. Моделирование включало следующие этапы:

1. расчет температур распада твердых растворов, т.е. кривой Беккера;
2. определение функциональной зависимости изменения температуры полиморфного перехода от состава;
3. экспериментальное определение и расчет температур солидуса и ликвидуса, основанный на равновесии кристалл-жидкость.

Для расчета температур солидуса и ликвидуса использовали уравнение Клаузиуса-Клапейрона, которое в случае регулярных растворов можно переписать в виде системы [4]. При этом решалась обратная задача, т.е. моделирование проводилось на основе экспериментально полученных данных о границах фаз.

Решая систему, определяли термодинамические параметры жидкости и кри-

сталла и энтальпии плавления компонентов. Полученные величины использовали для построения зависимости функции Гиббса жидкости и кристалла от состава и фазовой диаграммы.

Во многих соединениях наблюдаются физические переходы. Описание переходов проводили с помощью феноменологической классификации физических переходов Мак-Каллафа – Веструма. Согласно этой классификации все фазовые переходы в твердых телах можно разделить на семь типов (I, 2I, 3I, 2N, 3N, G, H). Три перехода являются изотермическими, два перехода – неизотермические и G и H переходы, чье название происходит от английских слов стеклоподобный и горб. Однако, описание переходов с помощью классификации Мак-Каллафа – Веструма это лишь формальный подход, который не объясняет истинную причину перехода. Какие методы позволяют установить причины фазовых переходов? В большинстве случаев достаточно структурных методов. Мы в своей работе используем порошковую рентгенографию, рентгеноструктурный анализ, ИК спектроскопию и Рамановскую спектроскопию. Мне бы сразу хотелось сказать, что эти методы друг друга не дублируют, а скорее дополняют. Предпочтительный метод – порошковая рентгенография, которая позволяет изучать кристаллические соединения в интервале от 120 до 1173K. Однако, в случае низкотемпературных переходов с незначительным изменением структуры гораздо эффективней будет рентгеноструктурный анализ, но необходимы образцы в монокристаллическом состоянии. ИК спектроскопия эффективна при изучении низкотемпературных переходов, но иногда наблюдается значительное уширение линий в сложных оксидах и практическая невозможность изучать слабые межмолекулярные взаимодействия. Рамановской спектроскопии характерен, пожалуй, самый широкий температурный интервал для исследования [6, 7]. Недостаток – темные образцы слишком поглощают лазерное излучение и в некоторых случаях лазерное изучение вызывает люминесценцию, которая мешает наблюдению колебательного спектра. Таким образом, только комплекс методов позволяет ответить на вопрос о природе фазового перехода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Knyazev A.V., Fukin G.K., Rumyantcev R.V., Komshina M.E., Savushkin I.A., Paranyuk A.R. Synthesis, thermal analysis, IR spectrum and crystal structure of K2Th2(NO3)10•15H2O. Structural evolution of thorium nitrate complexes // Polyhedron. 2016. V. 117. P. 600–603.
2. Knyazev A.V., Smirnova N.N., Mączka M., Hermanowicz K., Knyazeva S.S., Letyanina I.A., Lelet M.I. Thermodynamic and spectroscopic properties of Co7/3Sb2/3O4. // Journal of Chemical Thermodynamics. 2014. V. 74. P. 201–208.
3. Knyazev A.V., Komshina M.E., Zhidkov A.V., Plesovskikh A.S. Crystal Structure and Thermal Expansion of RbNaCaTh(Si8O20). // Russian Journal of Inorganic Chemistry. 2013. Vol. 58. №10. P. 1172–1176.
4. Knyazev A.V., Chernorukov N.G., Bulanov E.N. Isomorphism and phase diagram

of Pb5(PO4)3F - Pb5(PO4)3Cl. // Thermochimica Acta. 2011. V. 513. P. 112–118.
5. Chernorukov, A. V. Knyazev, N. Yu. Kuznetsova, I. V. Ladenkov. Investigation of Phase Transitions and Thermal Expansion of Some Complex Tungsten-Containing Oxides. // Physics of the Solid State, 2011, Vol. 53, No. 2, pp. 292–298.
6. Mączka M., Knyazev A.V., Majchrowski A., Hanuza J., Kojima S. Temperature-dependent Raman scattering study of defect pyrochlores RbNbWO6 and CsTaWO6. // Journal of Physics: Condensed Matter. 2012. V. 24. 195902. P. 1–10.
7. M. Mączka, A.V. Knyazev, Kuznetsova N.Yu., Ptak M., Macalik L. Raman and IR studies of TaWO5.5, ASbWO6 (A = K, Rb, Cs, Tl) and ASbWO6•H2O (A = H, NH4, Li, Na) pyrochlore oxides. // Journal of Raman Spectroscopy. 2011. V. 42. P. 529–533.

Using X-ray and spectroscopic methods to identify compounds

A.V. Knyazev, E.N. Bulanov, O.V. Krasheninnikova, A.S. Shipilova, S.S. Knyazeva, V.Zh. Korokin

Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia
knyazevav@gmail.com

Identifying the huge variety of compounds known to mankind is a complex task that can be solved using a huge variety of modern research methods. In our work, we most actively use X-ray and spectroscopic methods of research, which are effective tools for identifying and studying the structural characteristics of compounds.

Keywords: X-ray fluorescence analysis, X-ray powder diffraction, vibrational spectroscopy.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

С.В. Козменкова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
skozmenkova@yandex.ru

Судебные экономические экспертизы способствуют противодействию преступлениям в сфере экономической деятельности. Данные виды экспертиз включают подвиды, одним из которых является выделенная сравнительно недавно судебная финансово-экономическая экспертиза, методика проведения которой представлена в научных и нормативных источниках недостаточно полно и требует проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: финансово-экономическая экспертиза, методика, заключение эксперта.

Судебная экспертиза является одним из видов контроля, она подразделяется на классы, роды, виды, подвиды [1, с. 12]. Ранее нами, по результатам проведённых исследований, предлагалось подразделять экономические экспертизы на судебно-бухгалтерскую, финансово-экономическую, налоговую, оценочную и планово-экономическую [2, с. 223].

Судебная финансово-экономическая экспертиза (СФЭЭ) является достаточно новым видом экономической экспертизы. Существуют разные определения финансово-экономической экспертизы, приведём два из них:

- это «исследование показателей финансового состояния и финансово-экономической деятельности хозяйствующего субъекта» [3];
- это «род судебных экспертиз, проводимых лицом, обладающим специальными знаниями в области экономических отношений, возникающих в области денежного и товарного оборота при формировании, распределении и использовании финансовых ресурсов, финансово-экономического анализа, бухгалтерского учёта и бухгалтерской финансовой отчётности, по заданию органов следствия и суда для разрешения интересующих их вопросов в рамках уголовного, гражданского или арбитражного процессов» [4, с. 443].

Считаем, что данные определения требуют тщательного анализа. Первое из них является достаточно «узким», второе, наоборот, включает бухгалтерский учёт, что является объектом судебно-бухгалтерской экспертизы. Научную основу судебной финансово-экономической экспертизы составляют такие дисциплины, как финансы и кредит, бухгалтерская финансовая отчётность, анализ финансовой отчётности, экономический анализ, налоги и налогообложение, а также ряд других. Вместе с тем, обращаем внимание, что в связи с выделением такого вида экспертиз, как налоговая, знания по налогам и налогообложению применяются экспертом в контексте именно СФЭЭ. Правильность расчёта налогов и их перечисления устанавливается в ходе проведения налоговой экспертизы.

На основе этого нами сформулировано и предлагается следующее определение: судебная финансово-экономической экспертиза – подвид экономической экспертизы, осуществляемой лицом, обладающим специальными знаниями в области финансов и кредита, финансового анализа, исследующим финансовое состояние, финансовые результаты деятельности и движение денежных потоков экономического субъекта, проводимая по заданию органов следствия и суда для разрешения поставленных ими вопросов в рамках уголовного, гражданского или арбитражного процессов.

Методика проведения СФЭЭ требует дальнейшего развития. Методика определяется как «совокупность методов обучения чему-нибудь, практического выполнения чего-нибудь» [5, стр. 353]. Следует отметить, что только в отношении судебно-бухгалтерской экспертизы существует официальная общая методика её проведения [6].

Наука должна иметь свой метод, то есть совокупность способов и приёмов. Судебная финансово-экономическая экспертиза основывается на использовании:

- общенаучных методов;
- специальных методов других наук;

- частных методов.

Поскольку СФЭЭ является одним из видов контроля, в процессе её проведения используются такие общенаучные методы, как диалектика, анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование, абстрагирование, конкретизация, системный анализ, функционально-стоимостный анализ, сравнение [7, с. 1039]. В настоящее время в деятельности судебного эксперта выделяется также такой метод, как экспертное мнение – это мнение эксперта относительно поставленным перед ним вопросов следствием, судом, а также иными лицами. Следует отметить, что именно в СФЭЭ данный метод занимает важное место. В судебно-бухгалтерской экспертизе эксперт изучает документы и формулирует ответы на поставленные вопросы на основе соответствия произведённой хозяйственной операции нормативной документации по бухгалтерскому учёту. В СФЭЭ, в процессе финансового анализа бухгалтерской отчётности, эксперт сталкивается с такой проблемой, как использование финансовых коэффициентов, обозначения которых и значения, а также нормальные ограничения, отличаются в различных научных источниках. Если в советские времена условные обозначения коэффициентов, применяемых в процессе экономического анализа, порядок расчёта коэффициентов были одинаковыми, то в настоящее время они имеют значительные отличия. Это значительно усложняет работу эксперта. Поэтому в процессе проведения экспертных действий и формирования заключения считаем необходимым отразить в экспертном заключении использованные методики, методические рекомендации, в том числе учебники и учебные пособия. Также в заключении следует чётко представить наименование финансовых коэффициентов и порядок их расчётов, все условные обозначения. В дальнейшем предлагаем выработать экспертному сообществу для проведения СФЭЭ рекомендации, включающие набор финансовых коэффициентов, порядок их расчётов и условные обозначения. Таким образом, роль экспертного мнения должна возрастать по мере развития методологии и методики проведения СФЭЭ.

К специальным методам других наук можно отнести:

- статистические методы, например, такие как выборка, группировка, индексы, ряды динамики, цепные подстановки, корреляция и другие;
- приёмы контроля, такие как документальный и фактический контроль;
- методы финансового анализа: сравнение; абсолютных, относительных и средних величин; анализ вертикальный; горизонтальный; трендовый; факторный; анализ с помощью финансовых коэффициентов; метод экспертных оценок;
- способы и приёмы других наук.

Следует отметить, что при проведении СФЭЭ наиболее часто используются вертикальный и горизонтальный анализ, методы финансового анализа.

Состав частных методов, используемых в СФЭЭ:

- документальная проверка (включает состав документов, наличие обяза-

тельных и дополнительных реквизитов в них, значение реквизитов, законность осуществления операции);

- исследование принципов учёта и предпосылок подготовки бухгалтерской финансовой отчётности;
- «встречная проверка документов (у контрагентов, в банках, налоговых, таможенных и других контролирующих органах), предоставленных органами следствия, суда, прокуратуры;
- сопоставление экономического содержания учётной финансово-хозяйственной операции её отражению на счетах бухгалтерского учёта, в учётных регистрах;
- метод балансовых взаимосвязей;
- метод сопоставления взаимоувязанных показателей в сопряжённых документах;
- метод математического и логического контроля;
- метод графического моделирования» [4, с. 455].

Думается, что метод СФЭЭ требует дальнейшего научного осмысления и разработки.

В науке и практике судебно-экспертной деятельности разработаны общая и типовая методики экспертизы. Эксперты, осуществляющие СФЭЭ, руководствуются ими в своей деятельности. Кроме того, при проведении конкретной экспертизы должны быть разработаны частная и конкретная методики решения задач применительно к СФЭЭ. Специфические способы и приёмы направлены на выявление обстоятельств, характеризующих финансово-хозяйственную деятельность субъекта, возможность её дальнейшего продолжения, выявления признаков банкротства.

Объектами СФЭЭ являются документальные или электронные данные – носители экономической информации в первичных документах, учётных регистрах, формах бухгалтерской отчётности, документах, определяющих организацию учёта. Конкретные объекты и предмет экспертизы должны определяться отдельно для каждого экспертного исследования.

В учебном пособии под редакцией Е.Р. Россинской предлагается объекты СФЭЭ подразделять на простые и сложные [8, с. 86].

К простым объектам авторы пособия относятся «доказательства, состоящие из нескольких элементов с простыми связями» [8, с. 86]. Рассмотрим простые объекты на примере кредитов и займов.

В процессе СФЭЭ устанавливаются следующие факты:

1) задолженность по краткосрочным кредитам и займам, в том числе задолженность по кредитному договору и сумма начисленных процентов;

2) задолженность по долгосрочным кредитам и займам, в том числе задолженность по кредитному договору и сумма начисленных процентов;

3) целевое использование инвестиционного кредита в соответствии с кре-

дитным договором либо констатация факта их нецелевого использования;

4) перечисление задолженности по кредитам и займам и процентов по ним в соответствии с кредитным договором.

Если факты 1, 2, 4 могут исследоваться и при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы, то третий является объектом СФЭЭ.

Сложными являются «объекты с неопределённой структурой, которую необходимо исследовать, а затем определить её элементы» [8, с. 86]. К сложной предлагаем отнести систему бухгалтерской финансовой отчётности организации. Например, при проведении экспертного исследования, связанного с фиктивным или преднамеренным банкротством, эксперт анализирует бухгалтерскую финансовую отчётность, выявляя финансовое положение, ликвидность баланса, платёжеспособность, финансовую устойчивость, деловую активность и рентабельность исследуемой организации, знакомится с перечнем вопросов, требующих ответов.

Исследуем процедуру проведения СФЭЭ.

Процедура – это официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-либо, например, составления акта [5, с. 627]. Таким образом, процедура СФЭЭ – это официальный порядок действий, совершаемых экспертом для разрешения поставленных на экспертизу вопросов. Авторы учебного пособия по судебно-бухгалтерской экспертизе, рассматривая процедуру, выделяют 4 стадии экспертного исследования (таблица 1).

№ п/п	Наименование стадии (этапа)	Характеристика стадии (этапа)
1.	Подготовительный (организационный)	Знакомство с постановлением о назначении экспертизы; другими исходными материалами. Исследование вопросов, поставленных на разрешение СФЭЭ. Например, при назначении СФЭЭ на разрешение эксперта могут быть поставлены вопросы: «Какова динамика изменения стоимости внеоборотных и оборотных активов организации по данным, отражённым в бухгалтерской финансовой отчётности?»; «Какова платёжеспособность и ликвидность организации за исследуемый период?»; «Какова динамика изменения финансовой устойчивости организации?» и другие. Организация включает: установление степени достаточности представленных материалов для разрешения поставленных вопросов; формулируются задачи экспертизы; составляется план её проведения; выбираются методы, способы и приёмы проведения СФЭЭ экспертизы; определяется частная методика проведения СФЭЭ [8, с. 114].
2.	Раздельное исследование объектов экспертизы	Экспертом изучаются «объекты экспертизы, анализируются общие и частные признаки объектов, решаются диагностические задачи. На основании результатов решения простых задач и полученных в результате диагностических признаков проводится построение типовой модели процесса экспертизы» [8, с. 115].

3.	Сравнительное исследование объектов экспертизы.	Осуществляется формулирование выводов из полученных данных, на основании которых будут строиться ответы на вопросы в экспертном заключении [8, с. 115]. Например, на разрешение эксперта поставлен вопрос: «Согласно данным бухгалтерской финансовой отчётности, каково финансовое состояние организации за отчётные периоды»? В разделе раздельного исследования эксперт должен проанализировать финансовое положение на основе данных бухгалтерского баланса на три отчётные даты и рассчитать финансовые коэффициенты за 2 отчётных периода, а на стадии сравнительного исследования сделать выводы по анализу баланса. Эксперт должен значительное внимание уделить документированию своих действий, которые могут быть представлены в таблицах, графиках. Расчёты могут производиться как вручную, так и при помощи программных продуктов.
4.	Обобщение, оценка результатов исследования и формулирование выводов	Результатов исследования группируются и систематизируются, формулируются выводы в виде ответов на поставленные вопросы [8, с. 116].
5.	Оформление заключения эксперта и представление его по назначению	Означает: составление экспертного заключения; представление его лицу, назначившему экспертизу [8, с. 116]; ответы на вопросы в ходе допроса в суде (в случае возникновения такой необходимости).

Нами выделен пятый этап экспертизы, включающий оформление заключения эксперта и предоставление его по назначению. Считаем это отдельным видом работы эксперта, которая показывает всю глубину проведённого исследования.

Таким образом, на основе всего вышеизложенного можно сделать вывод, что проведение СФЭЭ имеет свои методические особенности, которые требуют своего дальнейшего исследования и развития, что окажет влияние на качество работы эксперта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов В.А. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: учебное пособие. / В.А. Юматов, П.Г. Лесникова. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2017. 336 с. С. 29.
2. Юматов В.А., Козменкова С.В. Экономические экспертизы: виды и классификация. / Сб. науч. Трудов по материалам V Международной научно-практической конференции «Профессия бухгалтера – важнейший инструмент эффективного управления сельскохозяйственным производством». Казань: Издательство Казанского ГАУ, 2018. 235 с. С. 223–226.
3. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России. / Утв. приказом Минюста России от 27.12.2012 г. №237.
4. Силлабус по судебной экспертизе. /Учебно-методический комплекс. Мультимодальное издание «Судебная экспертиза: перезагрузка». Часть III. М., 2012. 656 с.

5. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 стр.
6. Инструкция о производстве судебно-бухгалтерских экспертиз в экспертных учреждениях системы Министерства юстиции СССР. / Утв. Министерством юстиции СССР, Верховным судом СССР и МВД СССР 9 июня 1987 года.
7. Жильцова Ю.В. Формирование современной парадигмы аудита как прикладной науки. / Ю.В. Жильцова, С.А. Кемаева, С.В. Козменкова, Т.С. Маслова. // Международный бухгалтерский учёт. 2018. Т. 21. №9 (447). С. 1037–1049.
8. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учеб. пособие для студентов вузов. / Е.Р. Россинская и др.; под ред. Е.Р. Россинской, Н.Д. Эриашвили. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 351 с.

Methodical features of the financial and economic expertise

S.V. Kozmenkova
Lobachevsky University (Russia, Nizhny Novgorod)
skozmenkova@yandex.ru

Judicial economic expertise helps to counter crimes in the field of economic activity. These types of examinations include subtypes, one of which is a relatively recent judicial financial and economic expertise, the methodology of which is presented in scientific and regulatory sources is not fully and requires further research.

Keywords: financial and economic expertise, methodology, expert opinion.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ОПЕРАЦИЙ С ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ

Е.Н. Колесников
Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Рязань)
kolesnicova@mail.ru

Товарно-материальные ценности используются в хозяйственной деятельности всех без исключения экономических субъектов и зачастую становятся объектами преступных посягательств. Доказывание преступлений, связанных с движением и сохранностью указанных ценностей часто опирается на использование результатов судебных экономических экспертиз, что актуализирует выявление методологических особенностей их проведения.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, товарно-материальные ценности, ТМЦ, информационное обеспечение экспертизы, методы экспертизы.

Методологическое обеспечение процесса экспертного исследования имеет двоякую природу: с одной стороны – это процесс познания ключевых аспектов производства судебного экономического исследования, а с другой стороны – совокупность способов и приемов его реализации.

Это требует исследования ключевых подходов к формированию информационного обеспечения производства судебных экономических экспертиз, определению ключевых объектов исследования, методик экспертного исследования операций с товарно-материальными ценностями.

Каждая организация при осуществлении своей деятельности систематически приобретает и расходует разнообразные ценности (далее – ТМЦ).

ТМЦ используются для производства продукции, направляемой в продажу (в виде сырья и основных материалов, покупных полуфабрикатов), могут быть непосредственно предназначены для продажи (в виде готовой продукции и товаров) или используются для управления экономическим субъектом или его подразделениями (в виде вспомогательных материалов, топлива, запасных частей). Поэтому исследование операций с материально-производственными запасами может проводиться в рамках всех видов судебных экономических экспертиз.

Совокупность нормативно-правовых актов, используемых в целях экспертного исследования операций с ТМЦ, представлена федеральным и отраслевым законодательством, федеральными и отраслевыми учетными стандартами, методическими указаниями и рекомендациями, стандартами экономического субъекта.

Федеральные законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ устанавливают единые правовые и методологические нормы организации и ведения бухгалтерского учета в России, принципы налогообложения, основы аналитической работы в отношение запасов материальных ценностей.

Гражданским кодексом Российской Федерации урегулированы имеющие отношение к отражению в учете операций с запасами вопросы их поставки, а также вопросы, обусловленные урегулированием претензий по не-допоставкам или не поставкам запасов.

Налоговый кодекс Российской Федерации регламентирует вопросы исчисления налогов, налогооблагаемая база которых связана с ТМЦ, и, прежде всего, это налог на добавленную стоимость и налог на прибыль.

Самое непосредственное отношение к регулированию операций с ТМЦ имеет федеральный закон «О бухгалтерском учете». Он определяет методологические особенности организации и ведения учета имущества организации, в том числе и запасов ценностей, порядок оценки, особенности проведения инвентаризации, раскрытия информации о движении в бухгалтерской отчетности организации.

Расширяет положения федерального закона в части учета ТМЦ содержание

Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ.

Среди положений по бухгалтерскому учету первоочередное значение для нормативного регулирования учета, документирования и оценки материальных ценностей имеет ПБУ 5/01 «Учет материально-производственных запасов».

Данное положение по бухгалтерскому учету устанавливает правила формирования в бухгалтерском учете информации о данной категории ценностей, критерии отнесения имущества к запасам, порядок их оценки при принятии к учету, порядок списания, раскрытия информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Также имеют значение для правильной организации учета сырья и материалов такие положения, как: ПБУ1/2008 «Учетная политика организации», ПБУ 10/99 «Расходы организации», ПБУ 4/99 «Бухгалтерская отчетность организации».

На основе Методических указаний по бухгалтерскому учету материально-производственных запасов, министерствами и ведомствами разрабатываются разнообразные внутренние положения, инструкции, другая организационно-распорядительная документация, необходимая для надлежащей организации учета и контроля за использованием товарно-материальных ценностей.

Документы данного уровня устанавливают формы первичных документов по поступлению, выбытию и внутреннему перемещению запасов, порядок их составления, а также правила документооборота; состав должностных и материально-ответственных лиц организации, которым доверено получение и отпуск данного вида имущества организации.

Учет сырья и материалов ведется на счете 10 «Материалы». Также учет данного вида ценностей может быть организован с использованием счетов 15 «Заготовление и приобретение материальных ценностей» и 16 «Отклонение в стоимости материальных ценностей». Учет готовой продукции осуществляется на счете 43 «Готовая продукция», учет товаров – на счете 41 «Товары», что регламентировано Планом счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности коммерческих организаций, утвержденным Минфином России.

Внутренние распорядительные документы экономического субъекта, имеющие значение для экспертного исследования операций с ТМЦ представлены учетной политикой организации. В ней обязательно должна быть отражена информация:

1. О принятых способах оценки ТМЦ.
2. Об используемых счетах синтетического учета и принятых разрезах аналитического учета.
3. О формах первичных учетных документов для учета сырья и материалов, разработанных в организации самостоятельно.
4. Сроках и порядке проведения инвентаризации данных видов ценностей.

Ответственность за все вопросы организации бухгалтерского учета ТМЦ возложена на руководителя. В его должностные обязанности входит создание необходимых условий для правильного формирования информации о запасах материальных ценностей в организации.

Основой учетно-аналитического обеспечения экспертного исследования операций с материально-производственными запасами является информация бухгалтерского учета, которая используется не только при проведении судебных бухгалтерских экспертиз, но и судебных налоговых, финансово-аналитических и финансово-кредитных экспертиз.

Наиболее востребованной является первичная учетная документация. Именно по первичным документам осуществляется формирование информации о движении, сохранности и использовании производственных запасов.

Огромное значение для формирования достоверной информации о данном виде ценностей имеет надлежащая организация складского хозяйства. Именно недостатки в хранении, пренебрежительное отношение к складскому хозяйству могут способствовать мелким и крупным хищениям, порче материалов и, как следствие, приводить к уменьшению прибылей и даже к убыткам.

Для обеспечения деятельности соответствующими материальными ресурсами в организациях создаются специальные склады для хранения основных и вспомогательных материалов, топлива, запасных частей. Кроме центральных заводских складов, в различных структурных подразделениях организации могут быть кладовые, выполняющие функции промежуточных складов. Каждому складу приказом по организации присваивается постоянный номер, который впоследствии указывается на всех документах, относящихся к операциям данного склада. Склады должны быть обеспечены исправными весами, измерительными приборами и мерной тарой.

Исходя из положений данного нормативно-правового акта запасы должны приниматься к учету по фактической себестоимости, в качестве которой выступает сумма всех фактических затрат организации на приобретение (за вычетом НДС и других возмещаемых налогов и сборов). Фактическая себестоимость сырья и материалов, в которой они приняты к бухгалтерскому учету, не подлежит изменению, кроме случаев, установленных законодательством РФ.

На каждый вид и сорт материалов в бухгалтерии открывают карточки аналитического учета, в которых на основании первичных документов записывают операции поступления и расхода материалов.

Суммовой аналитический учет материалов на предприятиях в зависимости от применяемой формы бухгалтерского учета может вестись в книгах, карточках, ведомостях. Регистрами синтетического учета являются журналы-ордера и сводного синтетического учета – Главная книга.

Для ведения синтетического учета данных ценностей рекомендуется применять счета 10 «Материалы», 15 «Заготовление и приобретение материальных

ценностей», 16 «Отклонения в стоимости материальных ценностей», 41 «Товары», 43 «Готовая продукция», 45 «Товары отгруженные». Для учета сырья и материалов, не принадлежащих организации, предусмотрено использование счетов 002 «Товарно-материальные ценности, принятые на ответственное хранение», 003 «Материалы, принятые на переработку» и др.

Среди форм отчетности информация о материалах отражается в составе статьи «Запасы» бухгалтерского баланса и дополнительно раскрывается в пояснениях к бухгалтерском балансу и отчету о финансовых результатах.

При подборе информационной базы для проведения исследования эксперт должен учитывать сферу деятельности организации и особенности ТМЦ, являющихся предметом экспертного исследования.

Обширный перечень видов материально-производственных запасов обусловливает множественность объектов экспертного исследования фактов хозяйственной жизни с ними связанными. При этом конкретные объекты будут определяться спецификой деятельности организации, особенностями организации в ней документооборота и отраслью народного хозяйства в которой организация ведет деятельность.

Задачами экспертного исследования операций с материально-производственными запасами в рамках судебно-бухгалтерской экспертизы могут быть:

1. Установление сохранности запасов в количественном и качественном выражении.
2. Диагностика условий их хранения.
3. Установление материально-ответственных лиц и анализ закрепления материальной ответственности.
4. Проверка правильности оценки запасов.
5. Обоснованность применяемых норм и нормативов расхода отдельных сырья и материалов, выхода готовой продукции.
6. Достоверность результатов инвентаризации, в том числе обоснованность применения пересортицы и применения норм естественной убыли.
7. Правильность документального оформления операций (как установление фактов, не нашедших отражение в системе бухгалтерского учета и бухгалтерской (финансовой) отчетности, так и выявление документов, имеющих признаки подложных).
8. Подтверждение реальности выхода готовой продукции и соответствие ее объемам продажи.
9. Изучение движения товаров.
10. Соответствие первичной документации учетным регистрам и формам бухгалтерской отчетности.

Предметами исследования могут выступать:

1. Наличие (отсутствие) и состояние материально-производственных запасов в целом или их отдельных групп и видов.

2. Закрепление материальной ответственности.

3. Правильность оценки запасов и ее влияние на формирование текущих затрат организации и исчисление налогов.

4. Правильность исчисления себестоимости готовой продукции цены товаров.

5. Документальное оформление операций с материально-производственными запасами и достоверность данных об их движении.

Для решения задач экспертного исследования, в зависимости от сложившейся экспертной ситуации может быть применен весь спектр расчетно-аналитических и документальных методов контроля.

Рассмотрим пути экспертного разрешения вопросов, наиболее часто выносимых на исследование судебной бухгалтерской экспертизой.

Наиболее часто в практике экспертного исследования встречаются вопросы, связанные с подтверждением данных о фактическом движении ТМЦ или реальности данных об их остатке, закреплением материальной ответственности. Данная информация может представлять интерес по уголовным делам, – при доказывании всех фактов противоправной деятельности должностных и материально-ответственных лиц в сфере оборота товарно-материальных ценностей. В ходе гражданского и арбитражного процесса, – по вопросам установления реальности перемещения ценностей, предусмотренного хозяйственными договорами юридических лиц, взыскания суммы недостачи с материально-ответственного лица в рамках требований трудового законодательства.

Как правило, при установлении суммы недостачи запасов эксперт-бухгалтер работает с уже готовыми инвентаризационными документами, предоставляемыми ему в составе других материалов дела для изучения. Процессуальная сущность судебно-экспертного исследования не исключает проведение контрольной инвентаризации с участием эксперта, но затягивает процесс исследования, что делает ее проведение, в большинстве случаев, не-целесообразным.

Формальная проверка материалов инвентаризации заключается в проверке правил составления и оформления инвентаризационных документов, наличия подписей всех членов комиссии и материально-ответственных лиц.

Среди методов проверки по существу наиболее востребованными являются такие, как восстановление количественно-суммового учета, контрольное сличение, анализ ежедневного движения ценностей.

Восстановление количественно-суммового учета (составление альтернативного баланса) используется для получения доказательств о реальности и полноте отражений товарно-материальных ценностей путем составления баланса их прихода с использованием документации поставщика и расхода – с использованием норм и нормативов и справочных материалов при ведении учета в проверяемой организации «котловым» способом, только в стоимостных единицах. Применяется для выявления подлогов в первичных учетных документах, когда

искажаются данные о реальном движении готовой продукции, товаров и запасов, а общая учетная сумма стоимости товаров подгоняется под фактическую стоимость этих товаров. Это весьма трудоемкий метод экспертного исследования операций с товарно-материальными ценностями, однако его применение всегда дает хороший доказательный результат.

Вариантом восстановления количественно - суммового учета является контрольное сличение, заключающееся в аналогичном исследовании доку-ментов, отражающих движение товаров, но основанное на использовании сведений, содержащихся в инвентаризационных ведомостях, приходных документах (весь приход товаров в розничных торговых предприятиях документируется) и возможных расходных документах.

Сущность метода контрольного сличения заключается в том, что данные об остатке товара по инвентаризационной ведомости на конец проверяемого инвентаризационного периода сопоставляются с итоговыми данными о движении этого товара за весь период, начиная от предыдущей инвентаризации. Или другим способом: по инвентаризационной описи на начало периода берется остаток определенных товаров, к нему прибавляется документированное поступление и исключается документированный расход.

Итоговые данные о движении отражают максимально возможный и документально оправданный остаток товара. При отсутствии злоупотреблений и ошибок в учете он должен быть большим по сравнению с остатком в инвентаризационной ведомости на конец периода (так как определяется без учета розничной бездокументальной реализации) или если не было недокументированной продажи, то соответствовать ему.

Анализ ежедневного движения материальных ценностей позволяет выявить расхождения возникающие в межинвентаризационный период. Эти расхождения устанавливаются путем установления ежедневных остатков ТМЦ, их прихода и расхода за день. Данные об остатке конкретных ценностей на каждый день (или после каждой операции) сопоставляются со сведениями об их расходе, и таким путем выясняется, соответствует ли расход остатку. Возможные при этом расхождения выражаются в том, что количество отпускаемых ценностей превышает их наличие по документам на момент отпуска. Причинами такого несоответствия могут быть: реализация неоприходованных ценностей; отпуск имевшегося в наличии товара низшего сорта по цене товара более высокого сорта; частичная или полная бестоварность расходных документов; занижение остатка соответствующих ценностей в инвентаризационной ведомости на начало проверяемого периода.

Для выявления признаков подлога эффективным является прослеживание. При этом проверяется конкретный факт хозяйственной жизни, связанный с поступлением и выбытием запасов, их оценки, последовательно, в нескольких взаимосвязанных между собой документах, но относящихся к одному участку

учетной работы – вертикальное прослеживание.

Горизонтальное прослеживание (или взаимный контроль) позволяет проконтролировать достоверность учетных данных по движению ТМЦ на основе их сопоставления со взаимосвязанными доку-ментами, но по другим направлениям финансово-хозяйственной деятельности организации.

Проводить прослеживание рекомендуется на уровне первичной учетной документации – при сравнительно небольшом объеме исследований и регистров аналитического учета – в случае, если вопросы, поставленные на разрешение эксперту, затрагивают длительный временной интервал или касаются деятельности нескольких материально-ответственных лиц. Применение регистров синтетического учета и отчетности для данного метода не является целесообразным, в силу их «обезличенности» и значительного уровня синтеза информации в них.

Данный метод хорошо дополняет методы формальной проверки, когда на основе внешнего осмотра документов можно выявить признаки фальсифицированной документации по учету движения материально-производственных запасов, а затем подтвердить экспертную версию с использованием учетной документации в разрезе корреспондирующих счетов. Однако он не эффективен в небольших организациях и при изучении вопросов, связанных с деятельностью работников бухгалтерии или высшего управленческого персонала организации.

Достаточно часто на разрешение судебно-бухгалтерских экспертиз выносятся вопросы, связанные с правильностью оценки запасов и ее влиянием на формирование текущих затрат организации и исчисление налогов, вопросы правильности исчисления себестоимости готовой продукции, цены товаров.

Данные вопросы требуют комплексного исследования операций с данным видом ценностей в организации. Могут использоваться любые из вышеуказанных методов, а также их сочетание. Основное условие – достоверность и объективность результатов, эффективность, с позиции трудозатрат и проверяемости результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 г. №73-ФЗ (ред. от 08.03.2015. г.) // Российская газета. 05.06.2001. № 106.
2. Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов (ПБУ 5/01)»: приказ Минфина России от 09.06.2001 г. № 44н (ред. от 16.05.2016) // Российская газета. 25.07. 2001. №140.
3. Колесникова Е.Н. Актуальные вопросы теории судебной экономической экспертизы // Международный технико-экономический журнал. 2014. №3. С. 26–31.
4. Колесникова Е.Н. Отдельные вопросы исследования операций с матери-

ально-производственными запасами при производстве судебно-экономических экспертиз // Вестник Рязанского филиала Московского университета МВД России. 2017. № 11. С. 87–92.
5. Колесникова Е.Н. Курс лекций по судебной экономической экспертизе. Рязань, 2013. 149 с.
6. Мусин Э.Ф. Судебно-экономическая экспертиза. М, 2017. 176 с.
7. Россинская Е.Р. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов. М., 2012. 383 с.

The methodology for the production of judicial economic examinations of operations with inventory values

E.N. Kolesnikova

Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikoty (Russia, Ryazan)

kolesnicova@mail.ru

Inventories are used in the economic activities of all economic entities without exception and are often subject to criminal encroachments. Proving crimes related to the movement and preservation of these values often relies on the use of the results of judicial economic examinations, which actualizes the identification of the methodological features of their conduct.

Keywords: forensic economic examination, inventory items, goods and materials, information support of the examination, examination methods.

ОЦЕНКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ПРОБЛЕМА ОТНОСИМОСТИ, ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ РЕЗУЛЬТАТОВ

Е.А. Колтунова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Koltunova52@yandex.ru

Оценка лингвистических экспертных исследований для правоохранительных органов, с одной стороны, проста, так как участники правовых действий являются носителями русского языка; с другой стороны, сложна, так как в лингвистике существует значительное количество методов, позволяющих объективно, а не субъективно оценивать тот или иной факт, связанный с «вербальным преступлением». В работе показано, на какие компоненты лингвистических экспертиз следует обращать внимание при оценке таких критериев признания экспертного заключения в качестве доказательства, как относимость, допустимость и достоверность. Проанализированы взгляды ученых по данной проблематике и конкретные лингвоэкспертные примеры.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвистическая экспертиза, актуальность, допустимость, достоверность., пределы компетенции, рассмотрение экспертного заключения.

Вопросы качества судебной экспертизы обсуждаются не одно десятилетие,

но и в современной лингвистической экспертологии проблемы профессионального применения знаний специалистов-языковедов остаются крайне актуальными. Со страниц научных изданий не раз звучали призывы найти «алгоритм обсуждения …возможности оптимизации и согласования конкретных методик по ряду актуальных вопросов теории и практики судебных лингвистических экспертиз» [4, с. 243]. В число важнейших проблем всегда входили проблемы методического инструментария, научного аппарата, границ компетенции экспертов-лингвистов. Именно поэтому в последние 10–15 лет разрабатывались методики, позволяющие уйти от системно-структурного подхода к исследованию текста, в котором приоритетным был внутриязыковой анализ, описание семантики языковых единиц, но не учитывалась коммуникативная ситуация и механизм функционирования языка в процессе коммуникации. Выработка новых методов и подходов к исследованию текстов позволила экспертам на основе анализа маркеров языка и речи выявить и закрепить скрытую информацию, включенную в этносоциальную, семасиологическую константу, являющуюся «стандартизированным кодом социальной реальности». Однако появление методик, способных выявить пресуппозитивную информацию, к сожалению, привело не только к более точному и научному анализу текстов, но и породило возможность «множественного интерпретирования» текстов, представленных для экспертной оценки. Об ошибках такого рода в судебных экспертизах писала Е.И. Галяшина: «…эксперты стали интерпретировать языковые факты …, анализировать «мысли автора текста», «вычитывать» из произнесённых слов коммуникантов скрытые или неявные смыслы, додумывать и домысливать за говорящими то, что не было сказано, но «имелось ввиду» [3, с. 33]. Аналогичное мнение находим на с. 21 пособия Кукушкиной О.В. Сафоновой Ю.А., Секераж Т.Н. «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму»: «Недопустимо приписывать автору то или иное значение, **если не найдены средства его выражения**» [выделено нами – Е.К]. В связи со сказанным актуализируется вопрос о критериях признания лингвистической экспертизы допустимым доказательством, то есть об оценке экспертного исследования участниками процесса и судом.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает правила оценки доказательств, согласно которым ей подлежат все имеющиеся доказательства с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности результатов и в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела. [1, с. 460–461]. При определении допустимости доказательств учитывается: соответствие субъекта экспертизы (эксперта) определенным требованиям; законность источников, средств, приемов и других условий получения доказательств и их использования [1, с.460]. Вопрос соответствия субъекта экспертизы определенным требованиям напрямую связан с компетентностью эксперта. Вопрос

далеко не праздный, потому что зачастую в качестве экспертов-лингвистов выступают либо лица, не имеющие отношения к лингвистике, либо лица, обладающие лингвистическими познаниями, но не сведущие в методологии судебной лингвистической экспертизы. Лингвистическую экспертизу проводят лица с педагогическим образованием и кандидатской степенью по социологии, преподаватели иностранного языка и древнерусской литературы вузов, сотрудники рекламных агентств и специалисты по связям с общественностью. Между тем, любая лингвистическая экспертиза – это серьезное научное исследование, поэтому оно должно исключать дилетантский подход. Однако даже наличие профильного образования не исключает некомпетентности эксперта, потому что зачастую серьёзный судебный документ превращается в «дискуссионную научную площадку». Так, в одном из заключений уважаемый лингвист, профессор, отметая экспертные подходы к проблеме использования «оскорбительной лексики», заявил, что критерием оскорбительности / неоскорбительности служат «*респектабельная прецедентность*» и «*респектабельная публицистика*», повергая в недоумение участников судебного процесса. Недоумение усилилось и в связи с тем, что лингвист начал вторгаться в сферу права, декларируя: «*...отсутствие интерпретационной однозначности автоматически декриминализирует спорные языковые средства*». Иными словами, если у языковой единицы (слова, предложения, текста) больше значений, чем одно, то эта единица не способна иметь лингвистических признаков оскорбления или иного вербального правонарушения. Хотелось бы отметить, что при таком положении дел надобность в судебных лингвистических исследованиях отпала бы полностью либо её предназначение сократилось до абсурдного подсчёта интерпретаций слов и предложений.

В другой лингвистической экспертизе, выполненной для Арбитражного суда Нижегородской области, эксперт, вместо того чтобы анализировать спорные высказывания, вступает в полемику со специалистами по лингвокриминалистике: «*В литературе…господствует точка зрения, согласно которой утверждение о фактах – это высказывание, которое обладает следующими признаками: повествовательное предложение с глаголом-сказуемым в форме изъявительного наклонения настоящего или прошедшего времени, отсутствие маркеров субъективной модальности; это высказывание может быть истинным или ложным. …Однако изложенная точка зрения содержит несколько неверных положений: во-первых, утверждения не являются высказываниями; во-вторых, не существует ничего, что можно было бы назвать формой утверждения*». Сам же автор экспертного заключения, опровергая понятие «языковая форма» применительно к утверждению, мнению, предположению и оценочному суждению, не обосновал ни одного метода, с помощью которого он собирается опровергать устоявшиеся в теории судебной экспертизы принципы. Такая многомерность и субъективность лингвистических подходов и интерпретаций речевого про-

изведения, к сожалению, не делает экспертное заключение доказательным инструментом. Абсолютно очевидно, что сложившаяся практика разграничения формы утверждения, мнения/предположения или оценки чрезвычайно важна для самого института судебно-лингвистической экспертизы, потому что здесь важна суть, а не словесное оформление. Применение понятия «языковая форма» к утверждению, мнению, оценке (оценочному суждению) играет большую методическую роль, так как именно оно используется для разграничения компетенции лингвиста, который может анализировать высказывание, и суда, который устанавливает реальный факт соответствия или несоответствия высказывания действительности. Это понятие следует трактовать в широком смысле, включая сюда и показатели объективной и субъективной модальности, и разного рода средства выражения коммуникативной направленности, и отношения говорящего к собственному высказыванию и пр.

При оценке *допустимости* лингвистического заключения особое значение имеет допустимость объектов, исследовавшихся экспертом [6]. Так, в одном из экспертных заключений на основании двух высказываний в одной из групп социальной сети «ВКонтакте» *(«Дмитрий, с какими выводами и фразами? Если я говорю, что сборник еврейских сказок под названием «Библия» - полная х…я, значит так и есть!) По крайней мере для меня!)))», «Дмитрий, вперед и с песней. Помолиться не забудь, а то вдруг боженька силы тебе не даст супротив поганого язычника!)))))»*) экспертом был сделан вывод о том, что в данных высказываниях «*имеются признаки оскорбления человека по признаку его религиозной принадлежности*». Однако, учитывая требование методики Минюста «*… если исследованию подлежит текст опубликованный в сети Интернет, экспертам должно быть предоставлено изображение соответствующей страницы (страниц) с указанием момента фиксации…От коммуникативной ситуации во многом зависит спонтанность текста, эмоциональное состояние автора. В коммуникативной ситуации регулярно эксплицируется цель общения. Если в деле имеются какие-либо факты, позволяющие уточнить коммуникативную ситуацию, то оценка их с точки зрения влияния на текст обязательна и для лингвиста, и для психолога*» [5, с. 31, 36–37], эксперту следовало сообщить о невозможности такого исследования **ввиду неполноты фактических текстовых материалов**. Для изучения подобных текстовых материалов необходимо использовать всю совокупность высказываний по теме, исходя из принципа, что спорный текст представлял собой диалогическую речь, то есть словесный обмен между двумя, тремя и больше собеседниками. Для определения стилистической характеристики высказываний необходимо было проанализировать и специальные интернетзнаки (если они наличествуют). Кроме того, только анализ **всего** текста позволит выявить особенности коммуникативной ситуации, которая породила спорные высказывания. Таким образом, процессуальная проверка доброкачественности объектов экспертного исследования чрезвычайно важна.

Проверка *относимости* результатов экспертного исследования при его оценке заключается в выяснении того, входит ли факт, установленный экспертом, в предмет доказывания или в число существенных для дела обстоятельств и позволяют ли выводы, сделанные экспертом, этот факт установить, доказать. Оценка относимости экспертного заключения должна производиться с учетом поставленных на разрешение эксперту вопросов и представленных для исследования материалов и объектов. Так, типичный вопрос, который ставится в рамках ст. 282 УК РФ перед лингвистами «*Являются «коммуняки» (полицейские, банкиры, чиновники, «мировое правительство», буржуи) социальной группой*» совершенно не относится к компетенции специалистов по русскому языку. Или, например, часто выносимый на разрешение экспертов в рамках ст. 152 ГК РФ вопрос: «*Какими художественными средствами характеризуется спорный текст? Каковы его стилистика и композиционные особенности?*». Вопросы эти совершенно не влияют на оценку спорного текста, потому что, исходя из диспозиции данной статьи, в компетенцию лингвиста входит лишь выявление негативной информации о лице и форме её выражения.

Как показывают многочисленные примеры, в производстве лингвистических судебных и внесудебных исследований порой видна некая «состязательность» и даже ангажированность экспертов (специалистов). Важными оказываются и стереотипы, связанные с особенностями личности лингвиста и его жизненного опыта [2, с. 160]. Именно поэтому зачастую ответы эксперта на поставленные следствием конкретные вопросы носят так называемый «поисковый» характер. В одном из заключений вопрос перед группой экспертов был сформулирован следующим образом: «*Использованы ли в указанных публикациях специальные языковые или иные средства (какие именно) для целенаправленной передачи оскорбительных характеристик, отрицательных эмоциональных оценок, негативных установок и побуждений к действиям против какой-нибудь нации, расы религии или отдельных лиц как её представителей?*». То есть следствие конкретно обозначило объекты, в отношении которых лингвисты должны были выявить информацию и квалифицировать её. Однако в силу того, что в отношении вышепоименованных объектов какая-либо информация отсутствовала вообще, эксперты сочли необходимым сделать вывод о том, что «*негативная информация и отрицательные эмоциональные (оскорбительные) оценки в спорном тексте содержатся в отношении группы «молодежь», а также в отношении группы «представители власти»*», «забыв» при этом указать, что в отношении какой-нибудь нации, расы или религии негативная, в том числе оскорбительная информация, а также какие-либо формы побуждения, не выявлены.

Известно, что содержательная сторона оценки достоверности того или иного судебного заключения опирается на научную обоснованность применяемых методов, валидность их использования, логичность анализа и умозаключений эксперта. Правоприменитель, оценивая доказательную базу, обязан проверить соот-

ветствие квалификации и опытности эксперта предмету экспертизы, убедиться в полноте заключения, в том числе и предшествовавшего выводам исследования; оценить научную обоснованность заключения. Не могут быть признаны обоснованными «выводы, которые получены в результате проведения исследования и установления экспертом фактов, достаточных для правильного вывода, но неверно им объясненных. Причем, как указывается в теории экспертизы, проверка количества вопросов и количества ответов на поставленные вопросы – это отнюдь не проверка качества заключения, потому что качество зависит от полноты и обстоятельности исследования [1, с. 463-464]. В этой связи хочется напомнить дело эколога В. Бриниха. По его публикации «Молчание ягнят» была произведена судебная экспертиза, в результате которой эксперт, интерпретируя название статьи, выявил речевые элементы, способствующие унижению человеческого достоинства адыгейцев. Вывод был сделан на основе анализа словарного толкования, **причем не слова «*ягненок*»**, которое рассматривалось экспертом в первом, основном, значении («*детёныш овцы*»), а слова «*овца*», отсутствующеего в спорном контексте, но уже не в первом, основном, а в жаргонном значении. Однако из того, что слово «*овца*» на жаргоне молодежи обозначает «*глуповатую, неразвитую девушку или покорную женщину*», не вытекает, что слово «*ягненок*» наследует те же компоненты значения. Причем, если бы автор заключения использовал, а не только декларировал метод концептуального анализа, он легко бы смог выяснить и установить «культурный фон», то есть культурно-значимую информацию, стоящую за названием статьи, которая представляет собой «прецедентный текст» – обыгрывание знакового названия художественного произведения. Известно, что название статьи «Молчание ягнят» представляет собой отсылку к культовому голливудскому триллеру с Э. Хопкинсом и Дж. Фостер, снятому по известному роману Т. Харриса. В культурно-значимое концептуальное содержание этого «прецедентного текста» входит отчасти библейское представление об «агнцах», символизирующее невинность, а отчасти – идея смерти невинных жертв маньяка, которые замолчали, потому что их убили (в фильме героиня Дж. Фостер пересказывает постоянно преследующий ее детский кошмарный сон, когда она спасает от смерти жалобно блеющих ягнят, а когда героиня наконец находит убийцу, эти ягнята в ее снах замолчали). В названии статьи этот «прецедентный текст» использован в качестве приема привлечения внимания аудитории емкой броской фразой, которая у всех на слуху, что является обычным журналистским приемом выразительности. Именно поэтому абсолютно неясно, на каком основании фразеологическое сочетание «молчание ягнят» было поделено экспертом на отдельные слова, которым были приписаны недоказанные значения, и на этой основе сделан неправомочный вывод. Хорошо известно, что данное словосочетание используется в современной публицистике иронически: *о чьей-либо безропотности, робости, забитости в ситуации, когда нужно проявить иные черты характера.* Именно поэтому специалисты ННГУ

им. Н.И. Лобачевского, выступая в судебном заседании, сформулировали заключение о том, что вывод эксперта об «*унижении группы лиц адыгейской национальности* ***женского пола***» с помощью связанного словосочетания «молчание ягнят» (при отсутствии в тексте статьи лексемы «овца») выглядит просто фантастическим, но отнюдь не научным.

Выработка современных методов лингвистического исследования имплицитной информации, использование теории речевых актов не только углубила научный потенциал экспертных исследований, но породила и значительные проблемы, связанные с восприятием и оценкой правоприменителями лингвистических заключений. Использование сложной терминологии зачастую ставит в тупик участников судебного процесса. Так, в одном из исследований экспертно-криминалистического центра эксперт смело оперирует такими терминами, как денотат, дескрипция, каузация, кореферентность, пресуппозиция, пропозиция, локутив, иллокутив, семантическая валентность, вербализация, бенефактивность, предикатно-аргументная структура, импликатура и др., однако, что именно подразумевается под этими лингвистическими терминами в работе не указано. Более того, несмотря на то что в задачу эксперта входило выявление побудительных речевых актов в речи участников диалога, а также выявление конкретного содержания побуждения и формы волеизъявления, исследование материала лингвист начал с семантического анализа второстепенного, не имеющего к побудительному речевому акту слова «жалоба», определяя не только значение этого, бесспорно, известного участникам судебного процесса существительного, но и определяя «семантическую валентность» этой лексемы, хотя в глоссарии термин «семантическая валентность» указан не был и вряд ли понятен нелингвистам. Следует отметить, что семантическая валентность — это способность слова связываться синтаксически с любым словом, в значение которого входит определенный семантический признак. Причем, и без использования специальной лингвистической терминологии носителю языка ясно, что у любой жалобы есть автор (валентность А), получатель жалобы (валентность Х) и событие, которое спровоцировало подачу жалобы (валентностьY). Надо заметить, что, в описании валентностей эксперт сделал логическую ошибку – валентностьY определяется не только незаконным и неправильным действием, но может быть обусловлена и объективно законным или правильным действием. В таком русле выдержано практически всё заключение эксперта. Из контекста «характер волеизъявления определен как предложение, осложненное значением необходимости осуществления каузированного действия» совершенно не вытеает, во-первых, какого именно каузируемого (побуждающего) действия, во-вторых, неясно, к каким именно действиям относится модальность долженствования в контекстах, выделенных экспертом: «должно быть выражено» и «нужно просто сказать там». Вполне понятно, что ни судья, ни стороны защиты и обвинения не могут в полной мере обладать такими навыками и знаниями,

чтобы оценить такое заключение эксперта. Указанное обстоятельство серьёзно осложняет оценку лингвистического заключения правоприменителями, поэтому они или вовсе не читают исследовательскую часть, сосредоточившись только на выводах, либо идут за консультацией к лингвистам. Так рождается относительно новый документ, который может быть использован в судебном процессе – рецензия на заключение эксперта. И лингвист, написавший рецензию, зачастую тоже становится участником процесса: или на основании ч. 2, ст. 58 ГПК РФ («В случае необходимости для участия в осмотре и исследовании доказательств могут быть вызваны эксперты, специалисты, свидетели») в качестве специалиста, который так же, как и эксперт, сделал заключение при исследовании тех же материалов. Или на основании ст. 71 ГПК РФ («Письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы…»).

Общеизвестно, что выводы эксперта должны быть изложены простым языком, понятным не только специалисту, но и любому участнику судопроизводства. Эксперт, безусловно, самостоятелен и независим в выборе научной позиции и методики исследования спорного речевого произведения, в определении глубины и объема анализа материала. Однако, решая задачи экспертного анализа, лингвист должен быть хорошо знаком не только с теорией и методикой изучения русского языка, но и знать основы отечественной лингвокриминалистики. Кроме того, эксперт обязан думать о тех лицах, которым предстоит использовать заключение в качестве средства доказывания. То есть эксперт «должен излагать ход и результаты исследования доступным литературным языком, указывая на выявленные в ходе исследования свойства и признаки объекта (факта, явления), мотивированно объясняя их…, и подробно объясняя специальные методические положения, новые малоизвестные методы и средства исследования со ссылкой на литературные источники». [1, с. 470]

Таким образом, заключение экспертов-лингвистов может быть и должно быть оценено с позиций относимости, допустимости, достоверности. При проверке достоверности лингвистического заключения необходимо оценивать компетентность субъектов проведения исследования, степень владения лингвистами теоретическими основами и методами, положенными в основу судебной экспертизы, достаточность представленного на исследование материала; аргументированность и понятность промежуточных и заключительных выводов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза.Курс общей теории М.: Юридическое издательство Норма, 2009. 480с.
2. Бодалев А.А., Куницына В.Н., Панферов В.Н. О социальных эталонах и стереотипах и их роли в оценке личности // Человек и общество. Проблемы социализации индивида. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. С. 151–160.

3. Галяшина Е.И.Ошибки судебной лингвистической экспертизы / Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия: пособие для судей, а также начинающих юристов, журналистов и правозащитников». М., 2013.С.31-63.
4. Горбаневский М.В. О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом // Экология языка и речи. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина,2012. 424 с.
5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330с.
6. Лившиц, Ю.Д. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц, А.В. Кудрявцева. Челябинск, 2001. 57 с.

Evaluation of linguistic expertise: the problem of relevance, admissibility and reliability of the results

E.A. Koltunova

Lobachevsky University (Russia, Nizhny Novgorod)
Koltunova52@yandex.ru

Evaluation of linguistic expert research for law enforcement agencies, on the one hand, is simple, since the participants of legal actions are native speakers of the Russian language; on the other hand, it is difficult, since in linguistics there are a significant number of methods that allow objectively, and not subjectively assess a particular fact associated with a «verbal crime». The paper shows which components of linguistic expertise should be considered when assessing such criteria for the recognition of expert opinion as evidence, such as relevance, admissibility and reliability. Analyzes the views of scientists on this issue and specific examples lingvoexpert.

Keywords: Linguistic expertise, Linguistic expertise, relevance, admissibility, reliability. the limits of competence of, review of expert opinion.

О РОЛИ «ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Н.Л. Комраков

ЭКО СУ СК России по Нижегородской области (Россия, Нижний Новгород)
nkomrakov@mail.ru

Для раскрытия и расследования преступлений в сегодняшнее время требуется детальное и всестороннее изучение информационных (виртуальных) следов, оставляемых как преступниками, так свидетелями и потерпевшими.

Ключевые слова: виртуальные следы, цифровая криминалистика, сетевая разведка, Большие Данные.

В современной жизни невозможно представить себе ни одну область дея-

тельности человека и общества в целом, где бы не использовалась компьютерная техника и информационные технологии.

Степень интернетизации общества, т.е. проникновения информационных технологий в повседневную жизнь людей неуклонно и стремительно растет с каждым годом. Так, по данным источника социальных опросов «Омнибус GfK» в 2017 году в России 87 млн. человек от 16 лет и старше являлись пользователями Интернета, т.е. 72,8% всего населения Российской Федерации на тот момент (Рис. 1). Для сравнения в 2008 году Интернетом пользовались лишь 25,4% населения страны, в 2011 году – уже 44%, а к 2014 году – 67,5%.

Рис. 1. Проникновение интернета в Россию

Причем среди молодежи, т.е. в возрастной группе от 16 до 29 лет, количество пользователей Интернета близко к 100%, на 2017 год – 98% всех молодых людей использовали Интернет (83% из которых регулярно выходили в сеть с помощью смартфонов), в более старшей возрастной группе от 30 до 54 лет – это 82%, из которых 58% являются пользователями смартфонов (Рис. 2).

Рис. 2. Профиль пользователей интернета

Мобильные устройства, персональные компьютеры, гаджеты, аккаунты и страницы в социальных сетях, системы видеонаблюдения, системы передачи данных и сотовая связь, и еще многие и многие устройства, а также информа-

ционные ресурсы могут содержать важные сведения и следы присутствия человека в определенном месте и в определенное время.

Подавляющее большинство современных технических устройств содержат в себя связанные элементы, позволяющие подключать их к локальным и глобальным компьютерным сетям и осуществлять взаимодействие между собой. Спектр таких предметов очень разнообразен – это телевизоры, кондиционеры, видеокамеры, часы, пульсометры, теперь даже лампочки и столовые приборы. Все эти предметы взаимодействуют между собой и пытаются подстроить собственные режимы работы к привычкам и особенностям конкретного человека. Уже сложился термин «Интернет вещей», отражающий ситуацию, в которой мы начинаем жить.

Все названные выше устройства генерируют, хранят и передают огромные объемы информации различных форматов и различных свойств. Объемы такой информации просто гигантские и измеряются просто космическими числами. Такое явление получило название «Большие данные» (Big Data).

В качестве источников больших данных могут выступать непрерывно поступающие данные с измерительных устройств, события от радиочастотных идентификаторов, потоки сообщений из социальных сетей, метеорологические данные, данные дистанционного зондирования земли, потоки данных о местонахождении абонентов сетей сотовой связи, устройств аудио- и видеорегистрации и т.п. Собственно, массовое распространение перечисленных технологий послужило отправной точкой для проникновения больших данных во все сферы деятельности человека. При этом правоохранительная деятельность не является исключением в этом ряду.

Современный уровень развития вычислительной техники и информационных технологий позволяет весь этот гигантский объем разнородной информации, зафиксированной в различных форматах (видеозаписи камер наблюдения, биллинговая информация мобильных операторов, геометки фотографий и т.п.), весьма часто обновляемой и поступающей из различных источников, обрабатывать либо в режиме реального времени, либо в режиме, пригодном для его эффективного целевого использования.

Таким образом, возникают все новые и новые задачи, связанные с собиранием таких данных, их последующей обработкой, анализом и, как результат, с закреплением в виде доказательств при расследовании уголовных дел.

Удельный вес подобных «цифровых доказательств» в материалах конкретных уголовных дел неуклонно растет с каждым годом, по причинам, описанным выше.

Одной из главных задач, стоящих перед экспертно-криминалистическими подразделениями системы СК России, при производстве экспертиз, исследований, а также участия в различных следственных действиях в качестве специалистов является именно работа с информационными объектами. Судите сами:

– компьютерно-техническая экспертиза, все объекты представляют собой данные, различных форматов;

– видео-техническая экспертиза, основной объект – цифровая видеозапись;

– информационная-аналитика, объекты – массивы данных;

– фоноскопическая экспертиза, основной объект – цифровая аудиозапись;

– лингвистическая экспертиза, большинство объектов – цифровые аудио- или видеозаписи, публикации в Интернете;

– экономическая экспертиза, объекты представляют собой информационные базы автоматизированных комплексов управления предприятием или бухгалтерий.

В научных публикациях и технических обзорах стали появляться такие термины, как «виртуальные следы», «цифровая криминалистика», «сетевая разведка» [1; 2; 3].

Соответственно для раскрытия и расследования преступлений в сегодняшнее время требуется детальное и всестороннее изучение информационных (виртуальных) следов, оставляемых как преступниками, так свидетелями и потерпевшими.

Таким образом, необходимо правильным образом искать, находить, фиксировать, сохранять и анализировать «цифровые доказательства».

Наиболее важными сведениями о человеке, которые необходимо анализировать являются:

- контактная информация (абонентские номера телефонов, адреса электронной почты, имена и никнеймы, адреса проживания и пребывания);
- медиаданные (фото и видеоизображения, аудиосообщения);
- коммуникации (архивы почтовых баз, журналы звонков, сообщения и переписка);
- интересы (хобби, увлечения);
- финансы (доходы и расходы);
- активность (места, встречи, общения);
- психологический портрет;
- связи (с событиями, с другими людьми);
- присутствие в Интернете (аккаунты, страницы, материалы);
- биография и местоположение.

С учетом влияния Интернета на современное общество, а также степени использования смартфонов практически во всех возрастных группах следует в первую очередь обращать внимание и исследовать следующие приложения по категориям:

1. Интернет-мессенджеры (Viber, WhatsApp, Telegram, ICQ);
2. Облачные хранилища (iCloud, Google);
3. Интернет-браузеры (Google Chrome, Opera, Mozilla Firefox, Safari, Internet Explorer, Yandex Browser);

4. Почтовые сервисы (MailRu, Yandex, Google Mail);

5. Социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Instagram, Facebook, Twitter);

6. Личные кабинеты операторов сотовой связи (МТС, Мегафон, Теле2, Билайн, Yota);

7. Интернет банки (Сбербанк, ВТБ, Альфабанк);

8. Сайты знакомств (Mamba, LovePlanet);

9. Доски объявлений (Авито, Юла, Из рук в руки).

Завершая рассмотрение значимости «цифровых доказательств» можно сформулировать несколько достаточно общих выводов.

1. Анализ больших объемов разнородной цифровой информации, получаемой из широкого спектра электронных устройств, позволяет получить значимую криминалистическую информацию. При этом еще большее значение имеют результаты комплексирования информации, полученной как из разных устройств одного владельца, так и из устройств других субъектов.

Характеристики такой информации даже в средних по размерам уголовных делах, по крайней мере, по двум основным параметрам (объему и разнообразию структур получаемых данных – смартфоны, видеокамеры, пульсометры, навигаторы и т.п.) позволяют говорить о том, что мы начинаем иметь дело с «Большими данными». Технологии работы с большими данными в настоящее время очень активно развиваются и уже есть первые результаты, позволяющие их использовать на практике.

2. В связи с широким распространением средств и систем мобильной телекоммуникации сотрудники оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов должны иметь общее представление об их составе и принципах работы и, в частности, знать, какого рода и где в этих системах может находиться информация, имеющая отношение к расследуемым уголовным делам.

Наиболее подготовленные в техническом плане сотрудники оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов должны быть обучены способам осмотра и получения информации из технических устройств в стандартных типовых ситуациях – отсутствие паролей и иных мер противодействия доступу к хранящейся информации. При этом особое внимание следует уделить обучению сотрудников определять состояния и режимы функционирования телекоммуникационных средств, при которых недопустимо самостоятельное проведение осмотра, а требуется привлечение квалифицированного специалиста или назначение соответствующей экспертизы.

Предварительный анализ показал, что мы только в начале этого пути и предстоит сделать ещё очень много.

Во-первых, есть необходимость посмотреть на кибернетическое пространство не как на сеть электрической связи, а как на новую полноценную среду человеческой жизни во всех её проявлениях. Соответственно в данной среде

не стоит ограничиваться только традиционным контролем и записью переговоров, снятием информации с технических каналов связи. В кибернетическом пространстве могут быть осуществлены все основные оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия (например, наведение справок, оперативное внедрение, следственный осмотр и т.п.).

Во-вторых, следует теоретически проработать новые механизмы следообразования в кибернетическом пространстве. Формируемые в нём виртуальные следы коренным образом отличаются от общепринятых материальных и идеальных. Они дискретны, могут состоять из нескольких частей, расположенных на различных устройствах хранения и размещенных в различных географических точках. Они принципиально ненадежны, теоретически их можно подделать.

В связи с этим требуются специфические действия по их обнаружению, фиксации и корректному изъятию.

В-третьих, следует внимательно разобраться с новой категорией доказательств, основанных на цифровой информации (системные реестры, журналы событий и т.п.), и их специфических свойствах. В частности, для доказательств, основанных на цифровой информации, могут проявляться свойства просто «крамольные» для классических представлений уголовно-процессуальной науки. Например, можно смело утверждать, что априорно степень доверия к доказательствам, сформированным с использованием более совершенного оборудования (с большим разрешением, большей частотой дискретизации и т.п.), будет выше, чем к доказательствам, сформированным на основе менее совершенного оборудования. И, как следствие, подделку, выполненную на более качественном оборудовании, будет невозможно выявить с использованием менее совершенного оборудования.

В-четвертых, следует сформировать новое представление о процессе доказывания с использованием цифровой информации. В поле зрения следствия появляются новые объекты (например, Интернет-сайты, Торрент-сети, виртуальные машины и т.п.). Возникает необходимость формирования принципиально новых следственных действий либо проводить глубокую специфическую модификацию существующих следственных действий. Отказ от решения этих задач уже приводит к появлению неких процессуальных суррогатов – нотариального удостоверения такого факта, как текущий вид интернет-сайта.

Без решения всех обозначенных проблем существующее положение вещей будет только усугубляться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мещеряков В.А., Яковлев А.Н. Информационно-аналитические методы и средства криминалистического исследования цифровых данных. Воронеж, 2015.
2. Вознюк М.А., Денисов Ю.А. Экспертная диагностика обстоятельств изго-

товления цифровых видео- и звукозаписей: аналитический обзор // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. №1. С. 48–71.
3. Толстолуцкий В.Ю. Использование информационных технологий в раскрытии и расследовании убийств // Электронное учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 2012.

About the role of digital evidences in crime investigation

N.L. Komrakov
Nizhny Novgorod Region of the Investigative Committee (Russia, Nizhny Novgorod)
nkomrakov@mail.ru

Today investigation of crimes requires detailed and comprehensive study of the virtual marks and evidences left as criminals, so witnesses and the victims.

Keywords: virtual marks, digital criminalistics, network intelligence, Big Data.

ХРОМАТО-МАСС-СПЕКТРОМЕТРИЧЕСКОЕ И ГАЗОХРОМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНАТУРИРУЮЩИХ ДОБАВОК В СПИРТОСОДЕРЖАЩИХ ЖИДКОСТЯХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МИКРОЭКСТРАКЦИОННОГО КОНЦЕНТРИРОВАНИЯ

В.А. Крылов, П.В. Мосягин, Л.В. Смирнова
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
mospv@mail.ru

Разработаны методики высокочувствительного хромато-масс-спектрометрического и газохроматографического определения денатурирующих добавок (диэтилфталата и пиридина) в этаноле и спиртосодержащих жидкостях. Для эффективного относительного и абсолютного концентрирования аналитов применена жидкофазная микроэкстракция с диспергированием экстрагента. Впервые разработана флотационная деэмульсификация дисперсной фазы экстрагента при концентрировании денатуратов из водно-спиртовых систем, позволяющая автоматизировать пробоподготовку. Исследовано влияние природы экстрагента на эффективность концентрирования.

Достигнуты коэффициенты концентрирования 24–36, реализован предел обнаружения на уровне 10-3 мг/л, что находится на уровне ведущих мировых результатов.

Ключевые слова: этанол, дибутилфталат, пиридин, спиртосодержащие жидкости, хромато-масс-спектрометрия, газовая хроматография, жидкофазная микроэкстракция.

ВВЕДЕНИЕ

Этиловый спирт является одним из важнейших растворителей, исходных веществ в органическом синтезе, легкой промышленности. Важным потребителем этилового спирта, безусловно, является пищевая, фармацевтическая и парфюмерно-косметическая промышленность. При производстве алкогольной пищевой продукции может применяться только этиловый спирт, полученный

брожением пищевого сырья. Главным показателем качества алкогольной продукции является ее безопасность при употреблении, связанная с химической чистотой. Существует возможность подмены при изготовлении алкогольной продукции пищевого этилового спирта на более дешевый технический. Технический спирт содержит специальные вещества, исключающие его потребление в пищевых целях – денатурирующие добавки. В качестве такой добавки используется диэтилфталат, пиридин, бензин, керосин, битрикс. Природа и концентрация денатурата может являться маркерной характеристикой спиртосодержащей жидкости. Однако установление природы используемого спирта затруднено в связи со сложностью надежного обнаружения денатурирующих добавок [1]. Таким образом, актуальной проблемой является разработка методик высокочувствительного определения денатурирующих добавок в спиртосодержащих жидкостях. Для эффективного относительного и абсолютного концентрирования денатуратов предложено использование жидкофазной микроэкстракции с ультразвуковым диспергированием экстрагента [2]. Использование данного метода имеет ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционными подходами:

– достижение высоких значений коэффициентов концентрирования К благодаря уменьшению объема органической фазы $V_о$ по отношению к водной $V_в$ в соответствии с выражением: $1/K = 1/D + V_о/V_в$ (*), где D – коэффициент распределения [3, с. 2236–2240];

– снижение расхода высокочистых экстрагентов на два-три порядка;

– полное решение проблемы утилизации экстрактов (объем получаемого экстракта соответствует объему дозируемой в хроматограф пробы);

– экспрессность перехода аналита из исследуемой пробы в экстракт благодаря мгновенному установлению равновесия между диспергированной на микрокапли фазой экстрагента и фазой матрицы вследствие увеличения поверхности массообмена в 10^4–10^5 раз.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Оборудование и реактивы

Используемые реактивы: Пиридин ХЧ (ГОСТ13647-78), Диэтилфталат Ч (ТУ 6-09-3663-74), Бензол ХЧ (ГОСТ 5955-75), Спирт этиловый ХЧ (ГОСТ 5962-2013), н-гексан ХЧ (ТУ 2631-025-44439179-98), Толуол ХЧ (ГОСТ 5789-78), о-Ксилол ХЧ (ТУ 2631-088-44493179-03), Гептанол-1 ХЧ (ТУ 6-09-2649-78), Хлороформ ХЧ (ГОСТ 20015-88), Четыреххлористый углерод ХЧ (ГОСТ 20288-74), Бутилацетат ХЧ (ГОСТ 8981-78), Бидистиллированная вода, Гелий ВЧ марки «60» (ТУ 0271-001-45905715-02), Азот ОСЧ ГОСТ 9293-74.

Используемое оборудование: Хромато-масс-спектрометр Thermo Focus DSQ II с квадрупольным масс-анализаторам и кварцевой капиллярной колонкой DB-5MS 30 м × 0.25 мм × 0.25 мкм с химически привитой поли(5дифенил,95%диметил) силоксановой неподвижной фазой, газовый хроматограф Хромос ГХ-1000

с пламенно-ионизационным детектором, ультразвуковая ванна ПСБ-Галс 1335-05, микрошприц Thermo 10 мкл, МШ 50 мкл, центрифуга-ОПН-8 (МРТУ 42-1742-63), аналитические весы Shimadzu aux 220 первого класса точности, ампулы для проведения микроэкстракции, портативный аспиратор ПУ-2Э.

Газохроматографический анализ осуществляли в режиме программирования температуры: начальную температуру колонки 50°С поддерживали в течение 1 мин, далее температуру колонки со скоростью 20°С/мин увеличивали до температуры 280°С, после чего поддерживали до конца анализа. Температура испарителя составляла 170°С. Температура пламенно-ионизационного детектора – 150°С. В качестве газа-носителя использовали азот (ос.ч., 1-й сорт, ГОСТ 9293-74). Линейная скорость газа-носителя составляла 20 см/с. Деление потока 1:10. Поддув азота в детектор – 30 мл/мин. Количественное определение примесей в экстракте проводили методом абсолютной градуировки по площадям пиков. Градуировочные зависимости строили с использованием стандартных образцов, которые готовили на основе гексана в стеклянных ампулах с фторопластовыми штоками.

Хромато-масс-спектрометрический анализ проводили с ионизацией пучком электронов энергией 70 эВ в режиме детектирования выбранных ионов с m/z = 149, дающих в масс-спектре наиболее интенсивные линии с максимальным соотношением сигнал/шум. Газохроматографическое разделение осуществляли в режиме программирования температуры: начальную температуру 80°С поддерживали в течение 1 мин, далее температуру колонки увеличивали со скоростью 20 град/мин до температуры 280°С, после чего поддерживали до конца анализа. Температура испарителя 170°С, интерфейса хроматограф-масс-спектрометра 300°С. В качестве газа-носителя использовали гелий марки 60 (ТУ 0271-011-6045905715-02). Расход газа-носителя через колонку составлял 1.5 мл/мин. Деление потока в первую минуту после дозирования не проводили, а в дальнейшем составляло 1:10. Объем вводимой в колонку пробы составлял 1 мкл. Примеси в экстрактах определяли методом абсолютной градуировки по площадям пиков. Градуировочные зависимости строили с использованием образцов сравнения, которые готовили на основе очищенного ректификацией тетрахлорметана [4, с. 136–142].

Микроэкстракционное концентрирование

В сосуд для капиллярного сбора помещали 6–8 мл водно-спиртового раствора. Микрошприцем в этот сосуд вносили от 50 до 500 мкл экстрагента, одновременно воздействуя на получаемую систему ультразвуковым излучением в течение 5 минут (см. рис. 1). Агрегирование частиц эмульсии в отдельную фазу осуществляли центрифугированием или флотацией барботированием воздуха. Центрифугирование проводили при скорости вращения ротора 6000 об./мин в течение 5 минут.

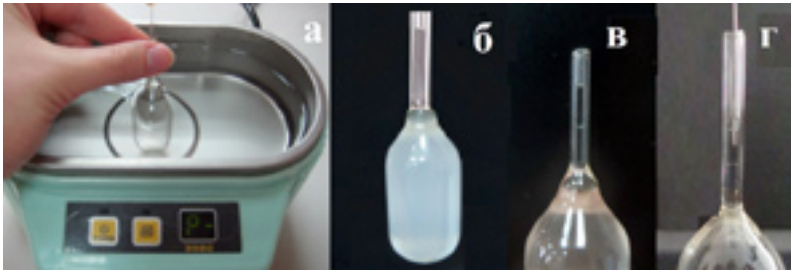


Рис. 1. Схема проведения концентрирования с ультразвуковым диспергированием экстрагента и разрушения эмульсии центрифугированием: а – воздействие на водный раствор ультразвуковым излучением, б – эмульсия, в – водный раствор после центрифугирования, г – отбор экстракта

При разрушении эмульсии флотационным методом в качестве экстрагента применен о-ксилол. Диспергирование экстрагента и разрушение эмульсии проводили в ампуле, позволяющей барботировать воздух из капилляра, находящегося в нижней части ампулы (см. рис. 2). Процесс деэмульсификации автоматизирован с помощью насоса портативного аспиратора ПУ-2Э. Поток барботируемого воздуха составлял 3,5 л/мин. Сбор экстракта проводился в капилляре, припаянном к верхней части ампулы.

Рис. 2. Установка для флотационной деэмульсификации

Далее в микрошприц отбирали аликвоту 1 мкл экстракта и вводили ее в хроматограф.

Для расчета коэффициента концентрирования примесей использовали отношение площади пика аналита при микроэкстракции к площади пика при макроэкстракции. При макроэкстракции проводили анализ экстракта при соотношении объемов модельной смеси и экстрагента 1:1. В этом случае модельную смесь, объемом 1 мл, и экстракт, объемом 1 мл, помещали в пробирку, закрывали плотно пробкой и перемешивали в течение 15 минут. Затем дожидались установления равновесия между двумя фазами и только после этого отбирали необходимое количество экстракта для ввода в хроматограф.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследование экстракционного концентрирования пиридина

Одной из важных характеристик экстракции является степень извлечения. В работе рассчитана степень извлечения по формуле

$R = Q_{в\ экстракте} / Q_{в\ пробе}$,

где $Q_{в\ экстракте}$ – количество вещества аналита в экстракте,

$Q_{в\ пробе}$ – количество вещества аналита в пробе.

Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Значения степени извлечения пиридина при макроэкстракции из водно-спиртового раствора† (n=3, P=0,95)

Экстрагент	Степень извлечения, %
Бензол	72±14
н-Гексан	85±17
Толуол	76±15
Гептанол-1	98±20
Бутилацетат	61±12
Хлороформ	95±19
Четыреххлористый углерод	81±16

†концентрация этанола в водно-спиртовом растворе 40% (об.)

Как видно из таблицы, наибольшие степени извлечения составили 98% и 95%, которые были достигнуты с использованием гептанола-1 и хлороформа в качестве экстрагента. Следовательно, данные экстрагенты позволяют проводить эффективное относительное концентрирование.

Нами исследовано микроэкстракционное концентрирование различными экстрагентами. В качестве параметра, характеризующего эффективность микроэкстракционного концентрирования, выбран коэффициент концентрирования, который рассчитывается по формуле: $K = S_1/S_2$,

где S_1 – площадь пика при микроэкстракции,

S_2 – площадь пика при макроэкстракции.

В таблице 2 представлены результаты расчета коэффициентов концентрирования.

Таблица 2.

Коэффициенты концентрирования К при микроэкстракции пиридина из водно-спиртового раствора (n=3, P=0,95)

Экстрагент	К
Бензол	1,3±0,3
Гексан	4,5±0,9
Толуол	1,7±0,3
Гептанол-1	24±5

Бутилацетат	0,7±0,1
Хлороформ	24±5
Четыреххлористый углерод	4,0±0,8

Как видно из таблицы, наибольший коэффициент концентрирования достигнут с использованием гептанола-1 и хлороформа в качестве экстрагента, который был равен 24. А наименьший коэффициент концентрирования был достигнут с использованием бутилацетата в качестве экстрагента, и он составил 0,67. Следовательно, бутилацетат не подходит в качестве экстрагента для микроэкстракции пиридина из водно-спиртового раствора, остальные экстрагенты позволяют проводить относительное концентрирование и слабое абсолютное концентрирование.

Разработанная методика микроэкстракционного концентрирования успешно апробирована при анализе реальных образцов крепких алкогольных напитков (см. табл. 3).

Таблица 3.
Результаты определения пиридина в спиртных напитках (n=3, P=0,95)

Вещество	**С, мг/л**
Виски Johnnie Walker Red Ladel (Шотландия)	<1·10-3
Коньяк Remy Martin vs Superieur (Франция)	<1·10-3
Водка «Пять Озер Премиум» (Россия)	<1·10-3

Среди исследуемых напитков пиридин не обнаружен, следовательно, можно предполагать, что они изготовлены из спирта натурального брожения.

Исследование экстракционного концентрирования диэтилфталата

Для решения проблемы растворения экстрагента в этаноле предложено предварительное растворение спирта в бидистиллированной воде. Были приготовлены растворы с содержанием этанола от 20 до 50% (об.). Бóльшая концентрация этанола приводила к полному растворению экстрагента. Далее проводилось микроэкстракционное концентрирование диэтилфталата из полученных водно-спиртовых растворов. На основании полученных результатов был рассчитан коэффициент концентрирования К диэтилфталата из этанола по формуле: $K=_{Ссп}/C_{экстр}$, где $C_{сп}$ – концентрация диэтилфталата в исходном этаноле, $C_{экстр}$ – концентрация диэтилфталата в экстракте. Степень извлечения рассчитана по формуле: $R = KV_{экстр}/V_{сп}$, где $V_{экстр}$ – объем агрегированной фазы экстракта, $V_{сп}$ – объем этанола, из которого проводилась микроэкстракция. Расчет коэффициента распределения D проводился на основании уравнения (*). Результаты исследования микроэкстракционного концентрирования с разрушением эмульсии центрифугированием представлены в таблице 4. Из полученных

расчетных значений можно сделать вывод об экспоненциальном росте коэффициента распределения, благодаря которому даже пятикратное разбавление этанола до концентрации 20% (об.) позволяет проводить эффективное концентрирование, достигая коэффициента концентрирования 44.

Таблица 4.
Влияние концентрации этанола на коэффицент концентрирования K, степень извлечения R диэтилфталата из спиртосодержащей жидкости и коэффициент распределения для системы водно-спиртовой раствор – о-ксилол (P=0,95; n=3)

Концентрация этанола, % (об.)	Доля экстрагента, перешедшего в экстракт, %	K	R, %	D
20	98±1	44±9	64±13	620±120
30	98±1	16±3	40±3	90±18
40	51,0±0,5	14±3	14±8	41±8
50	12,0±0,2	7±1	2,0±0,4	14±3

Существенным ограничением выбранного подхода является стадия деэмульсификации, реализуемая с помощью центрифугирования, что ограничивает возможность автоматизации, вызывает риск разрушения стеклянных ампул для микроэкстракции, уменьшает экспрессность пробоподготовки. Для решения данной проблемы предложено проводить деэмульсификацию флотационным методом. В этом случае микрокапли экстракта сорбируются пузырьками барботируемого воздуха, достигают поверхности водной фазы и агрегируются в отдельную фазу.

Выбранный экстрагент (о-ксилол) удовлетворяет требованиям к экстрагентам, обладает невысоким значением давления насыщенных паров (7 мм рт.ст. при 20оС), что важно для снижения потерь экстракта при флотационной деэмульсификации.

Использование флотационной деэмульсификации позволило увеличить коэффициент концентрирования до 36 (для раствора с 40 % содержанием этанола). Увеличение коэффициента концентрирования объясняется дополнительным концентрированием диэтилфталата за счет испарения экстрагента при барботировании воздухом: для 40% раствора при введении 50 мкл агрегировалось в фазу экстракта 26 мкл при разрушении эмульсии центрифугированием и 9 мкл при флотационной деэмульсификации.

Агрегирование фазы экстракта проведено за 1 минуту, что в 8 раз быстрее, чем при использовании центрифугирования. Наименьший достигнутый предел обнаружения диэтилфталата $7 \cdot 10^{-3}$ мг/л, что находится на уровне ведущих мировых результатов и позволит проводить высокочувствительное определение диэтилфталата в спирто-содержащих жидкостях различного происхождения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанные методики эффективного абсолютного и относительного концентрирования таких важнейших денатуратов этанола, как пиридин и диэтилфталат позволяют осуществлять высокочувствительное определение этих аналитов в этаноле и спиртосодержащих жидкостях. Данные методики могут быть использованы для установления происхождения этанола, факта его разбавления этанолом иного происхождения, при решении вопросов идентификационного характера о том, составляли ли единый объем жидкости, обнаруженные в разных емкостях, и имеет ли жидкость, которой образованы следы на предмете-носителе, общую родовую, групповую принадлежность с жидкостью, представленной на исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газохроматографический анализ этилового спирта с применением метода бинарных фаз переменной емкости / Митин А.В. // Автореферат дисс. Нижний Новгород, 2010 г. 28 с.
2. Крылов В.А., Мосягин П.В. Аналитические возможности твердофазного и жидкофазного микроэкстракционного концентрирования примесей: Учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2017. 80 с.
3. Jeannot M.A., Cantwell F.F. Solvent microextraction into a single drop // Anal. Chem. 1996. V. 68, №13. P. 2236–2240.
4. Крылов В.А., Смирнова Л.В., Мосягин П.В., Буланова С.А., Житухина И.А., Пушкарев Г.В. Повышение чистоты органических растворителей для микроэкстракционного концентрирования примесей // Аналитика и контроль. Т. 23. №1. 2019. С. 136–142.
5. M.H. Hosseini, M. Rezaee, S. Akbarian, F. Mizan, M.R. Pourjavida, M. Arabieh Homogeneous liquid–liquid microextraction via flotation assistance for rapid and efficient determination of polycyclic aromatic hydrocarbons in water samples // Anal. C. Acta. 2013. V. 762. P. 54–60.

Chromatography-mass spectrometry and gas-chromatography determination of denaturing adds in alcoholic liquids by microextraction

V.A. Krylov, P.V. Mosyagin, L.V. Smirnova

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)

mospv@mail.ru

Methods of highly sensitive GC and GC-MS determination of denaturing additives (diethyl phthalate and pyridine) in ethanol and alcohol-containing liquids were developed. Liquid-phase microextraction with extractant dispersion is used for effective relative and absolute concentration of analytes. For the first time, flotation demulsification of the dispersed phase of the extractant at the concentration of denaturates from water-alcohol systems was developed, which allows to automate sample preparation. The influence of the extractant nature on the concentration

efficiency is investigated. The concentration coefficients ranged from 24 to 100, the detection limit was realized at the level of 10-3 mg/l, which is at the level of the world's leading results.

Keywords: ethanol, dibutylphthalate, pyridine, alcohol-containing liquids, chromatography-mass spectrometry, gas chromatography, liquid-phase microextraction

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФОРМ КОМПЛЕКСНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Д.А. Кудряшов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, Москва)

dima.kudryashov.d@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные формы комплексных экспертных исследований, и раскрывается их содержание. Автором отмечаются отдельные особенности использования различных форм комплексных экспертных исследований и обозначаются основания их дифференциации. В заключении автором сделан акцент на актуальность дальнейшего исследования по указанной проблематике.

Ключевые слова: комплексная экспертиза, комплексное исследование, комплекс экспертиз, форма комплексного экспертного исследования.

На современном этапе развития судебной экспертизы как науки выделяются два основных подхода к использованию результатов судебных экспертиз и экспертных исследований, в том числе комплексных, в судопроизводстве. В основу данных подходов заложена форма использования специальных знаний в судопроизводстве. В основу первого подхода заложена процессуальная форма, в основу второго – непроцессуальная (гносеологическая). Следовательно, любая экспертиза или экспертное исследование имеет как процессуальные, так и гносеологические аспекты производства.

На сегодняшний день наиболее дискуссионным вопросом является дифференциация форм комплексности при производстве судебных экспертиз.

В общей теории судебной экспертизы существует множество точек зрения о формах комплексных экспертных исследований. Обобщение научной литературы, а также судебно-следственной и экспертной практики показывает, что к основным формам комплексного экспертного исследования относятся:

- «комплексная экспертиза»;
- «комплексное исследование»;
- «комплекс экспертных исследований в рамках экспертизы»;
- «комплекс экспертиз».

На разных этапах познания объекта экспертного исследования эти формы могут переходить одна в другую, что непосредственно связано с процессами дифференциации и интеграции знаний об объекте [1, с. 61].

Процессуальной формой комплексного экспертного исследования является

только комплексная экспертиза, т.к. она закреплена в процессуальных (кодексных) актах. Главным признаком комплексной судебной экспертизы является решение пограничных (смежных) вопросов экспертиз разного класса, рода или вида, разрешение которых требует совместного использования знаний разных экспертных специальностей при исследовании единого объекта или однородной группы объектов.

Целью комплексной экспертизы является решение интеграционной задачи, суть которой состоит в том, чтобы после решения общих экспертных задач, затрагивающих различные области знаний, сформулировать общий вывод на основании совокупности выводов каждого отдельного эксперта, участвующего в производстве комплексной экспертизы. Следовательно, можно утверждать, что процесс формулирования общего вывода при производстве комплексной судебной экспертизы носит интеграционный характер, что существенно отличает ее от иных форм комплексности при производстве судебных экспертиз.

Комплексные исследования проводятся несколькими экспертами разных экспертных специальностей в пределах одного рода или вида судебных экспертиз при исследовании единого объекта или однородной группы объектов. Комплексное исследование проводится в рамках моноэкспертизы и подписывается либо одним экспертом, которому изначально поручено решение главной экспертной задачи, либо несколькими экспертами, каждый из которых дает вывод на поставленные перед ним экспертные вопросы. Общий вывод в данном случае не формулируется, т.к. данная форма комплексного исследования не предусматривает решение общей интеграционной экспертной задачи.

В основном такие исследования проводятся экспертами-предметниками (специалистами по объекту), специализирующимися в одном роде или виде судебной экспертизы, но использующими разные методы экспертного исследования. Однако, как показывает экспертная практика, комплексные исследования могут проводиться экспертом-предметником совместно с экспертом-методником (специалистом или специалистами методных экспертных специальностей). Данная практика наиболее характерна для судебно-экспертных учреждений Минюста России.

Экспертами-методниками решается такая подзадача экспертного исследования, как анализ различных свойств исследуемого объекта или однородной группы объектов комплексом методов в пределах комплексной экспертной методики. При этом порядок и последовательность применения методов определяется либо самой комплексной методикой экспертного исследования, либо экспертом-предметником.

Такая форма комплексности при производстве судебных экспертиз, как комплекс экспертных исследований в рамках экспертизы является следствием ошибочной практики назначения комплексных судебных экспертиз. Ее суть заключается в том, что производство экспертизы не предполагает совместного ис-

пользования знаний разных экспертных специальностей, т.е. каждый эксперт, обладающий определенной экспертной специальностью, проводит свою часть экспертного исследования, не связанную с предыдущей или последующей. Каждый эксперт дает ответ на поставленные лично ему вопросы в пределах своей экспертной специальности (компетенции). Совместного экспертного исследования и оценки его результатов не происходит. Это напрямую связано с вопросами экспертам, указанными в постановлении (определении) о назначении комплексной судебной экспертизы.

Таким образом, комплекс экспертных исследований в рамках экспертизы – это экспертное исследование, проводимое экспертами, обладающими разными экспертными специальностями, без их совместного исследования и оценки полученных результатов, с целью решения вопросов, относящихся к разным классам, родам или видам судебных экспертиз, при исследовании единого объекта или объектов однородной группы.

Комплекс экспертиз предполагает некую совокупность отдельных экспертиз (экспертных исследований) при исследовании единого объекта или объектов однородной группы по делу. Однако, с нашей точки зрения, содержание данного понятия нуждается в уточнении. Это связано, в первую очередь, с тем, что такую форму комплексности, как «комплекс экспертиз» можно рассматривать отдельно как в гносеологическом аспекте, так и в процессуальном.

В гносеологическом аспекте понятие «комплекс экспертиз» является исключительно экспертологическим. Его содержание предполагает совокупность экспертных исследований, проведенных в рамках одного дела (уголовного, гражданского и др.) и объединенных единым объектом исследования.

Например, следы слюны, зубов, губ, рук, выявленные на пищевых продуктах (кусок масла, сыра, шоколада и т.д.). В данном случае выявленные следы не связаны друг с другом, а их признаки будут анализироваться экспертами разных родов (видов) независимо друг от друга.

В процессуальном аспекте, поскольку экспертиза является средством доказывания, а заключение эксперта (экспертов) выступает в качестве доказательства по делу [2–6], содержание понятия «комплекс экспертиз» имеет отдельные особенности. Оно предполагает определенную совокупность отдельных автономных моноэкспертиз по одному делу (уголовному, гражданскому и др.).

Например, по делу об убийстве проведены следующие отдельные экспертизы: трасологическая экспертиза по следам обуви; судебная экспертиза холодного и метательного оружия, обнаруженного на месте преступления ножа; дактилоскопическая экспертиза следов пальцев рук, изъятых с места преступления; судебно-психиатрическая экспертиза обвиняемого.

На наш взгляд, в процессуальном аспекте, целесообразнее употреблять понятия «комплекс экспертиз в рамках одного дела».

Все вышесказанное свидетельствует о том, что проблематика дифференциа-

ции форм комплексности при производстве судебных экспертиз, в настоящее время, не утратила своей актуальности и, следовательно, требует дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Моисеева Т.Ф. Основы судебно-экспертной деятельности: Конспект лекций. М.: РГУП, 2016. 190 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: №174-ФЗ от 18.12.2001 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс]: №21-ФЗ от 08.03.2015 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: №138-ФЗ от 14.11.2002 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: №95-ФЗ от 24.07.2002 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: №195-ФЗ от 30.12.2001 (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

The problem of differentiation of forms of complexity in the production of forensic examinations: epistemological and procedural aspect

D.A. Kudryashov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Russia. Moscow)

dima.kudryashov.d@mail.ru

This article discusses the main forms of integrated expert research, and reveals their content. The author notes certain features of the use of various forms of complex expert research and indicates the basis of their differentiation. In conclusion, the author focuses on the relevance of further research on these issues.

Keywords: complex examination, complex research, complex expertise, form of complex expert research.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ТАМОЖЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

М.С. Левина[1], Е.А. Амбарова[2], А.Б. Прусакова[2]

[1] *Экспертно-криминалистическая служба г. Москва Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления г. Нижний Новгород (Россия, Москва)*

[2] *Экспертно-криминалистическая служба – региональный филиал Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления г. Нижний Новгород (Россия, Нижний Новгород)*

ecsnn@ptu.customs.ru

В рамках мероприятий по контролю заявленных сведений о стране происхождения товара в Центральном экспертно-криминалистическом таможенном управлении (ЦЭКТУ) проводятся палинологические исследования, по результатам которых может быть определен регион происхождения товаров. Данный метод анализа был внедрен в экспертную практику в 2014 году.

Ключевые слова: палинологический (спорово-пыльцевой) анализ, регион происхождения товара, подшипники.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Одной из экспертных задач, в решении которой у таможенных органов возникает необходимость, является определение региона происхождения. Данный вопрос актуален для контроля и управления рядом таможенных преференций, запретов и/или ограничений, в том числе, например, в связи с введением антидемпинговой таможенной пошлины, установленной для товаров, производимых в Китайской Народной Республике. Размер антидемпинговой пошлины установлен решениями Евразийской экономической комиссии № 197 от 17.09.2013 и № 150 от 14.11.2017. Так, для различных товарных подсубпозиций ТН ВЭД ЕАЭС размеры ставки антидемпинговой пошлины (процент от таможенной стоимости) для товаров (подшипников), производимых в Китае, составляют 31,3% либо 41,5%.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И СУТЬ МЕТОДА

Метод определения региона происхождения товара, основанный на палинологическом анализе, широко используется для определения региона происхождения (РПТ) плодоовощной продукции, табачной продукции, винодельческой продукции, одежды из натуральных и смешанных тканей и других товаров не только на территории Российской Федерации.

В США метод применяется для определения происхождения и маршрутов следования грузов и лиц. Пыльцевой анализ был признан в судах США для определения маршрутов контрабанды наркотиков и используется для оказания помощи в расследовании убийств, незаконного оборота и контрабанды товаров, для поиска людей [2–13]. Применение методик определения региона про-

исхождения различных объектов на основе палинологических исследований освещено на VI семинаре Европейских таможенных химиков Всемирной таможенной организации, таможенных лабораторий ЕС и других стран ВТамО.

Определение региона происхождения товаров проводится путем проведения палинологического анализа.

Палинология – это наука, изучающая споры и пыльцу (пыльцевые зерна) растений. Споры и пыльцевые зерна разных таксономических групп растений могут иметь различные размеры, форму, особенности строения оболочки, скульптуру поверхности и другие характерные признаки.

Метод определения региона происхождения товара (РПТ) основывается на исследовании микрообъектов и встречаемости пыльцевых зёрен, снятых с товара.

Итоговый географический район, характеризующий РПТ товара, определяют методом картографического наложения ареалов произрастания растений, пыльца которых входит в палином, снятый с исследуемого товара.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ МЕТОДА

1. Изъятие с товара и с образцов упаковки товара микрочастиц – пыльцевых зерен и спор.

2. Идентификация снятых с объектов пыльцевых зерен и спор, то есть определение, к какой таксономической группе растений они принадлежат.

3. Анализ полученных данных, картографическое наложение ареалов растений, и заключение, на какой территории могут совместно произрастать представленные пыльцевыми зернами растения (с учетом особенностей и закономерностей распространения пыльцевых зерен и их количественного соотношения).

Изъятие пыльцевых зерен и спор растений с образца товара и образца его упаковки проводится путем мытья в воде в сочетании с ультразвуковой обработки либо просто вручную (в зависимости от габаритного размера образца), далее полученный раствор отстаивается в стакане в течение не менее 8 часов. После чего полученные осадки переносятся в центрифужные пробирки и центрифугируются для концентрирования осадка, отделения воды и последующей обработки осадка щелочью. Обработка щелочью (10 мл 10% раствор едкого натра) проводится в течении 5 минут на водяной бане при кипячении. Далее обработанные осадки центрифугируются и многократно промываются дистиллированной водой до нейтральной реакции среды. Полученный таким образом препарат после подкрашивания фуксином и добавления глицерина изучается в поле зрения микроскопа.

При исследовании полученного осадка, состоящего из микрообъектов, методом оптической микроскопии проводится определение и идентификация всех спор и пыльцевых зерен, обнаруженных при просмотре препаратов.

Первичный просмотр препаратов проводится с помощью оптического све-

тового микроскопа при увеличении (×200, ×400). Далее обнаруженные пыльцевые зерна и споры для определения таксономической принадлежности рассматриваются вторично при большем увеличении (×800, ×1000, ×1200), при этом проводится фотографирование обнаруженных микрообъектов. По установленным признакам (апертура, скульптура поверхности и пр.) проводится определение микрообъектов. Идентификация пыльцевых зерен и спор проводится с помощью иллюстрированных атласов, определителей, научной и справочной литературы, в которой содержатся описания пыльцевых зерен с характерными особенностями, а также иллюстрации и фотографии.

Для определения географического района, в котором был произведен товар, устанавливается территория, на которой совместно могли произрастать растения, продуцирующие пыльцу, обнаруженную в результате микроскопирования (палином). Метод картографического наложения ареалов включает в себя нанесение на одну карт-схему ареалов всех видов растений, определенных по пыльце или спорам, и на основании этого выявление территории, где совместно могут произрастать все растения, пыльца которых входит в конкретный палином. При наложении определенного в результате исследования географического региона на политическую карту мира можно говорить о странах, стране или даже ее части, на территории которых товар был произведен.

В каждом конкретном случае при анализе пыльцевого спектра принимаются во внимание индивидуальные особенности того или иного региона, исследуемого объекта, а также возможные способы его обработки и транспортировки, оценивается достаточность, существенность и значимость тех или иных данных.

Большая часть экспертиз и исследований по определению РПТ товара, выполненных с использованием палинологического метода в ЦЭКТУ относится к пищевым продуктам из перечня «санкционных» товаров (в основном это плодоовощная продукция), однако метод используется также и в отношении других категорий товаров.

Следует отметить, что использование палинологического метода определения региона происхождения товаров было положительно оценено арбитражными судами в различных регионах РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТИЗ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ РЕГИОНА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ПОДШИПНИКОВ

В 2017-2019 годах в ЦЭКТУ палинологический метод анализа был применен при исследовании подшипников – технических товаров товарной позиции 8482 ТН ВЭД ЕАЭС.

В результате проведенных таможенных экспертиз, назначенных по решениям таможенных органов, был выявлен ряд фактов недостоверного предоставления сведений о стране происхождения товаров. При этом недобросовестными участниками ВЭД китайские подшипники выдавались за европейские либо за

товары, произведенные в странах Юго-Восточной Азии (Малайзия, Индия). На основании результатов проведенных экспертиз таможенными органами были приняты решения об изменении страны происхождения подшипников.

Так, для ряда экспертиз по определению региона происхождения подшипников, в отношении которых заявлялись страны происхождения Малайзия, Индия, Китай – экспертиза № 1 (рис. 1) и Япония, страны Европы (Италия, Турция, Чехия, Германия) – экспертиза № 2 (рис. 2), были получены близкие палинологические спектры, позволяющие провести определение региона происхождения товаров.

В полученных палинологических спектрах смывов со всех исследуемых образцов и с образцов их упаковок (коробки, пакеты) при производстве экспертизы № 1 были обнаружены пыльцевые зерна следующих травянистых растений: Амарантовые (Chenopodiaceae Burnett.), Подорожниковые (Plantaginaceae Juss.), Злаки (Poaceae Barnhart.), Сложноцветные (Asteraceae Bercht. & J.Presl), Розовые (Rosaceae Juss.), Коноплевые (Cannabaceae Martynov), Гречишные (Polygonaceae Juss.), а также пыльцевые зерна следующих древесных растений: берёзы различных видов (Betula L.) семейства Берёзовые (Betulaceae Gray) и сосны различных видов (Pinus L.) семейства Сосновые (Pinaceae Lindl.), при этом содержание древесных растений преобладает. В среднем соотношение древесные растения / травянистые растения составляет 56 % к 44%.

Кроме того, в некоторых палинологических спектрах смывов были обнаружены пыльцевые зерна следующих растений: Лещины разнолистной (Corylus heterophylla Fisch. ex Bess.), ольхи различных видов (Alnus Mill.) семейства Березовые (Betulaceae Gray), дуба (Quercus L.) семейства Буковые (Fagaceae Durmort. nom. cons.), казуарины (Casuarina Rumph. ex L.) семейства Казуариновые (Casuarinaceae R.Br. in Flinders) и пыльцевые зерна Липы Таке (Tilia taquetii C.K. Schneid.) семейства Мальвовые (Malvaceae Juss.).

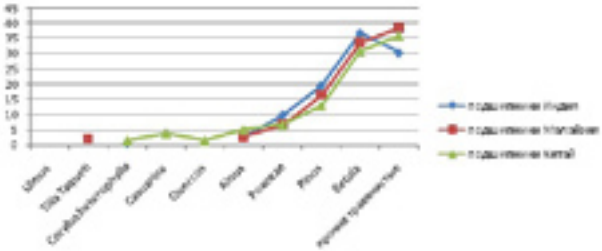


Рис. 1. Сравнительная диаграмма перечня обнаруженных пыльцевых зерен (экспертиза № 1)

В полученных палинологических спектрах смывов с образцов и упаковочных материалов (коробки, пакеты) при производстве экспертизы № 2 было установлено, что преобладают пыльцевые зерна сосны (Pinus L.) семейства Сосновые (Pinaceae Lindl.), берёзы различных видов (Betula L.) семейства Берёзовые (Betulaceae Gray) и Кипарисовых (Cupressaceae Gray, nom. cons.). Кроме того,

обнаружены пыльцевые зерна ели (Picea A. Dietr.) и пихты (Abies Mill.) семейства Сосновые (Pinaceae Lindl.), дуба (Quercus L.) семейства Буковые (Fagaceae Durmort. nom. cons.), ясеня (Fraxinus L.) семейства Маслиновые (Oleceae Hoffmanns. & Link), ольхи различных видов (Alnus Mill.) семейства Березовые (Betulaceae Gray), вяза (Ulmus L.) семейства Вязовые (Ulmaceae Mirb., nom. cons.) и Липы Таке (Tilia taquetii C.K. Schneid.) семейства Мальвовые (Malvaceae Juss.). Пыльцевые зерна травянистых растений в полученных спектрах представлены в меньшей степени, среди обнаруженных идентифицированы пыльцевые зерна Злаков (Poaceae Barnhart), Сложноцветных (Asteraceae Bercht. & J.Presl.), Розовых (Rosaceae Juss.), Гречишных (Polygonaceae Juss.).

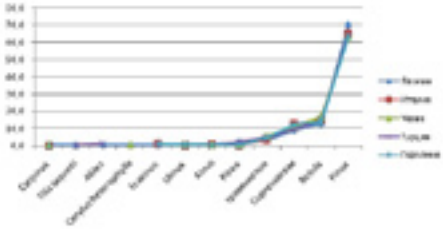


Рис. 2. Сравнительная диаграмма перечня обнаруженных пыльцевых зерен (экспертиза № 2).

Таким образом, полученные пыльцевые спектры смывов образцов и их упаковочных материалов в экспертизе №1 характерны для хвойно-лиственных (смешанных) лесов умеренной зоны северного полушария и для некоторых образцов – для субтропиков и не характерны для стран Южной Азии (в том числе Индии) и Юго-Восточной Азии (в том числе Малайзии).

По сравнительным диаграммам палинологических спектров образцов и их упаковки в экспертизах №1 и №2 видно, что они идентичны как по качественному, так и по количественному составу компонентов, что невозможно для товаров, произведенных в указанных странах (Индия, Малайзия, Китай – экспертиза №1; Япония, Италия, Чехия, Турция, Германия – экспертиза №2). Одновременно с этим, присутствие в некоторых пыльцевых спектрах пыльцевых зерен Лещины разнолистной (Corylus heterophylla Fisch. ex Bess.) и Липы Таке (Tilia taquetii C.K. Schneid.), имеющих достаточно локализованные и характерные ареалы произрастания, позволяет говорить о происхождении товара с территории Китайской Народной Республики.

Следует отметить, что возможность внесения пыльцевых зерен на поверхность образцов подшипников извне, например, во время транспортировки и хранения, исключена ввиду того, что изделия (подшипники) были упакованы в герметично закрытые (запаянные, завернутые) фирменные полимерные пакеты и некоторые дополнительно в фирменные картонные коробки.

По совокупности полученных данных (идентичность пыльцевых спектров и присутствие характерных для определенной территории пыльцевых зерен) по-

зволило однозначно утверждать о факте предоставления недостоверных сведений о стране происхождения товара в обоих описанных случаях.

С учетом результатов, полученных в рамках таможенных экспертиз, таможенными органами были приняты решения об изменении заявленной страны происхождения для товаров, произведенных в Малайзии и Индии, на страну – Китайская Народная Республика, а также для стран, произведенных, согласно представленным документов, в Европе и Японии, на страну – Китайская Народная Республика.

Таким образом, можно заключить, что палинологический метод анализа является востребованным и незаменимым для идентификации не только санкционной плодоовощной продукции, но и других видов товаров, в частности, подшипников.

Анализ результатов проведенных исследований позволяет заключить, что при наличии на поверхности образцов (их упаковки) пыльцевых зерен возможно определить регион происхождения товара, что поможет таможенным органам принять решение о подтверждении либо изменении страны происхождения товара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сладков А.Н. Введение в спорово-пыльцевой анализ. М.: Наука. 1967.
2. Токарев П.И., Леунова В.М., Палинология в криминалистике. Бюллетень московского общества испытателей природы, отдел биологический. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. № 1. С. 82–85.
3. Bryant, V.M., Jones J.G., and Mildenhall D.C. Forensic Palynology in the United States of America / Palynology, 1990. Vol. 14(1). PP. 193–208. URL: http://www.jstor.org/stable/3687506.
4. Bryant V.M., D. Jones G. Forensic palynology: Current status of a rarely used technique in the United States of America / Forensic Sci. Int., 2006. Vol. 163(3). PP. 183–197.
5. Bryant, V. M. Mildenhall, D. C. Forensic palynology: a new way to catch crooks/ Association of Stratigraphic Palynologists Foundation Contribution Series, 1998. N. 33. PP. 145–155.
6. Jones G. D. Forensic pollen geolocation techniques used to identify the origin of boll weevil re-infestation / Grana, 2012. Vol. 51(3). PP. 206–214.
7. Mason M. The Power of Pollen How CBP is at the forefront of using pollen as a new forensics tool / Frontline U.S. Customs and Border protection, 2016. Vol.8(2). PP.10–21. URL: https://www.cbp.gov/sites/default/files/assets/documents/2016-Jul/frontline-vol8-issue2.pdf
8. Mildenhall, D.C. Forensic palynology / Geological Society of New Zealand newsletter, 1982. – 58: 25.
9. Mildenhall D. C., Wiltshire P. E., J. Bryant. V. M. Forensic palynology: Why do it and how it works / Forensic Sci. Int., 2006. Vol. 163(3). PP. 163–172.

10. Mildenhall, D. C. Forensic palynology in New Zealand / Review of Paleobotany and Palynology. Vol. 64. PP. 227–234.
11. Mildenhall D. C. Civil and criminal investigations. The use of spores and pollen / SIAK Journal, 2008. – 4. PP. 35–52.
12. Morgan R.M., Bull P.A. Forensic geosciences and crime detection. Identification, interpretation and presentation in forensic geosciences / Minerva Medicalegale, 2007. Vol. 127 (2). PP. 73–89.
13. Taylor B., Skene K. R. Forensic Palynology: Spatial and Temporal Considerations of Spora Deposition in Forensic Investigations, / Aust J Forensic Sci, 2003. – 35:2. PP. 193–204.
14. Ларина Г. Е. Применение в экспертной практике научных методов и инструментов анализа состава спорово-палинологического комплекса // Вестник научных конференций. 2017. Т. 8, № 2(24). С. 46–47.

The practice of using palynological analysis for customs expertise

M.S. Levina[1], *E.A. Ambarova*[2], *A.B. Prusakova*[2]

[1] *Moscow expert-criminalistic branch of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration of the Russian Federation Federal Customs Service (Russia, Moscow)*
[2] *Nizhnii Novgorod expert-criminalistic regional branch of the Central Expert-Criminalistic Customs Administration of the Russian Federation Federal Customs Service (Russia, Nizhnii Novgorod)*
ecsnn@ptu.customs.ru

In the framework of measures to control the declared information about the country of origin of the goods in the CECCA, palynological studies are carried out, based on the results of which the region of origin of goods can be determined. This analysis method was implemented in the expert practice in 2014.

Keywords: palynological (spore pollen) analysis, region origin product, bearing.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОСНОВНОГО ВЕЩЕСТВА В ФАРМПРЕПАРАТАХ ГРУППЫ АЛКАЛОИДОВ

Г.М. Лизунова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
sveshnikovairina95@yandex.ru

В современной жизни одной из самых злободневных является проблема «чистых» фармпрепаратов. К сожалению, статистика такова – из каждой тысячи лекарственных препаратов, поступающих в продажу, 700 не отвечают требованиям фармакопеи. Современные медицинские средства, как правило, представляют сложные композиты, в основном, органических веществ. Задача аналитиков – разработать и предложить чувствительные и селективные методы определения физиологически активных веществ. При этом погрешности определения абсолютного количества основного вещества не должны быть выше 5% (в соответствии с требованиями ГФ).

Ключевые слова: Потенциометрическое титрование, жидкостные ионоселективные электроды, тетрафенилборат натрия, тетрабутиламмония хлорид, папаверина гидрохлорид, дибазол.

ПОТЕНЦИОМЕТРИЧЕСКОЕ ТИТРОВАНИЕ

Суть метода потенциометрического титрования заключается в том, что зависимость потенциала индикаторного электрода от состава раствора, описываемую уравнением Нернста, можно использовать для нахождения конечной точки титрования. Для этого последовательно измеряют электродный потенциал после каждого добавления порции титранта, а далее по полученным данным строят кривые титрования, по которым и находят точку эквивалентности. По результатам рассчитывают концентрацию или содержание компонентов исследуемого раствора [1, с. 50–53].

АЛКАЛОИДЫ. ХИМИЧЕСКИЕ И ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

Среди многочисленных классов различных химических препаратов отдельную группу занимают азотсодержащие лекарственные вещества, в частности, алкалоиды, имеющие растительное происхождение и обладающие сильным фармакологическим действием [2].

Наша работа посвящена методам определения алкалоидсодержащих лекарственных веществ. Остановимся подробнее на их свойствах.

1. Папаверина гидрохлорид.

Производное бензилизохинолина. Белый кристаллический порошок слегка горьковатый на вкус. Медленно растворяется в воде (1:40), плохо – в спирте. Водные растворы (pH 3,0–4,5) стерилизуются при 100°С в течение 30 минут. Температура плавления (в °С): 225–226.

2. Дибазол.

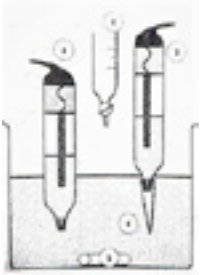
Производное имидазола, с бензойным радикалом. Гигроскопичный белый порошок, со слегка сероватым оттенком, горько-солёного вкуса. Температура плавления 182–186°С. Трудно растворим в воде, легко - в спирте, трудно или практически нерастворим в других органических растворителях.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Измерения проводились на иономере универсальном марки «ЭВ-74» с магнитной мешалкой. В качестве вспомогательного электрода применен хлоридсеребрянный электрод ЭВЛ-1М3, заполненный насыщенным раствором нитрата натрия.

В качестве индикаторного использовался изготовленный нами ЖИСЭ на основе нитробензольного раствора ионного ассоциата тетрафенилбората тетрабутиламмония (ТФБ-ТБА+).

Потенциометричская ячейка представляла собой анализируемый раствор, в который были опущены вспомогательный и индикаторый электроды (рис. 1).



1 – Хлоридсеребрянный электрод (ЭВЛ-1М3).
2 – Бюретка.
3 – ЖИСЭ, укрепленный на хлоридсеребрянном электроде сравнения.
4 – Анализируемый раствор.
5 – Магнитная мешалка.

Рис. 1. Потенциометрическая ячейка

МЕТОДИКА ПРИГОТОВЛЕНИЯ ИОННОГО АССОЦИАТА

Для изготовления электродно-активного вещества, а именно нитробензольного раствора ионного ассоциата ТФБ-ТБА+, в пробирку с притертой пробкой приливают 2 мл водного раствора ТФБNa с концентрацией 1.10^{-2} моль/л и 2 мл водного раствора ТБАBr с концентрацией 1.10-2 моль/л. Затем добавляют 2 мл нитробензола и тщательно перемешивают в течение 10 минут, не допуская эмульгирования.

После отстаивания в течение 4–5 часов отделяем органическую фазу и используем для конструирования электрода.

МЕТОДИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЭЛЕКТРОДА

Конструкция электрода представляет полиэтиленовый наконечник с пористой фторопластовой диафрагмой. Некоторое количество порошкообразного фторопласта пропитывали на часовом стекле нитробензольным раствором жидкого ионообменника с концентрацией 1.10^{-2} моль/л, вносили в полиэтиленовый наконечник и уплотняли стальным стержнем до высоты примерно 2 мм. Затем заливали приблизительно 2 мм ионообменника и равновесный с ним стандартный раствор до верхнего края наконечника, в качестве которого использовали водный раствор ТФБNa с концентрацией 1.10^{-3} М. Добивались, чтобы между мембраной электрода и внутренним раствором сравнения не было воздушной прослойки, т.к. она может вызвать нестабильность работы электрода.

НАХОЖДЕНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК ЖИДКОСТНЫХ ИОНОСЕЛЕКТИВНЫХ ЭЛЕКТРОДОВ

Основными характеристиками любого электрода являются крутизна (S) и линейность (ЛГГ) градуировочного графика. Исследование проводили с помощью метода прямой потенциометрии.

На основании этих экспериментальных данных рассчитаны метрологические характеристики изготовленных ЖИСЭ, приведенные в таблице 1.

Таблица 1.
Характеристики жидкостных ионоселективных электродов на основе ТФБТБА

Характеристика / Соединение	Дибазол	Папаверин	Но-шпа	ТБАBr	ТФБNa
Крутизна электр. функции S mV/pc	47±2	58±3	59±2	57±2	58±2
Предел обнаружения pCmin моль/л	6,0	6,0	6,0	6,0	6,0
Линейность градуировочного графика E=f(pC)	2–5	2–5	2–5	2–5	2–5

Из экспериментальных данных, крутизна электродной функции близка к Нернстовскому значению, равному 59 mV/pC. Отклонение крутизны электродной функции как правило не превышает 5%. Линейность градуировочного графика для различных лекарственных препаратов составляет 2–5 pC, т.е. рабочие концентрации лекарств в пределах от 1.10^{-2} до 1.10^{-5} моль/л.

В качестве способов определения применено: потенциометрическое титрование. Разработаны и предложены конкретные методики определения алкалоидов (папаверин, дибазол). Показано, что нижние границы определяемых содержаний на уровне 1.10-5-5.10-6 М, погрешность определения Sr ≤ 5%. Время анализа 10–15 минут.

Результаты эксперимента представлены в таблице 2.

Таблица 2.
Определение папаверина и дибазола (ампулы) потенциометрическим титрованием

Фармпрепарат	Содержание по паспорту*		Найдено	
	Ампулы, мг/мл	Таблетки, мг	Ампулы, мг/мл	Таблетки, мг
Папаверин	20	40	20,3±3,3	36,6±0,8
Дибазол	10	20	8,7 ±0,1	17,4±0,6

*С учетом погрешности ввода пробы, соответствующей требованиям ГФ.

ВЫВОДЫ

1) Изготовлены ЖИСЭ на основе нитробензольного раствора ТФБ-ТБА+ (5 паралл.) и исследованы его характеристики: крутизна электродной функции близка к 59±3 mV/pC, ЛГГ 10-2–10-5 моль/л, Cmin для ТФБNa составляет 4,5.10-6 моль/л, для ТБАBr – 1,58.10-6 моль/л, для папаверина – 1,3.10-6 моль/л, для дибазола 2.10-6 моль/л.

2) Электроды сохраняют свою работоспособность в течение 1–3 месяцев. Позволяют определять папаверин и дибазол, как в ампулах, так и в таблетках.

3) Отработаны и предложены конкретные методики определения применения метода потенциометрического титрования водным раствором ТФБNa папаверина и дибазола в инъекциях и таблетках. Показано, что отклонение основного компонента по массе (указанной на упаковке) не превышает допустимое по ГФ (менее 5%).

4) Предлагаемые методики определения не требуют дорогостоящей аппаратуры, промышленно-выпускаемых электродов, просты в выполнении, вполне удовлетворительны по точности (не превышает 5%), экспрессны (определение с учетом пробоподготовки не превышают 20 минут).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ямбулатова Е.В., Лизунова Г.М. Применение жидкостных ионоселективных электродов для контроля за динамикой убыли основного компонента алкалоидсодержащих препаратов при хранении // Молодой ученый. 2013. №1. С. 50–53.
2. Беликов В.Г. Фармацевтическая химия: Учебник для фармацевтических институтов и фармацевтических факультетов. М.: Высшая школа. 1985. 768 с.
3. Государственная фармакопея. В 2 частях. 2008, 2010.
4. Лугманова М.Р., Гуркова Я.О., Шендель Г.В., Михайленко О.И. Количественная оценка содержания суммы алкалоидов в растениях горно-лесостепной зоны Южного Урала // Биологические науки. 2010.
5. Ивлашенкова И.В., Алешина И.Г. Определение содержания кофеина в чае и кофе классическими аналитическими методами // Известия вузов. Пищевая технология. № 2–3, 2000.
6. Орлова Т.В., Панкрушаева Т.А., Нестерова А.В., Чекмарева М.С. Разработка суппозиториев жаропонижаеющего действия, содержащих анальгин, димедрол и папаверина гидрохлорид // ЭНИ Забайкальский медицинский вестник № 2. 2013.
7. Мехтиханов С.Д., Бабаева Д.П., Шапиев Б.И., Гамзатова П.А., Идрисова А.Х., Бюрниева У.Г. Экспресс-метод количественного определения новокаина в растворах // Вестник ДГМА №4(9), 2013.
8. Цокова Т.Н., Котлова Л.И., Осипова А.В. Метод производной УФ-спектрофотометрии определения концентрации лекарственного препарата в смесях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11–5. С. 694–698;
9. Зиятдинова Г.К., Самигуллин А.И., Будников Г.К. Вольтамперометрическое определение папаверина и дротаверина // ЖАХ, 2007, т. 62, №8. С. 858–861.
10. Погорелова Е.С., Макарова Н.М., Иванов Д.С. Физико-химические параметры ионных ассоциатов тетрафенилбората и додецилсульфата натрия с солями тетраалкиламмония // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Химия. Биология. Экология. 2013. Т. 13. Вып. 3.
11. Головнев Н.Н., Новикова Г.В., Головнева И.И. Ионоселективные электроды в анализе лекарттвенных препаратов // Микросистемная техника, № 10, 2001.
12. Харитонов С.В Ионоселективные электроды для определения лекарственных веществ// Успехи химии, 2007, т. 76, №4. С. 398–432.
13. Харитонов С.В., Зарембо В.И. Ионоселективный электрод для количе-

ственного анализа лекарственных форм препарата но-шпа// Химико-фармацевтический журнал, 2008, т. 42, №5. С. 46–49.
14. Клементьева Е.А., Кулешова Н.В. Ион-селективный электрод для определения ибупрофена// Молодой ученый, 2014, т.62, № 3. С. 115–118.
15. Лизунова Г.М., Ямбулатова Е.В. Обзор методов количественного определения алкалоидсодержащих лекарственных препаратов// Молодой ученый, 2013, т. 52, №5. С. 187–192.

Determination of the content of the basic substance in pharmaceuticals group of alkaloids

G.M. Lizunova
The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
sveshnikovairina95@yandex.ru

In modern life, one of the most pressing is the problem of «clean» pharmaceuticals. Unfortunately, the statistics are as follows: out of every thousand medicines on sale, 700 do not meet the requirements of the Pharmacopoeia. Modern medical means, as a rule, represent complex composites of mainly organic substances. The task of analysts is to develop and propose sensitive and selective methods for determining physiologically active substances. In this case, the error in determining the absolute amount of the base material should not be higher than 5% (in accordance with the requirements of the GF).

Keywords: Potentiometry, sodium tetraphenylborate, Dibazol, influence of hydrotropic substances, glycerin, glucose, sugar.

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СУДЕБНЫХ ФОНОСКОПИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ И ЕЁ СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Н.Н. Лысов[1], *В.М. Мешков*[2]
[1] *Пятигорский филиал Северо-Кавказского университета (Россия, Пятигорск)*
[2] *Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Калининград)*

В статье рассмотрены правовые нормы, позволяющие контролировать переговоры субъектов, имеющих отношение к расследуемому преступлению. Дан ответ на вопрос, почему законодатель назвал данное следственное действие «контроль и запись переговоров». Рассмотрено понятие фоноскопической экспертизы, определено что является образцами для ее производства.

Ключевые слова: прослушивание телефонных переговоров, контроль и запись переговоров, фоноскопическая экспертиза, маскировка речи.

Общеизвестно, что обеспечение прав и законных интересов граждан – один из атрибутов существования любого суверенного государства. При этом одним

из наиболее эффективных средств обеспечения прав и интересов личности, государства и общества от преступных посягательств является уголовная политика. В рамках осуществления основных направлений уголовной политики в Российской Федерации действуют правоохранительные органы, одной из задач которых является выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.

Традиционно процесс раскрытия и расследования преступлений во все времена и во всех странах сопровождает процесс противодействия со стороны заинтересованных лиц. Сущность противодействия многогранна, и одной из самых важных сфер противодействия является информационная сфера. Поэтому правоохранительные органы большинства развитых стран предпринимают многочисленные меры по контролю за информацией, в частности, имеющей отношение к расследуемым преступлениям. С этой целью усилия многих стран объединяются, создаются международные и национальные правовые акты, позволяющие, в ущерб определенному сегменту законных прав и интересов отдельных граждан, объединять усилия в противодействии криминалу. С этой целью, например, в 2000 году была подписана Конвенция Евросоюза «О взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского Союза» от 29 мая 2000 г., которая вступила в силу в 2002 году. В специальном разделе данной Конвенции предусмотрен процесс прослушивания телекоммуникаций.

Российская Федерация не осталась в стороне от этого процесса, поэтому в нашей стране также действуют специальные правовые нормы, позволяющие контролировать переговоры субъектов, имеющих отношение к расследуемому преступлению. Например, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. имеются нормы, предоставляющие сотрудникам оперативных подразделений прослушивать телефонные переговоры. В частности, в ст. 6 данного Закона предусмотрено такое оперативно-розыскное мероприятие, как прослушивание телефонных переговоров (далее – ПТП). Данное ОРМ осуществляется в отношении только подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях [1, с. 12]. Тактика осуществления данного ОРМ существенно отличается от тактики следственного действия, предусмотренного ст. 186 УПК РФ (контроль и запись переговоров).

Согласно тексту данной статьи кодекса, при наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, их контроль и запись переговоров допускаются при производстве по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлениях, на основании судебного решения, принимаемого в порядке, уста-

новленном ст. 165 УПК РФ.

Текст данной статьи закона явно нуждается в комментариях. Например, следователь должен иметь ответы на следующие вопросы:

Что понимать под достаточными основаниями?

Какие сведения могут иметь значение для уголовного дела?

Какие преступления относятся к указанным категориям?

Как выносится судебное решение?

По нашему мнению, если в законе четко не перечислены **достаточные основания**, то данная категория должна быть сформирована на основании внутреннего убеждения следователя. Иными словами, достаточными основаниями могут быть те данные, знаниями о которых располагает следователь в конкретной следственной ситуации. Это могут быть как данные, зафиксированные в материалах уголовного дела, так и данные, полученные от сотрудников, имеющих доступ к оперативно-розыскной информации, а также такие данные, которые традиционно относятся к слухам. В частности, следователь может воспринять в качестве достаточных оснований содержание непроверенных материалов, появившихся в средствах массовой информации, в том числе и в Интернете, например, о связях между подозреваемым и оставшимися на свободе лицами. Воспринимая данную информацию, как достаточную для возбуждения ходатайства перед судом для получения разрешения на контроль и запись переговоров, следователь должен так убедительно и грамотно сформулировать эти основания, чтобы они стали понятны судье и склонили его к оформлению судебного решения на контроль и запись переговоров. Поэтому следователь должен уметь четко письменно излагать свои мысли.

Что касается употреблённого законодателем термина «**сведения, имеющие значение для уголовного дела**», то и здесь полной ясности нет и быть не может. Можно лишь предположить, что, по крайней мере, эти сведения должны касаться обстоятельств, подлежащих доказыванию, перечисленных в ст. 73 УПК РФ, т.е. событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления) и т.д., иначе перечень этих сведений может превысить все разумные пределы.

Относительно отнесения преступлений к категориям средней тяжести, тяжких и особо тяжких, то здесь как бы всё понятно – следователю следует обращаться к тексту ст. 15 УК РФ, в которой всё расписано предельно чётко. Однако следственная практика свидетельствует, что и здесь могут возникнуть споры относительно правильной квалификации расследуемого деяния. Так, насильственное лишение жизни человека, в зависимости от ситуации, может быть квалифицировано и как преступление небольшой тяжести, например, причинение смерти по неосторожности (ст. 109). Максимальное наказание за такое деяние – 2 года лишения свободы. Согласно ст. 15 УК РФ это – преступление небольшой тяжести. В то же время насильственное лишение жизни может

быть квалифицировано по ст. 105 УК РФ, за которое максимальное наказание предусмотрено до 15 лет лишения свободы, т.е. данное преступление относится к категории особо тяжких преступлений. Как правильно квалифицировать деяние, не всегда ясно, особенно на первоначальном этапе расследования, а от квалификации зависит возможность контроля и записи переговоров. Вообще, вопрос квалификации деяний – чрезвычайно многоаспектный и трудный, и по некоторым преступлениям точку в квалификации деяния ставит только Верховный Суд России. Однако именно квалификация деяния является одним из условий вынесения следователем ходатайства перед судом о контроле и записи переговоров. Поэтому без грамотной квалификации преступления уже на первоначальном этапе расследования в ряде ситуаций просто не обойтись.

Что касается **порядка вынесения судебного решения** относительно контроля и записи переговоров, то оно выносится в обычном порядке, т.е. не позднее 24 часов с момента поступления данного ходатайства в суд (кстати, если ходатайство приходит в суд в выходные дни, то его рассматривает дежурный судья). В судебной практике имеются разные исключения, и судебные решения выдаются быстрее, но судебное решение относительно контроля и записи переговоров в число таких исключительных случаев не попадает, поэтому, как верно отметили составители Комментария к УПК РФ, оформляется строго в предусмотренном порядке – и только с согласия руководителя следственного органа [2, с. 515].

Максимальный срок, в течение которого суд имеет право разрешить контроль и запись переговоров, – 6 месяцев. Понятно, что следователь имеет право прекратить контроль и запись переговоров и гораздо раньше, в зависимости от ситуации. Но, если в законе нет запрета на продолжение данного следственного действия, следовательно, можно полагать, что в необходимых случаях следователь имеет право вновь обратиться в суд для получения дополнительного судебного решения о продлении срока контроля и записи переговоров.

По нашему мнению, используя данные термины в тексте УПК РФ, законодатель предполагал, что контроль и запись переговоров будет способствовать процессу расследования преступлений, по крайней мере, в трёх плоскостях:

- при выдвижении версий и планировании расследования;
- при изобличении лиц, лично причастных к совершению преступлений;
- при изобличении лиц, заинтересованных в оказании противодействия органам расследования.

Данное следственное действие не противоречит требованиям ст. 23 Конституции РФ в части ограничения права на тайну телефонных переговоров, поскольку контроль и запись переговоров может иметь место только при наличии соответствующего судебного решения.

Проблемы ограничения прав граждан на тайну переговоров были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который в своём Определении

от 2 октября 2003 г. пояснил, что данная судебная процедура ограничения права на тайну телефонных переговоров имеет целью обеспечение интересов общества и государства, составляющих в единстве с интересами личности совокупность национальных интересов РФ. Этим обусловливается обязанность судьи, рассматривающего ходатайство правоохранительных органов о производстве действий, связанных с ограничением права на тайну телефонных переговоров, подходить к оценке представленных в таких случаях материалов ответственно и всесторонне. При недостаточной обоснованности ходатайства судья может затребовать дополнительные сведения, но не вправе отказать в рассмотрении материалов, ссылаясь на основы конституционного права. Судья также обязан не допускать сужения сферы судебного контроля, субъективно оценивая данные, влекущие необходимость получения судебного решения относительно производства соответствующих действий.

Контроль за переговорами позволяет получать новую информацию относительно обстоятельств, имеющих отношение к расследуемому преступлению, о которых участники уголовного процесса по каким-то причинам не сообщают следователю при допросах и очных ставках. Это могут быть сведения о скрывшихся участниках преступного деяния, о месте укрытия орудий преступления, ценностей, в том числе о банковских паролях, куда перечислены похищенные средства и т.д. Своевременное получение данной информации позволяет следователю выдвигать новые версии случившегося, планировать проведение следственных действий и давать поручения о производстве новых оперативно-розыскных мероприятий, направленных, например, на установление реквизитов конкретного банковского счета и его своевременное блокирование.

Запись подобных переговоров в ряде ситуаций позволит изобличить конкретное лицо, участвовавшее в переговорах, и доказать его причастность к расследуемому преступлению.

Обращаясь к сущности данного следственного действия, целесообразно понять – почему законодатель назвал данное следственное действие «контроль и запись переговоров»?

Согласно Словарю русского языка, под термином «контроль» понимается проверка, а также наблюдение с целью проверки [3, с. 285]. Запись, согласно этому же Словарю русского языка, это либо письменная фиксация услышанного, либо нанесение записи на пленку при помощи специального аппарата [3, с. 210].

Понятно, что законодатель, употребляя в названии ст. 186 УПК РФ термин «запись», не планировал ограничивать следователя только записью на бумаге той информации, о которой шла речь в переговорах, но и предполагал, что таковая запись будет осуществлена на соответствующий носитель компьютерной информации, т.е. получить образец для сравнительного исследования в порядке ст. 202 УПК РФ (например, получить свободную фонозапись голоса интересую-

щего его субъекта). Использование такого образца голоса не должно ограничиваться только уяснением сущности переговоров, но должно быть продолжено при назначении фоноскопической судебной экспертизы, что нередко позволяет изобличить конкретного субъекта, чья устная речь будет записана на данном диске.

Фоноскопическая экспертиза – это вид криминалистической экспертизы, к числу основных задач которой относится идентификация человека по голосу, а также отождествление звуко- и видеозаписывающей аппаратуры [4, с. 465]. Применительно к рассматриваемому нами следственному действию, речь должна идти, в первую очередь, об идентификации человека по его голосу и речи.

В связи с вышеизложенным следует напомнить, что криминалистическая фоноскопия базируется на индивидуальности голоса человека, что обусловлено строго индивидуальными формой и размерами ротовой и носовой полостей, горла, органов дыхания и, как следствие, индивидуальной концентрацией голосовой энергии в определенном частотном диапазоне. Современные эксперты-фоноскописты обладают уникальными возможностями идентифицировать людей по фонограммам, т.е. в том числе по тем записям, которые должны выполняться согласно ст. 186 УПК РФ. Помимо идентификации конкретного человека, судебные эксперты имеют возможность определить место, откуда происходили переговоры, в частности, по конкретному источнику определить – насколько далеко от данного места проходит железная или автомобильная дорога, расположен определенный промышленный объект или даже детский садик или школа. Всё это позволяет следователю вычислить местонахождение тех субъектов, которые либо лично причастны к совершенному преступлению, либо содействуют подозреваемому или обвиняемому в их стремлении уклониться от уголовной ответственности за содеянное.

На судебную фоноскопическую экспертизу могут быть представлены записи, зафиксированные в аналоговой форме на магнитной ленте, на кассете, микрокассете, звуковой дорожке видеокассеты, магнитофонной ленте (проволоке), на катушке, в цифровой форме на электронном носителе данных, а также на магнитном, лазерном, оптическом диске, жестком диске (типа винчестер) и т.п. [5, с. 303].

Контролируются и записываются переговоры между конкретными абонентами (один из которых обязательно должен быть упомянут в судебном решении). Судя по почти аналогичному оперативно-розыскному мероприятию – прослушивание телефонных переговоров (ПТП), технология которого описана в учебнике по ОРД [6, с. 353-358], не имеющем грифа ограничительного пользования, контроль и запись переговоров осуществляется путем подключения проводной и беспроводной телефонной связи к стационарной аппаратуре предприятий, учреждений или организаций связи либо к проводной линии связи или путем сканирования радиосигнала телефона объекта прослушивания.

В зависимости от способа прослушивания, использования при этом технических средств прослушивания, эти операции могут производиться как самостоятельно оперативно-техническими подразделениями органов внутренних дел, так и с привлечением (использованием) возможностей предприятий, учреждений, организаций, предоставляющих услуги и средства связи.

Эти предприятия и операторы связи, независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, обязаны в соответствии с законодательством Российской Федерации оказывать содействие и предоставлять возможность проведения ПТП на сетях связи, а также принимать меры к недопущению раскрытия организационных и тактических приёмов проведения прослушивания телефонных переговоров [7].

Особо следует отметить фактор соблюдения тайны связи, суть которой составляют любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи. Материалы, полученные в ходе данного следственного действия, не должны быть доступны кому-либо, кроме лиц, осуществляющих предварительное следствие, в том числе входящих в состав следственно-оперативной группы.

Предметом контроля и записи переговоров могут быть только переговоры, ведущиеся с телефонов конкретных лиц либо с телефонов, находящихся в определенном адресе, где постоянно или временно проживает субъект, интересующий следователя, либо где он может скрываться.

Прослушиваться могут переговоры не только подозреваемых и обвиняемых, но и других лиц, имеющих к ним какое-либо отношение (родственники, близкие, сослуживцы, соучастники в преступной деятельности и т.д.).

Судя по формулировке части первой ст. 186 УПК РФ, следователь может ходатайствовать о контроле и записи переговоров только в тех случаях, когда в его производстве находится уголовное дело о преступлении, как минимум, средней тяжести. Для сравнения, оперативные подразделения имеют права организовывать прослушивание телефонных переговоров и до возбуждения уголовного дела, когда имеются оперативные данные, позволяющие обоснованно подозревать лицо в приготовлении, совершении тяжкого или особо тяжкого преступления [6, с. 355].

Понятно, что лично следователь лично не контролирует и записывает переговоры. Получив судебное решение о контроле и записи переговоров, по нашему мнению, следователь должен оформить отдельное поручение органу дознания о производстве данного следственного действия, в чём мы разделяем взгляды профессора В.М. Быкова [8, с. 125], и вместе с иными имеющими к данному решению материалами, передать в соответствующую службу МВД России, которая имеет соответствующий штат опытных работников и необходимую технику для осуществления контроля и записи переговоров. Как будут оформляться

внутренние, служебные материалы о передаче информации, УПК РФ не регламентирует. Это сфера регулируется ведомственными нормативными актами.

Исполнитель данного судебного решения должен регулярно сообщать следователю о результатах контроля и записи переговоров. При необходимости эти сообщения должны оформляться в письменном виде и таким образом, чтобы поступающие к следователю материалы могли быть приобщены к уголовному делу для последующей оценки как лично следователем, так и судом в ходе судебного следствия.

В ситуации, когда объём материалов достаточно большой, по нашему мнению, часть материалов, по согласованию со следователем, может не распечатываться на бумажных носителях, а представляться на электронных носителях (электронных дисках), которые при необходимости могут быть прослушаны как следователем, так и судьёй.

Относительно хранения полученной информации в законе четко прописано, что фонограммы в полном объеме приобщаются к уголовному делу и хранятся в запечатанном виде в таких условиях, которые исключают возможность их прослушивания и тиражирования. Следователю следует помнить, что небрежное обращение с фонограммой, случайная деформация магнитного носителя, остановки во время производства записи и её перерывы, неосторожное стирание информации при воспроизведении – все это может оказаться существенным для признания впоследствии такой фонограммы недопустимым или недостоверным доказательством [5, с. 309].

Эксперты-фоноскописты выработали для следователя следующий порядок приобщения фонограммы к материалам дела. Они рекомендуют назначать фоноскопическую экспертизу, на разрешение которой советуют ставить три вопроса:

1. Установить дословное содержание записанной на фонограмме информации.
2. Произвести перезапись фонограммы, имеющей доказательственное значение по делу, на представленный носитель (кассету, дискету или CD-диск).
3. Установить, имеются ли на фонограмме признаки монтажа или внесенных в нее изменений [5, с. 312].

Эксперты-фоноскописты обладают современными методиками определения признаков, свидетельствующих о преднамеренном искажении речи, т.е. маскировки речи. **Под маскировкой речи** понимается реализация различными средствами установки на сокрытие авторства или состояния автора в момент порождения текста. Маскировка может осуществляться в виде снижения грамотности, нейтрализации речи, имитации речи конкретного лица, имитации речи лица противоположного пола, имитации речи лица пожилого возраста, имитации речи лица молодого возраста, имитации речи представителя определенной профессиональной группы, имитации речи маргинальных или

криминальных социальных групп, имитации речи, подверженной влиянию конкретного говора, имитации речи человека, находящегося в состоянии эмоционального стресса, имитации алкогольного или наркотического опьянения, имитации речи с признаками патологии и т.д.

Таким образом, результаты контроля и записи переговоров, зафиксированные в порядке ст. 186 УПК РФ, после производства судебной фоноскопической экспертизы могут стать надёжным источником доказательств по уголовному делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Текст с изменениями на 2017 г. М.: Эксмо, 2017.
2. Комментарий к УПК РФ / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2010.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 53.000 слов. М.: Сов. энциклопедия, 1970.
4. Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. М.: Юристъ, 1999.
5. Россинская Е.Р. Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М.: Проспект, 2010.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М.: ИНФРА-М, 2006.
7. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. «О связи» № 126-ФЗ. Ст. 64.
8. Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2014.

Technology of creation of samples for forensic phonoscopic examinations and its modern possibilities

N. N. Lysov[1], *V.M. Meshkov*[2]

[1] *Pyatigorsk branch of North Caucasus University (Russia, Pyatigorsk)*
[2] *Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia (Russia, Kaliningrad)*

The article deals with the legal norms that allow to control the negotiations of subjects related to the crime under investigation. The answer to the question why the legislator called this investigative action «control and record of negotiations»is given. The concept of phonoscopic examination is considered, it is determined what are the samples for its production.

Keywords: wiretapping, control and recording of negotiations, phonoscopic examination, speech masking

СОЗДАНИЕ ПРОГРАММЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРСТВА ТЕКСТА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА

М.В. Маркина

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
markinamv6213@yandex.ru

В данной работе предлагается описание нового алгоритма программы авторской идентификации текста. Алгоритм базируется на математической теории корреляционного анализа и выборе специальных параметров текста, для которых вычисляется корреляция.

Ключевые слова: методы экспертного исследования текста, идентификация автора текста, параметры текста, компьютерные технологии судебно-экспертных исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Задача идентификации авторства в ряде специфических практических областей, например, в правоприменительной практике или в экспертной деятельности по делам о плагиате, об экстремизме и пр., текстов является в настоящее время актуальной проблемой. Это связано, прежде всего, с возрастанием объема текстов и, в связи с этим, с возможными спорами в области авторства, которые возникают при распространении ряда текстов через сеть Интернет без элементов атрибуции или под псевдонимами. Пользователи могут выкладывать в сеть значительные массивы текстовой информации без регистрации и указания какой-либо информации о себе, или регистрация носит чисто символический характер – регистрационные данные не позволяют однозначно идентифицировать личность собеседника.

В данной работе предлагается описание авторской программы идентификации текста, созданной на базе математической теории корреляционного анализа [1].

АЛГОРИТМ

Имеются несколько баз текстов. Каждая база – это тексты, написанные одним человеком. Имеется новый текст, авторство которого неизвестно. Необходимо определить, написан ли текст одним из авторов, тексты которых хранятся в базах, либо же новым автором.

Представим базы писателей в виде матриц, где количество столбцов m- количество обработанных текстов, количество строк n – количество параметров этих текстов.

Пусть у нас, например, три базы текстов с матрицами A, B, C, размером n*m.

Для нового текста определены те же n параметров, как и для текстов из баз. Тогда новый текст можно охарактеризовать вектор-столбцом new длиной n.

Для каждой матрицы посчитаем коэффициент корреляции Пирсона каждого столбца с вектором new и получим (с учетом наличия 3 баз) три вектора s,

p, r длины m [1].

Далее найдем среднее значение элементов каждого вектора. Получим усредненные $\bar{s}, \bar{p}, \bar{r}$, из этих значений составим вектор $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$.

Новый текст можно добавить в уже существующую базу текстов в том случае, если компонент вектора $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$, соответствующий коэффициенту корреляции именно с этой базой, близок к единице в пределах доверительного интервала. Если это условие не выполняется, то текст добавляется в новую базу.

ВЫБОР ПАРАМЕТРОВ ТЕКСТА

Наиболее важным моментом создания алгоритма является правильный подбор параметров корреляции. Параметры должны отражать сознательный выбор автором грамматических моделей и синтаксических конструкций и специфику отбора слов.

В созданной программе используется следующий набор параметров:

1. коэффициент предметности текста - отношение суммы количества существительных и местоимений к сумме количества прилагательных и глаголов [2];
2. коэффициент качественности текста - отношение суммы количества прилагательных и наречий к сумме количества глаголов и существительных [2];
3. коэффициент активности текста - отношение суммы количества глаголов и глагольных форм к количеству слов в тексте [2];
4. коэффициент динамизма текста - отношение суммы количества глаголов и глагольных форм к сумме количества существительных, прилагательных и местоимений [2];
5. коэффициент связности текста - отношение суммы количества предлогов и союзов к количеству предложений [2].
6. отношение количества знаков препинания к количеству слов;
7. средняя длина слова;
8. средняя длина предложения.

Вычисление указанных параметров для большого количества текстов позволяет сделать вывод о возможности применения коэффициента корреляции Пирсона, т.к. выборки подчинены нормальному закону распределения.

Следует отметить, что при вычислении этих восьми параметров корреляции используются двенадцать параметров текста:

- количество знаков препинания;
- количество слов;
- количество предложений;
- средняя длина слова;
- средняя длина предложения;
- количество существительных;
- количество прилагательных;

- количество глаголов;
- количество местоимений;
- количество наречий;
- количество предлогов и союзов.

ПРИМЕРЫ СОЗДАНИЯ БАЗ ДАННЫХ

Рекомендуемый размер выборки текста - не менее 500 слов и 30 предложений [2]. Примеры вычисления всех параметров и коэффициентов корреляции для произведений Толстого Л.Н. Приведены графики колебания каждого параметра в пределах существующей базы текстов.

Толстой Л.Н.

Рис. 1

ПРИМЕР ОБРАБОТКИ НОВОГО ТЕКСТА

Возьмем новый отрывок текста для обработки программой. Отрывок из «Мертвых душ» Гоголя Н.В., начинающийся со слов «Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало» и заканчивающийся словами «…напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь».

Вычислим все параметры корреляции текста

знаков в тексте /всего слов	0,228417266
среднее кол-во символов в слове	5,2
средняя длина предложения	22,2
коэфф. предметности	0,96
коэфф. качественности	0,300884956
коэфф. активности	0,147482014
коэфф. динамизма	0,569444444
коэфф. связности	8,2

Сравним эти параметры с усредненными параметрами существующих баз.

Параметры	Новый текст	1 база – Гоголь	2 база – Толстой	3 база – Тургенев
Отношение кол-ва знаков в тексте к числу слов	0,191336	0,20622	0,251259	0,21622
среднее кол-во символов в слове	4,7	5,37	7,66	5,53
средняя длина предложения	27,6	25,83	20,19	18,93
коэфф. предметности	1,364407	1,293718	1,275741	2,924918
коэфф. качественности	0,223684	0,309784	0,284997	0,185786
коэфф. активности	0,120939	0,115524	0,12536	0,104544
коэфф. динамизма	0,216149	0,369352	0,501173	0,173962
коэфф. связности	4,555556	5,385392	18,76997	16,09842

Вычислим коэффициенты корреляции с каждой базой

Коэфф. корреляции с базой «Гоголь»	Коэфф. корреляции с базой «Толстой»	Коэфф. корреляции с базой «Тургенев»
0,998595	0,760158	0,813944

На основе проведенных экспериментов выработаны следующие рекомендации по использованию данной программы:

- считать текст принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой больше 0.87, т.е. в качестве доверительного интервала принять интервал 0.87-1;
- в диапазоне коэффициента корреляции 0.82-0.87 требуется дополнительное мнение эксперта (встречались единичные случаи авторства при таких значениях коэффициента);
- считать текст, не принадлежащим автору, если коэффициент корреляции текста с существующей базой меньше 0.82;
- учесть, что точность работы программы увеличивается с увеличением текстов в базе.

О ПРОГРАММЕ

Компьютерная программа является развитием программы, описанной в [3].

Создан интерфейс, позволяющий пользователю выбрать одну из опций:

- создать новую базу текстов;
- сделать просмотр или редакцию существующих баз текстов;
- сделать проверку нового текста.

При создании новой базы запрашивается имя автора, добавляется текст, осуществляется расчет всех коэффициентов.

При просмотре выдается список всех существующих баз текстов. При редактировании предусмотрена возможность удаления текста из базы.

При проверке нового текста выдается один из двух запросов – либо запрос

на разрешение поместить проверенный текст в уже существующую базу данных (если вычисленный коэффициент корреляции имеет соответствующую этой базе величину), либо запрос на создание новой базы текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кремер Н. Ш. Теория вероятностей и математическая статистика. М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2007
2. Головин Б. Н. Язык и статистика. Издательство Просвещение, 1970.
3. Юматов В.А., Маркина М.В., Юматов С.В. Математические методы криминалистической диагностики и авторизации текста в речеведческой экспертизе. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 227–232.

Creation of the program of the author's identification of the text based on the theory of correlation analysis

M.V. Markina

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
markinamv6213@yandex.ru

This paper proposes a description of the new algorithm of the program author's text identification. The algorithm is based on the mathematical theory of correlation analysis and the choice of special text parameters for which the correlation is calculated.

Keywords: Methods of expert study of the text, identification of the author of the text, text parameters, computer technologies, forensic expert studies.

О ПОПЫТКАХ АНАЛИЗА СПОРНОГО НАРРАТИВА В РАМКАХ СУДЕБНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИКОДОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ

Е.С. Моштылева

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
emoshtyleva@gmail.com

Автор предлагает новый метод судебной лингвистики, ещё не описанный в научных трудах. Целью статьи является проверка целесообразности метода, определение инструментария и вероятных перспектив его развития, а также использования в судопроизводстве. Автор предлагает инструменты для реализации метода анализа спорного нарратива и представляет его на примере креолизованного Телеграм-текста.

Ключевые слова: судебная лингвистика, анализ спорного нарратива, нарратив, нарратология, публицистический нарратив, поликодовый текст, Телеграм-текст.

В условиях информационного общества особую актуальность приобретает теоретическое обоснование судебно-экспертных методик исследования интернет-текстов. Учитывая сущность последних, мы признаём необходи-

мость адаптации не только языковых, но и филологических методов вообще для исследований, имеющих процессуальную подоплёку. Как одной их главенствующих тенденций криминалистической науки (теоретического фундамента деятельности правоохранительных органов) является предупреждение преступных деяний, так и судебную лингвистику внешние условия обязывают использовать новые (а иногда – неожиданные) методы для судебной экспертизы текста. Преступления с помощью слова набирают новый оборот – субъекты противоправных деяний становятся грамотнее, подкованнее в вопросах провокаций, манипулирования сознанием. Дискредитирующая публицистика теперь редко пользуется эксплицитными приёмами, а потому эксперт обязан компетентно выявлять и квалифицировать не только явные содержания, но и импликатуры, а также находиться в непрерывном поиске новых методов для судебно-экспертного исследования.

Публицистика – наиболее быстро развивающаяся область, занимающаяся порождением текстов медийной культуры. Человеческое существование уже около 10 лет постоянно пронизывается явлениями медиа: социальные сети стали неотъемлемой частью жизни, значительная часть коммуникации осуществляется посредством интернет-связи, но главным и единственным кодом общения является язык во всевозможных его проявлениях.

Задача публицистики – возбуждать в читателе ответные реакции, что с течением времени, обусловленным информационным пресыщением, представляется невероятно сложной задачей. Полагаем, по этой причине журналистика прибегла к созданию жанра нарративной публицистики, который оказывает на читателя большее воздействие, чем традиционная статья с подачей какой-либо порции информации.

Публицистический нарратив – это презентация реальных событий в виде увлекательной истории. Материал для истории собирается, как правило, в ходе «погружения», т.е. длительного пребывания журналиста в центре событий с целью «прочувствования» их изнутри [4]. Кроме того, нарратив стал одним из ключевых элементов современного маркетинга: в этой сфере развёртывание рассказа в соответствующих целях называют сторителлингом. Storytelling – это текст, предусматривающий, с точки зрения коммуникативной прагматики, разного рода интенциональные составляющие.

С позиций судебной лингвистики, нарратив может быть, к примеру, побуждающим к действию, убеждающим (и пропагандирующим), сообщающим (и информирующим) и др. Рассмотрим *landing page* для Apple iPhone XR как текст в широком понимании (нечто, воспринимаемое субъектом как осмысленная связная последовательность знаков, нечто, могущее быть осмысленным таковым [5, с. 429]) – он побуждает приобрести iPhone XR, пусть и без императивов *купи, приобрети* (современного читателя-покупателя не завлечь с помощью прямых номинаций – он *слишком умён*, что понимают (или изображают псевдопонима-

ние) сторителлеры, вступая в коммуникацию с читателем): с потенциальным покупателем беседуют на вы, используя эллиптические конструкции настоящего времени (*Улучшенный Face ID. Теперь у* ***вас*** *есть пароль, который надёжно защитит* ***ваши*** *личные данные. Это* ***ваше*** *лицо*), приёмы гиперболизации (*Это* ***очень надёжная*** *технология распознавания лица, и теперь она работает* ***ещё быстрее****… Передовые технологии позволили добиться* ***невероятно глубокого, насыщенного цвета*** *задней панели из стекла… Это* ***самый умный и мощный*** *процессор iPhone с системой Neural Engine* ***нового поколения***). Объект представлен в выгодном свете – присутствует его прямое наименование и положительное к нему отношение нарратора; кроме того, приводится масса причин (облечённых в позитивные качества устройства), по которым читатель-покупатель должен стать обладателем (=должен захотеть стать обладателем) iPhone XR. Таким образом, путём интент-анализа установлено коммуникативное намерение – побуждение к приобретению устройства [6].

Кроме рекламных нарративов особое распространение приобрели нарративы информативные (например, посты блогеров в Инстаграме) и нарративы пропагандистские. Отметим, что конкретно квалифицировать разновидность медийного нарратива практически невозможно: формы смешиваются между собой, зачастую образуя коллаборацию нарративных жанров.

Нарративная форма текстов способствует их несложному восприятию, поскольку, как показывают психологические исследования, для человека свойственно организовывать опыт с помощью нарративных моделей. Кроме этого, нарративная форма активирует нарративное воображение – читатель не просто узнаёт о событиях, но представляет их [9, с. 143].

Однако публицистические нарративы оказывают воздействие на читателя только тогда, когда читатель уверен, что перед ним не вымышленная история, а действительно пережитая автором [10].

В нарратологии считается, что не все темы могут быть изложены нарративно: спорт, преступление, катастрофа, война, биография обладают наибольшим нарративным потенциалом [4].

В связи с нарастающей популярностью Телеграм-нарративов нам хотелось бы привлечь внимание научного и правоприменительного сообщества именно к ним. Отметим, что мы не берёмся судить о верности высказываний, касающихся полного отсутствия фильтрации (цензурирования?) информации, преподносящейся с помощью этого ресурса – всего лишь рассмотрим один из примеров без претензий на полноценный лингвистический анализ *всего* текстового составляющего.

В Телеграме около года функционирует канал, на котором публикуются дневниковые записи обыденной жизни наркозависимого молодого человека: начиная описанием внутренних переживаний автора и заканчивая информацией об употреблении наркотиков. Повествование разворачивается вокруг нескольких

персонажей, являющихся, по-видимому, партнёрами автора по образу жизни. Некоторые персонажи умирают от передозировок, некоторые – выступают наставниками автора. Мы полагаем, что читателем канала может стать каждый русскоязычный житель России и других стран, в которых доступно скачивание мобильного приложения.

Обычно пользователи узнают о тематических аккаунтах из рекламных объявлений на других аккаунтах или вовсе из других социальных сетей или интернет-СМИ.

У рассматриваемого канала на момент написания этой статьи около девяти тысяч подписчиков, количество просмотров записей достигает свыше двадцати тысяч. Количество просмотров увеличивается после прочтения на самом канале, в результате репостов пользователей в другие каналы или пересылок

Если выборочно анализировать записи канала по тем вопросам, которые ставят перед лингвистами-экспертами судьи или следователи, то налицо практически все лингвистические признаки пропаганды наркотиков, обычно включаемые в постановление или определение о назначении экспертизы.

В процессе экспертного исследования устанавливаются признаки, указанные в ст. 46 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах». В силу указанной нормы для установления факта пропаганды наркотических средств, за которую статьёй 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность, требуется, чтобы действия правонарушителя были направлены на распространение сведений:

1) о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств (*[фото вещества] Вот этого количества, по моему мнению, достаточно на один нормальный вечер; Одним <наименование вещества Z> мне не стоит догоняться (по носу) более двух раз и превышать первую дозу более, чем на 30 %. Один догон гарантированно усилит эффект первой дозы, а третий и дальше – только усугубят побочки и продлят отхода)*;

2) о местах приобретения наркотических средств (Это из <*наименование магазина>, лучший, по моему мнению, <наименование вещества X>, что я на сей день пробовал… [ссылка на интернет-магазин] [цены в соответствии с весом] …Всё на магнитах и в тайниках, в основном, в центре…*);

3) о способах и местах культивирования наркосодержащих растений; 4) о преимуществах в использовании отдельных наркотических средств (*Главное отличие <наименование вещества X> от <наименование вещества У> - можно заснуть сразу после того, как кончилось действие дозы. Ни ломки, как от <наименование вещества Z>, ни депривации сна*).

Некоторые законы субъектов Российской Федерации запрещают также распространение сведений об описании состояния наркотического и токсического опьянения (…*Потом мягкое ощущение расползается в груди, а все плохие чувства*

стираются, как карандаш ластиком. Плевать на <наименование вещества Z>, на всё вообще…; Эффект похож на первые школьные отношения…) [1].

Но являются ли перечисленные признаки составляющими *пропаганды наркотиков*? Само по себе понятие не совсем корректно – довольно странно пропагандировать какое-то вещество. То, что называется в юридическом дискурсе пропагандой наркотиков по своей сути является их *рекламой*. Представляется необходимым ввести более уместное понятие для наименования реалии – *пропаганда наркотического образа жизни*. Какие именно юридические признаки относить к рекламе наркотиков, а какие – к пропаганде наркотического образа жизни – компетенция законодателя и юриста. Мы остановимся на анализе публицистического нарратива на наличие лингвистических признаков распространения идей образа жизни наркозависимых.

С функционально-стилистической точки зрения текст определяется как публицистический, однако автор разворачивает повествование, свойственное художественному стилю русскому языка, используя приёмы и средства образности и эмоциональности. Тексты характеризуются яркой индивидуальностью образа автора, глубокой метафоричностью, богатой синонимикой, многозначностью, разнообразием лексики (в том числе соответствующей жаргонной) [8, с. 594–596].

В нарративе повествование разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счёте, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой» [3].

Исследуемые тексты – небольшие рассказы о событиях в жизни автора и его партнёров, связанных с наркотическим образом жизни. Автор имплицитно (не вербализуя) провозглашает себя нарратором.

Подача информации сопровождается подробными описаниями обстановок для создания «эффекта присутствия» (ощущение пространства, указание на мелочи: *столовую ложку*, а не чайную); описание запахов; описание действий (*… потом делю порошок пополам на две кучки… черчу треки…*); ощущений (*перестаю чувствовать в ушах эйр-подс, трижды ошибаюсь в числах пароля айфона…*).

Гипотетически анализ текста через нарративные закономерности и данные филологической науки мы можем адаптировать для судебно-лингвистической оценки спорного текста. Назовём этот метод **анализом спорного нарратива**.

Мы допускаем, что наша случайная выборка может быть нерепрезентативной и, вероятно, не приведёт к объективным результатам, требуемым в судопроизводстве. Наша же цель сейчас – **проверить целесообразность нового метода, определить его инструментарий и очертить вероятные перспективы его развития, а также использования в судопроизводстве**.

Для начала устанавливаем основополагающие признаки нарратива в тексте:

1) описание событий происходит в определённом нарратором порядке, как правило, в хронологической последовательности: истории представляют рассказы о жизни автора. Частотны высказывания автора о том, как его жизни вредит наркозависимость, как он рационализирует приём наркотиков, чтобы не наступили тяжёлые последствия;

2) соответствие актантной модели А.Ж. Греймаса [2, с. 153-170]:

объект (наркотики) - субъект (лирический герой и его партнёры),

адресат (риторический аспект исследования – читатели) – адресант (нарратор),

помощники (партнёры, иногда – дилеры) – оппонент (в данном случае полифоничен – это общество и отдельные его представители, а также иногда – сама наркозависимость);

3) в тексте устанавливаются тематические силы (учитывается лишь то, что эксплицировано): зависимость лирического героя от наркотиков, одержимость наркотиками, желание употреблять наркотики и совмещать наркозависимость с нормальной жизнью);

4) анализируем композицию нарратива: тексты позиционируются как посты на канале в Телеграме, их композиция соответствует дневниковым интернет-постам, где есть – утрируем – а) событие и б) авторские переживания по поводу события. Мы не осуществляем полного исследования композиции, поскольку анализируем лишь случайно выбранные посты;

5) Присутствует установка на адресата-читателя (нарратор использует языковые игры, создание «эффекта присутствия», сотрудничество с читателем, «душеизливание», апелляция к читательской жалости);

6) В дополнение находим соответствие коммуникативно-функциональной модели (по Р.О. Якобсону):

СМЫСЛ

Референтивная функция: нарратор передаёт читателю смыслы того, чем является его жизнь в сообществе наркоманов, романтизирует её, указывает на life hacking, которые помогают справиться с ломками и другими побочными эффектами наркомании.

СООБЩЕНИЕ

Эстетическую функцию выполняет особенность подачи материала – в виде нарратива, сотрудничающего с читателем, делящимся с ним переживаниями и идеями. Форма – посты в Телеграме, где вроде бы каждый может свободно реализовать своё право слова.

КОММУНИКАНТ

Эмотивная функция находит отражение в специфичности повествования – это нарратив-мнение нарратора (модальные рамки мнения встречаются почти в каждом посте).

КОНТАКТ

Фатическая функция осуществляется с помощью разворачивания нарратива, употребления обыденных для целевого читателя лексических (просторечий, жаргонизмов) и грамматических (упрощения слов, доступный синтаксис) средств.

КОД

Метаязыковая функция: нарратор в доступной форме на русском языке объясняет реалии наркозависимых людей на основе своего жизненного опыта, используя наиболее доступный современному читателю ресурс – мобильное приложение.

РЕЦИПИЕНТ

Конативная функция заключается в воздействии на адресата (читателя), привлечения его внимания к проблемам современных наркозависимых граждан. Ссылки на интернет-магазины публикуются при предположении, что читатель по ним перейдёт (логично, что иначе бы они не публиковались, – интенция автора легко устанавливается).

Следующим шагом определим нарративную модальность. Определить модальность — значит определить отношение нарратора к повествуемой истории. Известный лингвист-нарратолог В. И. Тюпа предлагает следующую классификацию нарративной модальности:

1. нейтрального знания;
2. авторитарного убеждения;
3. частного мнения «ненадёжного нарратора» (Уэйн Бут);
4. понимания (постигания, вникания), которое в отличие от мнения не субъективно, хотя и не может быть нейтрально объективным, оно – интерсубъективно.

Дело в том, что важнейшим компонентом пропагандистского текста или, переходя к лингвопрагматической терминологии, речевого акта пропаганды является иллокутивная сила убеждения. Иными словами, **для признания тек-**

ста пропагандистским с точки зрения лингвистического анализа нам необходимо установить коммуникативное намерение автора, заключающееся в убеждении читателей в том, что образ жизни наркомана *лучше и привлекательнее*.

Учитывая, что экспертным анализом спорный текст лингвистически квалифицирован как нарратив, полагаем, необходимо описать его модальность с помощью инструментария, предложенного В.И. Тюпой [8].

В целях судебно-лингвистического анализа по причине уникальности спорного объекта (публицистический нарратив) необходимо дополнить перечень модальностей обычным мнением, поскольку теория «ненадёжного нарратора» применима к текстам несколько другого порядка (чаще всего – романам, сказкам), а адаптируя методы исследования чисто художественных текстов к текстам, подобным нашему (функционально – со смешением стилей, структурно – нарратив), проблемы экстраполяции методического аппарата нужно учитывать прежде всего.

Авторский нарратив в форме дневниковых записей преподносится в модальности мнения. По словам В.И. Тюпы, «нарративная модальность мнения предполагает противоположную знанию, очевидным образом персонифицированную позицию фактической или, по крайней мере, эмоционально-волевой (ценностной) поглощенности течением событий» [8]. Автор нашего Телеграм-нарратива сообщает свою версию («кажимость») излагаемой истории.

В результате нами установлено отсутствие компонента убеждения на уровне нарративного анализа, однако ранее в тексте была обнаружена эксплицированная информация о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, о местах приобретения наркотических средств, о преимуществах в использовании отдельных наркотических средств, об описании состояния наркотического и токсического опьянения. (Из них в классическое понятие пропаганды могут входить разве что высказывания о преимуществах в использовании отдельных наркотических средств и положительные описании состояния наркотического и токсического опьянения.)

Таким образом, те записи, которые были нами изучены, не несут в себе языковых признаков пропаганды наркотического образа жизни. Однако, это умозаключение оставляет перспективу для полноценного лингвистического исследования всех записей канала с целью установления иллокутивной силы убеждения читателя на основе всего массива данных, ведь всесторонность и полнота анализа являются гарантом относимости, допустимости и достоверности судебно-экспертного заключения как доказательства в судебном процессе.

Подводя итог, отметим, что при должном подходе и грамотном использовании метод анализа спорного нарратива учитывает жанрово-композиционные особенности текста, коммуникативно-функциональную модель, реализуемую автором, а также сюжетный анализ, выступая достойным дополнением линг-

вопрагматического метода исследования при определении модальности текста и коммуникативного намерения его автора. Полагаем, исследование нарратива должно стать традиционным при судебно-экспертной квалификации спорных поликодовых текстов из-за доступности его инструментов и объективности результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статья 14 Закона Нижегородской области от 28.03.2002 № 16-З «О профилактике наркомании и токсикомании» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: http://docs.cntd.ru/document/944914714 (дата обращения: 21.02.2019).
2. Альгирдас-Жульен Греймас «Рассуждения об актантных моделях» Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 153–170.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
4. Бозрикова С.А. Нарративная журналистика. [Электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/FK4f2 (дата обращения: 10.02.2019).
5. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с. С. 429.
6. Романова Т.В. Интент-анализ политического дискурса. [Электронный ресурс] // E-library. URL: https://clck.ru/FK4fs (дата обращения: 18.02.2019).
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – 2-е изд., испр. и доп. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
8. Тюпа В.И. Что такое нарративная модальность? [Электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/FK4u3 (дата обращения: 13.02.2019).
9. Sharp L. McGaffey. Creative Nonfiction Illuminated: Cross-Disciplinary Spotlights. Ph.D. dissertation, The University Of Arizona, 2009. [Электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/FK4eW (дата обращения: 10.02.2019).
10. Whitt, J. Awakening a social conscience: the study of novels in journalism education // Asia Pacific Media Educator, Issue № 18, 2007, p. 86. [Электронный ресурс] // URL: https://clck.ru/FK4fM (дата обращения: 10.02.2019).

Analysis of the narrative in the forensic linguistic research of polycode Internet texts

E.S. Moshtyleva

Lobachevsky University (Russia, Nizhniy Novgorod)
emoshtyleva@gmail.com

The author proposes a new method of forensic linguistics. It is not described in scientific works yet. The purpose of the article is to test the feasibility of the method, the definition of tools and the likely prospects for its development, as well as use in legal proceedings. The author offers instruments for realization the method of analyzing a narrative and presents it using the example of a creolized Telegram text.

Keywords: forensic linguistics, analysis of a narrative, narrative, narratology, journalistic narrative, polycode text, Telegram text.

СУДЕБНОЕ РЕЧЕВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУДЕБНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Т.М. Надеина, Е.А. Чубина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

tanadeina@yandex.ru, chubina@mail.ru

В статье показано, что предметная область судебного речеведения определяется совокупностью специальных знаний, позволяющих выявлять лингвистические признаки, имеющие доказательственное значение для судопроизводства, основанные на достоверных научных фактах и полученные с использованием верифицируемых экспертных методик, тогда как компоненты предметной области юридической лингвистики входят в предметную область соответствующего раздела внешнего языкознания.

Ключевые слова: предметная область, судебное речеведение, лингво-правовая компетенция, юридическая лингвистика.

Идея написать статью и проанализировать в ней ряд вопросов, касающихся научно-методологической основы судебных лингвистических экспертиз, возникла как реакция на появившиеся рассуждения о том, что «вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованщине» [1, с.19].

Оставив в стороне вопросы экспертной этики, поясним, что реализуемая в Институте судебных экспертиз методическая система формирования профессиональной компетенции, необходимой эксперту для проведения судебных лингвистических исследований, как схема может быть представлена следующим образом: с опорой на знания, умения и навыки в области судебной экспертологии, в области лингвистики (особо – прикладных ее направлений), в области юриспруденции происходит формирование компетенций, имеющих интегрированную природу, в том числе – формирование лингво-правовой компетенции, понимаемой нами как способность исследователя толковать речевой продукт в категориях не только языкового, но и правового кода. Полагаем верным именно дефисное написание термина «лингво-правовая компетенция», поскольку подчеркиваем интеграцию двух равноправных наук – лингвистики и юриспруденции, следовательно, говорим о сочинительной, а не подчинительной связи.

Наличие у эксперта лингво-правовой компетенции позволяет ему с опорой на свои лингвистические знания устанавливать именно те факты и обстоятельства, которые будут иметь значение для суда. Например, в процессе диагностики признаков недостоверных высказываний в рекламном тексте эксперт с опорой

на свои лингвистические знания устанавливает высказывания в форме утверждений о факте (и только так), понимая при этом, что последующая верификация содержащихся в них сведений – это задача не эксперта, а правоприменителя.

В процессе формирования лингво-правовой компетенции особое место занимает судебное речеведение.

Судебное речеведение – сравнительно новое научно-практическое направление, которое «интегрирует систему разнородных междисциплинарных знаний, включая методологию общей теории судебной экспертизы, теорию криминалистической идентификации и диагностики, навыки использования специальных экспертных методик и умение работать со специальным экспертным инструментарием, специально разработанным или приспособленном, запрограммированном для приложения в целях решения конкретных экспертных задач» [2, с. 689]. Методологической основой судебного речеведения является теория криминалистики и судебной экспертологии.

Термин «речеведение» выбран для обозначения данного направления не случайно. Он получил распространение в России в середине XX века как обобщенное название исследований в области речевой деятельности и первоначально охватывал сферу педагогики и функциональной стилистики, а с середины 80-х годов начал активно использоваться в сфере речевых технологий, ориентированных на решение задач автоматического распознавания и синтеза речи. «Термин “речеведение” охватывает всю систему речи в целом, а не только сторону, связанную с тем, как передается лингвистическая информация посредством акустической волны < …> Отправным пунктом для речеведа является индивид, его состояние, причины, побудившие его к общению, а также все приемы, способы, которыми он пользуется в акте коммуникации» [3, с. 4].

Объектом речеведения в широком понимании термина является речевое поведение человека под действием различных факторов, комплекс его речевых навыков в области устной и письменной речи, а также механизмы восприятия речи.

Цель судебного речеведения – разработка единой методологической основы для использования продуктов речевой деятельности как доказательств в судопроизводстве, а также для оценки достоверности результатов речеведческих исследований. «Доказательственная информация, полученная в результате проведения судебных экспертиз, дает возможность быстро и обоснованно выносить решения при рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел» [2, с. 689].

При этом необходимо различать судебное речеведение как научную дисциплину и судебно-экспертную деятельность (производство судебных речеведческих экспертиз), научно-методологическую базу которой и образует судебное речеведение (рис.1).

Рис. 1.

Объектом судебного речеведения являются научно-методологические подходы к извлечению доказательственной информации при исследовании продуктов речевой деятельности в интересах судопроизводства.

Объектом судебных речеведческих экспертиз являются продукты речевой деятельности – устные и письменные тексты, вовлекаемые в сферу судопроизводства [2, с. 692], зафиксированные на любом материальном носителе и используемые в судопроизводстве в качестве источников доказательств. Такие продукты рассматриваются как речевые следы, подлежащие экспертному исследованию.

Предметная область судебного речеведения, как уже говорилось, определяется широким кругом практических задач судопроизводства. Лингвистический анализ, как отмечает Е.И. Галяшина, за последние 20 лет прочно вошел в практику судопроизводства не только в целях криминалистической идентификации и диагностики личности говорящего по фонограммам голоса и речи, установления автора спорного, анонимного или псевдоанонимного текста, но и для выявления всевозможных фальсификаций и мистификаций речевых произведений, выявления признаков монтажа, установления личностных характеристик говорящего или пишущего в момент речи, условий и обстоятельств речевой коммуникации в момент порождения речи и др. [2, с. 690].

В систематизированном виде всё многообразие проблем, при решении которых требуются речеведческие знания, представлено как одно из направлений судебно-экспертной деятельности, где выделен самостоятельный класс речеведческих экспертиз, включающий такие роды экспертиз, как автороведческая, лингвистическая и фоноскопическая экспертизы [4].

Цель автороведческих экспертиз – установление факта авторства текста (не только письменных произведений, печатных документов, но и компьютерных программ, фонограмм звучащих текстов, научных разработок). Автороведческая экспертиза нередко назначается в случае отказа в судебном заседании обвиняемого от так называемого чистосердечного признания, данного в рамках дознания или предварительного следствия, когда свидетель, обвиняемый отказывается от авторства ранее данных показаний, утверждая, что они даны с «чужих слов», а также в случае уголовно-правового преследования за такие преступления, как нарушение авторских и смежных прав, публичные призывы к экстремисткой деятельности, возбуждение ненависти и вражды, а равно

унижение человеческого достоинства, а также незаконное распространение порнографических материалов или предметов, клевета, оскорбление, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, когда автор и исполнитель устного или письменного сообщения, составляющего объективную сторону преступления, разные лица, при том что автор неизвестен (анонимен, выступает под псевдонимом или от имени другого лица) и подлежит установлению.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании и судебном речеведении. В общем виде задачи лингвистических экспертиз сводятся к толкованию и разъяснению значений слов, словосочетаний, фразеологических выражений; выявлению их коннотативных значений; исследованию текста с целью определения его целевой направленности; исследованию товарных знаков, словесных обозначений, девизов, слоганов, рекламных текстов, коммерческих, фирменных наименований на предмет их тождественности или сходности до степени смешения с другими обозначениями и др. [5].

Судебная фоноскопическая экспертиза проводится в целях установления личности говорящего по признакам голоса и речи, записанной на фонограмме, выявления признаков стирания, копирования, монтажа и иных изменений, привнесенных в фонограмму в процессе или после окончания звукозаписи, определения условий, обстоятельств, средств и материалов звукозаписи, а также иных фактов, имеющих значение судебных доказательств. К числу основных задач фоноскопической экспертизы относятся идентификация и диагностика человека по голосу, а также отождествление звуко- и видеозаписывающей аппаратуры. К задачам, требующим наличия лингвистических знаний, относятся ответы на вопросы об особенностях коммуникативной ситуации, о типе взаимодействия коммуникантов, теме разговора, половозрастных характеристиках участников разговора, месте жительства, уровне образования и речевой культуре, роде деятельности, профессии, месте длительного проживания и т.п.

Как видим, предметная область речеведческих экспертиз разнородна, однако общим и основным для всех видов (родов) является наличие специальных знаний, касающихся, прежде всего, умений выявлять лингвистические признаки, имеющие доказательственное значение для судопроизводства, основанные на достоверных научных фактах и полученные с использованием верифицируемых экспертных методик. Помимо этого, к числу специальных относятся знания судебных процедур, а также принципов проведения экспертного исследования и подготовки экспертного заключения. Перечисленные специальные знания и составляют в основном предметную область судебного речеведения.

Принципиальное отличие судебного речеведения от других направлений исследования лингвоправового пространства, в частности от юридической линг-

вистики, состоит в разнице их объектов, предметных областей и методологии.

Объектом изучения юридической лингвистики является юридический дискурс в целом и его различные подвиды, выделяемые в соответствии с видами деятельности сферы юриспруденции (законотворческой, интерпретационной, правоприменительной, судебной и т.д.). Предметная область юридической лингвистики, определяемая различными подвидами дискурса, включает следующие аспекты:

1) изучение и установление языковых норм в правоведении, разработка стилистических предписаний к правовым текстам, а также языковых требований к составлению официальных документов (включая нормативно-правовые акты и иные документы, исходящие от государственных и негосударственных учреждений и должностных лиц) и т.п.;

2) изучение судебных речей, риторических приемов и приемов аргументации, ораторское мастерство, манипулятивные техники;

3) толкование законов и правовых норм, исследование языковых закономерностей и внеязыковых критериев, позволяющих истолковать текст;

4) изучение юридической терминологии, разработка требований к юридическим терминам и законодательным дефинициям, в частности, в связи с критериями понятности и однозначности;

5) юридический перевод, критерии его аутентичности, эквивалентности и адекватности;

6) лингвистические экспертизы.

Как можно заметить, каждый из перечисленных аспектов, в свою очередь, входит в предметную область какого-либо раздела внешнего языкознания. Первое направление непосредственно связано со стилистикой, второе – с риторикой, третье – с когнитивной лингвистикой, четвертое – с терминоведением, пятое – с переводоведением. Каждая из указанных языковедческих дисциплин имеет собственный научно-методологический аппарат.

Исключение составляет шестое направление – лингвистические экспертизы. В языкознании соответствующий специальный раздел отсутствует, поскольку квалифицированное проведение лингвистических экспертиз требует интеграции знаний из всех разделов языкознания и, соответственно, использования разнообразных методов исследования. Кроме того, объектом лингвистических экспертиз может служить любой дискурс, а не только юридический. Да и предмет экспертного исследования определяется его целью и задачами, которые характеризуются большим разнообразием. Отсюда следует, что лингвистические экспертизы являются особой областью исследований, которая существенно отличается от других направлений юридической лингвистики и требует наличия специальных знаний.

Таким образом, результаты проведенного нами исследования дают основание сделать вывод о том, что предметные области юридической лингвистики

и судебного речеведения существенно отличаются друг от друга. Предметная область юридической лингвистики определяется видами профессиональной деятельности юристов. Предметная область судебного речеведения не ограничивается применением различного рода лингвистических знаний, а требует привлечения специальных методологических знаний.

Тот факт, что эти области пересекаются в сфере экспертной лингвистической деятельности, вовсе не означает, что судебное речеведение представляет собой часть юридической лингвистики, как это принято в российской традиции. Скорее наоборот, юридическая лингвистика является периферией судебного речеведения, как это фактически признано в западной традиции, где ядро forensic linguistics образует именно судебно-экспертная деятельность.

В юридической лингвистике (при всем разнообразии ее предметной области) используются главным образом лингвистические методы исследования речевого материала, в то время как в судебном речеведении (при всем многообразии объектов исследования) лингвистические методы применяются в неразрывном единстве с методами судебной экспертологии, вследствие чего результаты лингвистического анализа приобретают доказательственное значение. Осознание такого различия является важным фактором повышения качества лингвистических экспертиз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2017. Т.16. №2. С. 18–27
2. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения // Лингвистическая полифония. Сборник статей в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой. М.: Языки славянских культур. 2007. С. 688–709.
3. Златоустова Л.В., Потапова Р.К., Трунин-Донской В.Н. Общая и прикладная фонетика. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1986. 304 с.
4. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, 2011. 736 с.
5. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. Теория и практика, типичные вопросы и нестандартные ситуации. М.: Проспект, 2010. 464 с.

Trial speechtheory as a scientific and methodological basis of judicial linguistic examinations

T.M. Nadeina, E.A. Chubina

Kutafin Moscow State Law University, Moscow
tanadeina@yandex.ru, chubina@mail.ru

In the article is approved that the subject area of legal linguistics in Russia is determined by the types of professional activity of lawyers, but the subject area of trial speech theory– by a set of specialized knowledge, allowing to identify linguistic features of evidentiary value for legal proceedings, based on reliable scientific facts and obtained using verified expert techniques.

Keywords: forensic linguistics; judicial linguistics; legal linguistics; trial speech theory.

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЕЁ ВОЗМОЖНОСТИ

О.А. Нестерова

ЭКО СУ СК РФ по Нижегородской обл. (Россия, Нижний Новгород)
expert_sk_nn@mail.ru

Статья посвящена теоретическому обзору разновидностей судебной лингвистической экспертизы, их целям и задачам. Особое внимание уделяется собственно лингвистической экспертизе и её возможностям.

Ключевые слова: лингвокриминалистика, судебная автороведческая экспертиза, судебная психолого-лингвистическая экспертиза, судебная лингвистическая экспертиза.

Прежде, чем начинать разговор о судебной лингвистической экспертизе и её видах, следует уделить внимание её понятийному аппарату. Почему? Довольно часто на практике эксперт-лингвист сталкивается с тем, что следователь или судья, вынося постановление о проведении судебной лингвистической экспертизы, ставят на разрешение эксперта вопросы, совершенно не подходящие: некоторые формулировки взяты из нормативных актов (Уголовного кодекса или Кодекса об административных правонарушениях); другие, видимо, сформулированы стороной защиты самостоятельно, без предварительной консультации со специалистом; зачастую перед экспертом ставятся вопросы и вовсе из смежных областей, выходящие за рамки его компетенции. Всё это делает работу эксперта невозможной, негативно сказываясь на дальнейшем расследовании уголовных дел.

Причина, скорее всего, кроется в отсутствии чёткого понимания у участников уголовного судопроизводства предмета судебной лингвистической экспертизы, а также разграничения её разновидностей. Путаница в подвидах экспертизы порождает таковую в целях и задачах назначаемого исследования, что, в свою очередь, приводит к озвученной выше проблеме. Поэтому нам представляется целесообразным посвятить данную статью теоретическим основам данной предметной области.

Лингвистика – фундаментальная наука о языке. Как и любая другая наука, она прошла длинный путь развития и со временем дала начало новым, более узкоспециальным областям. Так, в её рамках выделилась особая прикладная область – лингвокриминалистика (некоторые специалисты придерживаются терминов «юрислингвистика» или «судебное речеведение»; в настоящее время принято считать данные термины синонимичными). На текущем этапе своего развития лингвокриминалистика является самостоятельной прикладной наукой о производстве судебной лингвистической экспертизы.

С течением времени в её пределах сформировалось и дифференцировалось три узкоспециальных направления, которые различаются по предмету исследования и инструментарию: судебная автороведческая, психолого-лингвистическая и собственно лингвистическая экспертизы. Конкретизируем цели и задачи каждого вида исследования.

Судебная автороведческая экспертиза занимается исследованием анонимных письменных текстов и решает две основных задачи. Первая – идентификационная: в её рамках от эксперта требуется установить авторство анонимного (спорного) текста, сравнив его с образцами текстов подозреваемого, и сделать вывод, одним лицом они написаны или разными. Вторая задача – диагностическая: решая её, эксперт по анонимному тексту определяет основные индивидуализирующие характеристики автора (такие, как, например, пол, возраст, уровень образования, регион происхождения и т.п.), помогая тем самым следствию сузить круг подозреваемых в совершении правонарушения лиц. Стоит оговориться, что выводы диагностического экспертного исследования всегда носят вероятностный характер, а объём «перечня» индивидуально-личностных характеристик автора напрямую коррелирует с объёмом и «насыщенностью» спорного текста, предоставленного на исследование.

Психолого-лингвистическая экспертиза – сравнительно новый вид лингвистической экспертизы, но, по нашим наблюдениям, с каждым годом становящийся всё более востребованным в судебно-следственной практике. Данная разновидность экспертного исследования является комплексной и проводится двумя специалистами: лингвистом и психологом. Психолого-лингвистическая экспертиза, таким образом, направлена на исследование смежных, междисциплинарных вопросов, касающихся выявления пропаганды, мотивации, намерений и целеустановок человека, внутренней позиции автора и т.п. Обязательно назначение данного вида экспертизы при расследовании дел экстремистской направленности и дел об оскорблении личности.

В данной статье мы более подробно остановимся на рассмотрении третьего вида экспертизы – собственно лингвистической. Судебная лингвистическая экспертиза посвящена исследованию текста с целью выявления его смысла. В системе Следственного комитета РФ её производство регламентируется типовой методикой судебной лингвистической экспертизы [1], которая была разра-

ботана авторским коллективом ЭКЦ МВД России и внедрена в практику экспертным сообществом в большинстве регионов нашей страны.

Среди объектов лингвистической экспертизы выделяют устные и письменные тексты, различающиеся по форме и жанровой принадлежности: выступления на митингах, интервью, телефонные переговоры; беседы и отдельные высказывания, записанные на какой-либо носитель информации; рукописи, статьи, книги, брошюры, листовки, баннеры, сообщения в блогах и на форумах, надписи, субтитры к видеоряду фильма и т.п. – инструментарий лингвистической экспертизы достаточно богат и вариативен для полноценного, всестороннего анализа таких разнообразных объектов исследования.

При производстве лингвистической экспертизы текст может исследоваться в различных аспектах, и это связано с разнообразием возбуждаемых органами следствия уголовных дел: дела о клевете, защите чести, достоинства и деловой репутации, соучастии в преступлении, незаконном сбыте или производстве наркотиков, шантаже, взятке, дела экстремистской направленности и т.д.

Вслед за подобным «жанровым разнообразием» в сфере уголовного судопроизводства аспекты исследования текста в рамках лингвистической экспертизы также варьируются. Основными из них являются следующие:

– анализ текста как носителя информации о событиях и ситуациях;
– анализ текста как носителя оценочных характеристик лица или группы лиц либо их действий;
– анализ текста как речевого акта.

Остановимся подробнее на каждом аспекте.

Если говорить об анализе текста как носителя информации о событиях и ситуациях, то в эту категорию экспертных задач входит решение таких типовых вопросов, как установление наличия речевой маскировки и её дешифровка, выявление денотативного компонента значения слов, составляющих спорные высказывания. Как правило, эту группу составляют расследуемые уголовные дела о даче взятки либо сбыте наркотических веществ. Формулировки вопросов из типовой методики будут выглядеть следующим образом [1]:

1) «Имеются ли в тексте, предоставленном на исследование, признаки маскировки его содержательных элементов? Если да, то можно ли определить значения скрытых элементов текста либо их характеристики?» (речевая маскировка);

2) «Идёт ли в предоставленном на исследование разговоре речь о передаче денежных средств от одного собеседника другому? Каковы речевые указания на предназначение этих денежных средств?» (получение взятки);

3) «Идёт ли в предоставленном на исследование разговоре речь о сбыте наркотических средств?» (сбыт наркотиков).

Вторая группа вопросов, связанная с анализом текста как носителя оценочных характеристик лица или группы лиц либо их действий, – самая широко

представленная, поскольку оценочность может присутствовать практически в каждом тексте. В эту категорию входит анализ текстов, являющихся вещественными доказательствами в делах экстремистской направленности, а также делах, связанных с клеветой и оскорблением. Формулировки релевантных вопросов следующие:

1) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте высказывания, в которых негативно оценивается человек или группа лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо иной группе?» (экстремизм);

2) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте выраженные языковыми средствами негативные сведения о действиях представителей отдельных рас, наций, народностей, религий или иных групп?» (экстремизм);

3) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте высказывания, содержащие положительную оценку враждебных действий одной группы лиц по отношению к другой группе лиц, объединённых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо иной группе?» (экстремизм);

4) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте высказывания, в которых в данной коммуникативной ситуации негативной оценивается гр. X?» (оскорбление);

5) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте высказывания, в которых получили речевое выражение какие-либо факты действительности или положение дел, имеющие отношение к гр. X и выражающие негативную оценку его деятельности?» (клевета).

Третий аспект исследования составляют вопросы, связанные с выявлением ролей и функций собеседников, волеизъявления, признаков угрозы, побуждения, призыва к каким-либо действиям:

1) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте признаки вербальной агрессии в форме угрозы?» (угрозы, шантаж, вымогательство, принуждение);

2) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте признаки побуждения к каким-либо действиям? Если да, то каковы роли и функции собеседников в представленной речевой ситуации?» (призывы, пропаганда, подстрекательство, провокация, вовлечение, склонение, вымогательство);

3) «Имеются ли в предоставленном на исследование тексте высказывания побудительного характера, призывающие к враждебным действиям одну группу лиц по отношению к другой группе лиц, объединённых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также по принадлежности к какой-либо иной группе?» (экстремизм).

Стоит отметить, что типовая методика судебной лингвистической экспертизы универсальна, а её вопросы составлены так, что охватывают бóльшую часть

нюансов, интересующих следствие и имеющих доказательственное значение для установления истины. Однако не стоит забывать, что каждое расследуемое дело уникально, и периодически участников уголовного судопроизводства интересует возможность постановки иных, нетиповых вопросов, отсутствующих в предлагаемом методическими рекомендациями списке. К счастью, судебная лингвистика располагает вариативным, многофункциональным инструментарием для решения самых нетривиальных задач и всегда готова протянуть следствию руку помощи!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Типовая методика судебной лингвистической экспертизы / Гримайло Е.А. [и др.]. М.: ЭКЦ МВД России, 2009.

Forensic linguistic expertise and its application

O.A. Nesterova

Forensic Science dept., Investigation dept. of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Nizhny Novgorod region (Russia, Nizhny Novgorod)
expert_sk_nn@mail.ru

The article is devoted to the theoretical review of varieties of forensic linguistic expertise, their aims and objectives. Special attention is paid to linguistic expertise and its instruments.

Keywords: linguistic criminalistics, forensic author study expertise, forensic psycholinguistic expertise, forensic linguistic expertise.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ПРАВИЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДА ПИСЬМЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ

Л.Б. Обидина

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
lobidina@mail.ru

В статье предлагается ввести новый вид лингвистической экспертизы – экспертизы правильности перевода; рассматривается объект, предмет и задачи экспертной оценки правильности перевода письменных документов и процессуальных актов.

Ключевые слова: экспертиза, судопроизводство, перевод, эксперт (специалист) - переводчик, процессуальные акты, приговор суда.

Научные исследования в области переводческой деятельности, связанной с судопроизводством, за период последних десяти – пятнадцати лет выявили ряд новых проблемных вопросов. Среди них одним из актуальных представляется проблема качества судебного перевода, содержащая в свою очередь много интересных аспектов, к числу которых относится экспертная проверка правильности перевода, выполненного по конкретному судебному делу. В первую очередь это

относится, конечно, к письменному переводу документов, показаний участников судопроизводства, а также процессуальных актов (решений) органов судопроизводства. Хотя в условиях ведения аудио-видео записи следственных и судебных действий и сохранения в качестве приложений к протоколам этих действий соответствующих носителей, проверка правильности выполненного устного перевода может осуществляться путем прослушивания (просмотра) данных записей.

Практика показывает, что суды привлекают переводчиков к участию в деле не только для обеспечения коммуникации между сторонами и участником, не владеющим (недостаточно владеющим) языком, на котором ведется судопроизводство, то есть для реализации своей непосредственной функции, а для того, чтобы дать оценку правильности письменного перевода материалов данного дела, выполненного на предыдущих стадиях производства по делу. Один из таких примеров отмечен нами в публикациях [1].

Речь идет о случае привлечения переводчика N. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 307 УК РФ за заведомо неправильный перевод. Деяние заключалось в том, что при переводе с русского на грузинской язык двух процессуальных актов предварительного расследования – постановления о привлечении в качестве обвиняемого гр-на Б. по ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также обвинительного заключения в отношении Б. – переводчик допустила в переводе формулировки объективной стороны преступления и его квалификации целый ряд ошибок и неточностей в связи с тем, что использовала компьютерную программу «Гугл Транслейшн» и, не проверив правильность выполненного перевода, подписала его. При рассмотрении этого дела по первой инстанции в Красносельском районном суде г. Санкт-Петербурга, на этапе судебного следствия в качестве одного из обвинительных доказательств был рассмотрен протокол судебного заседания апелляционной инстанции Санкт-Петербургского городского суда, проверявшего жалобу осужденного Б. на приговор по обвинению его в хищении. Как следует из протокола апелляционной инстанции, в заседании Санкт-Петербургского городского суда участвовала «специалист-переводчик Ж.», которая ознакомилась с текстом обвинительного заключения по делу Б. на русском языке и с его переводом на грузинский язык и подтвердила, что перевод «неточный и неполный». В связи с «неправильным, неточным и неполным переводом текста» апелляционный суд отменил приговор Красносельского районного суда в отношении Б., после чего и последовало возбуждение уголовного дела по ч. 2 ст. 307 УК РФ в отношении переводчика N.

В приведенном примере переводчик Ж. фигурирует в статусе «специалиста-переводчика», как сказано в протоколе апелляционного суда и в приговоре суда первой инстанции. А в судебных актах судов Нижнего Новгорода мы находим наименование «эксперт-переводчик». Понятно, что такого рода наименования режут слух процессуалистам, но само по себе их появление не случайно. Анализ деятельности переводчика Ж. показывает, что он был вызван в суд для весьма от-

ветственной работы, требующей высокой квалификации, а именно, – для оценки правильности или неправильности перевода с одного языка на другой итогового документа органа предварительного расследования, в котором сформулировано обвинение против гр-на Б. в совершении тяжкого преступления. Чтобы ответить на поставленные судом вопросы, переводчику Ж. потребовалось время для собственного исследования: ознакомиться с текстами предоставленных в его распоряжение документов на двух языках, провести сопоставление, сравнение, анализ прочитанных текстов и сделать заключение, которое Ж. огласил в ходе судебного следствия апелляционного суда. Сказанное позволяет, на наш взгляд, отнести эту деятельность переводчика к экспертной, хотя в данном случае она не производилась в особых условиях лабораторного исследования. Предположим, что объем предоставленных переводчику материалов был значительным, и тогда ему потребовалось бы гораздо больше времени для проверки правильности текстов перевода. Более того, ему могли бы потребоваться словари и иная справочная литература. Суду пришлось бы объявлять перерыв в заседании для подготовки ответов и выводов переводчика. По сути дела, речь идет о производстве экспертизы в суде, что и вынуждает судей именовать вызванного переводчика «специалистом» или «экспертом», а нам позволяет употреблять эти непривычные и не соответствующие всем процессуальным кодексам термины – специалист-переводчик и эксперт-переводчик без кавычек.

В качестве дополнительного довода сошлемся на мнение высшего судебного органа России: Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем известном постановлении обратил внимание судов на то, что «заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных познаний и, также как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу (часть 2 статьи 74 УПК РФ). При этом следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами. Поэтому в случае необходимости исследования, должна быть проведена судебная экспертиза» [2].

Полагаю возможным высказать предложение о выделении нового вида экспертизы: **судебная экспертиза правильности письменного (устного) перевода** (далее сокращенно – **экспертиза правильности перевода**). Во избежание критики специалистов в области судебной экспертизы, к числу которых автор не относится, постараюсь аргументировать следующими доводами.

Сравнивая **основания** для назначения судебной экспертизы, предусмотренные законом (на примере Закона о судебно-экспертной деятельности и УПК РФ) с основаниями для назначения экспертизы правильности перевода, мы видим полное их соответствие. Для проверки правильности перевода возникает необходимость применения специальных языковых знаний, которыми обладает носитель двух разных языков (билингв), либо лицо, владеющее наряду со своим

родным (национальным) языком еще и другим языком. Используя терминологию, принятую в переводоведении, назовем эти языки **исходным и переводящим**. Причем в этой языковой паре обязательным является владение языком судопроизводства. То есть, для федеративного российского государства языком судопроизводства может быть как русский – государственный язык России, так и государственный язык республики в составе Российской Федерации (ст. 68 Конституции РФ). Учитывая, что у нас двадцать две республики, и каждая из них вправе устанавливать свой государственный язык, на котором может осуществляться судопроизводство и делопроизводство в мировых и территориальных судах, то перечень языков становится достаточно внушительным (а в республике Крым государственных языков три: наряду с русским, украинский и крымскотатарский). Таким образом, достаточное владение лицом двумя языками, одним из которых является язык судопроизводства, а другим – любой иной язык, на котором записаны показания участника судопроизводства, не владеющего этим языком, либо составлены документы, процессуальные акты, имеющиеся в деле, позволяет этому лицу участвовать в деле в качестве эксперта или специалиста, когда перед судом возникают вопрос достоверности доказательств, полученных с помощью переводчика.

Характерным, на наш взгляд, примером участия в суде переводчика в качестве специалиста является следующий.

Как известно, после распада Советского Союза, в ряде бывших республик встал вопрос о смене алфавитной системы. Так, Азербайджан к 2001 году завершил переход с кириллицы на латиницу. Казахстан с 2017 года осуществляет аналогичный переход и планирует завершить его к 2022 году. В Узбекистане уже четверть века спорят по этому вопросу, а в Таджикистане, например, немало сторонников перехода к персидскому алфавиту и т.п. Последствия подобных перемен хорошо видны лингвистам. К примеру, уже не раз в нижегородских судах возникала необходимость вызова переводчика для проверки соответствия написания в разных документах имени и фамилии какого-то участника по делу: например, в свидетельстве о рождении имя и фамилия записаны в кириллице, а в паспорте – в латинице. Для удостоверения факта соответствия этих данных переводчику достаточно прочитать соответствующие документы. В данном случае не требуется проведения исследования.

В ситуации проверки правильности перевода текста (устного или письменного) переводчику недостаточно одного лишь беглого прочтения текста, здесь необходим сравнительный анализ текста оригинала (исходного языка) с нормами переводящего языка. Для того чтобы проверить наличие отклонений, искажений, ошибок, переводчик-эксперт должен сравнивать смысловое содержание, точность терминологии, стилистическое соответствие текстов, учитывать различные нюансы смысловых акцентов, обладать определенными знаниями в той области окружающей действительности, которая описана в текстах и т.д.

Учитывая значительное сходство данного экспертного исследования с лингвистическим, наверное, более правильно определить предлагаемый вид экспертизы не как самостоятельный, а в качестве **разновидности лингвистической экспертизы**, исходя из чего, сформулируем содержание объекта, предмета и задач экспертизы правильности перевода.

Объектом данного исследования являются единицы исходного и переводящего языков в речи и текстах, содержащиеся в документах, процессуальных и судебных актах и иных материальных носителях.

Предмет исследования – установление правильности, адекватности, эквивалентности перевода с исходного языка на переводящий язык.

Сразу отметим, что понятие «правильность» перевода не употребляется в науке и практике переводоведения, однако мы используем его как правовой термин, поскольку в уголовном законе существует понятие «заведомо неправильный перевод». Филологи и лингвисты, говоря о качественном переводе, употребляют иные характеристики – адекватность, эквивалентность, поэтому считаем необходимым включить эти понятия в содержание предмета исследования.

Задачи исследования предлагаем сформулировать следующим образом:

– содействие суду и участникам судопроизводства, органам дознания, предварительного следствия и иным правоохранительным органам в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию;

– путем исследования текстов (записей устной речи) на двух языках, одним из которых является язык судопроизводства, проверить полноту выполненного перевода, выявить переводческие ошибки, искажающие смысл переводимой информации;

– путем исследования текстов (записей устной речи) на двух языках установить правильность или неправильность выполненного перевода, то есть наличие или отсутствие смыслового соответствия информации, переданной с одного языка на другой.

Реализация обозначенных задач в ходе экспертного исследования позволит суду (иному органу) сделать вывод правового характера, то есть принять решение о недопустимости использования в качестве доказательства исследованного текста (документа, голосовой записи), содержащего ошибки, пробелы, исключающие смысловое понимание переведенной информации. Аналогично на основе выводов эксперта-переводчика суд (орган расследования) полномочны обосновать обвинение (вынести обвинительный приговор) в отношении переводчика, совершившего заведомо ложный перевод, если придут к выводу о том, что неправильность перевода повлияла на установление истины по делу, на вынесение законного, обоснованного, справедливого решения, на интересы правосудия.

Учитывая сложность и ответственность деятельности эксперта-переводчика, необходимо, на наш взгляд, разработать требования, предъявляемые к этому лицу. Понятно, что важнейшим требованием является **компетентность**, которая

должна быть на порядок выше, чем у обычного переводчика. Здесь недостаточно одного только свободного владения исходным и переводящим языками. В теории переводоведения выделяется множество различных элементов (компонентов) профессиональной компетенции, среди которых наряду с языковой (лингвистической) компетентностью переводчика называют этническую, межкультурную, техническую и другие. Мы можем добавить к их числу и **правовую компетенцию**, так как в судебном переводе в условиях гражданского, уголовного, административного и иных видов судопроизводства содержатся правовые термины, знание которых необходимо переводчику для качественного перевода.

К сожалению, в России еще не сложилась практика аккредитации судебных переводчиков, включающую ведение органами юстиции реестра переводчиков, их специальную подготовку, в том числе по различным отраслям права, сертификацию и повышение квалификации. Обращаясь к опыту тех государств, где давно сложилась определенная организация судебных переводчиков (Австралия, Великобритания, США, Франция и другие), мы видим, что у них до сих пор существуют проблемы в этой сфере деятельности. В частности, в вопросах проверки качества устного и письменного перевода. Авторы известной книги «Переводчики и судебный процесс» Джоан Колин и Рут Моррис, описывая свой опыт и практику своих коллег переводчиков из разных стран, сетуют на отсутствие какой-либо регламентированной системы проверки правильности перевода, отмечают, что для большинства языков не существует аккредитационного экзамена, в то время как основной гарантией точного перевода является аккредитация переводчика [3]. Профессор Йорг Арнольд в монографии, посвященной деятельности адвоката-защитника по уголовным делам в государствах-членах Европейского Союза, констатирует отсутствие в законодательстве ФРГ стандартов качества устного и письменного перевода и определения необходимой квалификации для устных и письменных переводчиков [4].

По нашему убеждению, успешному решению подобных проблем в российской правовой системе будет способствовать принятие нормативного акта, регламентирующего статус судебного переводчика. Проект такого акта подготовлен в 2015 г. Союзом переводчиков России и представлен на обсуждение общественности, с ним можно ознакомиться, в частности, на сайте Российская общественная инициатива [5].

Подводя итог вышесказанному, выражаю надежду на понимание и поддержку специалистов в области судебной экспертизы (лингвистической экспертизы) предложений по введению нового вида **экспертизы правильности перевода** и необходимости дальнейшей разработки методики ее проведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обидина Л.Б., Обидин А.Е. Участие переводчика в доказывании по уголовным делам. Монография. Нижний Новгород, Изд-во Нижегородского университета. 2018. С. 140.

2. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010г. № 28 // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР и РФ по уголовным делам.: Москва, Изд-во Проспект, п. 20. С. 587.
3. J. Colin, R. Morris. Interpreters and the Legal Process.: Waterside Press. 1996. 192 P.
4. Jörg Arnold. Grenzüberschtreitende Strafverteidigung in Europa.: BWV. Berliner Wissenschafts-Verlag. 2015. P. 128.
5. Создать Единый государственный реестр судебных переводчиков [Электронный ресурс] / Российская общественная инициатива. URL: https://www.roi.ru/40603/ (дата обращения: 11.02.2019 г.).

Expert assessment of the correctness of translation of written documents and procedural acts

L.B. Obidina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)
lobidina@mail.ru

The article suggests translation accuracy evaluation as a new type of linguistic examination; studies the object, subject and purposes of translation accuracy expert evaluation for documents and procedural acts.

Keywords: examination, court proceedings, translation, expert (specialist) translator, procedural acts, court verdict.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

И.В. Огорелков

ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (Россия, Москва)
ogorelkov.69@mail.ru

В статье рассматриваются современное состояние и перспективы развития судебной автороведческой экспертизы. Цель статьи заключается в классификации объектов автороведческой экспертизы, характеристике основных задач, которые решает эксперт-авторовед. Автором приводится перечень перспективных направлений развития судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова: судебная автороведческая экспертиза, объект автороведческой экспертизы, автороведческая диагностика, речемыслительный навык, автороведческая идентификация.

Автороведческими исследованиями решаются задачи диагностики и идентификации авторов текстов анонимных и псевдонимных документов.

Диагностика (установление облика автора документа) призвана способ-

ствовать получению информации о поле, возрасте, образовании, родном языке, национальной принадлежности, профессии, психических отклонениях, месте жительства предполагаемого автора анонимного и псевдонимного документа.

Идентификация (установление автора документа или факта составления ряда документов одним автором) позволяет доказывать причастность к составлению анонимных документов конкретных лиц.

Автороведческое исследование принадлежит к числу тех криминалистических исследований, которые связаны с изучением проявлений навыка речи и мышления, или речемыслительного навыка. Этот навык не относится к врожденным свойствам личности, а приобретается конкретным индивидуумом в процессе обучения соответствующим нормам, принадлежащим к различным сферам человеческого общения. В данном случае имеются в виду общепринятые нормы языка, речи и мышления, овладевая которыми человек вырабатывает умение понимать других людей и быть понятым ими.

В процессе автороведческого исследования текста документа определяется содержание речемыслительного навыка, отразившегося в исследуемом тексте, проверяется устойчивость навыка — наличие последовательного проявления признаков навыка на протяжении всего высказывания, исключаются элементы подражания чужим навыкам.

В результате составляется модель отразившегося в тексте речемыслительного навыка, состоящая из языковых, речевых и мыслительных признаков навыка, на основании которой эксперт-авторовед делает предположения о социально-биографических характеристиках автора текста исследуемого документа (пол, возраст, уровень и характер образования, профессия, социальное положение, психический статус), а также проводит сравнительные исследования навыков в нескольких текстах (при идентификации).

Объектом автороведческой экспертизы является текст документа (рукописный, печатный, электронный). Типовым объектом экспертизы является текст, состоящий из 100-150 слов.

Носителями текстов могут являться:

– книги, брошюры, журналы, листовки, заявления, обращения, жалобы, письма, статьи;

– электронные ресурсы (интернет-сайты, интернет-страницы, блоги, Web-архивы);

– тексты стенограмм аудио- и видеозаписей.

Не являются объектами автороведческой экспертизы:

– схемы, таблицы, рисунки и иные графические изображения;

– тексты на иностранных языках и языках народов России;

– тексты на языках народов России.

Ранее автороведческие диагностические и идентификационные задачи, в основном, решались на основе анализа смысловых и языковых структур, вы-

явленных в исследуемых документах. Считалось, например, что экстремистская тематика, выступление от имени группы лиц, наличие высказываний угрожающего характера свойственны для письменной речи мужчин, а бытовая направленность текстов, эмоциональность суждений характерны для женщин.

Созданные во времена Советского Союза методики с большой степенью вероятности определяли возраст автора (на основе анализа ценностных ориентаций), уровень его образования, степень владения русским языком (который считался обязательным предметом в школьной программе любой советской республики), наличие или отсутствие психических отклонений от нормы.

С развитием интернет-технологий, расширением информационной базы современного русского языка, изменением политической ситуации в стране потребовалась основательная переработка традиционных автороведческих методик.

В период 2007–2018 гг. были разработаны методики и методические рекомендации [1-4], позволяющие решать следующие диагностические и идентификационные задачи автороведческой экспертизы:

– комплексное изучение анонимных и псевдонимных документов различного объема и содержания (экстремистского, политического, публицистического, бытового);

– подробное описание исследуемого объекта по количественным и качественным лингвистическим характеристикам;

– систематизация признаков письменной речи автора (смысловых, текстологических, языковых, психолингвистических), которые используются при определении социально-биографических характеристик автора исследуемого документа;

– выявление факта маскировки письменной речи автора документа;

– выделение параметров лексического, стилистического и грамматического разбора анонимного и псевдонимного текста;

– построение лингвистической модели речемыслительного навыка автора документа;

– дифференциация методов определения пола, возраста, профессии, национальной принадлежности автора документа по степени их соответствия характеру объекта;

– установление факта составления нескольких документов одним лицом (или разными лицами) на основе анализа выделенных в исследуемом тексте лексических, стилистических, синтаксических признаков письменной речи автора текста;

– описание психологического портрета автора анонимного документа.

Основными перспективными направлениями развития автороведческих диагностических и идентификационных исследований в настоящее время являются:

– разработка новых методов решения диагностических и идентификационных задач на основе компьютерных технологий;

– создание специализированных словарей для диагностики профессиональной сферы деятельности авторов документов;

– исследование особенностей текстов на русском языке, составленных иностранцами, с целью установления национальности авторов текстов;

– создание информационных массивов текстов с различными видами маскировки письменной речи автора;

– оценка сопоставимости особенностей письменной речи одного автора при использовании им различных стилей речи.

Результаты проводимых методических работ по автороведению позволяют значительно повысить эффективность автороведческих диагностических и идентификационных экспертиз, расширить получаемую в результате данных исследований информацию о социально-биографических характеристиках автора анонимного и псевдонимного документа и в итоге содействовать его розыску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И., Огорелков И.В. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 232 с.
2. Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Огорелков И.В. Определение пола и возраста автора анонимного текста по письменной речи: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2008. 250 с.
3. Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И., Огорелков И.В. Установление факта маскировки письменной речи в тексте анонимного документа: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2013. 64 с.
4. Голощапова Т.И., Красовская Е.А., Девятова М.А., Огорелков И.В. Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки. М.: ЭКУ 9 Департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, 2015. 78 с.

The current state and prospects for the development of judicial expert examination

I.V. Ogorelkov

Moscow State Budgetary Institution «Moscow Research Center» (Russia, Moscow)
ogorelkov.69@mail.ru

The article discusses the current state and prospects for the development of forensic author-examination expertise. The purpose of the article is to classify the objects of the author-examination, characterize the main tasks that the expert-author solves. The author provides a list of promising areas of judicial forensic expertise.

Keywords: forensic authorship expert examination, object authoring expertise, autorudial

diagnostics, verbal and imaginative skill, autorological identification.

ПОДПИСЬ КАК УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫЙ РЕКВИЗИТ ДОКУМЕНТА

Т.В. Орлова, Р.В. Бондаренко
МосУ МВД им. В.Я. Кикотя (Россия, Москва)
bon_roz@mail.ru

В статье освещаются исторический и современный этапы развития подписи, ее значение как личного удостоверительного знака. Обозначены проблемные вопросы исследования подписей, предложены пути их решения.

Ключевые слова: подпись, судебно-почерковедческая экспертиза, почерк, копии документов, плоттер (графопостроитель).

Подпись справедливо ставится в один ряд с самыми распространёнными удостоверительными знаками личности. Невозможно составить исчерпывающего перечня, в котором отразились бы все случаи использования подписей как реквизита документа [1, с. 195]. Значение подписи не следует недооценивать, поскольку она используется во всех сферах деятельности человека: от важных государственных актов до заявления о приёме на работу.

Подпись в современном её понимании возникла во времена, когда распространилась письменность. Сначала в качестве неё подразумевалось «довольно пространное описание должности или звания, имени и фамилии лица, удостоверившего документ. Неграмотные ставили под документом крест или отпечаток большого пальца правой руки» [2].

Подпись за весь период своего существования меняла понятийный и количественный состав. Начиная с Толкового словаря Великорусского языка В.И. Даля, где под подписью понималось: «Подписать (бумагу) – приложить руку… написать имя свое, прозвание, чин и пр…» [3, с. 20] и до сегодняшнего дня, когда подпись имеет достаточно много определений. Конкретно подпись должна:

- обозначать фамилию человека;
- исполняться собственноручно;

Подпись может представлять собой обозначение фамилии конкретного лица или условное графическое начертание фамилии, инициалов, имени.

Кроме того, подпись способна удостоверять факты и события, придаёт документу юридическую силу.

Что же касается количественного состава, то здесь тоже происходили некоторые изменения. Подписи на протяжении времени отображали процесс развития скорописного письма, сохраняя до определенного периода главное – они содержали полную информацию о фамилии исполнителя. Как правило, эти подписи имели развернутый вид – состояли из букв, обозначающих фамилию, заключительных элементов (росчерков) разнообразной конфигурации и со-

става. Вероятно, стремление упростить подписной почерк, избежать элементов украшательства и излишеств, привело к тому положению, которое существует с удостоверяющими подписями сегодня [3, с. 21].

Бесспорно, что подпись как удостоверительный знак по сравнению, например, с оттисками печатей более проста и удобна: без труда наносится, не требует использования специальных устройств, кроме пишущего прибора, а также её довольно сложно потерять.

Однако данная простота и удобство позволяют также легко подделать подпись, учитывая растущую тенденцию к её упрощению.

Проблемный вопрос исследования подписей достаточно распространён среди ученых-почерковедов (Л.Е. Ароцкер, В.Ф. Орлова, А.И. Винберг, М.В. Шванкова и др.). В качестве основных трудностей при исследовании таких почерковых объектов указывались простота подписей, возможность легко их подделать, отсутствие специальных актов, регламентирующих общие положения о подписи как удостоверительном знаке.

Ученые предлагали различные методы по усовершенствованию традиционной методики установления исполнителя подписи: алгоритмизацию – как метод по определению информативности почерковых объектов и в частности подписи [4, с. 178]; математические методы и методы кибернетики и ЭВМ [5]. Однако эти методы не нашли широкого применения на практике, сначала потому, что не было необходимой техники для внедрения этих методов, а сейчас потому, что им не уделяется должного внимания как при обучении кадров для экспертной работы, так и при непосредственном осуществлении экспертной работы на местах. По нашему мнению, они должны быть вновь пересмотрены применительно к сегодняшним возможностям науки и практики.

Современный этап развития судебно-почерковедческой экспертизы, по нашему мнению, может быть охарактеризован следующими базовыми направлениями:

- использование интеллектуальных систем (ДСМ-метода) для решения задач почерковедения. Отметим, что применение в судебном почерковедении ДСМ-метода сегодня носит больше теоретический, чем прикладной характер. Однако уже сейчас на его основе выделяются гендерные или психологические признаки почерка;

- использование количественной методики исследования однословных кратких записей (с помощью программы «ОКО–1», позволяющей производить измерение структурно-геометрических параметров объекта: интегральных (разности расстояний от средних точек до базовой линии, разности ориентаций последовательно расположенных звеньев, отношений протяженностей движений по горизонтали и вертикали, отношений протяженностей сгибательных и разгибательных движений) и кривизны).

Еще один из проблемных вопросов, вызывающих противоречивую оценку

различных ученых и практиков, – анализ изображений подписей в копиях документов. Диагностическое и идентификационное исследование таких объектов имеет свою специфику, поскольку, во-первых, почерковый объект исследуется посредственно, во-вторых, копирование влияет на изменение общих и частных признаков почерка, в-третьих, износ копировально-множительной техники влияет на появление «помех» (расплывы красящего вещества, его утрата и т.д.), что затрудняет или исключает решение экспертных задач.

Попытка возможного исследования таких объектов была предпринята авторами информационного письма ЭКЦ МВД России [6, с. 8]. Однако данные рекомендации охватывали не все возможные случаи диагностического и идентификационного исследования (а именно: способы технической подделки подписей, способы подражания и т.д.).

Как известно, одной из особенностей методики исследования подписей и кратких записей является предварительное технико-криминалистическое исследование с целью определения, не выполнена ли подпись (запись) с использованием технических приемов и средств. Однако на практике эксперты-почерковеды не всегда уделяют должное внимание этому требованию, а иногда и просто игнорируют его.

Отдельные специалисты обосновывают сложившуюся ситуацию отсутствием специальных знаний в области технико-криминалистической экспертизы документов, что, на наш взгляд, не может служить причиной для нарушения методики исследования. В таких случаях следует разъяснять лицу, назначившему экспертизу, необходимость привлечения соответствующего специалиста для осуществления данной части исследования.

Практика проведения почерковедческих исследований позволяет констатировать, что с применением способов технической подделки изготавливаются записи более объемные, чем подписи и краткие записи.

Так, во время круглого стола «Актуальные проблемы судебно-почерковедческой экспертизы» в Московском университете МВД России эксперты РФЦСЭ Минюста России привели пример из своей практики, когда объект исследования содержал изображения записей и подписи, полностью копирующие признаки почерка лица, от имени которого они значились. Способ, заключающийся в использовании плоттера для воспроизведения заранее отсканированных и обработанных при помощи графических редакторов рукописных записей и подписей, позволил получить (сконструировать и воспроизвести на бумажном носителе) документ – заявление, которое в дальнейшем использовалось в незаконных целях.

Плоттер (plotter), или графопостроитель — это устройство вывода графической информации из ЭВМ на бумажный носитель.

Плоттеры используются для воспроизведения схем, архитектурных чертежей, трёхмерных изображений, художественной и иллюстративной графики,

карт.

Приведенный пример позволяет высказать мнение о том, что в современных условиях актуальным становится обязательное технико-криминалистическое исследование на стадии раздельного исследования в процессе производства почерковедческих экспертиз. Причем не только подписей и кратких записей, но и записей большего объема, если они выполнены в виде заявлений, рапортов, долговых расписок, собственноручно выполненных объяснений по существу выдвигаемых обвинений и т.п.

В силу малой изученности выявление признаков применения плоттеров при технической подделке кратких записей и подписей может вызывать затруднения у экспертов. В связи с этим считаем, что возникла необходимость дополнить перечень способов технической подделки таких объектов еще одним, а именно изготовление изображения подписи (записи) с использованием плоттеров в качестве устройства наносящего изображение на материал письма.

Как показывает практика проведения исследований документов, выполненных с использованием плоттеров, они характеризуются следующими основными признаками:

- нажим и темп исполнения по всей ширине штриха идентичны;
- присутствуют тупые точки начал и окончаний штрихов;
- при изменении угла постановки пишущего прибора наблюдается сброс чернил (особенно в нижней части выпуклых штрихов);
- клиновидные начала и окончания штрихов имеют малое количество красящего вещества;
- рефлекторные движения в точках начала и окончания штрихов отсутствуют (особенно при выполнении маленьких штрихов);
- окраска при выполнении верхних штрихов уменьшается.

В связи с вышесказанным авторами предлагается следующее:

- учитывая применяемые на современном этапе новые способы подделки кратких записей и подписей (в частности, при помощи плоттеров), считаем необходимым провести доработку существующей методики технико-криминалистического исследования указанных объектов в рамках совместной научно-методической работы;
- в рамках почерковедческого исследования необходимо более внимательно изучать представленные образцы, т.к. для получения подделки с использованием плоттера в любом случае используются образцы конкретного человека. Не исключено, что среди представленных образцов могут присутствовать те, которые полностью (или частично) использовались для монтажа нужной подписи (или записи).

Указанные обстоятельства налагают определенные требования к компетенции современного эксперта и отработке методических основ проведения комплексных экспертиз данного рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липовский В.В., Фридман И.Я. Подпись как удостоверительный знак и профилактика её подделки // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 5. Киев, 1968.
2. Лисиченко В.К., Липовский В.В. «Исправленному верить». Киев, «Лыбидь». 1990.
3. Сысоева Л.А. История развития подписи // Криминалистическая экспертиза: исследование документов. Межвузовский сборник научных статей. Саратов, 1999.
4. Каюнов О.Н., Орлова В.Ф. Об одном подходе к определению информативности подписи. В сборнике ВНИИСЭ «Современное состояние судебно-почерковедческой экспертизы». 1981.
5. Кучеров И.Д. Некоторые выводы из опыта моделирования на ЭВМ распознавания подписей. – «Применение ЭВМ в судебно-экспертных исследованиях и поиск правовой информации». Сб. научных трудов. Вып. 15. М., 1975; Ланцман Р.М. Кибернетика и криминалистическая экспертиза почерка. М., 1968.
6. Соколов С.В., Куранова Е.А., Розанкова Е.В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов: Информационное письмо. М.: ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

Signature as the document certifying attribute

R.V. Bondarenko, T.V. Orlova

Moscow University of the Ministry of the interior named V.Ya. Kikotya (Russia, Moscow)

bon_roz@mail.ru

The article highlights the historical and modern stages of the development of the signature, its value as a personal identification mark. Problem questions of research of signatures are designated, ways of their decision are offered.

Keywords: signature, handwriting examination, handwriting, copies of documents, plotter.

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ФОТОГРАФИИ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г.В. Павличенко, Р.И. Захаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

sudexpert2011@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы использования цифровой фотографии в экспертной деятельности, связанные с фиксацией обстановки в ходе осмотра места происшествия, в частности, следовой информации, подлежащей дальнейшему исследованию. Приводятся приемы фиксации и обработки изображений, обеспечивающие их процессу-

альное использование.

Ключевые слова: цифровая фотография, осмотр места происшествия, следовая информация, свойства файла, обработка цифровых изображений, процессуальное использование цифровых изображений, информационная система экспертного подразделения, региональная база учета фото-видео материалов, экспертная деятельность.

Цифровая фотография используется в экспертной деятельности уже более 20 лет. Её применение существенно повысило возможности специалистов при проведении осмотров мест происшествий и иных следственных действий, снизило трудозатраты по фиксации обстановки и следовой информации. Кроме того, отмечается тенденция роста экспертных исследований, в которых в качестве объекта исследования выступает следовая информация, зафиксированная при помощи цифровой фотосъемки. Цифровые технологии обработки изображений повысили эффективность производства криминалистических экспертиз в части наглядности, технической возможности выявления идентификационных признаков, иллюстрации сравнительного исследования.

Несмотря на отсутствие процессуальных ограничений на применение цифровой фотографии и технических средств её обработки, нередко ставится вопрос о допустимости их использования в уголовном судопроизводстве. Легкость изменения первоначального изображения входит в противоречие с положением о том, что фотография является носителем объективной информации о запечатлеваемом объекте. Это порождает вопросы о процессуальной фиксации изображений, способах их хранения, пределов и допустимости редактирования цифрового изображения.

В настоящее время отсутствует методика применения цифровой фотографии, которая исключила бы вероятность компьютерного монтажа цифрового фотоизображения. Частично недостаток компенсируется существующими методическими рекомендациями ГУ ЭКЦ МВД России по порядку оформления результатов цифровой фотографической съёмки при производстве следственных действий и судебных экспертиз. В части, касающейся производства следственных действий, предлагается фиксировать изображения, полученные в ходе осмотров мест происшествия (ОМП), на сменном носителе компьютерной информации (CD–R) и распечатывать при помощи переносного принтера, подсоединенного непосредственного к цифровой фотокамере. Данные операции предполагается осуществлять на финальной стадии осмотра или по прибытии в орган внутренних дел (ОВД) в присутствии участников осмотра (понятых). Диски с файлами и распечатанные изображения передаются следователю – их получение фиксируется в протоколе осмотра – и хранятся в уголовном деле. Такой подход к документированию результатов осмотра, по мнению авторов рекомендаций, не позволит фальсифицировать изображения, полученные при ОМП. В то же время необходимо отметить, что указанные процедуры не отменяют необходимости изготовления специалистом таблицы к протоколу осмо-

тра места происшествия.

В рамках экспертных исследований методическими рекомендациями допускается значительное изменение изображения исходя из задач исследования. В заключении эксперта необходимо указывать краткую характеристику использовавшихся устройств цифровой фотографии, программное обеспечение, режимы получения и печати изображений.

При использовании экспертом методов получения и обработки цифровых изображений в исследовательской части подлежат указыванию названия процедур обработки и их параметры. Фактически, предлагается ввести в оборот специальный протокол обработки изображений. Полученные в ходе исследования первичные цифровые изображения и все последующие (обработанные) сохраняются в виде отдельных файлов, каждому файлу присваивается индивидуальное имя. Файлы записывают на компакт-диски однократной записи, которые в качестве архива хранятся в наблюдательном деле учета судебных экспертиз экспертно-криминалистического подразделения (ЭКП) и при необходимости могут быть использованы.

Выполнение данных рекомендаций, несомненно, позволяет обеспечить соблюдение процессуальных норм, но в то же время существенно повышает нагрузку на сотрудников экспертных подразделений.

В условиях отсутствия утвержденной приказом методики работы с цифровыми изображениями, неудовлетворительной технической оснащенности и снабжения расходными материалами сложилась иная практика работы с цифровыми изображениями. При осмотре мест происшествий изображения не распечатаются, а традиционная таблица к протоколу осмотра изготавливается специалистом в ЭКП в установленные сроки. Цифровые файлы изображений размещаются в информационной системе экспертного подразделения[1], данные из которой периодически переписываются на компакт-диски.

Передача файлов цифровых изображений в материалы уголовных дел носит, как правило, несистемный характер, что, в свою очередь, порождает проблемы оценки достоверности изображений, полученных в ходе ОМП, и дальнейшего использования в экспертных исследованиях следового материала, зафиксированного при помощи цифровой фототехники. Обычно на экспертизу предоставляется таблица или часть таблицы к протоколу ОМП, содержащая следовую информацию. Использование репродукции данных изображений в экспертном исследовании часто ведет к утрате идентификационных признаков. В то же время использование цифровых изображений, являющихся исходными[2] при изготовлении таблицы и обладающих достаточной идентификационной значимостью, ставит вопрос о допустимости использования полученной доказательной

---

[1] Под информационной системой понимается виртуальное пространство, организованное тем или иным способом на вычислительных средствах экспертно-криминалистического подразделения.

[2] Хранящихся в информационной системе экспертно-криминалистического подразделения.

информации. Фактически, отсутствует процессуальная связь между изображениями в таблице и файле.

Решением указанной проблемы может стать фиксация в таблице наименований и мест размещения файлов изображений, использовавшихся при её изготовлении. В информационной системе ЭКП должны содержаться собственно таблица, переданная в материалы уголовного дела, файлы изображений первичных, полученных в ходе ОМП, и обработанных, использовавшихся для изготовления таблицы.

На наш взгляд, опасения, связанные с недобросовестным внесением изменений в цифровые изображения, несколько преувеличены, поскольку даже при внесении изменений оператором высокой квалификации наличие исходных изображений позволяет легко выявить внесенные изменения методами фототехнической экспертизы. Отсутствие коррекции исходных файлов довольно несложно установить путем верификации данных о фотосъемке, внесенных в протокол ОМП, и данных, зафиксированных в свойствах файла. При этом должны совпадать данные об использовавшейся фототехнике и времени производства фотосъемки. Определенная информация может быть получена из анализа дат создания и коррекции файла. Любая коррекция файла ведет к изменению его свойств, фиксации в них наименования и режима работы использовавшегося программного продукта.

По нашему мнению, применительно к цифровым изображениям допустимыми являются:

- структурное редактирование изображений (кадрирование, поворот на определенный угол, горизонтальное и вертикальное отображение, совмещение изображений из различных файлов с выравниванием плотности и уровней цветности изображений);
- коррекция по всей площади кадра, связанная с изменением режимов цветности (цветное / градации серого), коррекции (яркость / контрастность, уровни серого, инверсия цветов), фильтров, направленных на повышение резкости изображений;
- локальная коррекция для исправления дефектов элементов изображений, не связанных с процессом следообразования, например, проявление измерительных линеек или номеров автотранспортных средств.

Категорически недопустима локальная коррекция частей участков кадра, содержащих следовую информацию.

Помимо фиксации заключений в наблюдательном деле учета судебных экспертиз ЭКП целесообразно и экономически обосновано формировать базу выполненных экспертиз в информационной системе ЭКП с последующим её копированием на диски CD-R или в серверное пространство ОВД[1].

---

[1] Целостность и сохранность информации в этом случае обеспечивается профильными службами ОВД.

Кроме заключений, в базе необходимо размещать исходные и обработанные изображения, использовавшиеся для проведения сравнительного идентификационного исследования.

В настоящее время в целях обеспечения норм процессуального использования цифровой фотографии и её обработки для экспертных исследований целесообразно разработать и внедрить в практику нормативно–правовые акты, регламентирующие ведение и использование информационной системы ЭКП, порядок размещения и использования фото- и видеоинформации.

Комплексным решением проблем использования цифровой фотографии в экспертной деятельности явилось бы создание в рамках единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел (ЕИТКС ОВД) региональных баз учета фото- и видеоматериалов, полученных при проведении ОМП и производстве экспертных исследований. Современные технические возможности позволяют обеспечить ввод информации в базу данных в реальном времени, отслеживать все последующие изменения первичных файлов, что снимает вопросы о процессуальности использования цифровых изображений, полученных в ходе ОМП и используемых при проведении исследований, снижает «техническую» нагрузку сотрудников экспертных подразделений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газизов В.А., Четверкин П.А. Доказательственное значение цифровой фотографии при производстве судебно-экспертных исследований // Судебная экспертиза: дидактика, теория, практика: сборник научных трудов. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2009. Вып. 4. С. 58–64.
2. Судебная запечатлевающая и исследовательская фотография: учебно–практическое пособие / Воронин В.В., Камелов А.В., Павличенко Г.В., Петров П.В., Раева А.С. – Н. Новгород: Нижегородский государственный университет, 2018. 100 с.
3. Рекомендации ГУ ЭКЦ МВД России от 24 апреля 2003 г. «Об использовании цифровой фотографии».
4. Рекомендации ГУ ЭКЦ МВД России от 15 марта 2007 г. «Об использовании цифровой фотографии».
5. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

Issues of using digital photography in expert activities

G.V. Pavlichenko, R.I. Zakharov

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhniy Novgorod)
sudexpert2011@mail.ru

The article deals with topical issues of the use of digital photography in expert activities related to the fixation of the situation during the inspection of the scene, in particular the trace information to be further investigated. The methods of fixing and processing images, ensuring their procedural use.

Keywords: digital photography, inspection of the scene, trace information, file properties, digital image processing, procedural use of digital images, information system of the expert unit, regional database of photo - video materials, expert activities.

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ФОНОСКОПИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

О.О. Петелина

Экспертно-криминалистический отдел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области (Россия, Нижний Новгород)
graol@bk.ru

В статье речь идет о проблемах, обозначившихся в ходе собственной исследовательской практики, в области проведения лингвистических (семантических) и фоноскопических экспертиз. Рассматриваются как смежные вопросы фоноскопических и семантических исследований, так и вопросы, возникающие при решении задач, непосредственно связанных с установлением смыслового содержания текстовых материалов различного рода.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, семантическая экспертиза, фоноскопическая экспертиза, фонографическая экспертиза, судебная экспертиза.

На протяжении уже нескольких десятилетий производство речеведческих экспертиз является востребованным обществом. К сегодняшнему моменту сложилась широкая практика проведения этого вида исследований в различных экспертных организациях, центрах, ассоциациях по запросам частных и юридических лиц, следственных органов, суда. Данная категория экспертиз включает в себя множество направлений (автороведение, нейминг, ономастика, семантические исследования устных и письменных текстов, в том числе поликодовых, фоноскопия, а именно исследование голоса и звучащей речи), оказывающихся актуальными при рассмотрении самых разных гражданских, уголовных, а также арбитражных дел.

Безусловно, качество проводимых экспертиз интересующего нас вида напрямую связано с развитием филологической науки в условиях современности, накоплением знания в области прикладной филологии, а также интенсивностью его распространения в кругу исследователей и правоприменителей. Последнее

может быть обеспечено активным обменом научно-методической информацией в экспертном сообществе, между различными экспертными подразделениями и структурами, объединением практикующих экспертов ряда ведомственных образований вокруг ведущих научно-исследовательских центров в ходе конференций, семинаров. Особенно важной организация подобного взаимодействия и сотрудничества представляется в связи с поиском единообразных подходов к наиболее спорным и не проясненным, в том числе законодателем, вопросам производства экспертиз, касающимся проблем смыслового понимания текста, с учетом обновляющегося законодательства и естественного развития языка как основного средства коммуникации.

Исследователь Дмитрий Дубровский, повествуя об экспертизе, требующейся в рамках антиэкстремистского законодательства, определяемой им широко, по составу участвующих специалистов, как гуманитарная, приводит интересные наблюдения над особенностями функционирования в области правоприменения специального знания, находящегося за пределами юриспруденции [1]. Наблюдения касаются используемого в американском судопроизводстве теста Дубера, появившегося в 1990-е годы на основе существовавшего до него теста Фрая, впервые примененного в деле по обвинению человека в убийстве на основании показаний детектора лжи. Данные тесты закрепляют такие требования к применяемому в суде знанию, как общеприемлемость, общенаучность, а также верифицируемость, то есть его распространенность в научной среде вне конкретного эпизода судебной практики. В связи с этим Д.В. Дубровский рассуждает о проблеме российской гуманитарной экспертизы, состоящей в недостаточности необходимого ей корпуса исследований, не инициированных запросами суда, что подчас связано и с несовпадением направлений основной научной деятельности практикующих экспертов с задачами, ставящимися перед ними при назначении того иного экспертного исследования. Таким образом, расширение научного знания, используемого при производстве экспертиз специалистами гуманитарного профиля, кажется сейчас очень своевременным. В данной статье речь пойдет о ряде наблюдений, сделанных в ходе собственной экспертной практики, в области лингвистических и фоноскопических экспертиз по различным категориям дел.

Одна из ключевых задач, решаемых при проведении фоноскопической экспертизы, – это идентификация человека по голосу и звучащей речи. Комплексное решение идентификационного вопроса экспертами двух специальностей – экспертом-лингвистом и экспертом-акустиком – обеспечивает высокую степень надежности результатов исследования. В том же составе комиссия экспертов решает другой вопрос, часто возникающий у инициатора экспертизы, касающийся установления целостности фонограммы с зафиксированным на ней устным речевым произведением, признаков монтажа. Однако представляется, что диагностическое исследование данного вида методами лингвистического

анализа выступает как сопутствующее акустическому исследованию фонограммы методами инструментального анализа. В основном это связано с лингвистическими особенностями разговорного дискурса, характеризующегося особой лексико-грамматической организацией текста, усложняющейся при наличии признаков языковой интерференции у коммуникантов или признаков маскировки той или иной смысловой составляющей. Изучение материала на предмет выявления последних, как правило, происходит в рамках лингвистической экспертизы. Это связано как с их разнообразием, так и с двойственной природой их происхождения, не всегда связанного собственно с маскировкой, как, например, в случае с так называемой лексико-синтаксической редукцией высказывания, которая может быть обусловлена эллипсисом, свойственным разговорной речи. Установление наличия специальной фигуры умолчания требует применения методов дискурсивного анализа в совокупности с исследованием просодического оформления высказываний. На сложность криптолалической функции справедливо указывает С.В. Доронина. Рассматривая коммуникацию представителей отдельных социальных групп, она отмечает: «[…] использование специальной лексики вместо слов литературного языка может выполнять не только криптолалическую функцию, но и служить средством идентификации социальной группы. Таким образом, наличие криптолалической установки в устном диалоге однозначно устанавливается только при наличии таких речевых средств, которые не могут быть объяснены названными выше причинами» [2, с. 247]. Кроме принадлежности к определенной социальной группе С.В. Доронина называет такие причины, как действие в разговорном дискурсе закона речевой экономии, небрежность коммуникантов, низкий уровень их речевой культуры.

При этом исследование звуко- или видеозаписи на предмет наличия изменений, влияющих на содержание коммуникативного события, часто является необходимым в качестве предварительного при назначении лингвистической экспертизы текста по вопросам, касающимся его смыслового понимания. Конечно, в данном случае речь не идет об объектах, создание которых напрямую связано с монтажом как сюжетообразующим средством (например, видеороликах, распространяющихся в сети Интернет, содержание которых может быть проанализировано с точки зрения антиэкстремистского законодательства). Однако, к примеру, в случае проведения семантической экспертизы по материалам, рассматривающимся в контексте передачи взятки одним лицом другому, или фиксирующим публичное выступление лица, скажем, на митинге, важно проанализировать не только денотативное содержание, модальность высказываний, собственно оценочный и иллокутивный компоненты текста, но и проследить последовательность реализованных говорящими речевых актов, стратегий и тактик. Такое требование семантической полноты материала успешно экстраполируется на объекты исследования, возникающие из коммуникации в

социальных сетях, на интернет-форумах и т.п.

Вопрос о допустимости объединения фрагментов разговора может быть поставлен перед экспертом-акустиком и экспертом-лингвистом в случае, если запись коммуникативного события осуществлялась на видеорегистратор и беседа отражена не в одном, а нескольких файлах. На практике это происходит достаточно часто при остановке сотрудником ГИБДД транспортного средства вследствие нарушения водителем правил дорожного движения. Назначение лингвистических экспертиз и предваряющих их фоноскопических диагностических исследований по антикоррупционным делам обусловлено значимостью для следствия и суда выявления провокации. Установление наличия провокации, конечно, находится вне пределов компетенции эксперта-лингвиста. Тем не менее, проведение исследования методами лингвистического анализа, дискурсивного, включающего рассмотрение речевых действий говорящих в границах целого текста, способствует уточнению и прояснению деталей происходящего. В статье ««Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам» С.В. Доронина демонстрирует пригодность применения семантических и прагматических приемов дискурсивного анализа при решении подобных вопросов. Однако, отметим, что спорной выглядит постановка в один ряд таких волеизъявлений говорящего, как «выражение согласия принять денежные средства» и «побуждение собеседника к вербализации намерения передать денежные средства» в качестве непровоцирующих приемов речевого воздействия. Ведь в отличие от второго, первое, а именно разрешение на передачу денежных средств, сложно оценить с точки зрения недостаточности проявления коммуникативной инициативы. «Несмотря на то, что на самом деле сотрудник правоохранительных органов прекрасно понимает посылаемые ему намеки и позволяет нарушителю завершить коммуникативные намерения, действия оперативного сотрудника не нарушают правил проведения оперативного эксперимента» – указывает автор статьи, ссылаясь на Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом в статье 5 данного закона в качестве провокационных (запрещенных) действий перечислены следующие: подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Согласие, выполняющее в анализируемых конситуациях функцию разрешения – директивного реактивного речевого акта, безусловно, обладает потенциалом побуждения. Именно такое речевое поведение говорящего закономерно выступает импульсом к осуществлению незаконного действия, особенно при отсутствии вербализации прямого запрета на передачу денежных средств. Отметим, что запрет также может быть озвучен как в прямой, так и в косвенной форме, то есть как сообщение, предупреждение о незаконности действий взяткодателя вне эксплицитного выражения собственной позиции. В ряде случаев подобный косвенный запрет может сопровождаться поддержанием сотрудником ГИБДД

темы передачи денежных средств и с помощью специальных маскировочных средств, например, эвфемистической замены слова «взятка» лексемой «подарок», в том числе при вербализации им разрешения, согласия на передачу «подарка», рассчитанного на определенный перлокутивный эффект, с последующей демонстрацией коммуникативной неудачи («Я Вас предупредил, что взятку нельзя. Это у нас как благодарность, да? Угу», «Я предупреждал, что это взятка. Ну, доставай, что принес. Это что, деньги?!» – фразы сконструированы на материале личной экспертной практики). Понятие коммуникативной инициативы, о которой рассуждает С.В. Доронина, представляется исключительно важным в провокационном контексте и нуждающимся в дальнейшем изучении, как, вероятно, и само понятие провокации в условиях проведения оперативного эксперимента.

Как известно, эксперт не вправе самостоятельно заниматься сбором объектов исследования. Работая с тем или иным текстом, эксперт указывает его границы, подробно описывает его свойства, определяет объем, канал восприятия, характеристики носителя информации, разборчивость и т.п. Направление ходатайства о предоставлении дополнительных материалов в ряде случаев бывает необходимым условием удаления «белых пятен» в тексте – следов семантической редукции, намеренной или нет. Формулируя выводы по вопросам смыслового содержания в рамках проведенного лингвистического исследования, эксперт, как правило, не использует условные формулировки, ссылаясь на внутреннюю целостность предоставленного объекта. Однако такая условность незримо присутствует и устраняется на предварительном этапе исследования – этапе определения пригодности конкретного объекта семантической экспертизы.

Здесь интересно будет обратить внимание на вполне обоснованную условную форму выводов в некоторых экспертизах по делам об оскорблении, рекомендуемую К.И. Бриневым. В данном случае условность также связана с характеристиками объекта исследования. Особенность заключается в опосредованной форме представления устного коммуникативного события, в случае, когда объект является вторичным текстом: протоколом судебного заседания, показаниями свидетелей и участников, зафиксированными в материалах дела. «По делам об оскорблении, относительно которых заключение эксперта базируется на косвенных источниках информации о речевом произведении, возможно только условное заключение относительно оскорбительности/неоскорбительности высказываний в адрес потерпевшего, таким образом, вывод может быть сформулирован только следующим образом: «Если данные слова были произнесены в адрес X, то они являются оскорбительными для X», так как всегда сохраняется возможность, что инвективные слова и словосочетания были высказаны в адрес другого лица или ни в чей адрес»» [3, с. 59, 60]. Допустимой альтернативой условному выводу К.И. Бринева видится использование формулировки, содержащей точное указание объекта исследования со ссылкой на анализируемое

событие: «В ситуации, представленной в объяснении X, данное выражение высказано в адрес X и содержит негативную оценку личности X». Как показывает практика, в показаниях нескольких участников коммуникативной ситуации может варьироваться не только последовательность слов в высказывании, но и состав спорных выражений. В связи с этим при анализе материалов такого рода целесообразно исследовать и формулировать выводы по каждому вторичному тексту, предоставленному на экспертизу.

Возвращаясь к теме связей, имеющихся между фоноскопическими и лингвистическими исследованиями, отметим, что не только предварительный анализ текста на наличие признаков монтажа и иных изменений, привнесенных в процессе записи или после её окончания, оказывается существенным для эффективной работы с семантикой речевого произведения. В ряде случаев проведение идентификационных исследований, касающихся установления принадлежности голосов и речи собеседников конкретным лицам, способствует расширению «базы данных», задействованной при решении задач, связанных с изучением денотативного компонента высказываний, референтных областей, с описанием реализованных речевых актов. Определение ролей и функций участников речевой коммуникации, содержащейся в нескольких дистантных опосредованных разговорах, переданных эксперту в результате прослушивания телефонных переговоров (ПТП) с указанием дат и времени, выявление смысловых коррелятов также могут быть более точными при наличии результатов идентификационных исследований, способствующих объединению ряда текстов в единое сложное коммуникативное событие, развертывающееся в определенной последовательности разговоров.

Далее хотелось бы указать на два достаточно злободневных направления в области лингвистической экспертизы текста. Это исследования на предмет выделения в тексте средств речевой агрессии по делам об оскорблении и работа с информацией, содержащейся в сети Интернет, в рамках антиэкстремистского законодательства.

Как известно, оскорбление состоит в унижении чести и достоинства другого лица, выраженном в неприличной форме. Это традиционное понятие оскорбления – действия, представляющего собой уголовно или административно наказуемое деяние. Наибольшую сложность для судебной практики составляло и составляет на сегодняшний день установление формы выражения унижения, то есть выявление компонента «неприличная форма». Устойчивое разъяснение неприличности как циничного, глубоко противоречащего нравственным нормам, правилам поведения в обществе унизительного обращения с человеком не кажется исчерпывающим. Единого экспертного подхода в условиях взаимодействия как минимум двух – ситуативного и семантико-стилистического – в данном направлении также не отмечается. Словесное выражение негативной оценки личности человека может быть реализовано с помощью широкого и крайне

разнородного спектра языковых единиц: от лексики, фиксирующейся в толковых словарях русского языка нормативного типа, в том числе с пометой «бранное» (например, слов «дура», «анафема», «выродок» и т.д.), до вульгарных, предельно низких обсценных обозначений, неприличных и по своему содержанию. Слова, закрепленные в качестве нецензурных в словарях субстандартной лексики русского языка, а также вульгарные выражения, тематически относящиеся к сексуальной и экскреторной сферам, безусловно, составляют полюс средств, в определенных случаях являющихся наказуемыми с точки зрения законодателя. При этом обнаруживается целый пласт оценочных номинаций вне этого достаточно строго очерченного полюса, вопрос о неприличности которых остается открытым и, находящийся в компетенции суда, тем или иным образом решается в рамках каждого конкретного эпизода судебной практики. Положение осложняется тем, что в некоторых случаях понятная с профессиональной лингвистической точки зрения (стилистически маркированная) грань оказывается тонкой, трудно уловимой для носителя языка, не компетентного в области филологии и/или не имеющего специальных познаний в юриспруденции, но являющегося членом современного российского общества, переживающего неоднозначный период, в котором само положение о табуированности некоторых традиционно непристойных тем уже может вызвать сомнения. Уместным кажется продемонстрировать это на примере гипотетического выбора участником конфликтной ситуации тех или иных инвективных единиц из последовательностей зооморфных метафор, употребление которых в различных значениях может актуализировать разнообразные контексты – разговорный, разговорно-сниженный и жаргонный, уголовный, часто неприличный по содержанию, а также жаргонизмов, распространившихся широко за пределами зоны их возникновения, и некоторых вульгарных выражений. Для наглядности можно сконструировать подобную гипотетическую модель выбора из конкретных лексем и привести последовательность обозначений, состоящую из слов «баран», «козёл», жаргонного обозначения лица как человека, морально опущенного, и, например, вульгарного наименования представителей мужского пола, прямое значение которого актуализирует сферу однополых сексуальных отношений. Расплывчатость вопроса, касающегося отделения неприличных средств выражения оценки от допустимых, учитывая важность эмотивной функции языка, его способности выражать чувства и эмоции человека вне перехода на средства невербальной агрессии, представляется серьезной проблемой. Подчас она выражается в неспособности участника коммуникации уловить границу между дозволенным и не дозволенным на интуитивном уровне и не перейти её. В большой степени это актуально для устного, живого общения, онлайн-коммуникации, когда речь обычно не запланирована, не подготовлена и отражает мгновенные реакции человека на меняющуюся действительность.

Проблемы социологического, культурно-педагогического характера, свя-

занные с уровнем образования, воспитания, грамотности индивидуума, выглядят существенными при включении его в публичную коммуникацию, в частности виртуальную. Развитое в разной степени умение выразить свою мысль позволяет говорящему более успешно либо менее успешно транслировать свою точку зрения аудитории. В случае выражения собственного мнения и оценки при ретрансляции какой-либо информации в сети Интернет этот навык будет определяющим для удачной реализации «реабилитирующего» [4] комментария, например. Так, успешный реабилитирующий комментарий приводится в работе М.А. Осадчего «Как оценивать комментарий автора репоста экстремистского материала в социальной сети»: «В ходе устного выступления лицо сообщает следующее: «Сегодня статистика говорит о том, что значительная часть преступлений в районе совершается всеми этими якобы не существующими киргизами, узбеками, таджиками (пауза). Хотя так говорить неправильно. Назовем их гражданами, находящимися на территории РФ нелегально» [4].

В завершение обратим внимание на то, что развивающееся законодательство всё чаще обусловливает развитие комплексных экспертиз – гуманитарных, если использовать определение Д.В. Дубровского, для указания на широту требующихся специальных познаний. Так, к примеру, инкриминируемая реабилитация нацизма, состоящая в соответствии со ст. 354.1 УК РФ в совершаемых публично:

– отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси;

– одобрении преступлений, установленных указанным приговором;

– распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны;

– распространении выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества;

– осквернении символов воинской славы России [5], затрагивает сферы компетенции различных специалистов гуманитарного профиля. На роль базовых при проведении исследования текстовых материалов в данном случае претендуют знания в области исторической науки. Именно они во многом оказываются незаменимыми при выделении круга спорных высказываний, денотативное и модальное содержание которых относится к предмету оценки лингвиста.

Таким образом, в связи с затронутыми темами в заключение отметим, что развитие прикладной филологии в настоящее время требуется не только для качественного разрешения правовых конфликтов, но и для осуществления просветительских действий общеобразовательного характера, то есть популяризации научного знания среди населения, общественно-политические механизмы жизни которого постоянно усложняются. Безусловно, приведенный в этой ста-

тье круг вопросов, возникающих сейчас в области прикладной филологии, экспертной деятельности, не является исчерпывающим и отражает частный горизонт восприятия автором собственной исследовательской практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дубровский Д.В. Гуманитарная экспертиза на экстремизм. [Электронный ресурс]. URL: https://postnauka.ru/video/91976 (дата обращения: 03.03.2019).
2. Доронина С.В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам. // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 245–249.
3. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
4. Осадчий М.А. Как оценивать комментарий автора репоста экстремистского материала в социальной сети [Электронный ресурс] // Уголовный процесс. 2018, ноябрь. № 11. URL: https: //e/ugpr.ru/article.aspx?aid=678930 (дата обращения: 05.03.2019).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598 (дата обращения: 19.03.2019).

Some actual questions in the sphere of linguistic and phonoscopic expertises

O.O. Petelina

Expert department of the Investigation Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in the Nizhny Novgorod Region (Russia, Nizhny Novgorod)
graol@bk.ru

The article is devoted to the problems that emerged in the own research practice in the sphere of linguistic (semantic) and phonoscopic expertises. It is about both adjoining issues of phonoscopic and semantic research, as well as questions directly related to the establishment of the semantic content of various textual materials.

Keywords: linguistic expertise, semantic expertise, phonoscopic expertise, phonographic expertise, forensic expertise.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТТИСКОВ РЕЛЬЕФНЫХ ПЕЧАТЕЙ

А.В. Полякова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
anastasia.poliakova811@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы недостаточной разработанности теоретического и методического обеспечения исследования оттисков рельефных печатей. Приводится система признаков, на основании которых эксперт будет устанавливать способ нанесения таких оттисков, а также общий источник происхождения оттисков в разных документах, а также оставлен ли оттиск определенной рельефной печатью. Также представлена структура экспертизы оттисков рельефных печатей, как предпосылка разработки типовой методики исследования данных объектов.

Ключевые слова: рельефная печать, оттиск рельефной печати, эмбоссер, конгревное тиснение, сухое тиснение.

Экспертиза оттисков рельефных печатей является редким подвидом технико-криминалистического исследования, по сравнению с исследованием оттисков печатей, изготовленных по «классическим» технологиям, и встречается обычно при расследовании преступлений, связанных с деятельностью крупных компаний, в гражданском судопроизводстве по делам о наследстве, о нарушении прав на результаты интеллектуальной деятельности и некоторым другим. С одной стороны, это объясняется спецификой как самих признаков рельефных печатей, так и работы с ними, а с другой – их криминалистическое значение еще не получило достаточную оценку в экспертной практике.

Изучение возможности решения задач технико-криминалистической экспертизы документов при исследовании оттисков рельефных печатей представляет научный и практический интерес и является актуальным, потому что использование данных печатей как корпоративных, семейных, именных и авторских знаков получает все большее распространение, и соответственно предпринимаются попытки подделки таких печатей. Кроме того, отечественная экспертная практика не обеспечена методикой исследования таких объектов. В связи с этим констатируем необходимость разработки типовой методики исследования оттисков рельефных печатей, используя зарубежные разработки в этой области [1].

К основным понятиям данного подвида исследований относятся рельефная печать, оттиск рельефной печати. Рельефная печать – это устройство, приспособление, представляющее собой две отгравированные пластины с прямым и инверсным рельефным изображением, закрепляемые в специальной оснастке, которое оставляет при давлении на документе оттиск, не имеющий окраски. Бумагу, картон помещают между пластинами, которые сдавливаются подобно прессу, оставляя на бумаге оттиск. Иногда такие печати называют печатями су-

хого тиснения, «сухими» печатями, пресс-печатями, эмбоссерами [2]. Степень рельефности оттисков зависит от силы давления (нажима) пресса, толщины и твердости материала документа.

Устройства для нанесения рельефных неокрашенных оттисков – эмбоссеры могут быть ручными и настольными. Они могут быть изготовлены из полимерных материалов, из металлов (магниевые, цинковые, медные, латунные). Эмбоссер, как правило, состоит из корпуса-основания, соединенного шарнирным способом с нажимной рукояткой, и двух круглых дисков-держателей, к которым клеевым способом крепятся клише матрицы и пуансона. На клише-матрице печатные элементы, выполненные в зеркальном изображении, углублены по отношению к пробельным, а на клише-пуансоне печатные элементы, выполненные в прямом изображении, наоборот рельефно выступают. К дискам-держателям прикреплены две металлические пластины, противоположные концы которых соединяются, образуя единую клинообразную пружинящую конструкцию. При этом верхний и нижний диски располагаются симметрично один над другим. Соединенные диски вставляются в клинообразный паз корпуса устройства и фиксируются в нем таким образом, что при нажатии на рукоятку оснастки верхний диск (матрица) плотно прижимался к нижнему диску (пуансону). Рельефно выступающие печатные элементы пуансона полностью совмещаются с углубленными печатными элементами матрицы, входя в них и образуя на бумаге, помещенной между дисками, рельефный оттиск.

Оттиск рельефной печати – это изображение, сформированное в результате давления на бумагу, картон, фольгированный лейбл. Данный оттиск характеризуется наличием следующих сущностных признаков – он объёмный, выпуклый, имеет ощутимый и видимый рельеф.

Перед экспертом в области технико-криминалистической экспертизы документов могут быть поставлены следующие вопросы:

– Каким способом нанесен оттиск печати на представленный документ?

– Не выполнен ли оттиск печати на документе при помощи эмбоссера, представленного на экспертизу?

– Нанесены ли оттиски печатей, расположенные в представленных на исследование документах, одной и той же печатью, эмбоссером?

Соответственно, необходимо изложить содержание и действия эксперта на каждой стадии экспертного исследования с учетом специфических особенностей рельефных печатей и их оттисков. Описание процедур основывается на общепринятых знаниях и опыте технико-криминалистической экспертизы документов и, следуя им, эксперт может прийти к выводу о том, имеют ли два и более оттиска рельефных печатей общее происхождение, или оставлен ли оттиск определенной рельефной печатью, эмбоссером.

Возможность идентификации печатей и штампов по их оттискам обусловлена наличием у каждой печатной формы характерной индивидуальной сово-

купности признаков, возникающих в процессе ее изготовления (содержание и размещение текста, особенности используемого материала и технологического процесса), и в процессе эксплуатации (выкрошенности, трещины, деформации элементов).

Предварительное исследование прежде всего предполагает выяснение экспертом сути стоящего перед ним задания и возможности его выполнения, полноты представленных материалов, тщательной проверки наличия и состояния объектов, указанных в постановлении (определении) о назначении экспертизы, временной период их изъятия. Кроме того, проводится предварительное изучение представленных на экспертизу материалов, разрабатываются экспертные гипотезы и намечается план дальнейшего исследования. Если возникают сомнения в способе нанесения оттисков, на исследование обязательно должны предоставляться образцы оттисков подлинных печатей или непосредственно печати. Если у преступника изъяты поддельные печати (штампы) или сохранились оригинал – макеты, то они также направляются на экспертизу. Для успешного решения задач идентификации значительную роль играет качество образцов (свободных и экспериментальных) подлинной печати (штампа). В соответствии с этим, к образцам предъявляются определенные требования; свободные образцы оттисков печатей (штампов) по дате своего нанесения должны быть по возможности ближе к сомнительным оттискам; количество сравнительных образцов должно быть примерно 20 оттисков.

После осмотра поступивших материалов, ознакомления с ними и с поставленными вопросами эксперт тщательно изучает представленный документ и оттиск на нем для установления, соответствует ли текст в оттиске содержанию документа (имеется ли смысловая согласованность или несогласованность).

На стадии раздельного исследования объектов изучаются общие и частные признаки клише, отобразившиеся в оттисках. К общим признакам относятся: содержание; форма (круг, треугольник, прямоугольник и т.д.); диаметр окружности, длина сторон треугольника или прямоугольника; расположение отдельных фрагментов (герба, текста и др.) относительно центра, основания печати (штампа); рисунок и размер букв; расстояние между буквами и словами и др.

Также осуществляется установление способа нанесения оттиска и вида примененного клише с использованием визуально-оптических методов и микроскопии. Определение способа получения оттиска удостоверительной формы может быть самостоятельной задачей, но оно является обязательным этапом при проведении идентификационного исследования. Эксперт также обращает внимание на наличие признаков, характерных для того или иного вида подделки оттисков печатей [3, с. 93–95].

Выявление признаков, обусловленных технологией изготовления клише, является наиболее сложным моментом при решении диагностических задач. Однако определить способ изготовления клише рельефных печатей еще более за-

труднительно, так как в оттиске не отображаются признаки, на которые эксперт ориентируется в оттисках красочных печатей. Предполагаем, что в таком случае, эксперт сможет ответить на вопрос, каким способом нанесен оттиск (конгревное тиснение), но не установить технологию изготовления клише. Тем более что пресс-форма для рельефных печатей предполагает наличие двух клише: матрицы и пуансона. На основании вышеизложенного считаем необходимым указать диагностические признаки, отображающиеся в оттисках, нанесенных эмбоссерами: значительная рельефность (выступание) штрихов знаков; наличие скосов овалов и закруглений углов в знаках; высота знаков, выполненных шрифтом одной гарнитуры, одинаковая, форма – конусообразная; неполное отображение на оттиске отдельных знаков, штрихов вследствие неравномерного давления; угловатость овальных элементов; нечеткость границ штрихов [4, с. 40]. На основании совокупности данных признаков, эксперт может прийти к выводу о том, что на исследование поступил рельефный оттиск, нанесенный способом конгревного тиснения/нанесенный эмбоссером.

Дальнейшее раздельное изучение направлено на выявление частных признаков объекта. К частным признакам относятся: особенности в размещении текста; особенности в расположении отдельных букв относительно линии строки, деталей герба или эмблемы относительно основания печати; отсутствие отдельных элементов в буквах, разрывы в штрихах; деформация букв и ободков; особенности микроструктуры штрихов; наличие в оттисках посторонних штрихов, точек. Важно отметить, что в силу специфики нанесения оттисков рельефных печатей, их исследование следует проводить как с лицевой, так и с оборотной стороны документа, так индивидуализирующие признаки будет иметь и клише-матрица, и клише-пуансон. Возникновение частных признаков удостоверительных печатных форм обусловлены имеющимися в них разного рода дефектами, возникающими на разных стадиях производства печатей (штампов), начиная с изготовления эскиза, а также появляются в результате постепенного износа (старения) клише в процессе эксплуатации.

Когда в распоряжение эксперта представлено непосредственно печать (штамп), то необходимо изучить под микроскопом особенности обеих ее следообразующих поверхностей с целью выявления характерных для них признаков. Следует обратить внимание на состояние печати (чистая, грязная, имеет повреждения), на характеристики класса печатей (дизайн, размер шрифта). Для клише-матрицы и клише-пуансона характерны следующие признаки: использование гарнитур типографского шрифта; как правило, используется шрифт без засечек; имеются следы от режущего инструмента, наблюдаются скосы овалов и закругления углов в знаках, конусообразная форма и одинаковая глубина знаков на боковых поверхностях углубленных штрихов клише-матрицы при изготовлении способом гравирования [4, с. 40].

После изучения следообразующих поверхностей клише следует провести

экспертный эксперимент в целях получения экспериментальных оттисков. Далее проводится их исследование с целью выделения в них общих и частных признаков, устанавливается причина их образования, устойчивость и, в конечном счете, определяется идентификационную значимость.

На стадии **сравнительного исследования** эксперт проводит сравнение признаков, выявленных в ходе раздельного изучения исследуемых объектов и образцов. Сравнение проводится поочередно от общих признаков к частным. Изучение и сравнение частных признаков можно проводить по масштабным фотоснимкам, изготовленных в одних и тех же условиях (при одинаковом освещении, режиме обработки) приемами сопоставления, совмещения и наложения.

Завершающим этапом исследования является **оценка результатов исследования и формулирование выводов**, на основе которой эксперт приходит к определенному выводу. Эксперт должен также оценить проведенное исследование с точки зрения его полноты, логичености и последовательности, а также примененных средств и приемов. При оценке установленных совпадающих признаков эксперт анализирует идентификационную значимость каждого признака в отдельности и всей их совокупности, степень устойчивости, а также особенности их взаимосвязи. Если наличествуют различающиеся признаки они должны быть оценены с точки зрения существенности/несущественности, причин их возникновения. На основании проведенной оценки по результатам идентификационного исследования могут быть сформулированы категорические либо вероятные положительный или отрицательный вывод о тождестве, либо вывод о невозможности решить поставленные вопросы.

Таким образом, рельефные печати, хотя и не получили еще широкого распространения в России, имеют обширную сферу их использования: могут применяться в полиграфической продукции; заверять официальные и имиджевые документы различных организаций, государственных и негосударственных учреждений; служить в качестве авторского знака, личной или фамильной печати; являются специальным средством защиты документов от подделок. Исследование оттисков рельефных печатей позволяет решать диагностические и идентификационные задачи технико-криминалистической экспертизы документов. В частности, может быть произведена идентификация оттисков печатей в нескольких документах, а также идентификация оттисков и печати, их оставившей.

Изложенная детализация стадий экспертного исследования оттисков рельефных печатей служит предпосылкой разработки типовой методики исследования данных объектов. Рассмотренная тема не теряет своей актуальности и может быть предметом дальнейших исследований, так как способы подделки, характерные для оттисков обычных печатей, и которые рассмотрены в криминалистической литературе, не могут быть полностью перенесены на оттиски

рельефных печатей, так как они имеют свою специфику нанесения. В связи с этим необходимо дальнейшая выработка и систематизация способов подделки оттисков рельефных печатей, а также методов выявления признаков такой подделки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. SWGDOC Standard for Examination of Dry Seal Impressions [Электронный ресурс] / Scientific Working Group for Forensic Document Examination (SWGDOC). URL: http://swgdoc.org/index.php/standards/published-standards (дата обращения 04.02.2019 г.).
2. Конгревное тиснение (конгрев) [Электронный ресурс] / Оперативная полиграфия Diamond Team. URL: http://www.diamondteam.ru/tisnenie-blint-kongrev/ (дата обращения 04.02.2019 г.).
3. Технико-криминалистическая экспертиза документов: Учебник / Под ред. В.Е. Ляпичева, Н.Н. Шведовой. Волгоград: ВА МВД России, 2005. 268 с.
4. Ефременко Н.В. Криминалистическое исследование оттисков печатей и штампов: Учебное пособие. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2005. 93 с.

Improvement of theoretical and methodological aspects of the study of dry seal impressions

A.V. Polyakova

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
anastasia.poliakova811@yandex.ru

The article deals with the problems of insufficient development of theoretical and methodological support for the study of prints of relief seals. The system of signs on the basis of which the expert will establish a way of drawing such impressions, and also the general source of an origin of impressions in different documents, and also whether the impression is left with a certain embosser is given. Also the structure of examination of impressions of relief seals as a prerequisite for the development of a standard methodology for the study of these objects is presented.

Keywords: relief seal, dry seal impressions, embosser, hot stamping, dry stamping.

ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ В ПРОИЗВОДСТВЕ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

Т.Б. Радбиль

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
timur@radbil.ru

В работе подводятся предварительные итоги совместного коллективного проекта кафедры судебной экспертизы юридического факультета и Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского по внедрению передовых идей и методов современной русистики в методику и практику производства речеведческих экспертиз. В статье дается оцен-

ка возможностей и границ использования идей и методов современной русистики для выявления и экспертной квалификации имплицитной информации разного рода, рефлексов интертекстуального взаимодействия, явлений фантазийной номинации в лингвистических экспертизах по разным категориям дел, а также для интердисицплинарных стратегий компьютерной атрибуции текста в судебном авторoведении. Делается вывод о возможностях использования результатов исследования для анализа и квалификации сложных, неявных диагностических языковых признаков в экспертизе по гражданским делам по унижению чести и достоинства, арбитражным делам по недобросовестной и / или недостоверной рекламе, по исследованию тождества товарных знаков или их сходства до степени смешения, по уголовным делам по экстремизму, а также в правоприменительной практике по установлению авторства спорных текстов.

Ключевые слова: русистика, речеведческая экспертиза, междисциплинарный подход, имплицитная информация, интертекст, фантазийные наименования, судебное авторoведение

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа обобщает предварительные результаты совместного коллективного проекта, осуществляемого учеными кафедры судебной экспертизы юридического факультета и Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, который разрабатывает проблему внедрения передовых идей и методов современной русистики в методику и практику производства речеведческих экспертиз – подробнее об этом, см. [1; 2; 3; 4].

Мы подведем промежуточные итоги в области оценки возможностей и границ использования идей и методов современной русистики для выявления и экспертной квалификации имплицитной информации разного рода, рефлексов интертекстуального взаимодействия, явлений фантазийной номинации, а также для интердисицплинарных стратегий компьютерной атрибуции текста в судебном авторoведении.

Весь этот разнообразный спектр лингвоэкспертных задач, требующих в каждом случае применения своей экспертной методики, все же объединяет общая методологическая платформа: для установления диагностических лингвистических признаков «законодательно запрещенной» вербальной информации в этих случаях недостаточно стандартных процедур анализа семантики слов по данным словарей, грамматических форм, синтаксических моделей и конструкций по данным авторитетных грамматик: необходим выход эксперта-лингвиста в сферу экстралингвистического (внеязыкового), культурно-ориентированного («фонового») содержания и ассоциативно-оценочной сферы указанных единиц. Иными словами, для решения разного рода задач прикладного характера необходим актуальный и крайне востребованный в современном гуманитарном знании **междисциплинарный подход**.

Не секрет, что сегодня все самое ценное, что сделано в современной гуманитаристике, сделано, так сказать, «на стыке наук». Это позволило сформировать новые стратегии научного поиска, основанные на интердисциплинарных связях

лингвистики и других наук, в частности, логики, психологии, социологии, культурологии, философии, семиотики, математики, компьютерных наук и пр. Эти новые стратегии, как оказалось, имеют существенный потенциал прикладного применения, в том числе в интересующей нас области производства лингвистических экспертных исследований.

ЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Современная русистика, с опорой на методы логического анализа языка, теории референции, теории речевых актов и лингвистической прагматики, выработала надежный и адекватный научный инструментарий анализа и экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков, которые прямым и непосредственным образом не эксплицированы в спорном тексте. Но это не значит, что они не выражены вообще! Сегодня мы имеем возможность достаточно однозначно и аргументировано обнаруживать рефлексы разнообразной имплицитной, т.е. словесно не выраженной информации в тексте [3; 4].

О.В. Кукушкина, Ю.А. Сафонова и Т.Н. Секераж справедливо отмечают «Делая вывод о наличии в тексте того или иного значения, эксперт должен исходить из критерия обоснованности того, выражены ли семантические признаки этого значения в сказанном. Эксперт должен обязательно указать средство выражения каждого признака значения. В сложных случаях это средство имеет имплицитный характер, и его обнаружение и описание требует высокой профессиональной компетенции. Анализ того, что именно сказано, не должен подменяться общими бездоказательными рассуждениями на тему что автор хотел сказать» [5, с. 21].

Иными словами, эксперта-лингвиста интересуют средства выражения «запрещенных» законодательно значений, которые не обязательно должны быть эксплицитно выраженными. В нашей концепции неявно выраженные, имплицитные смыслы устанавливаются так же однозначно, как если бы они были эксплицитными, и лингвистические механизмы их выражения в высказывании и / или в тексте вполне стандартны. Только они порождаются не системно-языковыми значениями единиц и категорий языка, а обращением к широкому внеязыковому («жизненному», экзистенциальному) контексту, обязательно с учетом той коммуникативной ситуации, в которой высказывание порождено и/или использовано. Это, собственно, и делает наш подход междисциплинарным.

В силу специфики устройства естественного языка, ряд смысловых компонентов высказывания и / или текста выражаются облигаторно, обязательно, уже самим фактом порождения высказывания и / или текста, независимо от воли и желания говорящего. Это такие компоненты, как коммуникативная направленность (цель, иллокутивная сила), тематический и сигнификативный фрагменты смысла (о чем сказано и что сказано), а также отношение, позиция говорящего

(в том числе – оценка, эмоция, экспрессия), которые в ряде случае могут быть нулевыми, т.е. нейтрализоваться в том или ином контексте. Но облигаторность выражения этих трех компонентов содержания не равна эксплицитности. Не менее облигаторно любое высказывание предполагает и скрытые смыслы, восстанавливаемые из контекста, из общей обстановки речи (ситуации), а также при обращении к фонду «энциклопедических» знаний о мире говорящего и адресата, к их культурным знаниям и пр. Иначе люди вообще были бы не способны общаться на естественном языке, потому что им пришлось бы эксплицировать огромное количество информации, которая в норме никогда не вербализуется, всегда подразумевается по умолчанию.

Таким образом, в наших работах разработаны механизмы выявления и экспертной квалификации имплицитной информации следующих типов, которые можно использовать в лингвистических экспертизах по делам об унижении чести и достоинства, оскорблении, экстремизме, речевых нарушениях в области рекламы и в документной экспертизе:

(1) выявление коммуникативной направленности высказывания в режиме косвенного речевого акта (скрытые призывы, скрытые утверждения, скрытые угрозы и пр.);

(2) выявление косвенных форм языковой объективации информации о фактах, выводной и квалифицирующей информации: утверждение, мнение, оценочное суждение, – которых выделяется две: пресуппозиция и инференция;

(3) выявление косвенных форм выражения негативно-оценочной информации о лице, его отдельных свойствах и качествах, его поступках и действиях (косвенные речевые акты негативно-оценочной квалификации);

(4) установление неявно выраженного адресного характера высказывания (т.е. кто / что имеется в виду), посредством механизма так называемой «референциальной инференции» [6];

(5) установление косвенных форм выражения значений, законодательно запрещенных нормативно-правовыми актами об экстремизме (призыв, угроза, обоснование, оправдание, обвинение, пропаганда, иные формы гиперидентичности);

(6) выявление наличия скрытых сравнений и / или противопоставлений с другими фирмами, товарами, услугами в рамках законодательства о рекламе;

(7) интерпретация ассоциативно-смыслового фона словесных обозначений товарных знаков в лингвистической экспертизе их тождества или сходства до степени смешения;

(8) толкование «темных мест» в спорных текстах деловых документов (законов, распоряжений, договоров, контрактов и пр.).

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРТНОМ ИССЛЕДОВАНИИ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНАХ

Этот подход был обоснован коллективом авторов в рамках заявленного выше исследовательского проекта в работе [7]. Было показано, что именно специальные знания лингвиста имеют решающее значение для выявления языковых признаков негативной информации в текстах российских СМИ как доказательной базы в делах по унижению чести и достоинства, оскорблению, экстремизму или противоречащей общественным интересам рекламе в случаях непрямого, «игрового» или маскировочного, т.е. манипулятивного использования возможностей языка и речи в конфликтогенных высказываниях. При этом особую трудность представляет экспертная квалификация контекстной семантики «**прецедентных феноменов**» как элементов «языка культуры» в современной речевой практике, которые используются журналистами для отрицательной образно-метафорической и экспрессивно-оценочной характеристики героев медиатекста. Для решения этих задач предлагается комплексная технология экспертного исследования, которая условно именуется нами «**герменевтический подход**», включающий методы лингвокультурологического, контекстуального и референциального анализа. Теоретической основой этого подхода выступают принципы анализа «языка культуры», разработанные в работах одного из авторов [8; 9].

Как указывают Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский и И.В. Жарков, это требует от эксперта повышенной тщательности, филологической, культурно-исторической и общекультурной выверенности анализа содержания, композиционно-речевой структуры и языковых средств рассматриваемого текста на фоне исследования его коммуникативно-прагматического характера. При этом необходим максимальный учет: (а) культурно-исторического и социокультурного контекста эпохи (в целом и вплоть до частных деталей), «узких» идеологических смыслов, разного рода ассоциаций, аллюзий, актуальных для соответствующего исторического времени; (б) особенностей менталитета, фоновых знаний, актуальных для носителей языка (создателей изучаемого текста), этнокультурного своеобразия (или лингвистической картины мира) данного языка (прежде всего – его лексико-фразеологического состава) [10, с. 160–189].

В наши дни интертекстуальность является важнейшим средством выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта [11; 12]. Применительно к целям нашего исследования укажем, что использование интертекста является, на наш взгляд, одним из самых действенных приемов формирования негативного имиджа физических и / или юридических лиц, о которых идет речь в медийных материалах, потому что задействует фоновые знания читателя, эксплуатирует его культурную компетенцию. При этом интертекстовая подача информации часто является и своего рода средством маскировки, вуалирования журналистом прямой негативной оценки, за что могут

последовать правовые санкции, потому что с трудом поддается однозначной экспертной квалификации.

С опорой на достижения современной русистики в области междисциплинарной парадигмы гуманитарного знания мы разработали модели выявления и экспертной квалификации таких «прецедентных феноменов», как интертекстуальные вхождения в медиатексты, принадлежащие разным культурным пластам: цитаты, аллюзии и «прецедентные имена» из авторских текстов или фильмов, трансформированные фразеологизмы, а также расхожие выражения, пословицы и поговорки, которые часто используются авторами СМИ в целях дискредитации героев своих материалов. Исследованию подлежала юридизированная, т.е. имеющая правоприменительное значение, негативная информация, порождаемая в адрес физических и / или юридических лиц, следующих типов: обобщающая негативная характеристика лица в целом; негативная характеристика отдельных свойств и / или качеств лица; негативная характеристика отдельных действий, поступков лица или его деятельности какого-либо рода в целом (чаще всего профессиональной).\

Так, для экспертного исследования на предмет возможной негативно-оценочной информации в используемых в текстах СМИ апелляциях к прецедентным именам или названиям иногда для правильной атрибуции источника интертекстуального включения необходимо хорошо ориентироваться, с одной стороны, в культурных событиях и реалиях современной жизни, а с другой – в ассоциативно-смысловом потенциале мировой культуры. Например, негативно-сниженная метафора «*Бедный, бедный театр!*», вынесенная в подзаголовок материала о директоре культурного учреждения, отрицательно характеризует результаты сотрудничества данного учреждения с академическим театром оперы и балета. Ее источником является «прецедентное название» знакового в свое время фильма «*Бедный, бедный Павел*» (2003) по пьесе Дмитрия Мережковского «Павел I» (повествующего о трагической судьбе императора). Более далекие культурные ассоциации, связанные с анализируемой фразой, отсылают нас уже к негативному фону, задаваемому знаменитым шекспировским «*Бедный Йорик!*» из «Гамлета».

В результате были выработаны предложения для оптимизации лингвистической экспертизы медийных текстов российских СМИ. В этих случаях эксперт должен, обратившись к затекстовой информации, не только верно атрибутировать источник интертекстуального вкрапления, но и выявить характер апелляции к культурному фонду адресата, способ взаимодействия семантики претекста и нового текста, коммуникативную направленность высказывания с «прецедентным феноменом», а также с максимальной достоверностью установить область референции спорного высказывания, т.е. определить, имеются ли в виду конкретное лицо / лица (в практике производства речеведческих экспертиз это – несколько нетерминологично – называется «адресный характер

высказывания»). Кроме этого, в ряде гражданских дел по унижению чести и достоинства необходимо дополнительно устанавливать языковую форму высказывания, в котором содержится негативная информация – утверждение, мнение (предположение) или оценочное суждение.

КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФАНТАЗИЙНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

Для современного состояние теории и практики речеведческих экспертиз отмечается существенное расширение объектов лингвистического экспертного исследования. В частности, сегодня формируется особое направление судебной лингвистической экспертологии, связанное с вопросами правоприменения в сфере арбитражного и патентного законодательства по вопросам юридической защиты товарных знаков. Как показала современная отечественная правоприменительная практика, значительную роль в выявлении и экспертной квалификации фактов, имеющих доказательственное значение в этой области, играет заключение специалиста-лингвиста. Товарные знаки изучает недавно сложившееся интердисциплинарное научное и практическое направление под названием **нейминг** – теория и практика создания и разработки названия для товарных знаков, торговых марок и т.п. [13].

Во избежание нарушения указанных в Статье 1483 Части 4 Гражданского кодекса РФ : требований к товарному знаку, чтобы название не порождало определенных ассоциаций к определенному товару (не содержало характеристики конкретного товара или услуги) или чужой торговой марке (не воспринималось как тождественное или сходное до степени смешения с другим знаком), рекламисты и товаропроизводители прибегают к созданию так называемых **«фантазийных» наименований** – это придуманное наименование; слово или группа слов, которые созданы по несуществующим в системе языка моделям образования или с нарушением существующих моделей; данные наименования могут выступать в роли товарных знаков, торговых марок и пр. Создание подобных наименований подчиняется в принципе общим закономерностям неологии и вписывается в основные модели активных процессов, происходящих в национальном языке [14].

Экспертный лингвистический анализ подобных наименований имеет свою специфику, потому что данные словесные обозначения не имеют узуальной языковой семантики, но тем не менее порождают определенные смысловые ассоциации у потребителя (иными словами, мы в этой ситуации сталкиваемся с необходимостью анализировать непрямую, имплицитную информацию ассоциативной природы). Однако современная лингвистическая экспертиза выработала определенные исследовательские механизмы выявления и квалификации указанной имплицитной информации, которые сегодня успешно применяются и в экспертизе словесных обозначений товарных знаков.

В основном на разрешение эксперта-лингвиста в экспертизе словесных обо-

значений товарного знака ставится три класса вопросов:

(1) выяснение признаков наличия / отсутствия тождества или сходства до степени смешения анализируемого словесного обозначения с каким-либо иным словесным обозначением ранее зарегистрированного другого товарного знака;

(2) выяснение потенциала охраняемости (охраноспособности) данного словесного обозначения в плане наличия / отсутствия различительной способности, т.е. его возможного совпадения с какой-либо разновидностью общеупотребительного термина, сложившегося и общепринятого наименования какого-либо продукта и / или услуги (т.е. магазин нельзя назвать «Магазин»);

(3) выяснение наличия / отсутствия, в соответствии с приятым законодательством, элементов, характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта (т.е. коньяк нельзя назвать «Коньяк»).

По сути, эти вопросы являются лингвистической интерпретацией требований к товарному знаку, изложенных в новой редакции «Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков» (прин. на осн. Приказа Минэкономразвития России от 20 июля 2015 г. № 842).

Для разрешения этих вопросов применительно к экспертному анализу именно фантазийных наименований используется довольно сложный научный инструментарий. Его сложность обусловлена комплексным характером применяемой экспертной методики и технологии. Лингвистический аспект для решения данного вопроса имеет первостепенное значение, так как наличие / отсутствие тождества словесных обозначений или их сходства до степени смешения, совпадения с общеупотребительными наименованиями или указания на характеристику конкретного товара является комплексной проблемой, решаемой посредством выявления наличия или отсутствия общих существенных **фонетических, графических** и **семантических** признаков у сравниваемых обозначений. Иногда дополнительно используется и **стилистический анализ** – для выявления оценочности, наличие экспрессии, применения средств языковой выразительности или языковой игры в целях повышения привлекательности обозначаемого товара в глазах потребителя.

Правоприменительная практика последних лет по делам, связанным с определением тождества товарных знаков до степени смешения, согласно положениям, изложенным в работе [15], предполагает в экспертном заключении лингвиста учитывать и **прагматический** критерий – того, как влияет внеязыковая информация, связанная с типом использования продукта, сферой его употребления и пр., на восприятие товарного знака аудиторией в целом и его опорных компонентов в частности. Именно данные лингвопрагматического анализа по-

зволяют решить вопрос о возможном функционировании словесного обозначения или его элементов в речевой практики социума и, соответственно, в зоне адресата – потенциального потребителя в качестве сложившегося и общепринятого наименования какого-либо продукта и / или услуги, не ассоциирующегося в продукцией и / или услугами какой-либо организации, что способствует квалификации указанных явлений в качестве общеупотребительных, и следовательно, имеющие слабый потенциал для возможной дифференциации именно данной организации, для формирования отличительных языковых признаков словесного обозначения в сфере потенциальной охраняемости / неохраняемости данного словесного обозначения.

В качестве примера рассмотрим реальную лингвистическую экспертизу фантазийного словесного обозначения торговой марки ECOWALD на предмет наличия или отсутствия в нем языковых признаков, свидетельствующих о возможной охраноспособности или неохраноспособности данного наименования. **Предметом лингвистического исследования** являлось установление наличия или отсутствия в значении, смысловых ассоциациях, графической и / или фонетической форме словесного обозначения ECOWALD информации, указывающей на характеристику каких-либо товаров, в том числе включающей указание на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта.

Было установлено, что, несмотря на то, по отдельности элементы этого словесного обозначения имеют определенный смысл (ECO – элемент интернациональной лексемы, означающий «что-то имеющее отношение к экологии или экологическому»; WALD – корень немецкого по происхождению слова со значением «лес»), в целом данное именование не имеет в русском языке общеупотребительного значения, не имеет фонетического и / или графического сходства с какими-либо реально существующими словами в современном русском языке, в том числе заимствованными из других языков, не входит во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида. В силу вышесказанного данное словесное обозначение не может содержать указание на вид товаров или услуг, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта. Иными словами, фантазийное словесное обозначение ECOWALD вообще не имеет возможности порождать смысловые ассоциации с какими-либо товарами. Оно обладает достаточными различительными признаками, свидетельствующими о потенциальной охраноспособности данного словесного обозначения торговой марки в случае его регистрации в таковом качестве.

В целях нашего исследования мы можем отметить, что в случае с фантазийными наименованиями мы не можем применять стандартный лексико-семантический анализ, поэтому нам приходится анализировать семантический потенциал других уровней языкового выражения, в частности, использовать

этимологический, словообразовательный и грамматический анализ. Кроме того, при использовании в нейминге иноязычных компонентов, в том числе интернационального характера, может понадобиться исследовательский инструментарий сопоставительной лингвистики [16]. Иногда также требуется установить культурные фоновые знания, стоящие за наименованием: в этих случаях необходим научный аппарат концептуального анализа и лингвокультурологии.

КОМПЬЮТЕРИЗОВАННЫЕ МОДЕЛИ АТРИБУЦИИ ТЕКСТА В СУДЕБНОМ АВТОРОВЕДЕНИИ

Еще одним аспектом внедрения передовых идей и методов современной русистики в современные технологии производства речеведческих экспертиз является использование компьютерных моделей атрибуции текста в судебном авторoведении. Здесь мы можем говорить об успешном союзе лингвистики и математики на базе компьютерных наук для решения важных прикладных задач, т.е. о междисциплинарности в чистом виде. Одной из такой социально значимых сфер приложения идей и принципов современной лингвистики является речеведческая экспертиза, особенно такая энергозатратная и трудоемкая ее разновидность, как **экспертиза авторoведческая**. В связи с развитием компьютерных технологий, с одной стороны, и с успехом применения математических вероятностно-статистических моделей в исследовании самых разнообразных аспектов бытия человека в мире – с другой, судебное авторoведение сегодня получает новые импульсы.

Вероятностные модели языка сегодня, как пишут Е.И. Галяшина и Е.И. Ермолова, используются для решения как идентификационных, связанных с установлением авторства спорных текстов, так и для диагностических (определение необычного психофизиологического состояния, установления пола, возраста, области проживания, уровня образованности и пр.), задач [17]. В рамках обсуждаемого нами комплексного исследовательского проекта начальный этап этого направления деятельности представлен в работах В.А. Юматова, М.В. Маркиной и др. [18; 19], в которых были заложены основы создания и первичной апробации компьютеризованной модели идентификационного авторoведческого экспертного исследования текстов посредством автоматической обработки текстов на основе комплексного применения вероятностно-статистических методов – программы «КАТ» (компьютерная авторизация текста).

В настоящее время создается и совершенствуется научно-практическая платформу для экспертного идентификационного анализа текстов на предмет их диагностики и авторизации. Поставленная задача требует междисциплинарного подхода. С одной стороны, исследование подобного рода базируется на данных лингвистики, в том числе фразеологии, грамматики и других областей знаний о языке и письменной речи, на системе знаний об условиях и закономерностях речевого поведения человека. С другой стороны, исследуемый текст характеризуется определенными статистическими закономерностями, которые

измеряемы и вычислимы с достаточной степенью объективности, что позволяет применять математические методы для достижения требуемых результатов. Современное развитие компьютерных технологий позволяет в значительной степени формализовать и автоматизировать указанные исследования при наличии теоретически непротиворечивых и методологически оправданных параметров анализа.

Итак, в основу предлагаемой нами методики положено определение относительных частот соотношения тех или иных языковых элементов (вычисление коэффициентов корреляции и – на этой основе – колебания параметров) в нескольких выборках из сравниваемых текстов по комплексу разноуровневых параметров – коэффициентам Б.Н. Головина [20], дополненному существующими в научной практике и прикладной сфере индексами понятности текста («индекс Флеша-Кинкейда», «FOG-индекс») и рядом других, параметров.

В разрабатываемой компьютеризованной модели авторизации и диагностики осуществляется комплексное применение вероятностно-статистических методов в судебной автороведческой экспертизе, в результате чего производится характеристика разных уровней текста и объективируются константные и дифференциальные признаки спорных текстов на основе сопоставления относительных частот встречаемости повторяющихся элементов в нескольких репрезентативных выборках из сопоставляемых текстов по отношению друг к другу: это повышает степень достоверности и верифицируемости, так как относительные величины являются более индивидуализированными признаками речи.

Исследовательская модель базируется на следующих принципах. Имеются несколько баз текстов. Каждая база – это тексты, написанные одним человеком. Имеется новый текст, авторство которого неизвестно. Необходимо определить, написан ли текст одним из авторов, тексты которых хранятся в базах, либо же новым автором. Представим базы текстов в виде матриц, где количество столбцов m- количество обработанных текстов, количество строк n - количество параметров этих текстов.

Пусть у нас, например, три базы текстов с матрицами A, B, C.

$$\begin{matrix} a_{11} & a_{21} & \dots & a_{m1} \\ a_{12} & a_{22} & \dots & a_{m2} \\ \dots & & & \\ a_{1n} & a_{2n} & \dots & a_{mn} \end{matrix} \qquad \begin{matrix} b_{11} & b_{21} & \dots & b_{m1} \\ b_{12} & b_{22} & \dots & b_{m2} \\ \dots & & & \\ b_{11} & b_{21} & \dots & b_{mn} \end{matrix} \qquad \begin{matrix} c_{11} & c_{21} & \dots & c_{m1} \\ c_{12} & c_{22} & \dots & c_{m2} \\ \dots & & & \\ c_{11} & c_{21} & \dots & c_{mn} \end{matrix}$$

Для нового текста определены те же n параметров, как и для текстов из баз. Тогда новый текст можно охарактеризовать вектор-столбцом:

$$new\ (new_1, new_2, \dots, new_n)^T.$$

Для каждой матрицы посчитаем коэффициент корреляции Пирсона каждого столбца с вектором new и получим (с учетом наличия 3 баз) три вектора s, p, r

длины m. Далее найдем среднее значение элементов каждого вектора. Получим усредненные $\bar{s}$, $\bar{p}$, $\bar{r}$, из этих значений составим вектор $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$. Новый текст можно добавить в уже существующую базу текстов в том случае, если компонент вектора $k(\bar{s}, \bar{p}, \bar{r})$, соответствующий коэффициенту корреляции именно с этой базой близок к единице в пределах доверительного интервала. Если это условие не выполняется, то текст добавляется в новую базу [21].

Наиболее важным моментом создания алгоритма является правильный подбор параметров корреляции. Параметры должны отражать сознательный выбор автором грамматических моделей и синтаксических конструкций и специфику отбора слов. В качестве базовых параметров, которые позволяют только исключить определенное авторство, но не диагностировать его, предлагается включить показатели понятности текста: индекс Флеша-Кинкейда и индекс «туманности» текста – так называемый FOG-индекс. В данном исследовании учет этих параметров не проводится. Еще раз отметим, что это – вспомогательные параметры, позволяющие исключить авторство, но не идентифицировать его: иными словами, существенные расхождения в значениях этих индексов означает, что текст создан разными авторами, но одинаковое значение индексов может быть характерно и для разных авторов, и для одинаковых авторов. Из являющихся традиционными для методик данного рода вспомогательных параметров, которые исключают, но не идентифицируют авторство, мы включили значения такие параметры, как **средняя длина слова** и **средняя длина предложения**, и один формальный показатель – **отношение количества знаков препинания к количеству слов**. Собственно идентификационное значение для авторизации имеют параметры, представленные в работе Б.Н. Головина «Язык и статистика» (1970).

- **Коэффициент предметности (Pr)** - отношение суммы существительных и местоимений к сумме прилагательных и глаголов.
- **Коэффициент качественности (Qu)** - отношение суммы прилагательных и наречий к сумме глаголов и существительных.
- **Коэффициент активности (Ac)** - отношение суммы глаголов и глагольных форм к количеству слов в тексте.
- **Коэффициент динамизма (Din)** - отношение суммы глаголов и глагольных форм к сумме существительных, прилагательных и местоимений.
- **Коэффициент связности текста (Con)** - отношение суммы предлогов и союзов к числу предложений [20].

Вычисление указанных параметров для большого количества текстов позволяет сделать вывод о возможности применения коэффициента корреляции Пирсона, т.к. выборки подчинены нормальному закону распределения. Следует отметить, что при вычислении этих восьми параметров корреляции используются в целом двенадцать параметров текста: *количество знаков препинания; количество слов; количество предложений; средняя длина слова; средняя длина*

предложения; количество существительных; количество прилагательных; количество глаголов; количество местоимений; количество наречий; количество предлогов и союзов. Рекомендуемый размер выборки текста – не менее 500 слов и 30 предложений.

Практическая реализация предложенной модели как раз и нашла свое выражение в создании компьютерной программы криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ», предназначенной для автоматизированной обработки текстовых данных [18; 19]. В настоящее время она находится еще в стадии разработки. Уже на этом этапе видны преимущества и недостатки данной модели. Преимущества заключаются в относительной простоте использования, интуитивной понятности параметров авторизации и логики их исчисления, а также прозрачности качественной интерпретации результатов, что имеет порою решающее значение в представлении результатов автороведческого экспертного исследования в суде, перед лицами, не являющимися специалистами в данной области. Определенным недостатком программы на данной стадии разработки является некоторая «грубость», «приблизительность» В вычислениях коэффициентов корреляции, имеются вопросы и к самому составу параметров, и к необходимому и достаточному количеству выборок текстов (также и к объему самих выборок) и пр. Необходимы более тонкие и точные расчеты, что напрямую зависит от качественного состава и объема баз данных текстов.

Поэтому в перспективе необходимо как количественное расширение существующих баз данных, так и создание новых баз данных по текстам разных стилевой принадлежности (тексты СМИ, политические тексты, юридические документы, официально-деловые документы и пр.), Также желательно осуществить дифференциацию баз данных текстов по хронологическому принципу, по тематической направленности, по жанровой принадлежности, по авторам и т.п. Именно в этом случае можно будет решать экспертные задачи по авторизации и диагностике спорных текстов в наиболее юридизированных областях бытования текстов в современном мире – в медийном и политическом дискурсе, в юридической, официально-деловой и коммерческой документации и пр.

ВЫВОДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проведенное исследование еще раз показало значительный и во многом еще не реализованный в полной мере потенциал использования передовых идей и методов современной русистики в производстве речеведческих экспертиз. Внедрение современных интердисциплинарных стратегий научного поиска в гуманитарном знании в решение прикладных задач экспертной практики продемонстрировало достаточно разнообразный спектр возможных приложений для выявления и последующей экспертной квалификации сложных, неявных диагностических языковых признаков по разным категориям дел – от гражданских дел по унижению чести и достоинства, от арбитражных дел по недобросовестной и / или недостоверной рекламе, по исследованию тождества товарных

знаков или их сходства до степени смешения до уголовных дел по экстремизму, а также в правоприменительной практике по установлению авторства спорных текстов

В качестве перспектив дальнейшего исследования видится дальнейшая разработка и совершенствование авторского экспертного инструментария по выявлению и надлежащей экспертной квалификации диагностических лингвистических признаков в спорных и конфликтогенных поликодовых текстах (сочетающих в себе элементы вербальной и невербальных семиотических систем) в среде интернет-коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Язык и метод в современной судебной экспертизе: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. каф. суд. экспертизы ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.Ю. Арефьева. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
2. Радбиль Т.Б. Выявление содержательных и речевых признаков недобросовестной информации в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 146–149.
3. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 1–1. С. 286–290.
4. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Способы выявления имплицитной информации в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №3–2. С. 18–21.
5. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
6. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Референциальный анализ в лингвистической экспертизе русскоязычных медиатекстов // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8-12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е.Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-х т. Т.1. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 342–348.
7. Радбиль Т.Б., Юматов В.А., Гранева И.Ю., Наговицына Н.В. Анализ «прецедентных феноменов» в лингвистической экспертизе российских медиатекстов // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете (МКР-Барселона 2018) / Ред.: Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья. Барселона: Trialba Ediciones, 2018. С. 544–554.
8. Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова //

Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. С. 137–153.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учебное пособие. Изд. 4-е. М.: Флинта; Наука, 2016. 328 с.
10. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ: Сборник материалов. М.: ИПК «Информкнига». 2010. 208 с.
11. Кронгауз М.А. Энергия клишированных форм // Лики языка: Сб. ст. к 45-летию научной деятельности Е.А. Земской / Отв. ред. М.Я. Гловинская. М.: Наследие, 1998. С. 185-195.
12. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Пред. С. Гардзолио; Пред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
13. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 288 с.
14. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 134–221.
15. Судебные экспертизы в гражданском судопроизводстве: организация и практика / под ред. Е.Р. Россинской. М: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. 535 с.
16. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 25. Контрастивная лингвистика / Сост. В.П. Нерознак, В.Г. Гак. М.: Прогресс, 1989. С. 5–17.
17. Галяшина Е.И., Ермолова Е.И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. 2005. № 3. С. 5–11.
18. Юматов В.А., Маркина М.В., Ковалева А.С. Программа криминалистической диагностики и авторизации текста «КАТ» // Вестник Костромского университета. 2015. Т. 21. № 3. С. 199-202.
19. Юматов В.А., Маркина М.В., Юматов С.В. Математические методы криминалистической диагностики и авторизации текста в речеведческой экспертизе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С.227-232.
20. Головин Б.Н. Язык и статистика. М.: Просвещение, 1970. 190 с.
21. Кремер Н. Ш. Теория вероятностей и математическая статистика. Изд-е 3, перераб. и доп. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2007. 543 с.

Ideas of the contemporary Russian studies in proceeding of speech expertise

T.B. Radbil

The Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
timur@radbil.ru

The paper presents preliminary results of joint collective research project of the department of forensic expertise in Law Faculty and the Institute of Philology and Journalism, The Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, devoted to implementation of some progressive ideas and methods of the contemporary Russian studies in methodology and practice of proceeding of speech expertise. The evaluation of potentialities and limits of usage of ideas and methods of the contemporary Russian studies for detection and expert qualification of various implicit information, reflexes of inter-textual interaction, phenomena of fantasy naming as well as for interdisciplinary strategies of text computerizing attribution in judicial studies in authorship is given in the work. The author comes at a conclusion on potentialities to use the results of the research project for analysis and qualification of difficult, non-evident diagnostic language features in expertise in civil cases of humiliation of honor and dignity, arbitration cases on unfair and / or false advertising, on the identity of trademarks or their similarity to the degree of confusion, on criminal cases on extremism, as well as in law-enforcement practice on establishing authorship of controversial texts.

Keywords: Russian studies, speech expertise, interdisciplinary approach, implicit information, inter-text, fantasy names, judicial studies in authorship.

ПОКАЗАНИЯ ЭКСПЕРТА КАК ОДНО ИЗ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

З.Г. Раджабова

Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление
Экспертно-криминалистическая служба – региональный филиал ЦЭКТУ
(г. Пятигорск)
Экспертно-исследовательский отдел № 2 (Россия, г. Махачкала)
zaraaa.09-85@mail.ru

В уголовном судопроизводстве России показания эксперта как доказательство используется намного реже, чем заключение эксперта, в то время как намного эффективнее было бы для органов предварительного расследования и суда рассматривать и оценивать их как единое целое.

Ключевые слова: показания эксперта, заключения эксперта, судебная экспертиза, уголовное судопроизводство.

Как известно, зачастую при производстве по уголовному делу возникают вопросы, разрешение которых требует специальных знаний, носителями которых выступают эксперты в процессе осуществления ими судебно-экспертной деятельности. Судебно-экспертная деятельность даёт возможность обнаруживать информацию о следах преступления, недоступную органам правоприменения [1,

с. 164]. Эта информация используется в уголовном процессе в рамках доказывания по уголовному делу. В соответствии со статьей 75 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) доказательствами по уголовному делу считаются любые сведения, на основе которых судом, прокурором, следователем, дознавателем устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Среди таких доказательств важное место занимают заключение и показания эксперта. На первый взгляд, заключение и показания эксперта в УПК РФ – это одно доказательство, то есть одно не рассматривается без другого. В статье 80 УПК РФ заключение эксперта трактуется в качестве сведений, сообщенных им на допросе, проведенном после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения данного им заключения. При первом прочтении этой формулировки напрашивается вывод, что заключение эксперта должно завершаться допросом эксперта, который расставит все точки над i. Однако на практике «заключение эксперта» позиционируется отдельно от «показаний эксперта». Если заключение эксперта используется практически в каждом уголовном деле как источник информации, имеющей доказательственное значение, то о показаниях эксперта вряд ли можно такое сказать. Как показывает практика, следственные органы достаточно редко проводят допрос эксперта для разъяснения или уточнения данного им заключения, что является достаточно большим упущением.

Как и любое другое доказательство, заключение эксперта не имеет заранее установленной силы и должно быть оценено дознавателем, следователем, прокурором и судом в соответствии с принятыми правилами. Тем не менее, оценка судебно-экспертных результатов считается наиболее сложной ввиду использования специальных знаний [2, с. 8]. При самостоятельном изучении экспертного заключения лицами, назначившими производство судебной экспертизы и несведущими в области науки, техники, искусства и ремесла, не исключается возможность превратного толкования, ибо процесс формирования внутреннего убеждения эксперта проходит ряд этапов, содержание которых полезно изучить субъектам доказывания и суду в целях проведения надлежащей оценки экспертного заключения. Ход мыслей и этапы рождения выводов эксперта не всегда возможно в полной мере отразить в заключении эксперта. Ни одно даже самое объективное, всестороннее и полное заключение не может во всех красках и деталях расписать лицам, не обладающим специальными знаниями, всю суть проведенного экспертного исследования. Допрос же эксперта как в ходе предварительного расследования, так и на стадии судебного следствия дает возможность всем несведущим участникам уголовного процесса для себя разъяснить наиболее существенные моменты, исключить или подтвердить сомнения в наличии экспертных ошибок, а если таковые имеются, не допустить их влияния на выносимое судебное решение. На основании показаний эксперта может

быть принято решение о проведении повторной или же дополнительной экспертизы, в случае возникновения сомнений в достоверности выводов эксперта. Возможна и обратная ситуация, когда на возникающие при первом ознакомлении с заключением эксперта вопросы показаниями эксперта даны ответы, и тогда необходимость в назначении повторной или дополнительной экспертизы отпадет сама собой.

Иначе дело обстоит в случае использования следователем своего права, закрепленного статьей 197 УПК РФ, присутствовать при производстве судебной экспертизы. Как считают некоторые авторы, закрепленное в законе право участников процесса присутствовать при производстве судебной экспертизы в государственном судебно-экспертном учреждении можно было бы рассматривать в какой-то мере как возможность контроля качества за экспертизой [3, с. 457]. Однако данное право крайне редко реализуется следователями в связи с большой загруженностью.

В случае, если лица, осуществляющие производство по уголовному делу, возьмут за правило обязательное проведение допроса эксперта по результатам судебной экспертизы, будет решена и другая проблема с реализацией положений отдельных статей УПК РФ. Так, в части 2 статьи 195 УПК РФ предусмотрена возможность производства судебной экспертизы государственными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями, а в части 1 статьи 198 УПК РФ сказано, что подозреваемый, обвиняемый, его защитник вправе ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении. На практике же эта возможность ограничена из-за сомнений в компетентности и объективности экспертов негосударственных экспертных учреждений или частнопрактикующих экспертов [4, с. 141]. Если бы сразу после получения заключения эксперта проводился допрос эксперта, то его показания можно было бы рассматривать в качестве контроля качества, позволяющего следователю провести оценку относимости, допустимости и достоверности полученного доказательства, как того требует статья. В таком случае проблема реализации положений, предусмотренных статьями 195 и 198 УПК РФ, отпала бы сама собой, что позволило бы наиболее полно реализовать принцип состязательности и исключить на стадии судебного следствия любые возможные вопросы по этому поводу на последующих этапах судопроизводства со стороны защиты и суда.

Нужно отметить, что в российском уголовном судопроизводстве есть деление сведущих лиц на экспертов и специалистов, но нет дифференциации экспертов по категориям. Для сравнения обратимся к судопроизводству в странах англосаксонской правовой семьи. Нужно сразу отметить, что в этих странах носители специальных знаний не подразделяются на экспертов и специалистов. Однако все сведущие лица оказывают консультативную помощь и не ограничиваются проведением экспертизы. Так, в США по своей роли сведущие лица

делятся на: 1) «несвидетельствующих экспертов», или экспертов-консультантов («the nontestifying expert»); 2) «свидетельствующих экспертов» (the testifying expert); 3) «внутренних экспертов» («the inhouse expert»); 4) «назначенных судом экспертов» («the court-appointed expert») [5, с. 270]. В континентальном праве, к которому относится и правовая система РФ, заключение эксперта и показания эксперта признаются равными доказательствами. Экспертные показания в странах с англо-американским уголовным процессом, данные в рамках судебного разбирательства, имеют преимущественный характер над его заключением. В случае неявки эксперта на судебное заседание его заключение может быть оценено судом как «основанное на слухах» (производное доказательство) и признано недопустимым в соответствии с правилом «Hearsay». Это правило является наиболее специфическим феноменом в системе доказательств англо-саксонского права [6, с. 20]. Основной целью правила Hearsay является недопущение использования в доказывании так называемых показаний с чужих слов, доказательств из вторых рук (производных доказательств). Речь идет о показаниях, данных до или вне судебного разбирательства. В России вызов эксперта в судебное заседание является правом, а не обязанностью суда, который обычно может рассматривать дело без эксперта, давшего письменное заключение, но не явившегося в суд по тем или иным причинам. Можно привести множество примеров из отечественной судебной практики, когда суд принимает заключение эксперта в качестве доказательства, не вызывая и не допрашивая эксперта в ходе судебного заседания.

При использовании производных доказательств в уголовном судопроизводстве основной опасностью является возможность существенного искажения (в том числе непреднамеренного) и изменения доказательственной информации при ее передаче. Принцип «отсутствия разумного сомнения» позволяет обозначить значительную степень уверенности, к которой должен прийти суд, имея достаточные основания, для признания подсудимого виновным в совершении преступления [6, с. 32]. Недоступность первоисточника информации для непосредственного исследования и оценки судом может нарушить право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Однако необходимо подчеркнуть, что континентальный принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению и англо-американский принцип «отсутствия разумного сомнения» не следует рассматривать ни как однородные по содержанию, ни как противоположные друг другу [7, с. 130].

Для эксперта безусловность и безоговорочность проведения допроса после дачи заключения может стать дополнительной мотивацией к более ответственному подходу при проведении исследования и формулировании выводов, каждый этап его деятельности станет более взвешенным и основательным, но зато и в судебном заседании будет уверенно и обоснованно отвечать на вопросы сторон.

Таким образом, необходимость получения показаний эксперта как на стадии досудебного производства, так и на стадии судебного разбирательства позволит удостовериться всем участникам уголовного процесса в обоснованности и достоверности сформулированных экспертов выводов. Внедрение в практику деятельности правоохранительных органов обязательного дополнения заключения эксперта показаниями эксперта позволит перейти к упрощенной форме заключения эксперта, не требующей подробного и детального описания всех проделанных манипуляций, то есть ограничиться кратким изложением проведенных исследований и полученных выводов.

В реалиях формирования правового общества безоговорочность допроса эксперта и получения его показаний после дачи им заключения позволят гарантировать каждому человеку и гражданину при предъявлении ему уголовного обвинения право на справедливое разбирательство дела независимым и беспристрастным судом за счет оценки заключения эксперта с учетом первоисточника, обеспечения процессуальных гарантий сторон оспаривать заключение эксперта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рамазанов Т.Б. Заключения и показания эксперта и специалиста как доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С.161–166.
2. Дьяконова О.Г. Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 8–10.
3. Плесовских Ю.Г. Проблемы правового обоснования контроля качества судебно-экспертного исследования // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 3. С. 456–462.
4. Сефикурбанов К.С., Раджабова З.Г. К вопросу о реализации принципа состязательности при назначении при производстве судебной экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 21. 2017. № 1. С. 140–144.
5. Алексеев С.Г., Лукичев Б.А. Правовой статус сведущих лиц в судопроизводстве США и Канады // Общество и право. 2011. №2. С. 270–272.
6. Галяшин Н.В. Англосаксонская модель производных доказательств (HEARSAY) и возможности ее использования в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М.: МГЮА, 2016. 237 с.
7. Самутичева Е.Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2015. 189 с.

Expert testimony as one of the evidence in criminal proceedings

Z.G. Rajabova

Central Forensic Expert Customs Administration
Forensic Expert office – branch CFECA (g.Pyatigorsk)
Forensic Expert Department № 2 (Russia, Makhachkala)
zaraaa.09-85@mail.ru

In criminal proceedings in Russia, expert testimony as evidence is used much less often than expert opinion, while it would be much more effective for the preliminary investigation and court authorities to consider and evaluate them as a single unit.

Keywords: expert testimony, expert opinion, forensic examination, criminal proceedings.

О ПРОБЛЕМАХ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ РАЗМЕРОВ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМИ И ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ ПРИРОДНЫМ ОБЪЕКТАМ И РЕСУРСАМ

Ф.П. Румянцев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
odo-328@mail.ru

Приводится анализ проблем формирования экспертного заключения по результатам проведенных экспертиз по факту порчи земли, произошедшего в результате нарушения правил внесения и временного складирования минеральных удобрений. Указывается на необходимость разработки четких критериев для проведения экспертизы почвенных проб, отобранных с земельного участка с признаками порчи земли для объективной квалификации совершенного правонарушения. Формулируются предложения по дополнению действующей редакции ст. 254 УК РФ.

Ключевые слова: порча земли, минеральные удобрения, правила, превышение, ответственность.

Земельные ресурсы, обладая уникальным свойством плодородия и являясь незаменимым средством производства в сельском хозяйстве, подвергаются в процессе технологии возделывания различных сельскохозяйственных культур, а также при проведении иных производственных работ, связанных с применением минеральных удобрений или защитой культурных растений от многочисленных вредителей, болезней и сорняков, воздействию различных пестицидов, гербицидов, инсектицидов и иных агрохимикатов, без применения которых современное сельскохозяйственное производство обойтись не способно будет еще достаточное длительное время, особенно в условиях объективно усиливающейся тенденции уменьшения площадей сельскохозяйственных угодий и одновременным увеличением потребностей в объемах производства продуктов питания. Минеральные удобрения могут представлять собой потенциальную опасность загрязнения почвенного горизонта, как правило, либо в случаях значительного превышения рекомендуемых доз их применения, что бывает на

практике достаточно редко, либо в случаях технологических сбоев при загрузке минеральных удобрений в специализированные машины перед внесением непосредственно в поле, либо при временном хранении минеральных удобрений в полевых условиях при отсутствии нужных складских помещений или оборудованных с навесами площадок с твердым покрытием. В реальном аграрном производстве, особенно в малых формах производственной деятельности (крестьянские фермерские хозяйства), зачастую отсутствуют надлежащие условия для складирования и хранения минеральных удобрений, и поэтому их внесение иногда производится по технологии «с колес»: закупили, привезли с завода-изготовителя или оптовой базы, разгрузили в упакованном виде на краю поля и на следующий день начали производить внесение на посевные площади. На месте временного складирования даже упакованных в заводскую тару (мешковидная тара емкостью на полтоны или тонну) минеральных удобрений могут проявиться признаки отравления поверхности почвенного горизонта. Такие признаки заметно проявляются, как правило, на фоне появившихся всходов посеянных зерновых культур в виде пустого пятна на засеянном поле. По обнаруженному факту отравления почвы инспектор Россельхознадзора составляет протокол выявленного нарушения требований земельного и экологического законодательства по обращению с удобрениями [3], приведшего к порче земли. Проводится отбор проб загрязненной почвы, выполняются лабораторные анализы, результаты которых становятся главным критерием для квалификации совершенного технологического нарушения по внесению минеральных удобрений. Следует отметить, что накопленная правоприменительная практика характеризуется отсутствием единообразного подхода в критериях разграничения административной ответственности, предусмотренной ст. 8.6 КоАП РФ [1] (порча земли), от уголовной (ст. 254 УК РФ [2] с таким же, как и в КоАП РФ наименованием «порча земли»). В легальном определении данного вида противоправного деяния, предусмотренным уголовным и административным законодательством, основным разграничительным критерием выступает факт наступления вреда здоровью человека. Остальные критерии, предусмотренные законодателем в уголовной и административной статьях являются по своей сути идентичными, поскольку в той и иной норме сами деяния выражаются в наступившем факте причинения вреда окружающей среде. Предположим случай, если вреда человеку в результате порчи земли не было причинено (а на практике происходит в большинстве случаев именно так), то по факту данного правонарушения получается конкуренция норм различных отраслей права. По моему мнению, редакция административной и уголовной статьей сформулирована не вполне удачно, поскольку легальное определение состава правонарушения в случае отсутствия вреда, причиненного здоровью человека не содержит отличительных критериев между административным проступком и уголовным преступлением. Объективности ради необходимо отметить, что нарушение правил обращения

минеральных удобрений дополнительно подпадает под действие не только специальной (ст. 254 УК РФ), но и общей нормы ст. 246 УК РФ, предусматривающей уголовную санкцию за нарушение правил обращения экологически опасных веществ (к каковым, безусловно, относятся минеральные удобрения), в случае нарушения правил их использования, приведших к созданию угрозы причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде. Отметим, что в специальной статье 254 УК РФ, посвященной порче земли, критерий существенности причиненного вреда отсутствует как в отношении здоровья человека, так и состояния окружающей среды. Поскольку правоприменительная практика руководствуется правилом доминирования применения специальных норм над общими, в целях устранения указанного законодательного дефекта и формирования единообразной правоприменительной практики по данному виду правонарушения считаю целесообразным дополнить часть первую ст. 254 УК РФ критерием причиненного вреда окружающей среде как существенным или значительным или крупным. Это позволило бы создать обоснованную шкалу оценки степени вредоносности совершенного нарушения правил обращения минеральных удобрений, приведших к порче земли, обеспечив тем самым ясность в квалификации данного вида противоправного деяния.

Определяющее значение при проведении почвенно-экологической экспертизы имеет правильность отбора проб почвы с характерными признаками ее отравления до степени порчи. Считаю, что в данном виде экспертиз главную роль следует отдать критерию соотношения площади земли с признаками ее порчи от загрязнения минеральными удобрениями к общей площади засеянного поля. Если соотношение загрязненного участка выглядит в арифметической пропорции как, например, три квадратных загрязненных метра (где производилась загрузка минеральными удобрениями сеялки или иной сельхозмашины по их внесению, или в течении одного-двух дней складировались мешки с минеральными удобрениями) к тридцати гектарам засеянной площади пашни и по близости отсутствуют проточные или замкнутые поверхностные водные объекты, что потенциально исключает возможность попадания в них химических веществ от минеральных удобрений, то экспертное заключение при данной методике будет объективно отражать степень противоправности нарушенных правил обращения данного химического средства. Судебная практика отмечает случаи привлечения к уголовной ответственности за размещение на краю поля пяти мешков с минеральными азотными удобрениями, на месте нахождения которых проявились признаки отравления земельного участка. Действующая редакции ст. 254 УК РФ позволяет правоприменителю квалифицировать данные нарушения преступлениями, поскольку формальные основания в представленных экспертных заключениях, подтверждающих показатели превышения предельно-допустимых концентраций вредных химических соединений в отобранном горизонте обследуемого участка, загрязненного минеральными

удобрениями носят оценочный характер. Считаю целесообразным ввести предлагаемый показатель в существующие инструкции при подготовке заключения по результатам проведения почвенно-экологических экспертиз по выявленным фактам порчи земли и дополнить данным критерием Постановление Правительства РФ от 19 июля 2012 г. N 736 «О критериях значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли» [4], устанавливающее во исполнение п. 3. ст. 6 ФЗ от 24.07.2002 года «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [5] критерии значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли в виде загрязнения почв химическими веществами, при котором суммарный показатель содержания в почве загрязняющих веществ, концентрация которых превышает установленные для химических веществ нормативы предельно допустимой концентрации, равен или превышает значение 30. При этом указанный показатель определяется как сумма отношений фактического содержания каждого загрязняющего вещества, концентрация которого превышает установленные для химических веществ нормативы предельно допустимой концентрации, к величине его норматива предельно допустимой концентрации.

Хотелось также отметить желательность присутствия в экспертном заключении профессионального обоснования последствий произошедшего факта отравления земли в результате превышения концентрации химических элементов, попавших в почву от нарушения правил внесения или временного размещения на полевой земле минеральных удобрений. Роль профессионального эксперта не должна сводиться к роли статиста, зафиксировавшегося наличие превышения допустимых концентраций определенных химических веществ и их соединений. В данном ситуации необходимо учитывать специфику последствий данного вида превышения содержания нитратов, фосфатов и других попадающих в почву с вносимыми минеральными удобрениями химических элементов. В почвенном горизонте необрабатываемой земли всегда испытывается больший или меньший недостаток макроэлементов, пополнение баланса которых и обеспечивается внесением минеральных удобрений. И даже в случае отравления почвы в результате нарушения правил внесения минеральных удобрений уже на следующий год на данном земельном участке, где выявлено превышение концентрации химических элементов, ситуация нормализуется, концентрация внесенных макроэлементов оптимизируется. В связи с чем, считаю целесообразным предусмотреть обязательным положение о наличии в экспертном заключении данного вида аналитики, поскольку для технолога, привлекаемого к юридической ответственности, небезразлична квалификация допущенного им

нарушения правил обращения минеральных удобрений. Считаю, что данное предложение будет способствовать обеспечению надлежащей объективности применяемой государственной санкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 06.02.2019)// СПС КонсультантПлюс.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СПС Консультант Плюс.
3. Федеральный Закон от 19.07.1997 года «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» №109-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление Правительства РФ от 19 июля 2012 г. N 736 «О критериях значительного ухудшения экологической обстановки в результате использования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением установленных земельным законодательством требований рационального использования земли» // СПС КонсультантПлюс.
5. Федеральный Закон от 24.07.2002 года «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» №101-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

About problems of carrying out examinations on determination of the sizes of the harm caused by citizens and legal entities to natural objects and resources

F.P.Rumyantsev

The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
odo-328@mail.ru

The analysis of problems of formation of the expert opinion by results of the carried-out examinations upon damage of the earth which occurred as a result of violation of rules of introduction and temporary storage of mineral fertilizers is given. The need to develop clear criteria for the examination of soil samples taken from the land plot with signs of damage to the land for the objective qualification of the offense is indicated. Proposals to Supplement the current version of article 254 of the criminal code are formulated.

Keywords: soil damage, mineral fertilizers, rules, excess, responsibility.

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Ю.Н. Руф[1], *Е.А. Шурганова*[2]

[1] *ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет (Россия, Тюмень)*
ruf2077@yandex.ru
[2] *Центр обработки документов Тюменского*
МРО АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (Россия, Тюмень)
79222677398@yandex.ru

Современное экономическое общество, развиваясь, стремится жить по закону. Граждане и юридические лица защищают свои интересы в суде. Разногласия возникают по налогам, штрафам, неустойкам, оценке вкладов работников в производственный процесс и др. Суд в сложной ситуации, прежде чем принять решение, назначает судебную экономическую экспертизу. Процесс производства судебной экономической экспертизы вызывает особый интерес в связи с большим количеством проблем, возникающих при ее назначении и проведении. Затруднения появляются уже на этапе определения перечня объектов экспертизы и постановки вопросов. Кроме того, некоторые осложнения на этапе проведения экспертизы возникают из-за отсутствия единой методики определения одних и тех же показателей среди экспертов различных учреждений. И наконец, спорным является вопрос определения процессуального статуса эксперта, работающего в структуре Следственного комитета Российской Федерации.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, судебный эксперт, проблемы производства экспертизы, назначение экспертизы, заключение эксперта.

В соответствии со статьей 4 Федерального закона от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, объективности, всесторонности и полноты исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники. Однако даже такая четкость формулировок приводит к возникновению проблем при производстве судебной экономической экспертизы [1].

Порядок производства судебной экспертизы регламентируется соответствующими процессуальными нормами, содержащимися в УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, в зависимости от вида судопроизводства, в рамках которого планируется ее проведение. Необходимо отметить, что процесс производства экспертизы включает в себя деятельность по ее назначению и проведению. На каждом из указанных этапов в производстве экспертизы участвуют различные субъекты: следователи, дознаватели, прокуроры, суды – лица, назначающие экспертизу, и эксперты, занимающиеся непосредственно ее проведением. Но качество и объективность выводов, полученных по результатам проведенного исследования, напрямую зависит от каждого из участников этого сложного процесса.

При назначении судебной экономической экспертизы следователем, дознавателем или судьей выносится постановление с указанием вопросов и перечня материалов, предоставляемых на экспертизу [3]. Вышеуказанные лица, являясь специалистами в области юриспруденции, не всегда компетентны в вопросах, связанных со знанием экономических наук: экономического анализа, бухгалтерского учета, налогообложения и других – поэтому вопросы могут быть поставлены некорректно, в связи с чем не будет получена необходимая информация. Более того, в некоторых ситуациях вопросы целесообразно ставить и исследовать в определенной последовательности, так как предыдущие данные могут потребоваться для решения последующих задач [5, с. 7]. Очевидная и понятная для специалиста в области экономики взаимосвязь вопросов, может оказаться неизвестной лицу, назначающему экспертизу. Следовательно, для того чтобы процесс производства экспертизы оказался максимально быстрым и комфортным для всех участников судопроизводства, лицу назначающему экспертизу, при формулировке вопросов стоит обратиться к эксперту или специалисту в конкретной области знаний. В случае грамотной постановки вопросов и предоставлении всех необходимых документов заключение эксперта приобретет серьезный вес в доказательствах одной из сторон судопроизводства. Так, по некоторым уголовным делам экономической направленности заключение эксперта может приобрести ключевое значение в вопросе квалификации деяния, а иногда даже содержать указание на наличие или отсутствие в деянии признаков состава преступления.

Также на этапе назначения судебной экономической экспертизы субъекты ее производства сталкиваются с проблемой достаточности объектов исследования, которую условно можно подразделить на непредставление необходимых для производства экспертизы документов или, наоборот, избыточное их предоставление. В случае недостаточности материалов для проведения всех необходимых расчетов и формулировки ответа на поставленные вопросы, эксперт вправе возвратить постановление о назначении судебной экономической экспертизы без исполнения. В то же время предоставление большого количества документов, не имеющих значения для производства экспертизы, становится причиной лишних временных и трудовых затрат как самого эксперта, так и лица, ее назначившего. Это еще раз доказывает, что при назначении экспертизы суду, дознавателю, прокурору и следователю необходимо обратить внимание на правильное определение, получение (изъятие) и предоставление всех необходимых для дачи ответа на поставленные перед экспертом вопросы документов. Для предотвращения подобного рода проблем лицу, назначающему экспертизу, необходимо заранее позаботиться о формировании списка объектов исследования, необходимых для проведения определенного вида экспертизы.

Действия лиц, назначивших экспертизу, и экспертов должны быть скоординированы с целью достижения максимального эффекта от их совместной дея-

тельности. Проведенная экспертиза даст возможность установить фактические обстоятельства дела, что возможно только при тесном сотрудничестве субъектов экспертизы с учетом интересов всех участников судопроизводства.

Вторым этапом производства судебной экспертизы является ее непосредственное проведение, которым занимаются эксперты различных учреждений: от государственных до частных.

В процессе проведения судебной экономической экспертизы возникают проблемы, связанные с отсутствием единого подхода к определению одних и тех же показателей среди экспертов различных учреждений.

В основе экспертиз, проводимых государственными судебно-экспертными учреждениями, действующими в системе федеральных органов исполнительной власти, лежит территориальный принцип [4]. Ведущая роль в этой системе принадлежит Российскому федеральному центру судебной экспертизы при Министерстве юстиции России (РФЦСЭ) [7]. Порядок и методика производства судебной экспертизы любого вида, в том числе экономической, в данном экспертном учреждении регламентируется методическими рекомендациями, принятыми на уровне органа исполнительной власти – Минюста России. Следовательно, такие методические рекомендации не распространяются на деятельность экспертов иных учреждений и не являются общедоступными.

В системе МВД России также создано государственное судебно-экспертное учреждение – экспертно-криминалистический центр (ЭКЦ МВД), занимающийся организацией и непосредственным производством судебных экспертиз по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, судебных экспертиз и экспертных исследований при проверке сообщений о преступлениях. При этом необходимо отметить, что в большинстве случаев эксперты данного учреждения проводят экспертизы для сотрудников органов внутренних дел. Соответственно, судебная экономическая экспертиза проводится ими по уголовным делам, возбужденным по статьям УК РФ, подследственным в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ следователям органов внутренних дел: фиктивное и преднамеренное банкротство; мошенничество в сфере страхования и кредитования, а также при получении выплат (пособий, компенсаций); легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, и другим. Как и в случае с РФЦСЭ при Минюсте России, порядок и методика производства судебной экспертизы регламентируется методическими рекомендациями, принятыми на уровне органа исполнительной власти – МВД России.

В то же время на практике возникают ситуации, когда эксперты ЭКЦ МВД проводят экспертизы для следователей Следственного комитета. Соответственно, они могут проводить судебную экономическую экспертизу по следующим уголовным делам (п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ): уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих

уплате организацией-плательщиком страховых взносов; невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат; фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации и другим. Таким образом, методика судебной экономической экспертизы, произведенной по указанным видам преступлений сотрудниками ЭКЦ МВД, будет установлена методическими рекомендациями данного экспертного учреждения. В то время как экспертиза, проведенная по этим же категориям уголовных дел экспертами Следственного комитета, вследствие отсутствия внутренних и внешних рекомендаций по ее проведению будет основана на профессиональном суждении эксперта, его личном опыте и практике, сложившейся в конкретном регионе России. Все это приводит к субъективности заключения эксперта, что недопустимо в рамках уголовного судопроизводства.

Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости разработки методических рекомендаций по производству судебных экономических экспертиз для экспертов в системе Следственного комитета. При этом необходимо иметь ввиду, что методические рекомендации для экспертов ЭКЦ МВД и Следственного комитета должны совпадать, так как сотрудники указанных учреждений могут проводить экспертизы по одним и тем же категориям уголовных дел. Следовательно, необходимо вести речь либо о полном согласовании процессов методического обеспечения производства судебной экономической экспертизы в двух учреждениях, либо о разработке и утверждении единых методических рекомендаций для всех экспертов ЭКЦ МВД и Следственного комитета.

При производстве судебной экономической экспертизы в рамках уголовного процесса возникают проблемы, связанные с определением статуса заключения, выданного экспертом следственного управления Следственного Комитета Российской Федерации. В рамках уголовного судопроизводства перечень субъектов, имеющих право производить судебную экономическую экспертизу, определен УПК РФ и Постановлением Пленума Верховного суда от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Судебную экономическую экспертизу в рамках уголовного судопроизводства могут проводить эксперты государственных экспертных учреждений, эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, частные эксперты. Негосударственные судебно-экспертные учреждения представлены некоммерческими партнерствами или автономными некоммерческими организациями, действующими на основании Гражданского кодекса РФ и Федерального закона «О некоммерческих организациях» [2].

Следственный комитет РФ не относится к государственным экспертным учреждениям, поэтому вполне естественно экспертов следственных управлений Следственного комитета РФ отнести к иным экспертам (ч. 2 ст. 195 УПК РФ). Тем более к такому выводу позволяет прийти Постановление Пленума Верховного суда от 21 декабря 2010 г. №28 «О судебной экспертизе по уголов-

ным делам». Его положения подтверждают включение таких экспертов в состав лиц, не работающих в судебно-экспертных учреждениях.

Таким образом, перечень субъектов, имеющих право проводить судебную экономическую экспертизу в рамках уголовного дела, можно представить в виде схемы (рис. 1).

Рис. 1. Субъекты судебной экономической экспертизы в рамках уголовного судопроизводства

Определяющей в работе любого эксперта является его независимость. Воздействовать на эксперта не должны никакие участники судопроизводства, и уж тем более лица извне. Определив экспертов следственных управлений Следственного комитета РФ как субъектов экспертизы, можно столкнуться с определенными трудностями [8]. Экспертиза, как указывалось ранее, может назначаться постановлением следователя. Следователь СУ СК РФ и эксперт СУ СК РФ не состоят в служебной зависимости друг от друга, однако они все подчиняются единому руководству. Практика по уголовным делам показывает, что данное обстоятельство в отдельных случаях воспринимается судами как нарушение принципов независимости эксперта и объективности уголовного судопроизводства, так как эксперт находится в служебной зависимости от органа, назначившего экспертизу. В этой связи представляется целесообразным выделение экспертов Следственного комитета Российской Федерации всех специализаций в отдельное структурное подразделение по аналогии с Экспертно-криминалистическим центром МВД России. Такое изменение структуры позволит создать новые рабочие места, что приведет к повышению числа произведенных экспертиз и ускорению процесса предварительного следствия.

Для повышения эффективности производства судебной экономической экспертизы и минимизации негативных последствий от вышеописанных проблем, а также с целью снижения временных и трудовых затрат всем субъектам ее производства необходимо активно взаимодействовать друг с другом. Стоит отметить, что список рассмотренных проблем не является исчерпывающим, что подтверждает актуальность вопроса всестороннего реформирования института судебной экономической экспертизы как одного из способов получения доказательств в различных видах судопроизводств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 10.02.2019).
2. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного суда от 21 декабря 2010 года № 28. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/ (дата обращения: 10.02.2019).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.02.2019).
4. Методические рекомендации по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов: Письмо ФССП России от 18 сентября 2014 года № 00043/14/56151-ВВ. – Режим доступа: http://kremlin-moscow.com/023217 (дата обращения: 10.02.2019).
5. Коровин Д.А. Постановка вопросов при назначении судебных экономических и бухгалтерских экспертиз : практич. пособ. для судей, следователей, дознавателей / Д.А. Коровин. – М.: АНО «Главсудэкспертиза», 2015. 16 с.
6. Скрипкина О.В. Судебная экономическая экспертиза в России: исторический и современный аспекты / О.В. Скрипкина, О.В. Киселева // Бухгалтер и закон. 2017. № 3(183). С.25–31.
7. Российский федеральный центр судебных экспертиз при Минюсте России [Электронный ресурс] Негосударственное образовательное частное учреждение дополнительного профессионального образования «Институт судебных экспертиз и криминалистики» – Режим доступа: https://ceur.ru/library/articles/jekspertiza/item100411/ (дата обращения: 10.02.2019).
8. Статус эксперта в уголовном процессе [Электронный ресурс] Прокуратура Московской области – Режим доступа: http://mosoblproc.ru/explain/e56/ (дата обращения: 10.02.2019).

Problems of judicial economic expertise

Y. N. Ruf[1], E. A. Shurganova[2]
[1] *Tyumen state University, Candidate of Economic sciences (Russia, Tyumen)*
ruf2077@yandex.ru
[2] *The Center documents the Tyumen MRO JSC «Gazprom Tyumen Energosbyt» (Russia, Tyumen)*
79222677398@yandex.ru

Modern economic society, developing, seeks to live by the law. Citizens and legal entities defend their interests in court. Disagreements arise on taxes, fines, penalties, assessment of employees contributions to the production process, etc. the Judge, investigator, Prosecutor or investigator in a difficult situation, before making a decision, appoint a judicial economic examination. The process of judicial economic expertise is of particular interest due to the large number of problems arising in its appointment and conduct. Problems arise at the stage of determining the list of objects of expertise and questions for the expert. Further, the problem is the lack of a common methodology for determining the same indicators among the experts of different institutions. Finally, determining the status of the expert opinion depending on the type of proceedings: criminal, civil, etc.

Keywords: forensic economic expertise, the forensic expert, the problems of the expertise, the examination, the expert's conclusion.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

М.Ф. Сафонова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина» (Россия, Краснодар)
safsf@yandex.ru

В статье представлен краткий анализ трансформации бухгалтерской экспертизы как прикладной науки, которая в процессе своего развития стала комплексной экономико-правовой наукой. Установлено, что ключевой причиной, объединяющей две области знаний – бухгалтерский учет и юриспруденцию – являются защитные функции учета, дающие возможность выявлять и классифицировать преступления экономической направленности. Растущее влияние информатизации и цифровизации на все сферы деятельности общества также отразилось и на развитии экспертной практики, которая стала нуждаться в более передовых формах и методах исследования, соответствующих или опережающих те компьютерные технологии, которые применяются лицами совершающими мошеннические действия в процессе подготовки и осуществления преступления. В заключение автором сделан вывод о перспективах дальнейшего развития бухгалтерской экспертизы в теоретическом и практическом аспектах.

Ключевые слова: бухгалтерская экспертиза, учетные функции, экономические преступления, методика проверки.

Бухгалтерская экспертиза в России получила свое стремительное развитие как в практическом, так и в теоретическом аспектах в начале XX веке, что связано с ростом активности предпринимательства и, как следствие, ростом эконо-

мических и налоговых преступлений.

Особенность предмета исследования бухгалтерской экспертизы заключается в коррелировании процесса генерации экономической информации и мошеннических действий, которые завуалированы под видом законных операций в бухгалтерском учете хозяйствующего субъекта. Ключевой целью бухгалтерской экспертизы в процессе расследования преступных деяний экономической направленности является выявление деструктивных фактов, содержащихся в учете проверяемой организации.

Не совсем обоснованно считать, что судебно-бухгалтерская экспертиза применима только при расследовании уголовных дел, возбужденных по экономическим преступлениям, связанным с хищением материальных ценностей, денежных средств и иных активов организации [1, с.14–16; 2].

В настоящее время более широкое использование бухгалтерская экспертиза получила и в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства по делам, которые на первый взгляд имеют опосредованное отношение к предмету исследования – бухгалтерскому учету.

В период наблюдаемой стагнации в экономических системах это в первую очередь дела о преднамеренных банкротствах организаций, что может быть подтверждено экспертом-бухгалтером в процессе детального анализа результатов финансово-хозяйственной деятельности, отраженном при помощи бухгалтерского учета в отчетности изучаемых экономических субъектов. При этом объектом исследования может выступать и аудиторское заключение, в котором будет выражаться мнение о достоверности отчетности [2, с. 779–788].

Данные противоправные деяния классифицируются статьями 195–197 Уголовного кодекса РФ и предусматривают ответственность за преднамеренное и фиктивное банкротство, а также за неправомерные действия при банкротстве.

При расследовании выше перечисленных преступлений ключевым источником информации является бухгалтерская документация и составленная на ее основе отчетность, в результате анализа которой эксперт-специалист может установить основные причины отрицательной динамики платежеспособности и возможность предотвратить банкротство хозяйствующего субъекта, что будет свидетельствовать о факте умысла у менеджмента компании.

Также следует отметить, что бухгалтерская экспертиза стала назначаться и по искам, связанным с разводом, что в некоторой степени может вызывать удивление, но при бракоразводных процессах разделу подлежит не только личное имущество, но и имущество организации, учредителем которой является одна из сторон этого процесса. В этом случае источником информации также является бухгалтерская отчетность, в частности бухгалтерский баланс, который отражает наличие активов и обязательств хозяйствующего субъекта, подлежащих разделу.

Как показывает экспертная практика, значительное количество дел, по ко-

торым назначается бухгалтерская экспертиза, возбуждается в результате возникающих споров между акционерами, в процессе определения стоимости бизнеса, с целью дальнейшей продажи, как имущественного комплекса, а также по коммерческим исковым требованиям, в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства.

Противоправные деяния, классифицированные статьей 185 и частью 1 статьи 176 Уголовного кодекса РФ, аналогичны по своим признакам (привлечение денежных средств) и отражают ответственность за злоупотребления при эмиссии ценных бумаг и незаконное получение кредита.

Все рассмотренные иски можно объединить только по одному критерию – источникам информации, которыми являются учредительные документы, бухгалтерская документация, отчетность исследуемых организаций, содержащих сведения о времени, сумме причиненного ущерба, способах совершения противоправных деяний. Особо следует обратить внимание на бухгалтерскую документацию которая является вещественным доказательством и не может быть заменена копиями [3, с. 9–18].

Таким образом, бухгалтерская экспертиза может быть назначена в рамках уголовного и гражданского судопроизводства как по ходатайству адвоката-защитника, следователя и суда, так и в рамках коммерческой экспертизы, проводимой по инициативе страховых компаний, банков, представителей бизнеса, государственных органов и др.

Представленный ранее перечень противоправных деяний, по которым назначается бухгалтерская экспертиза не является окончательным. Следует обратить особое внимание, в силу их общественной значимости, на экспертную практику по возбужденным уголовным делам, классифицированным как мошеннические действия с ценными бумагами, кражи, превышение должностных полномочий, служебный подлог, несвоевременная выплата заработной платы и прочее.

Таким образом, обоснованность практического применения бухгалтерской экспертизы не вызывает сомнения и далее следует сказать, что и с позиции теории развитие экспертной деятельности как науки, тоже не стоит на месте.

Общеизвестно, что бухгалтерская экспертиза как наука, находится на стыке двух специальностей: бухгалтерского учета и юриспруденции, но ключевой причиной объединяющей их, выступают защитные функции учета, дающие возможность выявлять и классифицировать преступления экономической направленности.

Широкий диапазон противоправных деяний, рассмотренный ранее, по которым назначается бухгалтерская экспертиза, еще раз убеждает нас в том, что учетные процессы, выполняющие защитные функции и являющиеся предметом экспертной деятельности, пронизывают все сферы деятельности хозяйствующих субъектов.

К защитным функциям бухгалтерского учета относятся: охранительная или следообразующая, предупредительная или превентивная, деструктивная, адаптивная.

Предупредительная или превентивная функция, при наличии отлично организованной учетной системы, ограждает от противоправных деяний или минимизирует их.

Далее подключается следообразующая (охранительная) функция, которая дает возможность обнаружить следы преступления (при их наличии) в бухгалтерской документации проверяемого субъекта. Ошибки в учете выступают в качестве условий или признаков уже совершенных противоправных деяний, и в этом случает срабатывает охранительная функция, при помощи которой происходит прогнозирование варианта совершения преступления экономической направленности.

Интеграция бухгалтерского учета и юриспруденции в процессе организации и проведения бухгалтерской экспертизы происходит также и потому, что эксперт-бухгалтер обязан рассматривать не только учетную документацию, но и другие материалы дела, учитывая все события и факты совершенного преступления.

Деструктивная функция учетной системы позволяет выявить целенаправленное изменения порядка организации учета (например, отсутствие аналитического (детального) учета, нетиповая корреспонденция счетов и др.). Эти нарушения в учетной системе экономического субъекта, как правило, свидетельствуют о фальсификации данных.

Адаптивная функция учетной системы наиболее ярко проявляется при автоматизации учетных процессов. Лицо совершающее преступление, а это, как правило, работник бухгалтерии, финансово-экономического отдела, который имеет доступ к бухгалтерской программе, старается «замаскировать» следы преступления при помощи различных бухгалтерских записей, и в случае если эти следы выбиваются из общей системы учета, то далее, продолжает корректировать деструктивную информацию.

Раскрывая защитные функции учета необходимо обратить внимание на возможность совершения мошеннических действий только, как правило, при наличии трех причин одновременно у лиц, совершающих правонарушение: давление обстоятельств, реальная возможность совершения противоправных деяний, оправдание совершенных противоправных деяний. Это так называемый «треугольник мошенничества». И поэтому можно констатировать, что реальная возможность манипулирования учетными данными и другой юридической и аналитической информацией экономического субъекта есть только у лиц имеющих доступ к соответствующей документации. Вследствие этого, причины совершения правонарушений и защитные функции учета взаимосвязаны между собой, что еще раз подчеркивает факт интеграции бухгалтерского учета

и юриспруденции в предметной области бухгалтерской экспертизы.

На данном этапе развития бухгалтерской экспертизы как науки, четко прослеживается комплексность содержания предмета исследования – бухгалтерский учет и факт мошеннических действий.

Ранее, бухгалтерская экспертиза в учебной и научной литературе рассматривалась с позиции ее организации, а также с позиции процессуальных норм и правил ее проведения. Непосредственно методика ее проведения, исследование учетных процессов проверяемой организации, раскрывались не в полной мере. Сложившаяся ситуация не позволяла бухгалтерской экспертизе выйти за юридические рамки, что сдерживало развитие методических и концептуальных основ данной науки, учебной дисциплины и, как следствие, практики применения бухгалтерского учета в деятельности экспертных учреждений.

В последнее десятилетие в учебной литературе уделяется достаточно внимания методике проверки учетной информации, детально раскрываются методы исследования бухгалтерской документации и иных материалов дела, к которым относят не только изъятые черновые записи, но и информацию, представленную на машинных носителях.

Данное обстоятельство еще раз указывает на то, что свершился факт слияния криминалистики (юриспруденции) и бухгалтерского учета, что расширило предметную область бухгалтерской экспертизы.

Растущее влияние информатизации и цифровизации на все сферы деятельности общества, также отразилось и на экспертной практике, которая стала нуждаться в более передовых формах и методах исследования, соответствующих или опережающих те компьютерные технологии, которые применяются лицами совершающими мошеннические действия в процессе подготовки и совершения преступления.

Безусловно, эксперты-практики не обязаны детально разбираться в тонкостях работы бухгалтерских и других компьютерных программ, которые сопровождают учетно-аналитические системы, а также в технических средствах, применяемых для сохранности информационных потоков проверяемых организаций, но они должны понимать, когда необходимо ходатайствовать о дополнительной технической экспертизе средств автоматизации учета, позволяющей, например, установить дату составления документа, его исправления, подписания и др., что позволит эксперту-бухгалтеру сделать правильные выводы и ответить на вопросы, сформулированные следователем или судом. Указанные причины также существенно повлияют на процесс развития теории и практики бухгалтерской экспертизы.

Проведенные исследования позволили сформулировать перспективные задачи, которые наиболее актуальны с позиции развития бухгалтерской экспертизы как науки и прикладной сферы деятельности:

1. Дальнейшее изучение защитных функций бухгалтерского учета во вза-

имосвязи с причинами мошеннических действий разовьет научные основы и концепцию бухгалтерской экспертизы, будет способствовать продуцированию новых методик, имеющих теоретическое обоснование и эффективных в экспертной практике.

2. Систематизация закономерностей отражения в учетно-аналитическом пространстве признаков экономических преступлений, позволит прогнозировать развитие новых способов противоправных деяний.

3. Многогранность видов и сфер экономической деятельности порождает новые формы мошеннических действий экономической направленности, например, связанные со страховыми выплатами, незаконной банковской деятельностью, формированию тарифов в сфере ЖКХ, поэтому одной из задач по развитию бухгалтерской экспертизы, как прикладного вида деятельности, является организация дополнительной специализации и повышение квалификации экспертов-специалистов.

4. Цифровизация экономики, автоматизация учетно-аналитических систем требует от специалистов-экспертов дополнительного изучения особенностей программных продуктов, наиболее часто применяемых экономическими субъектами, а от руководителей экспертных учреждений организации данного процесса.

5. Более эффективным видом исследования будет являться комплексная компьютерно-бухгалтерская экспертиза, как наиболее передовая процессуальная форма внедрения общенаучных методов в экспертную практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубятников С.П., Тимченко В.А. Судебная бухгалтерия: учебная дисциплина, наука, практика // Аудиторские ведомости. 2001. №1. С. 14–16.
2. Юматов В.А., Козменкова С.В., Фролова Э.Б. Аудиторское заключение как объект судебно-бухгалтерской экспертизы // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т.21 №7 (445). С. 779–788.
3. Звягин С.А., Стрыгина И.Е. Судебно-бухгалтерская экспертиза: особенности организации и проведения в современных условиях // Судебная экспертиза. 2017. №1. С. 9–18.

Actual problems of accounting expertise development: theory and practice

M.F. Safonova

«Kuban state agrarian University named after I. T. Trubilin» (Russia, Krasnodar)
safsf@yandex.ru

The article presents a brief analysis of the transformation of accounting expertise as an applied science, which in the process of its development has become a comprehensive economic and legal science. It is established that the key reason uniting two areas of knowledge-accounting and law is the protective functions of accounting, which make it possible to identify and classify crimes of economic orientation. The growing influence of Informatization and digitalization on

all spheres of society's activity has also affected the development of expert practice, which has become in need of more advanced forms and methods of research, appropriate or ahead of those computer technologies that are used by persons committing fraud in the process of preparation and Commission of the crime. In conclusion, the author concludes about the prospects of further development of accounting expertise in theoretical and practical aspects.

Keywords: accounting expertise, accounting functions, economic crimes, methods of verification.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ЮРИСТОВ И ЭКСПЕРТОВ

Е.А. Севастьянова

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

katsewa@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые виды компетенций, которые формируются в процессе обучения юристов и экспертов. Также проанализированы ситуации, в которых необходимо их формирование, а именно: проведение экспертиз и участие в публичных выступлениях. Рассмотрены признаки речи, раскрывающие овладение экспертом лингвистической компетенции.

Ключевые слова: речевая компетенция, лингвистическая компетенция, социокультурная компетенция, судебная лингвистическая экспертиза, признаки грамотной речи юриста.

В современном мире речь не просто средство выражения мыслей и чувств, она является показателем интеллекта и нашей работы над собой. Собеседники делают выводы о том, кто мы такие, по способу выражения нами мыслей, ведь речь независимо от нашей воли создает портрет и раскрывает нашу личность. Речь - это своеобразный паспорт человека, который точно указывает на уровень культурного развития, в какой среде общается говорящий, как он относится к людям и родному языку.

В настоящее время выделяют несколько типов компетентности в сфере русского языка и речевого общения. Это – речевая компетентность, как владение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в конкретном возрасте в определенных сферах и ситуациях общения; языковая (лингвистическая) компетентность, как владение основами науки о языке, ключевыми умениями и навыками анализа явлений и фактов языка, формирование и/или совершенствование способности учащихся употреблять слова, их формы и синтаксические структуры в соответствии с нормами литературного языка, а также использовать синонимические ресурсы русского языка; социокультурная компетентность, как овладение единицами языка с национально-культурным компонентом значения и русским речевым этикетом [1, с. 5].

Лингвистическая компетенция в научной литературе трактуется неоднозначно. Этот термин может употребляться как синоним языковой компетенции или разграничиваться с ним. [2, с. 387]. Следует заметить, что разграничение языковой и лингвистической компетенций носит в определенной степени условный характер. Выделение в качестве самостоятельной компетенции лингвистическую важно для осознания познавательной (когнитивной) функции предмета родного языка. В этом существенное отличие его от преподавания иностранных языков [3, с. 150].

Лингвистическая компетенция представляет собой, как отмечает Е.А. Быстрова, уяснение речевого опыта, включает в себя знание основ науки о русском языке, усвоение понятийной базы курса, определенного комплекса понятий (единиц и категорий языка) [4, с. 7]. Л.В. Черепанова определяет лингвистическую компетенцию как «совокупность специальных (лингвистических и учебно-языковых) и общепредметных знаний, умений, навыков и способов деятельности, а также ценностных ориентаций и мотивов учебно-познавательной деятельности, сформированную в результате изучения учащимися предметной области «русский язык», обеспечивающую всестороннее развитие школьника и служащую средством формирования лингвистической компетенции» [5, с. 324].

Лингвистическая компетенция включает в себя знание основ науки о русском языке, предполагает усвоение комплекса лингвистических понятий, сведений о роли языка в жизни общества, формирование представлений об устройстве языка, о происходящих в нем изменениях, об истории науки о русском языке и его ведущих представителях, а также предусматривает формирование учебно-языковых умений и навыков [6, с. 278].

Лингвистическая компетенция обеспечивает познавательную культуру личности обучающегося, развитие логического мышления, памяти, воображения, овладение навыками самоанализа, самооценки, а также формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания обучающимся своей речевой деятельности [6, с. 278].

Далее речь пойдет о том, для чего и в каких ситуациях необходимо формирование лингвистической компетенции непосредственно у юристов.

Первой ситуацией, в которой необходимо наличие лингвистической компетенции у юристов, является назначение судебно-лингвистических экспертиз.

Судебная лингвистическая экспертиза – это процессуально регламентированное лингвистическое исследование речевой информации (зафиксированной на любом материальном носителе) [7, с. 25], завершающим этапом которого является дача заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных знаний в области филологии и языкознания [3, с. 340]. Объектами судебных лингвистических экспертиз являются речевые произведения в форме письменного текста (от отдельного языкового знака до текста любого объема)

или устной речи (зафиксированной на каком-либо материальном носителе) [7, с. 25].

В данном случае могут возникнуть трудности при формулировании вопросов эксперту.

Вопросы к экспертам конкретизируют частный предмет экспертизы. От корректности вопроса зависит правильность постановки экспертной задачи. Решение задачи должно находиться в пределах компетенции эксперта (экспертов), ответ на поставленный вопрос должен иметь значение для рассмотрения дела по существу, для установления фактов, иметь доказательственное значение. Основные задачи и вопросы зависят от конкретных разновидностей значений, наличие/отсутствие специальных признаков. которые должны установить эксперты [8, с. 25].

Рассмотрим данную ситуацию при назначении лингвистической экспертизы по делам об экстремизме.

В методических целях можно выделить семь основных типов значения экстремизма, признаки которого подлежат установлению (эти виды значения выделены на основании анализа законодательства, запрещающего те или иные типы речевых действий, и условно названы «экстремистскими»): 1) пропаганда определенных взглядов (негативного отношения, исключительности, превосходства, неполноценности человека по признакам, указанным в законодательстве); 2) призыв (побуждение) к тем или иным «экстремистским» действиям, террористическим действиям; 3) оправдание определенных действий и взглядов (терроризма, совершенных противоправных – дискриминационных, насильственных и др. – действий); 4) обвинение конкретного лица в определенных действиях; 5) унижение человеческого достоинства по признакам расовой, национальной, религиозной, языковой, социальной принадлежности; 6) угроза применения насилия в отношении определенных лиц; совершения определенных действий (поджога, взрыва и др.); 7) возбуждение вражды (ненависти, розни) к определенной группе лиц (национальной, религиозной, социальной, языковой).

Значение, признаки выражения которого подлежат установлению, должно быть указано в поставленном вопросе. Однако при формулировании вопросов об «экстремистских» значениях возникают трудности, главная из которых – необходимость сформулировать вопрос так, чтобы он не содержал юридической квалификации деяния. Поскольку термин «экстремистский» представляет собой именно юридическую квалификацию, он не должен использоваться при описании предмета исследования. Формулировки типа «Имеются ли в тексте экстремистские высказывания? Содержит ли текст признаки экстремизма? Выражает ли автор в тексте экстремистские взгляды? Призывает ли надпись «Смерть Х.» к осуществлению экстремистской деятельности?» некорректны, так как в них описание типа и содержания речевого действия подменяется его юридической оценкой [8, с. 26]. Очевидна также некорректность вопросов, в которых призна-

ки высказываний описываются через отсылки к статьям закона.

Таким образом, вопросы к экспертам должны быть максимально конкретными и связанными с исследуемым делом, не должны касаться юридических признаков состава преступления. Такая квалификация выходит за пределы специальных знаний и находится в исключительной компетенции следствия и суда [8, с. 28].

Вторая ситуация, при которой необходимо наличие лингвистической компетенции у юристов, а в частном случае у экспертов – это произнесение публичных речей. В данном случае лингвистическую компетенцию мы определим как комплекс знаний и умений юриста/эксаперта по подготовке и произнесению публичной или судебной речи согласно требованиям русского языка в соответствии с правилами фонетики, грамматики и лексики; как умение построить объективно аргументированное рассуждение, формирующее научно-правовые убеждения. Если речь будет некачественной, неубедительной, то будут страдать интересы правосудия, потерпевшего и подсудимого, но и репутация и имидж выступающего [9, с. 11].

От степени владения нормами и богатствами языка зависит, насколько точно, грамотно и понятно может говорящий выразить свою мысль, объяснить то или иное жизненное явление, оказать должное влияние на слушателей [9, с. 10].

Речь эксперта должна быть доступной, что будет способствовать легкому понимаю его при выступлениях в суде. В речи должны отсутствовать такие ошибки, как употребление слов без учета из значения, смешение паронимов, использование слов-сорняков и др. Также важно, чтобы мы строили свою речь с использованием различных средств языка, необходимых для действенной передачи информации, при которой в речи не повторяются одни и те же слова, словосочетания и однотипные синтаксические конструкции.

Для речи человека, овладевшего лингвистической компетенцией, характерно: использование сложных, но понятных синтаксических конструкций; точность в употреблении слов в зависимости от их значения; отсутствие в речи протсторечных, диалектных, жаргонных слов, также различных заполнителей пауз (а-а-а-а, м-м-м и др); использование разнообразных средств языка, которые необходимы для эффективной передачи информации, при которой в речи не повторяются одни и те же языковые средства (слова, словосочетания и однотипные синтаксические конструкции), в ней присутствует большой словарный запас [9, с. 17].

В заключение необходимо сказать, что юрист, в частном случае эксперт, в совершенстве владеющий лингвистической компетенцией, является ценным сотрудником, так как способен грамотно и ясно донести необходимую информацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенкова А.П., Рыбченкова Л.М., Формирование речеведческой культуры как основы для развития лингвистической и коммуникативной компетентности учащихся: Учебно-методический комплекс под ред. А.И. Власенкова и Л.М. Рыбченковой. Н.Новгород, 2001.
2. Быстрова Е.А., Русский язык. Проблемы и размышления, москва, 1998, 690 с.
3. Лебеинский С.И. Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие, Минск, 2011, 309 с.
4. Быстрова Е.А. Коммуникативная методика в преподавании родного языка // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 3-8.
5. Россинская Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М.: Р76 Проспект, 2010. – С. 464.
6. Коплун О.А. Сравнительная характеристика понятий «лингвистическая компетенция» и «языковая компетенция», Ученые записки Орловского государственного университета, №4 (60), 2014, 277-279 с.
7. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. – М.: СТЭНСИ, 2003. – С. 236.
8. Кукушкина О.В. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным противодействию экстремизму и терроризму, Москва, 2014, 98 с.
9. Ивакина Н.Н., Основы судебного красноречия (риторика для юристов). Учебное пособие 2-е издание, Москва, Изд-во Юристъ, 2007, 260 с.

Some problematic issues of linguistic competence formation in the process of lawyers training

E.A. Sevastyanova

Lobachevsky University (Russia, Nizhny Novgorod)
katsewa@mail.ru

The article discusses some types of competencies that are formed in the process of training lawyers. Also analyzed are the situations in which their formation is necessary, namely the appointment of forensic linguistic examinations and participation in public speeches. The features of speech revealing a lawyer's mastery of linguistic competence are considered.

Keywords: speech competence, linguistic competence, sociocultural competence, judicial linguistic expert study of signs of literacy and language lawyer.

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТНОЙ ДИАГНОСТИКИ В СУДЕБНОМ АВТОРОВЕДЕНИИ

Т.П. Соколова

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (Россия, Москва)

tsokolova58@mail.ru

В соответствии с трансформацией традиционных объектов судебного авторoведения и появления новых – речевых продуктов веб-коммуникации – ряд положений разработанных ранее методик авторoведческого исследования письменной речи оказывается неприменимым в экспертной диагностике характеристик современной языковой личности в виртуальной среде. В статье обосновывается необходимость разработки современной методики определения обликовых характеристик анонимного автора речевого произведения (пол, возраст, уровень образования, уровень речевой культуры и др.) по текстам веб-коммуникации, которая стала криминогенной средой.

Ключевые слова: судебное авторoведение, языковая личность, обликовые характеристики, веб-коммуникация, судебная авторoведческая экспертиза.

В настоящее время судебное авторoведение вышло за пределы криминалистической техники и используется как особый род речеведческих экспертиз [1] в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве. Актуальность разработки теории и практики судебного авторoведения обусловлена потребностью в атрибуции не только традиционных текстов, но и других речевых произведений – постов в социальных сетях Интернет, контента Интернет-сайта, переписки в системах веб-коммуникации, креолизованных речевых продуктов – кратких надписей с невербальным компонентом, сообщений, в которых отдельные слова и фразы заменяются единичными знаками, картинками или цепочками изобразительных элементов, и пр. Говоря о роли судебного авторoведения в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности, Р.В. Кулешов справедливо отмечает экспансию высокотехнологичных средств компьютерной техники и мобильной связи в жизнь различных слоев населения, что обуславливает высокую продуктивность и скорость распространения текстов через цепочку знакомых и незнакомых лиц, что существенно затрудняет установление их автора и получение криминалистически значимых сведений о нем [2, с. 148–149]. Экспертная диагностика в судебном авторoведении состоит именно в получении криминалистически значимых сведений об авторе речевого произведения, которые в криминалистике и судебной экспертологии именуются по-разному: «криминалистическое установление личности по навыкам и привычкам» [3], «социально-биографические характеристики личности автора», «социально-биографический «портрет» автора документа», «профилирование автора текста» [4], «обликовые характеристики» [5] и др. При существующих в науке и практике разногласиях в терминологии и понятийном аппарате судебного авторoведения сущность диагностического

авторoведческого исследования остаётся единой: на основе совокупности лингвистических признаков речи (письменной, устной, смешанной) установить пол, возраст автора анонимного речевого произведения, его социальную принадлежность, профессию или род занятий, родной язык автора, места формирования его языковых навыков, уровень образования, уровень речевой культуры, сферу досуговых интересов и др.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЪЕКТОВ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

Первый круг проблем судебного авторoведения связан с существенным расширением и изменением состава объектов экспертного исследования. По справедливому наблюдению М.А. Грачева, «общепризнанное определение» объекта судебной авторoведческой экспертизы как текста (совокупности предложений, связанных единством смысла) явно устарело [6, с. 141].

Электронные документы, созданные по шаблонам, вытесняют традиционные письменные и печатные. Новый этап развития письменной коммуникации – веб-коммуникация – влияет на объем и качество общения социальных и профессиональных групп, сообществ, индивидуумов и становится предметом исследования лингвистов, социологов, психологов, философов и криминалистов. Изменения в фиксированной речи связаны со свойствами нового носителя информации [7], с проявлением закона речевой экономии, который в интернет-среде выражается не только в сокращении количества печатных символов в сообщениях, в чатах, но и в распространении эмотиконов, эмодзи, стикеров, что превращает традиционный письменный текст в креолизованный. Невербальные компоненты таких высказываний могут не только корректировать и дополнять семантику вербальной составляющей, но и существенно менять всю смысловую направленность креолизованного речевого продукта. Кроме того, распространяемые через телекоммуникационные сети краткие сообщения часто текстами не являются, так как не обладают признаками связности и единства (смыслового и грамматического). Например: «В: Но как???(((/ О: малая ☺ / И: фамилии су**а забудь и живи / О: На улице Дубнинской ведь живеш сссемейкой / И: [стикер “привет, бандиты”]». Между тем исследование именно таких речевых продуктов приобретает особую значимость в последнее время.

На необходимость исследования новых объектов судебной авторoведческой экспертизы в эпоху глобализации и широкого распространения интернет-коммуникации обращают внимание речеведы, например, Е.И. Галяшина, отмечает непригодность «текстов Интернет-сообщений малой длительности… для применения объективных, автоматизированных, статистических методов, требующих значительного объема исследуемого массива текстов» [8, с. 95]. В виртуальной речевой практике изменяются многие параметры: происходит смешение устной и письменной речи, нивелирование традиционных гендерных различий, например, в тематической направленности речевых произведений, в использовании обсценной и инвективной лексики; перестают «работать» пун-

ктуационные и орфографические маркеры.

Современная коммуникационная среда является криминогенной, в ней фиксируются криминалистически значимые следы преступлений против жизни и здоровья взрослых и детей (угрозы, вымогательство, побуждение к суициду и др.), против их половой свободы и неприкосновенности (развратные действия, понуждение к действиям сексуального характера), против общественной нравственности (распространение порнографических материалов, пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации), против собственности (разные виды мошенничества). Именно в виртуальной среде происходит вербовка подростков и молодежи представителями террористических и экстремистских организаций, преступных сообществ и религиозных сект. Оставленные при этом в виртуальной информационной среде речевые следы помогают криминалистам и экспертам установить лиц, причастных к указанным преступлениям. Часто совокупность диагностически значимых признаков, выявленных в речевом продукте веб-коммуникации, недостаточна для установления конкретного автора послания, сообщения, поста, блога, но в ходе оперативно-розыскных мероприятий экспертное диагностическое авторoведческое исследование способствует сужению круга подозреваемых лиц за счет установления отдельных обликовых характеристик автора: пола, возраста, уровня образования и речевой культуры, досуговых интересов и предпочтений и пр.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО АВТОРОВЕДЕНИЯ

Методики экспертной диагностики в судебном авторoведении требуют модификации в соответствии с современными речевыми реалиями. Традиционные методики ориентированы преимущественно на исследование текстов больших объемов, базируются на анализе письменных текстов определенных стилей и жанров. Хотя в преамбуле к комплексной методике производства авторoведческих экспертиз, разработанной специалистами ЭКЦ МВД, в качестве одного из видов объектов указаны «электронные документы, размещенные на сайтах Интернета» [9, с. 5], однако имеется в виду лишь иной материальный носитель, а в целом методика ориентирована на анализ традиционных объектов письменной речи в их строгой дифференциации по стилям и соответствии нормами письменной речи. Предъявляемые к объекту диагностического авторoведческого исследования требования (документ представлен целиком; объем его не менее 100 словоформ; текст должен представлять собой свободное высказывание автора – в противном случае в текст могут быть введены ненамеренные искажения, связанные с подражанием навыкам других лиц, либо с прямым цитированием текстов, составленных другими лицами) [9, с. 31] выводят за пределы экспертизы тексты веб-коммуникации. Что касается последнего требования, то интертекстуальность – один из характерных признаков современных речевых произведений в сети Интернет, причем те или иные авторские предпочтения в цитировании, использовании прецедентных феноменов, аллюзий и реми-

нисценций становятся важным диагностическим признаком – возраста, пола, уровня образования, речевой культуры, профессиональных интересов, хобби.

Одна из важных экспертных диагностических задач – определение возраста автора речевого произведения. Это связано, в частности, с тем, что взрослые имитируют речь подростков, чтобы завязать виртуальное знакомство, войти в социальную сеть, в социальную группу, в чат для совершения противоправных деяний. Однако методики определения возрастных характеристик языковой личности, адекватной современным вызовам, пока не разработано. Отраженная в комплексной методике [9] традиционная периодизация возраста – юношеский (17–25), средний (25–50) и пожилой (50–65) – нуждается в пересмотре и уточнении. Как видно из приведенной периодизации, за пределами экспертной диагностики остаются школьники, в то время как именно подростки активны в интернет-коммуникации, именно они вовлекаются в криминальные сообщества, в «группы смерти» и т.д. Таким образом, подростковая речь в виртуальном общении требует анализа общих и частных признаков. Опыт определения возрастных границ так называемой «молодежи» в социологических исследованиях [10] показывает несостоятельность установления нижней границы – 14 лет; представляется обоснованным относить к молодежи лиц старше 18 лет, а верхнюю границу отодвинуть до 30 лет. В то же время, по мнению социологов, целесообразно установление внутренних возрастных интервалов: от 18 до 22 лет – типичный период обучения в средних специальных и высших учебных заведениях; от 23 до 27 лет – период начала профессиональной деятельности; от 28 до 30 лет – этап создания семьи и рождения детей. Если выделение первого возрастного молодежного интервала с позиций судебного авторoведения представляется нам обоснованным, так как во время обучения в среднем специальном и высшем учебном заведении существенно развиваются и корректируются речевые навыки языковой личности, то выделение третьего интервала вызывает сомнение: действительно ли в речевых навыках лиц данной возрастной группы будут происходить значимые изменения?

Требуют существенной корректировки понятия среднего и пожилого возраста: с замедлением психофизиологических процессов старения и с увеличением продолжительности жизни сам период среднего возраста необходимо расширить (до 60–65 лет) и выделить в нём два интервала (первый до 40, второй до 60–65); а нижнюю границу пожилого возраста установить с 60–65 лет. Указанные возрастные периоды и интервалы в корреляции с признаками речевых навыков личности требуют обоснования специальными исследованиями. Таким образом, одна из насущных задач методики судебного авторoведения – разработка градуированной шкалы значимых признаков возрастной принадлежности автора.

Не соответствует современным вызовам и методика определения родного языка автора анонимного текста: в веб-коммуникации, в условиях экономии ре-

чевых средств, метафоры, фразеологизмы, сравнительные обороты, разнообразие лексических конструкций, разнообразие и вариативность синонимических рядов и антонимических пар вовсе не являются обязательными компонентами речевых произведений и не могут свидетельствовать о том, что язык коммуникации родной для автора. «Не работают» также орфографические и пунктуационные признаки (то, что в традиционной письменной речи квалифицируется как ошибка, в речевых продуктах Интернета или СМС-сообщениях может быть опечаткой, искажением авторедактора или уже стало нормой новой смешанной, устно-письменной речи). Постулируемые традиционной методикой синтаксические признаки (использование многокомпонентных сложных предложений, конструкций с причастными и деепричастными оборотами, предложений с рядами однородных членов, с высокой распространенностью и др.) в целом не характерны для современной веб-коммуникации. Таким образом, очевидна потребность в разработке групп признаков, учитывающих общие особенности веб-коммуникации и частные особенности создания речевых произведений разных жанров такой коммуникации.

В целом особенности современной речевой деятельности, преимущественно в виртуальном коммуникативном пространстве, определяют необходимость разработки новой комплексной методики судебной авторoведческой экспертизы, в том числе исследования креолизованных текстов разных жанров веб-коммуникации. Для успешной работы в данном направлении необходимо создать корпус текстов и других речевых продуктов веб-коммуникации разных возрастных групп на базе исследовательских центров и вузов, а также создать Интернет-платформу для обмена данными и взаимодействия экспертов-авторoведов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галяшина Е.И. Феномен судебного речеведения: наука – экспертиза – обучение // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 12. С. 38–44.
2. Кулешов В.В. Роль судебно-авторoведческой экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: типичные задачи, особенности назначения, соотношение со смежными видами экспертиз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 147–152.
3. Ильин Н.Н. Использование навыков и привычек при установлении личности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 188–192.
4. Литвинова Т.А. Установление характеристик (профилирование) автора письменного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (13). С. 90–94.
5. Лебедева А.К. Некоторые особенности процессуальной регламентации судебной фоноскопической экспертизы обликовых характеристик личности

// Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10 (7). С. 153–159.
6. Грачев М.А. Некоторые теоретические аспекты авторoведческих лингвистических исследований при подготовке языковедов-экспертов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2011. № 6 (2). С. 140–144.
7. Алтухова Т.В., Лебедева Н.Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник КемГУ. 2012. № 1 (49). С. 105–111.
8. Galyashina E.I. Forensic Authorship Expertise of Internet Communication: Legal and Methodical Problems // Lex Russica. 2015. № 4. С. 89–95.
9. Комплексная методика производства авторoведческих экспертиз: Методические рекомендации / И.И. Рубцова, Е.И. Ермолова, А.И. Безрукова и др. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 192 с.
10. Руденкин Д.В. Опыт определения возрастных границ молодежи в ходе эмпирического социологического исследования // Электронный научный журнал. APRIORI. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 6. URL: http://www.apriori-journal.ru (дата обращения 22.01.2019).

Expert diagnostics problems in forensic authorship studies

T.P. Sokolova

Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)
tsokolova58@mail.ru

In accordance with the transformation of traditional objects of forensic authorship examination and the emergence of new speech products of web communication a number of provisions of previously developed methods of author-based research of writing are not applicable in expert diagnosis of the characteristics of modern language personality in the virtual environment. The article substantiates the need to develop a modern methodology for determining the conceptual characteristics of an anonymous author of a speech product (gender, age, level of education, level of speech culture, etc.) using the texts of web communication, which has become a criminal environment.

Keywords: forensic authorship studies, language personality, conceptual characteristics, web-communication, forensic authorship examination.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗМЕРА УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО НАРУШЕНИЯМИ ЛЕСНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О.Д. Соловьев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
solod-nn@rambler.ru

Одним из проблемных вопросов, возникающих при выявлении и раскрытии преступлений

экономической и коррупционной направленности в сфере лесопромышленного комплекса, является вопрос, касающийся определения размера ущерба вследствие нарушений лесного законодательства, в том числе исходя из объемов пиломатериалов, полученных в результате незаконно заготовленной древесины.

Ключевые слова: лесоматериалы, пиломатериалы, нарушения лесного законодательства, ущерб, специальные знания, алгоритм расчета ущерба.

В настоящее время в соответствии со статьей 100 Лесного кодекса, статьями 191.1, 260 и 261 УК РФ, Постановлением Правительства № 273, регламентирующем порядок исчисления размера вреда причиненного лесам в результате лесонарушений [1], действуют соответствующие методика и таксы.

Однако, данная нормативная база касается определения размера ущерба по незаконно заготовленной древесине в круглом виде и не предусматривает отдельно определения размера ущерба по уже переработанным круглым лесоматериалам, исходя из объемов полученных пиломатериалов. Однако, учитывая технологические особенности производства пилопродукции и пиломатериалов, имеющееся специализированное законодательство, регламентирующее требования к качеству, размеры, определение объемов и т.д., можно сформировать определенный алгоритм определения размера ущерба, исходя из объема пиломатериалов, полученных из незаконно заготовленной древесины:

- определение объема имеющейся продукции (пиломатериалов);
- определение нормативов выхода пиломатериалов, исходя из договорных условий (при их наличии), либо по результатам изучения и анализа специальной литературы;
- определение объемов круглых лесоматериалов, пошедших на изготовление установленного ранее объема пилопродукции (пиломатериалов), исходя из норм выхода пиломатериалов из пиловочного сырья;
- определение размера ущерба согласно методике исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушений лесного законодательства.

Изначально необходимо уяснить термины и определения, касающиеся данной тематики. Так, сейчас действует межгосударственный стандарт на лесоматериалы – ГОСТ 32714 [2], соответствующий международным стандартам: EN 844-1-12 « Round and sawn timber – Terminology – Part 1–12 – General terms common to round timber and sawn timber (Круглые и пиленые лесоматериалы. Терминология. Части 1–12. Основные термины, общие для круглых лесоматериалов и пиломатериалов).

Помимо вышеуказанных нормативно-технических документов, при определении объемов пиломатериалов, следует руководствоваться нормативной базой (ГОСТы и ОСТы), определяющей как требования к качеству пиломатериалов, так и к способам их учета, обмера и определения объемов.

Хотелось бы отметить, что Центральным экспертно-криминалистическим таможенным управлением (ЦЭКТУ) ФТС России в 2017 году разработана (с

учетом вышеуказанных стандартов) аттестованная методика по определению объемов пилопродукции, которая предназначена для использования при проведении таможенных операций и при таможенном контроле, а также специалистами (экспертами).

Оперативный работник самостоятельно может применить специальные знания непосредственно, основываясь на данных специализированных нормативно-технических документов и приведенной ниже методике определения объемов пиломатериалов.

Определение объёма пиломатериалов должно производиться в соответствии с требованиями используемых нормативных документов.

Определение объёма партии пиломатериалов может производиться поштучным методом, пакетным (групповым) методом или методом выборок.

1. *Поштучный метод:* может применяться для учёта любой пилопродукции (пиломатериалов), – на практике почти не применяется, ввиду больших трудовых и временных затрат. Объём пиломатериалов и заготовок определяют по ГОСТ 5306 [3]. При определении объёма пиломатериалов с влажностью более 20 %, должен применяться поправочный коэффициент на ширину доски, равный 0,96 для хвойных пород и 0,95 для лиственных пород. Результаты определения объёма партии пиломатериалов округляются с точностью до 0,001 м3.

2. *Определение объёма пиломатериалов групповым методом:* Пакетный (групповой) метод, в соответствии с ОСТ 13–24–86 [4], может применяться для учёта любых досок хвойных и лиственных пород, кроме партий необрезных досок объёмом не более 10 м^3. Групповой метод используется также для учёта делового горбыля в соответствии со специальным отраслевым стандартом.

Групповой метод учёта объёма пиломатериалов предусматривает:

- измерение длины, ширины и высоты штабеля с точностью до 1 см;
- определение складочного объёма штабеля;
- определение объёма в плотных кубометрах;
- определение объёма пиломатериалов в партии.

Складочный объём в штабеле определяется перемножением измеренных или определённых значений высоты, ширины и длины. Объем в плотных кубометрах в штабеле определяется умножением объёма в складочных кубометрах на соответствующий переводной коэффициент: для пиломатериалов хвойных или лиственных пород соответственно.

Общий объем пиломатериалов в партии определяется как сумма объёмов всех штабелей в плотных кубометрах.

3. *Определение объёма пиломатериалов выборочным методом:* этот метод заключается в определении объёма досок в выборке с распространением средних результатов на всю партию. Данный метод применяется для учёта объёма любого количества любых пород и размеров (кроме досок ценных пород и специального ассортимента), досок, не уложенных в пакеты, а также в случае, когда

имеющиеся штабели не соответствуют требованиям.

В этом случае выборки досок производятся равномерно из разных мест партии однородных по габаритам штабелей, например, если доски одной длины, – то не менее 3% партии, но не менее 60 досок и т.д. Либо можно воспользоваться правилами, установленными в отношении выборки единиц пиломатериалов для выборочного контроля (в зависимости от объема досок в партии определяется объем выборки) [5].

Определение норм выхода пиломатериалов. При выработке пиломатериалов из круглых лесоматериалов происходит как получение непосредственно самих пиломатериалов, так и сопутствующих технологическому процессу потерь и отходов древесины. Выход пилопродукции зависит от применяемой технологии распила, размера бревен, их качества, размеров и назначения производимых пиломатериалов и множества других причин.

Для определения количества затраченного сырья на определенный объем пиломатериалов необходимо выяснить – каковы были нормы выхода продукции. При наличии документально подтвержденных данных (договоры на производство пиломатериалов) используются имеющиеся данные. Однако, что касается производства пиломатериалов из незаконно заготовленного леса, чаще всего таких данных нет. В таком случае, необходимо использовать данные из специализированной литературы. Так, по данным В.Ф. Багинского [6, с. 158–169], выход пиломатериалов зависит от диаметра распиливаемых бревен – из бревен разной толщины получаются следующие выходы чистообрезных досок.

Конечно, необходимо учитывать и требования к пиломатериалам: технические требования к пиломатериалам из хвойных и лиственных пород по соответствующим стандартам.

Достаточно информативен следующий источник, который можно использовать для определения объема леса, из которого произведены пиломатериалы – это справочник по лесопилению [7, с. 57–60]. В данном издании детально расписаны нормы выхода пиломатериалов в зависимости от качественных и количественных показателей пиловочного сырья, а также в зависимости от качества и назначения пиломатериалов. (Нормативы выхода обрезных пиломатериалов зависят от вида пиловочного сырья: из хвойного пиловочного сырья по ГОСТ 9463—2016 [8], из пиловочного сырья лиственных пород по ГОСТ 9462—88 [9].

Определение объема круглых лесоматериалов, пошедшего на изготовление пиломатериалов, исходя из норм выхода.

Следующим этапом, после определения объемов пиломатериала и норм выхода продукции из сырья является определение объема леса, затраченного на производство пиломатериалов, применительно к полученным данным.

Теперь можно перейти к последнему этапу – **определение размера ущерба согласно методике исчисления размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушений лесного законодательства**.

При определении ориентировочного размера ущерба за незаконно заготовленную древесину следует использовать следующий алгоритм:

1. Применение действующих нормативных актов, регламентирующих вопросы, связанные с порядком исчисления вреда, причиненного лесам незаконной заготовкой древесины: закон о федеральном бюджете [10]; постановления Правительства, регулирующие: порядок исчислении размера вреда [1]; ставки платы [11] и коэффициенты к ним [12].

2. Определение размера ущерба в соответствии с определенным ранее объемом древесины, ставок за единицу объема лесоматериалов, применением такс и коэффициентов:

2.1. Определение ставок производится в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 310 [11]. Например, для Нижегородской области ставки платы за единицу объема лесных ресурсов по сосновым породам составляют (Схема 1):

Схема 1.
Ставки платы за единицу объема лесных ресурсов по сосновым породам

Породы лесных насаждений	**Разряды такс**	**Расстояние вывозки, км.**	**Ставка платы за 1 плотный кубометр**			
			Деловая древесина без коры			**Дровяная древесина в коре**
			Крупная	**Средняя**	**Мелкая**	
Нижегородский лесотаксовый район						
Сосна	1	до 10	155,7	111,24	55,98	4,14
	2	10,1 - 25	141,12	100,8	50,58	4,14
	3	25,1 - 40	120,42	85,86	43,38	3,06
	4	40,1 - 60	91,62	65,52	33,3	3,06
	5	60,1 - 80	70,92	50,58	25,38	2,34
	6	80,1 - 100	56,34	40,32	20,34	2,34
	7	100,1 и более	42,66	29,88	14,94	1,08

Какие числа выбирать из таблиц ставок – на это дает ответ Постановление Правительства РФ № 273 [1]: ставки применяются как в отношении вывозки древесины на расстояние до 10 км, разделение ее на деловую и дровяную не производится, применяется ставка платы, установленная в отношении деловой древесины средней крупности. В нашем случае это 111,24 р./м^3.

2.2. Определение стоимости древесины с учетом поправочных коэффициентов производится в соответствии с законом о бюджете [10] и Постановлением, определяющим поправочные коэффициенты к ставкам платы [12]: в 2018 году применяется коэффициент – 2,17, в 2019 году – 2,38, в 2020 году – 2,62.

В приведенном нами примере мы определяем ставку за 1 м^3, применяя коэффициент на 2019 год – 2,38, получаем 111,24 р./м^3 х 2,38 = 264,75 р./м^3.

2.3. Определение размера ущерба в соответствии с таксами, предусмотренными Постановлением № 273 [1]: таксой в данном случае 50-кратная стоимость древесины, исчисленная по ставкам платы за единицу объема лесных ресур-

сов.

В нашем примере ставку за 1 м^3 в размере 264,75 р./м^3 необходимо увеличить в 50 раз: 264,75 р./м^{3}х 50 = 13237,55 р./м^3.

2.4. Определение размера ущерба в зависимости от категорий защищенности леса:

Определение размера ущерба с учетом категорий защищенности леса, исчисленный в соответствии с таксами, увеличивается:

- если незаконная рубка совершена в защитных лесах и/или в ОЗУ эксплуатационных лесов, стоимость ущерба удваивается: 264,75 р./м^3 х 50 х 2 = 26475,10 р./м^3;

- если в ОЗУ защитных лесов, стоимость ущерба увеличивается в 3 раза и составит: 264,75 р./м3× 50 × 3 = 39712,65 руб./м^3

- если это особо охраняемые природные территории, стоимость ущерба увеличивается в 5 раз в сравнении с незаконной рубкой в эксплуатационных лесах и составит 264,75 р./м3× 50 × 5 = 66187,5 руб./м^3.

2.5. Если незаконных рубки деревьев были совершены в декабре – январе, – в этом случае применяется коэффициент к размеру ущерба, рассчитанного с таксами, увеличивающий размер ущерба в 2 раза.

2.6. Определение окончательной стоимости ущерба: необходимо перемножить рассчитанную стоимость ущерба от незаконной рубки одного кубометра на общий объем древесины, рассчитанный ранее по объему пиломатериалов, изготовленных из незаконной вырубленной древесины.

Может возникнуть вопрос о вычитании из суммы ущерба затрат, понесенных в результате переработки леса. Следует отметить, что в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ [13], действительно, в дальнейшем, суд может учитывать в размере вреда, исчисленного по установленным Правительством таксам и методикам, необходимые и разумные расходы, понесенные причинителем вреда. Однако, данное положение применяется только относительно устранения последствий загрязнения окружающей среды, следовательно, ни о каком снижении суммы ущерба за счет понесенных расходов по распиловке и переработке незаконно заготовленного леса речи не идет и такое снижение невозможно в силу действующих законодательных актов, регламентирующих сферу лесопромышленного комплекса РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства : утв. постановлением Правительства РФ от 08.05.2007 № 273 (ред. от 11.10.2014, с изм. от 02.06.2015) // М.: Стандартинформ, 2005; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2018).
2. ГОСТ 32714-2014 «Лесоматериалы. Термины и определения. Timber. Terms and definitions // М.: Стандартинформ, 2015. 105 с.
3. ГОСТ 5306-83. Пиломатериалы и заготовки. Таблицы объемов. Sawn timber

blanks. Tables of volumes // М.: Издательство стандартов, 1991. 291 с.
4. ОСТ 13–24–86. Доски необрезные. Способы учёта объёма. // М.,1986. 325 с.
5. ГОСТ 6564-84. Пиломатериалы и заготовки. Правила приемки, методы контроля, маркировка и транспортирование. Sawn timber and blanks. Rules of acceptance, control methods, marking and transportation : Пиломатериалы. Общие нормы: Сб. ГОСТов. // М.: Стандартинформ, 2009.
6. Багинский, В. Ф. Таксация леса: учебное пособие для студентов специальности «Лесное хозяйство», «Лесоинженерное дело», «Садово-парковое хозяйство» / В.Ф. Багинский. Гомель: ГГУ им Ф. Скорины, 2012. 548 с.
7. Шимкевич, Ю.Б. Справочник по лесопилению / Составитель Ю.Б. Шимкевич. – С-Пб.: «ПРОФИКС», 2006. 200 с.
8. ГОСТ 9463-2016. Лесоматериалы круглые хвойных пород. Технические условия. Технические условия. Round timber of coniferous species. Specifications // М.: Стандартинформ, 2016.
9. ГОСТ 9462-2016. Лесоматериалы круглые лиственных пород. Технические условия (с Изменением № 1) Round timber of hardwood species. Specifications // М.: Стандартинформ, 2017.
10. О федеральном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов : Федеральный закон от 29 ноября 2018 г. № 459-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2018).
11. О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности : утв. постановлением Правительства РФ от 22.05.2007 г. (в ред. от 23.02.2018 г.) № 310 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 23. ст. 2787; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2018).
12. О коэффициентах к ставкам платы за единицу объема лесных ресурсов и ставкам платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности : утв. постановлением Правительства РФ от 11.11.2017 № 1363 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 47. ст. 6995; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2018).
13. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» : постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 24. ст. 3547; СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2018).

The use of special knowledge in determining the amount of damage caused by violations of forest legislation

O. D. Solovyov

Lobachevsky University (Russia, Nizhniy Novgorod)
solod-nn@rambler.ru

One of the problematic issues arising in the detection and disclosure of crimes of economic and corruption in the timber industry is the issue of determining the amount of damage due to violations of forest legislation, including on the basis of the volume of timber obtained as a result of illegally harvested wood.

Keywords: timber, timber, violation of forest legislation, damage, special knowledge, algorithm of damage calculation.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА СУДЕБНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В.А. Тимченко

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
forensacc@mail.ru

В статье приводится анализ различных точек зрения отечественных исследователей относительно определения предмета судебной экономической экспертизы. Исследуя различные подходы к определению предмета судебной экономической экспертизы как класса судебных экспертиз, а также определения предмета различных родов судебных экспертиз, входящих в данный класс, автор характеризует их достоинства и недостатки. На основе научного анализа определений предмета судебной экономической экспертизы, предлагаемых различными исследователями, автором предложены собственные определения предмета судебной экономической экспертизы как отрасли научного знания и как вида практической деятельности.

Ключевые слова: судебная экономическая экспертиза, предмет, класс, род, научные знания, практическая деятельность.

В настоящее время одним из важных дискуссионных вопросов теории судебной экономической экспертизы является определение ее предмета. Общепринятых определений предмета судебной экономической экспертизы до настоящего времени не выработано, хотя необходимость этого назрела давно. Об актуальности решения данной задачи свидетельствует неутихающая дискуссия на страницах научной печати, а также в исследованиях ряда ученых. В частности, на необходимость уточнения предмета судебно-экономической экспертизы, современного определения ее объектов, задач и методов обращают внимание А.Ф. Волынский, В.А. Прорвич, С.В. Расторопов, Е.А. Семенова [1, с. 50].

В научных публикациях и диссертационных исследованиях предлагаются самые различные подходы. Приведем аналитический обзор основных точек зрения относительно предмета судебной экономической экспертизы.

Так, по мнению П.К. Пошюнаса, поскольку в основе предмета судебной экономической экспертизы лежат данные и методы экономических наук, искомое определение может быть выработано лишь посредством изучения предмета самой экономической науки, т.е. процессов производства, обмена и потребления [2, с. 72].

С данным мнением мы согласиться не можем, поскольку цели у судебной экономической экспертизы и экономических наук – различные. Соответственно и предмет их изучения также разный. Действительно, при производстве судебной экономической экспертизы используются специальные экономические знания. Однако эти знания в данном случае необходимы не для управления экономикой государства или отдельной организации, а для решения задач, стоящих перед судопроизводством.

По мнению Л.П. Климович: «Предмет судебно-экономических экспертиз (как класса судебных экспертиз) составляют закономерности изменения в связи с противоправной деятельностью хозяйствующего субъекта содержания учетного процесса и (или) экономических операций, отраженного на носителях учетно-экономической информации» [3, с. 8].

Существенным недостатком данного определения, по нашему мнению, является как бы заранее определенный противоправный характер деятельности хозяйствующего субъекта. Однако в результате исследования при проведении различных родов судебных экспертиз, входящих в класс судебный экономических экспертиз, может быть установлено, что хозяйствующий субъект противоправной деятельности не осуществлял. Например, в арбитражном процессе по спору между налоговым органом и налогоплательщиком в результате проведения судебной налоговой экспертизы может быть установлено, что налогоплательщик исполнил свои обязанности в полном объеме и в соответствии с требованиями налогового кодекса РФ. Или, например, на разрешение судебной бухгалтерской экспертизы в арбитражном процессе может быть поставлен вопрос о своевременности и полноте исполнения обязательств по оплате за поставленную продукцию покупателем. В данном случае вообще не идет речь о противоправной деятельности. Даже в уголовном процессе оценка результатов проведенной судебной экономической экспертизы может быть использована для доказывания невиновности подозреваемого или обвиняемого. Поэтому утверждать, что предмет судебной экономической экспертизы связан с противоправной деятельностью хозяйствующего субъекта – значит значительно сузить этот предмет, т.е. сделать его неполным.

По мнению М.М. Виноградовой: «Предметом класса судебных экономических экспертиз являются зафиксированные в материальных носителях сведения о финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта, в том числе о финансовых операциях и показателях, а также о процессе их формирования и отражения в учете, которые исследуются или устанавливаются экспер-

том методами и средствами судебной экономической экспертизы для решения задач в рамках расследования уголовных, гражданских, арбитражных дел и дел об административных правонарушениях» [4, с. 17].

Данное определение, по нашему мнению, не отражает в полной мере предмет судебной экономической экспертизы, поскольку в нем говорится лишь о сведениях о финансово-хозяйственной деятельности. Фактически в процессе судебной экономической экспертизы исследуется не только финансово-хозяйственная, но и противоправная деятельность. Например, судебно-бухгалтерская экспертиза может быть назначена в связи с расследованием хищения имущества организации. Действия по хищению нельзя отнести к финансово-хозяйственной деятельности, хотя с целью маскировки следов хищения они могут совершаться и под видом финансово-хозяйственной деятельности. Однако правильнее в таких случаях говорить не о финансово-хозяйственной деятельности, а о событиях, которые стали предметом исследования судебной экономической экспертизы.

Согласно определению Л.Н. Пастушковой: «Предметом судебной экономической экспертизы являются данные в материалах уголовного дела в виде сведений о фактах реально существующей предпринимательской деятельности» [5, с. 257].

В данном определении вызывает возражение термин «предпринимательская деятельность». В такой редакции определение предмета неоправданно сужено. Полагаем, что речь должна вестись об экономической и противоправной деятельности. Это объясняется тем, что судебная экономическая экспертиза исследует не только предпринимательскую деятельность, но и деятельность некоммерческих организаций. Кроме того судебная экономическая экспертиза исследует и факты противоправной деятельности, совершенные в процессе или под видом экономической деятельности.

В ряде исследований рассматривается предмет одного из родов судебных экспертиз, входящих в класс судебных экономических экспертиз. По нашему мнению через определение предмета того или иного рода входящего в класс судебной экономической экспертизы можно сформулировать и определение предмета судебной экономической экспертизы как класса. В этой связи мы разделяем мнение В.М. Катревич, согласно которому: «Термин «экономическая» подразумевает, что на разрешение эксперту-экономисту может быть поставлен любой экономический вопрос. Определения «бухгалтерский», «налоговый», «финансовый» означают, что предмет таких экспертиз уже, чем предмет экономической экспертизы, которая может включать в себя предметы прочих экспертиз, связанных с решением экономических вопросов» [6, с. 146].

Так, например, по мнению И.В. Воюцкой: «Предметом хозяйственной бухгалтерской экспертизы выступают явления и факты хозяйственной жизни, экономические отношения субъекта, которые получили (должны были получить) свое отражение в бухгалтерской документации и в отношении которых прово-

дится исследование, требующее применения специальных познаний в области бухгалтерского учета, контроля и анализа» [7, с. 9].

Недостатком такого определения, на наш взгляд, является утверждение о том, что явления и факты получили или должны были получить свое отражение в бухгалтерской документации. Факты хищений имущества, как известно, не документируются в системе бухгалтерского учета, однако в связи с расследованием хищений судебно-бухгалтерская экспертиза обычно назначается.

Согласно другому определению: «Под предметом судебно-бухгалтерской экспертизы следует понимать способы ведения хозяйственного учета, необычные условия и приемы совершения учетных операций и записей (искажающие факторы), а также место, время, механизмы, способы, качественные и количественные характеристики искажения учетных данных, исследуемые экспертом, а также установление соответствия (несоответствия) данным хозяйственного учета «черновых» (неофициальных) записей учетного характера, выявление вытекающих из содержания «черновых» записей фактических данных, требующих оценки во взаимосвязи с данными хозяйственного учета» [8, с. 17].

В данном случае вызывает сомнение мнение автора определения о том, что к предмету судебно-бухгалтерской экспертизы относится «установление соответствия (несоответствия) данным хозяйственного учета «черновых» (неофициальных) записей учетного характера, выявление вытекающих из содержания «черновых» записей фактических данных».

При производстве судебно-бухгалтерской экспертизы данные неофициального учета, или в редакции автора определения «черновые записи», могут выступать как объект исследования. Однако такой объект исследования не позволяет сделать категоричный вывод, именно в силу неофициального характера, так как документы неофициального учета не имеют юридической силы доказательства. Они могут служить только ориентирующим фактором, позволяющим с определенной степенью вероятности судить о достоверности данных официального учета. И, ни в коей мере, сведения из неофициального учета не могут служить для установления фактических данных. Для этого необходимы мероприятия фактического контроля, например, такие как инвентаризация.

По определению, предложенному Ж.А. Кеворковой, под предметом бухгалтерской экспертизы «следует понимать выявление и исследование фактов недостоверного отражения в системе бухгалтерского учета и финансовой отчетности хозяйствующего субъекта его активов, обязательств, собственного капитала, доходов и расходов, а также хозяйственных процессов и их результатов, ставших объектами расследования, относительно которых эксперт-бухгалтер дает заключение по вопросам, поставленным на его разрешение акционерами, собственниками, правоохранительными или судебными органами» [9, с. 15].

С данным определением также нельзя согласиться в силу двух причин. Во-первых, нельзя относить к предмету бухгалтерской экспертизы только ис-

следование недостоверного отражения в системе бухгалтерского учета. Как отмечалось выше, в результате исследования может быть установлено именно достоверное отражение, например по делам о налоговых или хозяйственных спорах. И, во-вторых, бухгалтерская экспертиза может назначаться не только в связи с расследованием преступлений, но и в арбитражном или гражданском процессе.

Согласно определению О.А. Окружко: «Предметом бухгалтерской экспертизы является установление фактов и суждений о фактах путем исследования отраженных в системе бухгалтерского учета и отчетности имущества, источников его формирования, хозяйственных операций и их результатов, а также других объектов, являющихся носителями информации о происшедшем событии с целью представления заказчику квалифицированного заключения, обусловленного выполняемых экспертом-бухгалтером заданием»[10, с. 11].

По нашему мнению, в данном случае имеет место смешение понятий предмета и метода бухгалтерской экспертизы, поскольку автор в определении делает основной акцент на установлении фактов и событий путем исследования. Другими словами, в определении не столько говорится о том, на что направлена бухгалтерская экспертиза, как о том, как получают ее результаты. Поэтому с данным определением согласиться нельзя.

Некоторыми исследователями предложены определения предмета для различных родов, входящих в класс судебной экономической экспертизы, которые, по нашему мнению не вызывают существенных возражений и могут быть взяты за основу при определении предмета судебной экономической экспертизы как класса.

Так, В.В. Голикова полагает, что: «Предмет судебной налоговой экспертизы составляют фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и устанавливаемые в судопроизводстве с использованием специальных знаний в области налогов и налогового законодательства на основе исследования закономерностей субъектов и элементов налогообложения, сумм фактически уплаченных и подлежащих уплате налогов (сборов) и соответствия их правильности и полноты исчисления требованиям налогового законодательства» [11, с. 8].

В целом с этим определением можно согласиться. Однако следует отметить, что исследование закономерностей относится к предмету научной, а не практической деятельности. Поэтому данное определение может быть принято за основу с учетом разделения предмета судебной экономической экспертизы на отрасль научного знания и вид практической деятельности.

Сходное определение, но для другого рода судебной экономической экспертизы предложено Э.С. Сарыгиной. Согласно этому определению: «Под предметом судебной финансово-экономической экспертизы понимаются фактические данные (обстоятельства дела) устанавливаемые для целей судопроизводства на основе использования специальных знаний в области экономики и финансов

предприятия при исследовании отраженных на материальных носителях (документах) процессов формирования, движение и изменений экономического продукта (экономических операций)» [12, с. 9].

Данное определение в целом также не вызывает возражений, за исключением термина экономический продукт. Очевидно, необходимо привести понятие этого термина. В скобках автор приводит термин – экономические операции. Если экономический продукт и экономические операции одно и то же, тогда зачем термин экономический продукт? Если же говорить только об экономических операциях – то этого недостаточно. Изменения в экономической информации могут быть вызваны не только экономическими, но и противоправными операциями.

Заслуживает внимания подход некоторых исследователей, которые пытаются разграничить предмет судебной экономической экспертизы как отрасли научного знания и сферы практической деятельности. Так, по мнению А.Н. Мамкина, «…предмет теории судебно-экономической экспертизы образуют наиболее общие закономерности возникновения, обнаружения и исследования признаков противоправной деятельности, проявляющиеся в системе экономической информации» [13, с. 126].

Предметом судебной экономической экспертизы как вида практической деятельности он считает «…хозяйственные операции, получившие отражение в учетно-экономической информации, ставшие объектом расследования или судебного разбирательства. …Предметом судебно-бухгалтерской экспертизы … будут являться учетные операции – действия по отражению в учетно-экономической информации хозяйственной деятельности и ее результатов. Предмет других судебно-экономических экспертиз образует содержание самих хозяйственных операций с позиции его влияния на финансовые результаты хозяйственной деятельности экономического субъекта» [13, с. 127].

В данном случае заслуживает внимания именно подход, но сами определения вызывают возражения. И в случае определения предмета судебной экономической экспертизы как отрасли научного знания, и при определении ее предмета как вида практической деятельности автор ограничивается исследованием в ситуациях расследования или судебного разбирательства противоправной деятельности. Однако предмет судебной экономической экспертизы должен быть шире. Нельзя ограничивать его только противоправной деятельностью. Это все равно, как назначать судебные экономические экспертизы только в рамках уголовного процесса. Фактически они могут быть назначены и в рамках арбитражного и гражданского процесса. Да и в рамках уголовного процесса результаты судебной экономической экспертизы могут позволить сделать вывод об отсутствии фактов противоправной деятельности.

Приведенный анализ различных мнений относительно определения судебной экономической экспертизы позволяет сформулировать научно обоснован-

ное, с учетом устранения отмеченных выше недостатков, авторское определение предмета судебной экономической экспертизы.

Полагаем, что предметом судебной экономической экспертизы как отрасли научного знания являются закономерности отражения в экономической информации различных фактов и событий, значимых для целей судопроизводства.

Предметом судебной экономической экспертизы как вида практической деятельности являются фактические данные (обстоятельства дела), устанавливаемые на основе исследования экономической информации, зафиксированной на материальных носителях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волынский А.Ф., Прорвич В.А., Расторопов С.В., Семенова Е.А. Судебно-экономическая экспертиза как современный институт процессуального права // Вестник академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 12. С. 44–50.
2. Пошюнас П.К. Сущность и классификация судебно-экономических экспертиз // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1989. № 6. С.72–77.
3. Климович Л.П. Судебно-экономические экспертизы: теоретические и методические основы, значение при расследовании преступлений. Автореферат д-ра юридических наук. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2004. 38 с.
4. Виноградова М.М. Теоретические и методологические основы экспертного исследования финансового состояния хозяйствующего субъекта при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности. Автореферат дис. ... к-та юрид. наук. М.: РФЦСЭ, 2006. 27 с.
5. Пастушкова Л.Н. Особенности проведения судебно-экономических экспертиз при расследовании налоговых преступлений // Социальная значимость правовых знаний в жизни российского общества. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной Дню юриста. 2016. Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I. С. 255–260.
6. Катревич В.М. Особенности назначения судебно-экономических экспертиз при расследовании налоговых преступлений // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1 (56). С. 145–148.
7. Воюцкая И.В. Организационно-методические основы бухгалтерской экспертизы на материалах предприятий Оренбургской области. Автореферат дис. ... к-та экон. наук. Оренбург: Государственный аграрный университет, 2007. 24 с.
8. Евсиков К.С. Использование информационных технологий в судебно-бухгалтерской экспертизе в процессе расследования преступлений в эконо-

мической сфере. Автореферат дис… к-та юрид. наук. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2011. 25 с.
9. Кеворкова Ж.А. Бухгалтерская экспертиза деятельности организаций: теория и практика. Автореферат дис… д-ра экон. наук. М.: Всероссийский заочный финансово-экономический институт, 2008. 52 с.
10. Окружко О.А. Бухгалтерская экспертиза расчетов с контрагентами в строительстве. Автореферат дис. ... к-та экон. наук. М.: Государственный университет управления, 2012. 25 с.
11. Голикова В.В. Судебная налоговая экспертиза. Правовые и методологические аспекты. Автореферат дис. ... к-та юрид. наук. М.: МГЮА, 2012. 23 с.
12. Сарыгина Э.С. Судебная финансово-экономическая экспертиза: теоретические и организационно-методические аспекты. Автореферат дис… к-та юрид. наук. М.: Московская государственная юридическая академия им. О.Е. Кутафина, 2017. 30 с.
13. Мамкин А.Н. Теоретические основы судебно-экономической экспертизы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 122–127.

Debatable issues of determining the subject of judicial economic expertise

V.A. Timchenko

Lobachevsky University (Russian, Nizhniy Novgorod)
forensacc@mail.ru

The article provides an analysis of various points of view of domestic researchers regarding the definition of the subject of forensic economic expertise. Investigating various approaches to the definition of the subject of forensic economic expertise as a class of forensic examinations, as well as the definition of the subject of different types of forensic examinations included in this class, the author describes their strengths and weaknesses. On the basis of the scientific analysis of the definitions of the subject of forensic economic expertise offered by various researchers, the author has proposed its own definitions of the subject of forensic economic expertise as a branch of scientific knowledge and as a type of practical activity.

Keywords: judicial economic expertise, subject, class, gender, scientific knowledge, practical activity.

КОНВЕРГЕНЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДАВНОСТИ СМЕРТИ

В.Ю. Толстолуцкий

ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
tolvlad@yandex.ru

Предлагается конвергенционный подход в криминалистике и судебной экспертизе. Он представляет собой междисциплинарный сплав криминалистики и судебной медицины. Обосновывается положение о том, что различие процессуального статуса специалиста и эксперта обусловлено наличием конвергенции криминалистических и специальных знаний в компетенции специалиста и ее отсутствием в компетенции эксперта. Все публикации по судебной медицине о времени наступления смерти относятся к экспертным исследованиям. Высказывания специалиста о времени наступления смерти на месте преступления не характеризуются их криминалистической трансформацией. Криминалистической задачей выступает формирование следователем групп лиц заподозренных и свидетелей, а не времени смерти. Решение вопроса требует разработки криминалистической основы конвергенции, в частности, математического аппарата криминалистической теории временных связей и криминалистического программного обеспечения. Поскольку определение времени наступления смерти невозможно в виде «точечного события» на оси времени, предлагается использовать теорию нечетких множеств.

Ключевые слова: конвергенция знаний, криминалистическая теория временных связей, давность смерти, нечёткие множества.

Проблемам конвергенции знаний в современной отечественной и зарубежной науке посвящается все больше публикаций[1]. Термин «конвергенция» трактуется весьма широко, но в целом, сохраняет свою исходную семантику, берущую начало от латинского слова «convergo» – «сближаю», и означает сближение, слияние наук и проведение междисциплинарных исследований.

Предметом нашего исследования стал вопрос о междисциплинарном взаимодействии юридических и не юридических наук в следующей формулировке: возможна ли конвергенция одной из юридических наук с науками не юридической природы?

Для поиска ответа на него мы обратились к сформулированному Р.С. Белкиным одному из законов развития криминалистики – закону криминалистической трансформации знаний естественных и технических наук при их «вхождении» (в виде специальных знаний) в систему криминалистических знаний [4, с. 169.]. Многими криминалистами с момента своего появления криминалистика рассматривалась как наука, которая занимается использованием достижений естественных и технических наук в целях раскрытия и расследования престу-

[1] В научной электронной библиотеке «Elibrary.ru» по слову конвергенция выводится около 6 тысяч публикаций. В ННГУ проблему предполагается рассмотреть в ходе проведения Молодежного симпозиума «Конвергенция знаний» 29 ноября – 1 декабря 2019 г. http://www.philosconf.unn.ru/revolyutsiya-i-evolyutsiya-2019/konvergentsiya-znanij/

плений.

Так, например, благодаря Е.Ф. Буринскому, который сумел включить в криминалистику фотографию, в начале XX века были заложены основы раздела «криминалистическая техника». В результате использования специальных знаний возникли две формы их процессуального использования: привлечение специалиста к участию в следственных действиях и производство экспертизы.

Из указанных форм Р.С. Белкин придавал особое значение закону криминалистической трансформации достижение иных наук, поскольку именно этот процесс обеспечивал развитие криминалистики. В тоже время, автор писал: «… в криминалистике нельзя выделить чисто правовые и чисто естественнонаучные или технические разделы … Она представляет собой единый сплав знаний, а не совокупность наук, и является наукой не комплексной (поскольку это предполагает объединение отдельных знаний без их слияния), а синтетической природы» [3, с. 71]. Переходя на нашу терминологию, можно утверждать, что Р.С. Белкин относил криминалистику к конвергентной науке.

В теории, с таким определением можно было бы согласиться, однако, при проекции его на практику расследования, обнаруживается, что в нем отсутствуют критерии, определяющие пределы компетенции специалиста. Решение этого вопроса было сформулировано относительно недавно в Постановлении Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [2]. При назначении судебно-медицинской экспертизы пленум указал: «4. Вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается».

При всей кажущейся однозначности приведенной в п. 4 Постановления формулировки, для следственной практики остается открытым вопрос о конвергенции знаний криминалистических, носящий правовую природу, и знаний специальных, имеющих неправовой характер, в ходе производства следственных действий.

В тексте постановления указывается: «В связи с вопросами, возникающими у судов при применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство судебной экспертизы по уголовным делам …». Таким образом, речь идет только об использовании специальных знаний в форме экспертизы. Сохраняется ли аналогичное требование при участии специалиста при производстве следственного осмотра? Например, может ли специалист по просьбе следователя высказать предположение о том, что имело место – убийство или самоубийство, и на основании проведенного им исследования перечня признаков, подтверждающих или опровергающих следственную

версию, или он, являясь по сути экспертом, должен категорически отказаться от ответа на заданный следователем вопрос? Нам кажется, что специалист обязан участвовать в проверке указанных версий. В этой части практической деятельности следует поддержать позицию Р.С. Белкина о сплаве знаний различных наук. В связи с чем напрашивается мысль о том, что может быть именно в конвергенции криминалистических и специальных знаний, и отсутствии последней, выражается различие в процессуальном статусе специалиста (Ст. 58 Специалист) и эксперта (Ст. 57 Эксперт)? [1]

Рассмотрим с этой точки зрения задачу установления давности наступления смерти (ДНС). Все отечественные докторские диссертации, защищённые по этой проблеме в судебной медицине (Г.А. Ботезату, 1973; П.И. Новиков, 1986: В.Ю. Толстолуцкий, 1996, А.Ю. Вавилов, 2009), по своему содержанию представляют экспертные исследования. Несмотря на то, что в каждой из них изложены предложения по установлению ДНС в ходе первичного осмотра трупа на месте его обнаружения, в генологическом плане они не носят конвергентного характера с криминалистическим знаниями. Это значит, что высказывания специалиста о времени наступления смерти не характеризуются их криминалистической трансформацией.

Рассмотрим, в чём должна, с нашей точки зрения, выражаться конвергентная составляющая определения судебно-медицинским специалистом времени наступления смерти.

Одной из следственных задач при поиске неустановленного преступника выступает установление следователем границ временного периода, в который было совершено преступление. Важнейшим основанием ее решения является установление судебно-медицинским экспертом давности смерти потерпевшего при осмотре трупа на месте его обнаружения.

В тоже время, криминалистической задачей выступает формирование следователем групп лиц заподозренных и свидетелей, а не времени смерти. Различие смыслов двух отмеченных задач весьма существенно. Традиционно считается, что обнаружение не установленного преступника во многом определяется быстротой и точностью определения времени смерти потерпевшего. Определение времени смерти позволяет сформировать временной период, в который было совершено преступление [5].

В тоже время, определение следователем временного интервала совершения преступления создает условие для целенаправленного поиска (включая GPS локацию телефонных звонков, совершенных близко от места и времени совершения преступления) и установления личности следующих групп лиц и фактических данных:

а) непосредственных свидетелей происшествия, допрос которых обеспечивает в последующем опознание преступника;

б) непосредственных свидетелей местонахождения заподозренных, допрос

которых позволяет подтвердить или опровергнуть алиби подозреваемых;

в) свидетелей, которые лично удостоверяют косвенные доказательства, такие как отношения между потерпевшим и заподозренным, приобретение оружия и орудий для совершения преступления, действия по подготовке преступления и другие сведения;

г) заподозренных лиц, могущих быть причастными к совершению преступления.

д) фиксации видеокамерами наблюдения действий лиц, по использованию автотранспорта; покупке товаров в близлежащих супермаркетах алкогольной продукции и продуктов, которые обнаружены при осмотре места преступления (а в последующем и в пищевом тракте потерпевшего /потерпевшей) и других событий, представляющих собой криминалистически значимые обстоятельства.

Все это позволяет на самых ранних этапах расследования убийств организовать оперативно-розыскные мероприятия по целенаправленному поиску следов преступления и причастных к нему лиц.

Основными сложностями для установления временного периода, в который могло быть совершен преступление, выступают:

1. Использование судебно-медицинских знаний в ходе осмотра трупа. В силу объективных причин, например, таких как отсутствие сведений о причине смерти, определяющей различия в динамике трупных явлений, на месте преступления сложно добиться от специалиста высказывания о времени смерти потерпевшего. Эксперт лишь фиксирует стадии развития трупных пятен, температур трупа и другие посмертные изменения.

2. Отсутствие криминалистической основы конвергенции, в частности, математического аппарата криминалистической теории временных связей.

3. Отсутствие криминалистического программного обеспечения – компьютерной программы, обеспечивающей проведение расчетов границ временных интервалов на основе криминалистической теории временных связей.

В силу того, что определение времени наступления смерти невозможно в виде «точечного события» на оси времени, необходимо использовать иные методы обработки данных осмотра трупа, для чего нами предлагается теория нечетких множеств. Нечеткое множество (fuzzy set), это понятие, введённое Л. Заде, который предложил характеристическую функцию – функцию принадлежности элемента множеству, принимающую любые значения в интервале [0,1], а не только значения 0 или 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437.

3. Белкин Р.С. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА,2001. 990 с.
4. Белкин Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. М., 2001.
5. Толстолуцкий В.Ю. Математическое моделирование динамики температуры в постмортальном периоде для определения давности наступления смерти : автореф. дис. д-ра мед. наук. М., 1995. 38 с.

Convergence paradigm of the use of special knowledge in criminal proceedings on the example of determining the prescription of death

V.Y. Tolstolutskiy
The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)
tolvlad@yandex.ru

A convergence approach is proposed in forensics and forensic examination. It is an interdisciplinary fusion of forensics and forensic medicine. The position that the difference of procedural status of the specialist and the expert is based on presence of convergence of criminalist and special knowledge in competence of the specialist and its absence in competence of the expert is substantiated. All publications on forensic medicine about the time of death are expert research. The expert's statements about the time of death at the crime scene are not characterized by their criminalist transformation. The forensic task is to form the investigator groups of suspects and witnesses, not the time of death. The solution of the issue requires the development of a forensic basis for convergence, in particular, the mathematical apparatus of the forensic theory of temporal communications and forensic software. Since the determination of the time of death is impossible as a «point event» on the time axis, it is suggested to use the theory of fuzzy sets.

Keywords: forensic theory of temporal relationship, the pressure of death, fuzzy sets.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ, ПОДГОТОВЛЕННОЙ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ

Е.Б. Фролова
ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
elina_firman@mail.ru

С появлением иностранных инвесторов в Российских компаниях, а также выходом на международный рынок капитала возрастала нехватка специалистов в области экономической экспертизы бухгалтерской отчетности, подготовленной по международным стандартам финансовой отчетности. Целью статьи является исследование бухгалтерской отчетности, подготовленной в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности. В процессе написания статьи был использован метод сравнительного анализа. Выявлено при изучение данного вопроса, что экономическая экспертиза проводится в случае разногласия сторон по содержанию бухгалтерской отчетности подготовленной в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности. Результаты данной статьи могут применяться в теории и практике международных стандартов финансовой отчетности и судебно-бухгалтерской экспертизы. Сделан вывод о важности изучения в процессе про-

ведения судебно-бухгалтерской экспертизы бухгалтерской отчетности, составленной по международным стандартам финансовой отчетности.

Ключевые слова: судебно-бухгалтерская экспертиза, международные стандарты финансовой отчетности, экономическая экспертиза.

Развитие экономики в мире – это огромный перечень мероприятий, одно из таких мероприятий – создание общих принципов ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской отчетности. С притоком иностранных инвестиций в российские компании возникает необходимость в подготовке бухгалтерской отчетности в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности (МСФО). Определить международные стандарты финансовой отчётности можно как систему измерения, обработки и передачи информации о самостоятельном хозяйствующем субъекте заинтересованным пользователям. МСФО – это стандарты, которые являются общепринятыми, а также основой для составления бухгалтерской отчетности.

Существование различных систем учета затрудняет общение компаний на международном уровне. Российским компаниям для успешной работы и процветания бизнеса на международном рынке капитала необходимо применение МСФО, а, следовательно, возникает потребность в специалистах, которые свободно ориентируются в ведении бухгалтерского учета и составлении отчетности по международным стандартам финансовой отчетности.

С момента внесения изменений в Федеральный закон от 27.07.2010 N 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности» расширен список организаций, которые составляют, представляют и раскрывают бухгалтерскую отчетность по международным стандартам финансовой отчетности [1]. К таким организациям относятся: кредитные организации, страховые компании, акционерные общества, инвестиционные фонды и другие компании, чьи ценные бумаги котируются на открытых торгах. Соответственно, если компания составляет отчетность по МСФО, то ей необходимо в штате иметь работника или по договору найма привлекать специалистов, которые имеют необходимые знания в области международных стандартов бухгалтерского учета и финансовой отчетности, а также практические навыки применения стандартов.

Не менее важным является вопрос о дефиците специалистов, в области не просто экономической экспертизы, а именно профессионалов исследующих бухгалтерскую отчетность, составленную по международным стандартам финансовой отчетности. Эксперт должен ориентироваться в области не только бухгалтерского учета, экономического анализа, а также международных стандартов бухгалтерского учета и финансовой отчетности и конечно же международных стандартов аудита [3].

В учебном пособии Юматов В.А. и Лесникова П.Г. приводят классификацию экспертиз, в числе которых выделяют экономические экспертизы [4, с. 12–13]. Экономическая экспертиза необходима для того, чтобы исследовать все эко-

номические показатели хозяйствующего субъекта, отражение проводимых им операций в налоговом учете, бухгалтерском учете и комплексно изучить финансово-хозяйственную деятельность субъекта.

Проведя экономическую экспертизу бухгалтерской отчётности, подготовленной по международным стандартам финансовой отчетности можно определить факты нарушения расходования денежных средств, нарушение отражений операций в соответствии с требованиями нормативных документов, правильность формирования налогооблагаемой базы, начисления в бюджетные и внебюджетные фонды.

Экономическую экспертизу проводят для различных целей и по запросам разных пользователей, таких как собственники компании, государство, инвесторы или, например, кредитные учреждения.

В случае проведения экономической экспертизы бухгалтерской отчетности, составленной по МСФО по запросу инвесторов, учредителей, перед экспертом, как правило, ставятся вопросы о финансовом состоянии организации. Экономическая экспертиза, проводимая в рамках судебного разбирательства, в соответствии с федеральным законом №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» – это процессуальное действие, которое отличается детальным анализом всей деятельности организации, а не только платежеспособности и рентабельности. Эксперты исследуют признаки и способы искажения данных бухгалтерского учета, которые впоследствии повлияли на данные в бухгалтерской отчетности, составленной по международным стандартам финансовой отчетности.

При исследовании бухгалтерской отчетности, подготовленной по МСФО, перед экспертом встает много вопросов, проблем и задач. И очень важно, чтобы эксперт не допустил ошибки и проявил профессионализм при экономической экспертизе бухгалтерской отчетности, составленной по МСФО. В настоящее время, в связи с небольшим количеством специалистов в области международных стандартов финансовой отчетности и международных стандартов аудита, необходимо ввести соответствующие дисциплины в рамках учебного процесса подготовки судебных экспертов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ФЗ от 27.07.2010 N 208-ФЗ «О консолидированной финансовой отчетности».
2. ФЗ от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
3. Юматов В.А., Козменкова С.В., Фролова Э.Б. Аудиторское заключение как объект судебно-бухгалтерской экспертизы / Международный бухгалтерский учет. №7(445). 2018 г. С. 779–788.
4. Юматов В.А. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика: учебное пособие. / В.А. Юматов, П.Г. Лесникова. Нижний Новгород: Изд-во

ННГУ, 2017. 336 с.
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140000/

Economic expertise of financial statements prepared in accordance with international standards

E.B. Frolova

Lobachevsky University (Russia, Nizhny Novgorod)
elina_firman@mail.ru

With the emergence of foreign investors in Russian companies, as well as access to the international capital market, there was a growing shortage of specialists in the field of economic expertise of financial statements prepared according to international financial reporting standards. The purpose of the article is to study the financial statements prepared in accordance with international financial reporting standards. In the process of writing the article the method of comparative analysis was used. It is revealed in the study of this issue that the economic expertise is carried out in case of disagreement between the parties on the content of the financial statements prepared in accordance with international financial reporting standards. The results of this article can be used in the theory and practice of international financial reporting standards and forensic accounting expertise. It is concluded that it is important to study the process of forensic accounting examination of financial statements prepared according to international financial reporting standards.

Keywords: forensic accounting expertise, international financial reporting standards, economic expertise.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАЩИЩЕННОЙ ПРОДУКЦИИ – БЛАНКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ

Я.М. Чернышова

ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (Россия, Нижний Новгород)
prscemurf@gmail.com

В связи с участившимися случаями подделки бланков организаций изучение методов исследования защищенной полиграфической продукции является одним из актуальных вопросов в судебно-технической экспертизе документов.

Ключевые слова: судебно-техническая экспертиза документов, защищенная полиграфическая продукция, бланки организаций, способы защиты, методы исследования.

В настоящее время вопросы исследования защищенной полиграфической продукции в судебно-технической экспертизе документов как никогда актуальны. Для решения конкретных задач в судопроизводстве часто возникает необходимость применения специальных знаний в области судебно-технической экспертизы документов. Для этого осуществляется познание как документа, так и отдельных его реквизитов. Задачи исследования формулируются или субъектом, осуществляющим предварительное расследование, или судом по инициа-

тиве лиц, участвующих в процессе. Значительную часть объектов исследования составляют две группы документов, изготавливаемые полиграфическим способом:

– документы, не содержащие защитных элементов;

– документы, изготавливаемые с применением технологий, которые позволяют заложить не менее двух элементов защиты. Такие документы называются защищенной полиграфической продукцией.

В ГОСТ Р 54109-2010 дано нормативное определение защищенной полиграфической продукции: «Полиграфическая продукция, содержащая не менее двух элементов защиты от подделки и изготовленная с применением способов защиты, предотвращающих полную или частичную подделку этой продукции, для которой предусмотрена необходимость защиты» [1].

Документы, исходящие от органов государственной власти, иных государственных органов, организаций и учреждений, наделенных отдельными государственно-властными полномочиями, в соответствии с законодательством Российской Федерации должны обязательно исполняться на бланках – листах бумаги с набором обязательных и (или) неизменяемых реквизитов, элементами оформления и защиты документа, нанесенных полиграфическим способом.

«Исследование бланков организаций проводится в целях:

– определения способа печати и вида печатной формы;

– определения предприятия-изготовителя типографского шрифта;

– установления групповой принадлежности материалов, которые были использованы для печатания;

– распознавания печатной формы и других приспособлений» [2, с. 20, 21].

К бланкам документов в соответствии с ГОСТ Р 6.30-2003 «Унифицированные системы документации. Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» предъявляются требования:

– к размерам бумаги: бумага имеет определенные размеры, форматы А4 (210 х 297 мм) и А5 (148 х 210 мм);

– к расположению текста: величина полей документа должна соответствовать следующим параметрам: верхнее – 20 мм; нижнее – 20 мм; левое – 20 мм; правое – 10 мм;

– бланки документов должны быть изготовлены на белой или светлой бумаге;

– бланки документов делятся на угловые и продольные;

– различают общий бланк, бланк письма, бланк конкретного вида документа.

Общий бланк предназначен для всех документов, кроме письма. Он содержит следующие реквизиты: Государственный герб Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, наименование организации, дату издания и

место составления документа.

Бланк письма содержит следующие реквизиты: Государственный герб Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, код организации, основной государственный регистрационный номер юридического лица, идентификационный номер налогоплательщика / код причины поставки на учет, наименование и справочные данные об организации.

Бланк конкретного вида документа, кроме письма, содержит следующие реквизиты: Государственный герб Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, наименование организации и вида документа, место его составления.

Бланки делятся на гербовые и простые.

Порядок изготовления гербовых бланков урегулирован законодательно. Гербовые бланки изготавливаются полиграфическими предприятиями, которые имеют лицензии на соответствующий вид деятельности и сертификаты о наличии технических и технологических возможностей для изготовления указанного вида продукции на должном качественном уровне, выданные Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. Законодательством Российской Федерации на автора или владельца документа, а также на уполномоченных лиц, занимающихся обработкой документов, накладываются обязанности по их защите.

В соответствии со статьей 20 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ «целями защиты документированной информации являются:

– предотвращение хищения, утраты, утечки, искажения, подделки информации;

– предотвращение несанкционированных действий по уничтожению, модификации, копированию, искажению, блокированию информации;

– предотвращение угроз безопасности личности, общества, государства;

– предотвращение других форм незаконного вмешательства в информационные ресурсы и системы;

– защита конституционных прав граждан на сохранение личной тайны и конфиденциальности персональных данных, имеющихся в информационных системах;

– сохранение государственной тайны, конфиденциальности документированной информации в соответствии с законодательством;

– обеспечение правового режима документированной информации как объекта собственности» [3].

Выделяют четыре основных вида защиты бланков организаций: технологическую, физико-химическую, полиграфическую и специальные средства защиты.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

В местах расположения подлинных водяных знаков бумага имеет различную толщину при равномерной плотности по всей площади листа.

Технологическая защита – комплекс визуально обнаруживаемых признаков, вносимых в реквизиты документов в результате использования специальных технологических приемов.

Сюда можно отнести водяные знаки, защитные волокна и нити, нумерацию.

Водяные знаки создаются на специальных сетках с рельефными элементами, в результате чего при равномерной плотности листа бумага будет иметь различную толщину именно в месте расположения изображения.

В процессе изготовления бумаги в ее массу вводятся специальные защитные волокна, которые отличаются характером видимой люминесценции, возбуждаемой ультрафиолетовым излучением и цветом, а иногда и тем, и другим.

В структуру бумаги с помощью специального оборудования могут вводиться металлизированные или полимерные полоски шириной до 1,5 мм (так называемые защитные нити), на которых могут быть нанесены микротексты или добавлены люминесцирующие вещества.

Различают два вида защитных нитей:

– скрытые нити (полностью скрытые в бумаге);

– ныряющие нити, которые фрагментарно выступают на поверхность бумаги.

Скрытые нити видны на просвет и делятся на:

– металлизированные сплошные (представляют собой непрозрачную полосу);

– металлизированные с текстом (представляют собой непрозрачную полосу с прозрачными / светлыми буквами, цифрами),

– прозрачные с текстом (представляют собой полупрозрачную полосу с непрозрачными / темными символами, изображениями).

Ныряющие нити видны в проходящем и отраженном свете. Они обычно являются металлизированными. Ныряющие нити по оформлению делят на сплошные, с прозрачным текстом, с голографическим эффектом (имеющие «радужное» покрытие).

Следующим средством защиты документов от подделки является нумерация. Это, в первую очередь, касается документов строгой отчетности. К технологическим видам нумерации относят:

– полиграфическую (способом высокой печати),

– цифровую (механическая прошивная и рельефная, лазерная).

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

Физико-химическая защита – комплекс защитных признаков, обнаруживаемых с помощью технических средств. К этому виду защиты относится люминес-

центная.

Люминесцентная защита – это видимое свечение защитных элементов (волокон, нитей, красок), возбуждаемое источниками ультрафиолетового излучения и обеспечиваемое за счет введения в состав материалов документа специальных веществ – люминофоров, которые под воздействием ультрафиолетового излучения светятся различными цветами.

ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА

Полиграфическая защита - совокупность приемов и способов полиграфического изготовления бланка документа. Выделяют способы печати и специальные эффекты, которые указывают на использование конкретной технологии.

Среди способов печати различают высокую, плоскую и глубокую.

Если печатающие элементы печатной формы расположены выше пробельных, то это признаки высокой печати, если ниже пробельных – признаки глубокой печати. При плоской печати наблюдается отсутствие пространственного разделения между печатающими и пробельными элементами.

На документах с высокой степенью защиты применяется комплекс способов печати. К специальным способам печати относятся:

– орловская печать и типоофсет (косвенные способы высокой печати),

– металлография (разновидность прямой глубокой печати),

– ирисовая печать (технология нанесения нескольких красок на одну печатную форму). В результате наблюдается плавное изменение цвета штрихов (так называемый «ирисовый раскат») или обратные переходы («встречный раскат»).

Специальные эффекты – это эффекты, образуемые при использовании сложных графических элементов и специальных технологических приемов. Сюда можно отнести микропечать, при которой размер знаков в тексте составляет менее 0,4 мм, совмещенные изображения (непрерывные и знаки совмещения), скрытые изображения (графические ловушки), которые представляют собой изображения с регулярной структурой с классическим или линейным растром. Их сочетание на микроскопическом уровне образует «скрытый» текст или рисунок.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ

К специальным средствам защиты относятся: ламинирование, перфорирование номеров, тиснение и голография.

Ламинирование – это покрытие защищенной полиграфической продукции плёнкой. Основное ее назначение – защита изображений от различных воздействий. Также сама пленка имеет специальные средства защиты: голографию, УФ-краски и т.д.

Перфорирование является важным процессом, цель которого – создание отверстий на листе.

Тиснение – выдавливание изображения на поверхности бумаги с помощью клише, на котором выгравирован рисунок.

Голография – это технический метод, который позволяет записывать внешний вид того или иного объекта, и с ее помощью получается трехмерное изображение, выглядящее так, как реальный предмет.

Наиболее легко подделываются способы технологической и полиграфической защиты.

Наиболее сложные для подделки – способы физико-химической защиты, а также специальные средства защиты. Это объясняется тем, что при применении первого способа используются специальные защитные краски, такие как: флуоресцентные, ферромагнитные, цветопеременные, фотохромные, термохромные и др. Для того, чтобы подделать документ с указанной защитой, необходимо знать химический состав этих красок, а применение второго способа защиты предполагает дополнительное специальное оборудование для осуществления голографии, ламинирования листа, изготовления пленки и т.д.

В последнее время на экспертизу все чаще стала поступать защищенная полиграфическая продукция, а именно бланки организаций. Поскольку в настоящее время сложно приобрести бумагу, имеющую способы технологической защиты, лица, занимающиеся подлогом защищенных документов, применяют способы имитации технологической и полиграфической защиты документов.

Имитация – это приемы, обеспечивающие получение в подделках воспринимаемых визуально эффектов, которые достигаются использованием неоригинальных защитных технологий.

Некоторые приемы имитации могут быть обнаружены визуально, например, имитация водяных знаков путем рисовки разбавленными красками. Для этого используются корректоры или краски, содержащие титановые, цинковые белила. Для воссоздания водяного знака краска наносится либо с оборотной стороны документа, либо между двумя склеенными листами.

Еще одним способом подделки водяных знаков является пропитка бумаги высокомолекулярными органическими соединениями, например, смолистыми, воскообразными или жирными веществами, в результате чего снижается способность бумаги пропускать свет на участках, пропитанных вышеназванными веществами.

Также водяные знаки имитируют способом бесцветного тиснения, или прессования, при нанесении на увлажненную бумагу, в результате чего повышается уровень пропускания света через бумагу за счет уплотнения бумажной массы.

Обычно лица, занимающиеся подделкой бланков документов, применяют один какой-либо способ, а не пользуются разными способами печати. При несоблюдении технологических процессов с применением полиграфического способа получаются наиболее грубые подделки. На дефекты бланка документа

указывают следующие признаки: различия в цвете, оттенках, расстоянии между буквами и цифрами, загрязненный вид текста, недостаточно тонкая передача мелких рисунков, отсутствие деталей и контрастов между светлыми и темными местами, несовпадение линий защитной сетки, разрывы тонких линий в сетчатых узорах, недостатки в штриховке, опечатки, неправильное расположение букв и цифр, нестандартный шрифт, наличие одного номера на ряде бланков и др.

Многие из имитаций сложно обнаружить визуальными методами, поэтому возникает необходимость в назначении судебно-технической экспертизы документов, в результате которой эксперт применяет специальные методы для их изучения.

Так, например, имитация водяных знаков может быть установлена путем исследования состава красок методом спектрофотомерии в видимой области с помощью спектрофотометра Evolution 220, а также путем применения метода высокоэффективной жидкостной хроматографии. Люминесцентные и оптические свойства бумаги исследуются с помощью видеоспектрального компаратора VSC8000, с использованием различных светофильтров. Имитация орловской печати может быть установлена при исследовании микроскопическими методами, а также с помощью видеоспектрального компаратора VSC 8000 при большом увеличении.

И только после всестороннего и полного изучения исследуемого объекта эксперт приходит к определенному выводу о подлинности или подделке бланков организаций.

Проблемой экспертного исследования защищенной полиграфической продукции является то, что встречаются суперподделки высокого качества, которые эксперт не всегда сможет определить по причине того, что у него отсутствуют сведения о этапах производства защищенной полиграфической продукции, о составах красок и технологии производства, которые имеют гриф «секретно» и известны лишь работникам и экспертам предприятия Гознак. Суперподделки исследуются только экспертами, обладающими доступом к указанной информации.

В данной статье рассмотрены наиболее часто встречаемые способы имитации защищенной полиграфической продукции. Знания этих вопросов необходимы сегодня экспертам для более качественного проведения судебно-технической экспертизы указанных документов и принятия решения судами и правоохранительными органами о подлинности или подделке бланков организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ГОСТ Р 54109-2010 Национальный стандарт Российской Федерации Защитные технологии. Продукция полиграфическая защищенная общие технические требования. М.: Стандартинформ, 2011.

2. Словарь основных терминов судебно-технической экспертизы документов/ А.А. Гусев [и др.]. М.: ВНИИСЭ, 1985. 67 с.
3. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» (с изменениями от 10 января 2003 г.).

The current state and the perspective development of research methods for protected printed products – company form

Y.M. Chernyshov
Privolgsky Forensic Science centre (Russia, Nizhny Novgorod)
prscemurf@gmail.com

Due to the frequent cases of forgery of company form, the study of research methods for protected printed products is one of the most urgent problems in forensic technical examination of documents.

Keywords: forensic technical examination of documents, protected printed products, company form, methods of protection, research methods.

УСТАНОВЛЕНИЕ НАЛИЧИЯ МЕКОНИЯ В СЛЕДАХ НА ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ

А.П. Четвертнова[1, 3], *А.Л. Федоровцев*[2], *Н.С. Эделев*[2, 3]
[1] *Областное государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Костромское областное бюро судебно-медицинской экспертизы» (Россия, Кострома)*
[2] *Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Нижегородской области «Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы» (Россия, Нижний Новгород)*
[3] *Кафедра клинической судебной медицины ФГБОУ ВО «ПИМУ» Минздрава России (Россия, Нижний Новгород)*
Chetvertnova2011@yandex.ru

В статье приведены результаты исследования мекония и кала в следах на вещественных доказательствах. Установление их наличия до настоящего времени проводилось только цитологическим методом. Однако, как показывает практика, характерные для этих выделений морфологические элементы не всегда выявляются. Также, отсутствуют достоверные критерии дифференциальной диагностики мекония от кала. Целью исследования было изучить возможности обнаружения мекония и кала в следах на вещественных доказательствах, а также разработать критерии дифференциальной диагностики этих выделений, основанные на особенностях их морфологического, ферментного и пигментного состава. Объектами исследования являлись образцы мекония мертворожденных плодов и кала от трупов взрослых лиц без видимых болезненных изменений печени, желчного пузыря, кишечника, со сроками хранения материала от 3 суток до 2 лет. Для исследования были использованы методы световой и люминесцентной микроскопии, проба в 2% крахмально-агаровом геле по выявлению амилазы, метод субстратной пленки для выявления трипсина, метод спек-

трофотометрии и восходящей тонкослойной хроматографии. В результате исследования разработаны способы установления наличия мекония и кала, основанные на особенностях их пигментного состава, а также разработаны критерии их дифференциальной диагностики.

Ключевые слова: меконий, кал, спектрофотометрия, восходящая тонкослойная хроматография.

При расследовании преступлений по факту детоубийств (ст. 106 УК РФ), а именно убийства матерью новорожденного ребенка во время или сразу после родов, а равно убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости [1], перед следствием встает вопрос о подтверждении факта имевших место родов, а также об установлении времени и места совершения преступления.

Важное значение для формирования правильного представления о времени и месте родов, среди прочего, принадлежит обнаружению послеродовых выделений – крови, околоплодной жидкости, сыровидной смазки, лохий, секрета молочных желез, мекония [2].

Вопрос о природе объектов биологического происхождения в следах на вещественных доказательствах может быть решен при проведении судебно-медицинской биологической экспертизы.

Меконий (первородный кал) образуется в кишечнике плода с 5 месяца внутриутробной жизни, выделяется во время родов и в течение 1–3 суток после них. К 4–5 дню меконий сменяется калом грудного ребенка [3, с. 115–117].

До настоящего времени единственным способом по установлению наличия мекония в следах на вещественных доказательствах был цитологический метод, основанный на выявлении типичных для мекония морфологических элементов. Однако, как показывает практика и данные судебно-медицинской литературы, при исследовании микроследов, гниении материала, что не редкость в судебно-медицинской практике, типичные для мекония элементы, не всегда выявляются [4; 5, с. 243–245, 257–258]. Также отсутствуют критерии дифференциальной диагностики мекония и кала.

Таким образом, целью исследования было изучение возможности обнаружения мекония в следах на вещественных доказательствах, а также разработка критериев дифференциальной диагностики мекония и кала, основанных на особенностях их морфологического, ферментного и пигментного состава.

Объектами исследования являлись 50 образцов мекония мертворожденных плодов сроком от 20 до 38 недель внутриутробного развития с давностью хранения материала от 3 суток до 2 лет и 50 образцов кала от трупов взрослых лиц без признаков гнилостных изменений в возрасте от 40 до 75 лет без видимых при секционном исследовании болезненных изменений печени, желчного пузыря, кишечника, с давностью хранения материала от 3 суток до 2 лет.

С целью изучения морфологического состава мекония и кала применяли методы световой микроскопии без окраски или после обработки препаратов раствором Люголя с увеличением 300-500х и люминесцентной микроскопии препаратов, флюорохромированных раствором акрихина [6, с. 87–88]. При исследовании мекония обнаруживали безъядерные чешуйки эпидермиса (до 15–20 в каждом поле зрения микроскопа), мекониевые тельца и, начиная с 32 недели внутриутробного развития, пушковые волосы; при микроскопии кала – фрагменты полупереваренных мышечных волокон, зерна вне- и внутриклеточного полупереваренного крахмала, элементы перевариваемой и неперевариваемой растительной клетчатки и йодофильную микрофлору, которые отсутствовали в меконии.

С целью исследования активности панкреатической амилазы в составе мекония и кала использовали модификацию методики Л.О. Барсегянц (1960), предложенную А.Л. Федоровцевым (1998) [7] для выявления слюны и кишечного содержимого в следах на вещественных доказательствах. Реакция основана на способности крахмала давать синее окрашивание при взаимодействии с йодом. Крахмал же, подвергшийся гидролизу под действием амилазы, при добавлении йода не даёт синей окраски, поскольку с продуктами его расщепления (простые сахара) такого окрашивания не происходит. При исследовании активности амилазы мекония проба давала как положительные, так и отрицательные результаты, причем, количество положительных результатов возрастало с увеличением внутриутробного возраста плодов. При исследовании кала проба была положительна со всеми образцами. Таким образом, данная проба не может быть использована при дифференциальной диагностике мекония и кала, поскольку с образцами мекония дает как положительные, так и отрицательные результаты.

Для установления наличия трипсина в составе мекония и кала использовали метод субстратной пленки, модифицированный А.Л.Федоровцевым (2002) с целью выявления кишечного содержимого в следах на вещественных доказательствах [8, с. 114–115]. В качестве субстрата реакции используют желатину, входящую в состав эмульсионного слоя фотопленки, которая, при взаимодействии с вытяжками из объектов, содержащими трипсин, разрушается, и на пленке появляются прозрачные зоны. В результате реакции в месте внесения вытяжек из образцов кала на черном фоне появлялись прозрачные зоны; в местах нанесения вытяжек из образцов мекония наблюдалась как положительные, так и отрицательные результаты. Таким образом, метод по выявлению трипсина мекония и кала, также, как и проба по выявлению амилазы, не может быть использован при дифференциальной диагностике данных выделений, т.к. с образцами мекония были получены как положительные, так и отрицательные результаты.

Также нами был разработан способ установления наличия мекония и кала методом спектрофотометрии [9]. Для исследования использован спектрофото-

метр СФ-2000 со спектральным диапазоном от 190 до 1100 нМ под управлением внешнего персонального компьютера типа IBM PC с программным обеспечением СФ-2000. Измерения производились в спектральном диапазоне от 300 до 700 нМ с шагом 1 нМ. Вытяжки из исследуемых объектов помещали в кюветы спектрофотометра и исследовали в режиме «Сканирование». Результаты получали в виде графиков и автоматически производили поиск экстремумов (пиков поглощения). При этом получены следующие результаты: при исследовании образцов кала максимум поглощения зарегистрирован при длине волны 498,1±5,3 нМ, а образцов мекония – при 330,0±1,0 и 398,0±5,0 нМ.

С целью изучения пигментного состава мекония и кала нами был использован метод восходящей тонкослойной хроматографии, который отличается простотой, высокой специфичностью, экономичностью и доступностью оборудования [10] .

Известно, что основным пигментом кала взрослых лиц является стеркобилин, который придает ему характерную коричневую окраску. В отличие от кала взрослых, меконий содержит небольшое количество уробилина и значительное количество неконъюгированного билирубина. Это обусловлено тем, что кишечник плодов и новорожденных первых дней жизни стерилен и стеркобилин, образующийся именно в результате действия бактерий, не образуется [11, с. 11–15].

Таким образом, кал взрослых в норме содержит стеркобилин, который отсутствует в мекониии, в свою очередь, основным пигментом мекония является билирубин, который отсутствует в кале взрослых.

С целью обнаружения стеркобилина хроматографическую пластину (ПТСХ-АФ-В) с нанесенными на нее вытяжками из образцов мекония и кала помещали в хроматографическую камеру и элюировали в системе растворителей бутанол – дистиллированная вода – ледяная уксусная кислота в соотношении 4:1:2, затем обрабатывали реактивом Эрлиха (10% раствор парадиметилбензальдегида в концентрированной соляной кислоте) и наблюдали появление полос красного цвета при Rf=0,55-0,6, что подтверждает факт наличия стеркобилина в кале. При исследовании образцов мекония стеркобилин не был выявлен ни в одном из образцов [12].

Таким образом, дифференциальная диагностика мекония и кала может быть основана на отличиях их морфологического и пигментного состава.

Подводя итог, следует сказать, что в результате исследования были разработаны способы установления наличия мекония и кала в следах на вещественных доказательствах, а также критерии их дифференциальной диагностики, что может повысить эффективность судебно-биологических экспертиз по выявлению данных выделений и, как следствие, оказать помощь органам предварительного расследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Эксмо-Пресс, 2019. 432 с.
2. Соловьева Н.А. Методика расследования детоубийств: учебное пособие / под. ред. А.А. Закатова. Волгоград: ВолГУ, 2004. 135 с.
3. Вельтищев Ю.Е. Обмен веществ у детей / Ю.Е. Вельтищев, М.В. Ермолаев. М.: Медицина, 1983 г. С. 115–117.
4. Барсегянц Л.О. Судебно-медицинское исследование вещественных доказательств (кровь, выделения, волосы): руководство для судебных медиков. М.: Медицина, 1999. С. 154.
5. Бронникова М.А. Методика и техника судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств / М.А. Бронникова, А.С. Гаркави. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1963. С. 243–245, 257–258.
6. Федоровцев А.Л. Судебно-медицинские цитологические исследования следов на вещественных доказательствах / А.Л. Федоровцев, Л.А. Ревнитская, Е.И. Королева, Н.С. Эделев. Н. Новгород, 2009. С. 87–88.
7. Федоровцев А.Л., 2002. Цит. по кн.: Сборник методических документов по судебно-биологическому исследованию вещественных доказательств / сост. С.В. Гуртовая. М.: РЦСМЭ, 1998. С. 77.
8. Федоровцев А.Л. Комплексная методика выявления элементов кишечного содержимого в следах наложения на орудиях травмы при ранениях кишки // Актуальные вопросы судебной и клинической медицины. Ханты-Мансийск, 2002. № 6. С. 114–115.
9. Патент РФ на изобретение №2646813/19.05.2017. Эделев Н.С., Федоровцев А.Л., Четвертнова А.П. Способ установления наличия мекония и/или кала в следах на вещественных доказательствах. Доступно по: http://www1.fips.ru/ fips_servl/fips_servlet?DB=RUPAT&rn=1935&DocNumber=2646813&TypeFile=html.
10. Буланова А.В. Хроматография в медицине и биологии: учебное пособие / А.В. Буланова, Ю.Л. Полякова. – 2-е изд. Самара: «Самарский университет», 2006. 116 с.
11. Филиппов Е.С. Обмен билирубина и его особенности у новорожденных / Е.С. Филиппов, М.В. Гомелля, Т.И. Дифенбах // Сибирский медицинский журнал. 1997. №1. С. 11–15.
12. Приоритет на изобретение РФ №2018115660/26.04.2018 года. Эделев Н.С., Федоровцев А.Л., Четвертнова А.П. Способ установления наличия кала в следах на вещественных доказательствах. Доступно по: http:// www1. fips.ru/ fips_ servl/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2018115660&TypeFile=html.

Establishing the presence of meconium in the traces on the evidence

A.P. Chetvertnova[1, 3], A.L. Fedorovcev[2], N.S. Edelev[2, 3]

[1] *Regional state health institution «Kostroma regional Bureau of forensic medical examination of the Kostroma region» (Russia, Kostroma)*

[2] *State budgetary institution of health care of the Nizhny Novgorod region «Nizhny Novgorod regional Bureau of forensic medical examination»(Russia, Nizhny Novgorod)*

[3] *The Department of clinical forensic medicine FGBOU VO «PIMU» Ministry of health of Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*

Chetvertnova2011@yandex.ru

The article presents the results of a study of meconium and feces in traces on material evidence. The establishment of their presence to date has been carried out only by cytological method. However, as practice shows, morphological elements typical for these secretions are not always detected. Also, there are no reliable criteria for differential diagnosis of meconium from feces. The aim of the study was to study the possibility of detection of meconium and feces in traces on material evidence, as well as to develop criteria for differential diagnosis of these secretions, based on the features of their morphological, enzyme and pigment composition. The objects of the study were samples of the stillborns and feces from the corpses of adults without visible pathological changes in the liver, gallbladder, intestine, with a fence age of 3 days to 2 year. The methods of light and luminescent microscopy, 1% starch-agar gel sample for amylase detection, substrate film method for trypsin detection, spectrophotometry method and ascending thin layer chromatography were used for the study. As a result of the study, methods for determining the presence of meconium and feces based on the features of their pigment composition were developed, and criteria for their differential diagnosis were developed.

Keywords: meconium, feces, spectrophotometry, thin-layer chromatography.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.И. Шаров

ННГУ им. Н.И. Лобачевского,

Нижегородская академия МВД России (Россия, Нижний Новгород)

v-i-sharov@rambler.ru

В статье рассмотрены некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон при проведении судебной экспертизы согласно действующего уголовно-процессуального законодательства. Обращено внимание на взаимосвязь состязательности в экспертизе и независимости судебного эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовно-процессуальный кодекс, состязательность сторон, независимость судебного эксперта.

Состязательность сторон является принципом уголовного процесса, закрепленным в Конституции [1] и Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ч. 4 ст. 16 УПК РФ) [2]. Состязательность предполагает, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом, при этом реализовать такое равноправие при про-

ведении судебной экспертизы достаточно сложно. Нам представляется важным осветить некоторые вопросы, которые возникают при анализе принципа состязательности применительно к судебной экспертизе.

1. Состязательность экспертиз или состязательность при проведении экспертизы.

Логика состязательности требует возможности назначения экспертиз как стороной защиты, так и стороной обвинения. Эта идея находит свое выражение при обсуждении так называемых независимых или альтернативных экспертиз.

Процессуальный закон не допускает проведения каких-либо других экспертиз, проводимых помимо тех, которые назначаются согласно ст. 195 УПК РФ и не допускает проведение двух и более первичных экспертиз по одному уголовному делу с поставленными на разрешение теми же или близкими вопросами, но назначаемыми разными сторонами. По всей видимости, это правильно, поскольку использование специальных знаний, получаемых в результате научных изысканий или опыта, их объективность предполагают, что разные субъекты все равно получат одинаковый результат в виде одинаковых ответов на одинаковые вопросы. Конечно, возможны сложные случаи, когда возможны разные мнения экспертов по одному и тому же вопросу, но для этого в УПК РФ предусмотрен институт комиссионной экспертизы.

Таким образом, никакой состязательности экспертиз или заключений экспертов быть не должно, что не исключает состязательности сторон при проведении судебной экспертизы.

Что касается альтернативной экспертизы, то под ней чаще всего понимается экспертиза, которая может назначаться судом по инициативе стороны защиты, не согласной с результатами уже проведенной первичной экспертизы. Как видим, здесь речь идет о проведении повторной экспертизы. Здесь нет противоречий с законом, поскольку она назначается согласно ч. 2 ст. 207 УПК РФ. Сторона защиты должна показать суду, что возникли сомнения в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов. Кроме того, может быть проведена и дополнительная экспертиза, которая назначается при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела (ч. 1 ст. 207 УПК РФ).

Альтернативность или независимость таких экспертиз заключается не в том, что они инициируются стороной защиты, а в том, что они назначаются не экспертам государственных экспертных учреждений, а экспертам, которые считаются независимыми, поскольку не состоят на государственной службе.

По существу, эти положения создают предпосылки использования так называемой «независимой» или «альтернативной» экспертизы, что, по всей видимости, будет максимально полной реализацией принципа состязательности сторон. По всей видимости, именно это приводит к выводам о том, что аль-

тернативная экспертиза будет более широко распространяться в судебной и следственной практике как элемент обеспечения принципа состязательности сторон.

2. Обеспечение состязательности при проведении судебной экспертизы по действующему УПК РФ.

УПК РФ в ч. 2 ст. 195 определяет, что судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями. Иначе говоря, к производству экспертизы закон допускает как государственных экспертов, так и негосударственных, что на наш взгляд полностью соответствует принципу состязательности.

Состязательность обеспечивается положениями ч. ч. 2, 3 ст. 198, согласно которым подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель могут принимать активное участие в назначении экспертизы, ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении или заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о том, чтобы назначить в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении. Вполне очевидно, что сторона обвинения также будет пользоваться своими правами по выбору эксперта или экспертного учреждения, что и обеспечит соблюдение принципа состязательность сторон.

Таким образом, состязательность сторон в УПК понимается как возможность постановки нужных вопросов и назначения компетентного эксперта при назначении судебной экспертизы (включая выбор на альтернативной основе) и свобода оценки заключения эксперта. Иначе говоря, нужно предоставлять возможность сторонам принимать участие при назначении экспертизы, выборе эксперта и экспертного учреждения, оценке выводов эксперта — это и будет реализацией принципа состязательности при проведении судебной экспертизы.

Однако, в УПК РФ обеспечить равноправие сторон при назначении экспертизы не удалось. Дело в том, что закон не требует обязательного участия стороны защиты при назначении экспертизы, а требует лишь только ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего – с составлением протокола, подписываемого лицом, которое ознакомлено с постановлением. Более того, закон не указывает и время уведомления, которое на практике происходит нередко много позже времени назначения экспертизы.

Кроме этого, закон позволяет проводить экспертизу до возбуждения уголовного дела, когда еще не установлены лица, совершившие преступление, и уведомлять, собственно, еще некого. Пленум Верховного Суда разъясняет, что уведомление стороны защиты нужно сделать сразу же после предъявления обвинения, но экспертиза уже назначена и часто уже проведена. В любом случае сторона защиты исключается из процедуры назначения экспертизы.

Самое простое с позиций реализации принципа состязательности сторон

– следует убрать это положение из УПК РФ и, как раньше, разрешить проведение экспертизы лишь после возбуждения уголовного дела. При этом четко прописать в законе, что экспертиза назначается следователем, судом при участии стороны защиты, в том числе по ее ходатайству. Конечно, могут быть и иные предложения, например, назначать экспертизу исключительно судом, реформировать институт предъявления обвинения, отменив стадию возбуждения уголовного дела и т.д. Однако все это вызывает существенное изменение процессуального законодательства, что выходит далеко за пределы предпринятого здесь анализа.

3. Состязательность и независимость экспертизы.

Необходимо смотреть на состязательность сторон через призму еще одного принципа – независимости сторон. Независимость судебного эксперта является крайне важным принципом. В соответствии со ст. 7 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [3] эксперт не может находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Независимость эксперта, согласно процессуальному законодательству означает отсутствие любой, в том числе служебной зависимости от сторон или их представителей (ст. 70 УПК РФ), родственных связей с любым из участников производства по уголовному делу (ст. 61 УПК РФ). Тем самым, независимость эксперта выступает как отсутствие с его стороны заинтересованности в исходе уголовного дела.

Подкрепленная ответственностью за дачу заведомо ложного заключения независимость эксперта выступает гарантом добросовестности эксперта, правильности его выводов и заключения в целом.

4. Рецензия заключения эксперта.

Рецензия заключения эксперта выступает достаточно новой формой, используемой судебной практикой. Она дается специалистом, который осуществляет критический разбор исследования эксперта и производит оценку его выводов. Представляется, что это начало нового института в процессуальном законодательстве, распространяющего принцип состязательности сторон на процедуру оценки заключения эксперта, так как сторона защиты инициирует процесс дачи рецензии. Но поскольку рецензии заключения эксперта как доказательства в процессуальном законодательстве не содержится, то доказательством будут выступать показания специалиста, автора рецензии, данные им на судебном заседании и раскрывающие содержание этой рецензии. Поскольку оценка заключения эксперта в УПК прописана явно недостаточно, а сам тезис, что оценивает заключение, данное на основе специальных знаний, суд, этими знаниями не обладающий, вызывает справедливые сомнения, положения об оценке заключения специалистом с письменным изложением своего мнения заслуживает несомненного внимания законодателя.

В заключение повторим полученные выводы. Состязательность при проведении судебной экспертизы реализуется посредством состязательности сторон при назначении экспертизы и в процессе оценки заключения эксперта. Очень важно соблюсти равноправие сторон как при назначении, так и при оценке заключения эксперта. Состязательность экспертиз или экспертных заключений нецелесообразна и невозможна в рамках действующего законодательства. Поэтому состязательность сторон должна рассматриваться совместно с независимостью эксперта, его незаинтересованностью в исходах дела, что будет способствовать добросовестности исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 21.02.2019)
2. Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 21.02.2019)
3. Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871 (дата обращения: 21.02.2019)

Some issues of legal regulation of forensic examination in the Russian Federation

V.I. Sharov

Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, Nizhny Novgorod)
v-i-sharov@rambler.ru

The article discusses some aspects of the implementation of the principle of the adversarial nature of the parties when conducting a forensic examination in accordance with the current criminal procedure legislation. Attention is drawn to the relationship of competition in the examination and independence of the judicial expert.

Keywords: forensic examination, criminal procedure code, competitiveness of parties, independence of a forensic expert.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОХИМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ОСОБЕННОСТИ ПРЕМОРТАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Н.С. Эделев[1], Н.А. Андриянова[1], И.С. Эделев[2]

[1] ГБУЗ НО «Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы» (Россия, Нижний Новгород)

[2] Кафедра клинической судебной медицины ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Россия, Нижний Новгород)

andriynova.chim@yandex.ru

В представленной статье приведены исследования активности свободнорадикального окисления, окислительной модификации белков в сыворотке крови и уровня веществ низкой и средней молекулярной массы в крови и моче в случаях смерти с длительным агональным периодом. Показана зависимость уровня окислительной модификации белков и уровня веществ низкой и средней молекулярной массы от длительности агонального периода.

Ключевые слова: окислительная модификация белков, длительность, вещества низкой и средней молекулярной массы.

Для полного, объективного, научно-обоснованного судебно-медицинского заключения о причине смерти необходим всесторонний анализ характеристик премортального (агонального) периода [1, с. 323–327]. На сегодняшний день использование для этой цели макроморфологического исследования и стандартных лабораторных исследований недостаточно, поскольку нередко выявляются различные несоответствия между клиническим и секционным диагнозами. Сведения о биохимических процессах, протекающих в организме в агональный период могли бы способствовать определению темпа умирания и, соответственно, научно обоснованному установлению причин наступления смерти. Одним из основных параметров, определяемых механизмом умирания, является длительность и интенсивность гипоксии, в силу чего кислород-зависимые биомаркеры танатогенеза представляются перспективными для использования. Однако имеющиеся литературные данные по данной проблеме единичны и не складываются в целостную систему представлений.

В Нижегородском областном бюро судебно-медицинской экспертизы проводятся комплексные исследования влияния особенностей премортального (агонального) периода на биохимические параметры биологических жидкостей человека. Ниже приводятся полученные результаты исследований.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Проводилось исследование активности свободнорадикального окисления и окислительной модификации белков в сыворотке крови от 54 трупов лиц обоего пола, умерших в результате насильственной и ненасильственной смерти, в возрасте от 13 до 89 лет. Длительность агонального периода делилась на две группы. Первую группу составили 44 случая смерти с коротким агональным периодом,

который не превышал 2-х часов. Другую группу составили 10 случаев смерти от онкологических заболеваний, как пример танатогенеза, характеризующегося длительным агональным периодом, не менее 6 часов [2].

Свободнорадикальную активность оценивали методом индуцированной БХЛ на биохемилюминометре БХЛ-07, сопряженным с компьютером IBM. Метод основан на разложении перекиси водорода ионами металла с переменной валентностью с вступлением образующихся радикалов в реакцию активации свободнорадикального окисления в биологическом субстрате, что приводит к образованию тетроксида, распадающегося с выделением кванта света, регистрируемого на БХЛ-07. На интенсивность процесса свечения оказывает влияние полный комплекс соединений, обладающих как оксидантным, так и прооксидантным действием. Информативным показателем считают Imax – максимальная интенсивность свечения исследуемой пробы, измеряемая в импульс/сек. Imax отражает свободнорадикальную активность образца.

Определение окислительной модификации белков (ОМБ) проводилось по уровню карбонильных производных, выявляемых в реакции с 2,4-динитрофенилгидразином [3, с. 24–26]. Метод основан на реакции взаимодействия окисленных аминокислотных остатков белков с 2,4-динитрофенилгидразином (2,4-ДНФГ) с образованием 2,4-динитрофенилгидразонов, которые регистрируют спектрофотометрически. В результате ОМБ наблюдается появление карбонильных производных, которые в присутствии 2,4-ДНФГ образуют 2,4-динитрофенилгидразоны. Оптическую плотность соединений регистрировали при следующих длинах волн: 230, 270, 370, 430, 530 нм. Суммарную спонтанную ОМБ определяли сложением всех значений на вышеуказанных длинах волн.

Изучалось содержание веществ низкой и средней молекулярной массы (ВНСММ) в крови и моче у 315 трупов мужчин и женщин, умерших в возрасте 20–80 лет с различными сроками премортального (агонального) периода. Содержание ВНСММ определялось в первый час после забора на спектрофотометре «СПЕКС ССП 705» по методике В.Я. Малаховой в модификации Т.В. Копытовой [4, с. 18–20]. Продолжительность премортального (агонального) периода у каждого трупа устанавливалась на основании полученных следственных данных обстоятельств смерти, с учетом анализа причины смерти и морфологической картины, полученной в ходе судебно-медицинского исследования. Кровь и моча забирались у трупов в процессе их исследования в морге на секционном столе [5, с. 19–22].

Статистический анализ был проведен с помощью программного обеспечения Statplus, компании «AnalystSoft», 2018. Для выявления различий между выборками использовали U-критерий Манна-Уитни, различия считались статистически достоверными при уровне значимости $p < 0,05$. Для оценки корреляционной связи данных двух выборок применяли корреляцию по Спирмену.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

При анализе свободнорадикальной активности статистически значимых отличий между случаями с выраженным агональным периодом и быстрым темпом умирания обнаружено не было (табл. 1).

Таблица 1.
Уровень свободнорадикальной активности и суммарной окислительной модификации белков сыворотки крови при разной длительности агонального периода

	Короткий агональный период	**Длительный агональный период**
Суммарная ОМБ, усл. ед.	1,289± 0,133	0,759± 0,163
Уровень значимости различий по критерию Манна-Уитни		p=0,046
Свободнорадикальная активность, импульс/сек	880,5± 188,88	771,00± 47,74
Уровень значимости различий по критерию Манна-Уитни		p= 0,719

Сравнение уровня окислительной модификации белков сыворотки крови при длительном умирании со случаями, характеризующимися коротким агональным периодом, выявило статистически значимые различия между этими выборками (p=0,046) (табл. 1). Это было справедливо для случаев смерти при сочетанной тупой травме тела (p=0,027) и колото-резанных ранах (p=0,0356).

Различия в показателях значений суммарного ОМБ крови, вероятно, обусловлены тем, что короткий агональный период характеризуется развитием острых стрессовых реакций, которые, прежде всего, характеризуются выбросом катехоламинов, в том числе адреналина, который способен активировать процессы свободнорадикального окисления [6, с. 414–425]. Активация свободнорадикального окисления, вызванная активацией симпато-адреналовой системы организма, провоцирует окислительную модификацию белков крови. При длительном темпе умирании такого выброса катехоламинов не наблюдается, и, хотя тканевая гипоксия, также запускающая свободнорадикальные процессы, локально, такого значимого влияния как в случае быстрой смерти не наблюдается.

Средние показатели ΣВНСММ в крови (Мк) и в моче (Мм) живых лиц, у трупов, умерших агональной смертью, и у трупов, умерших мгновенной смертью, представлены в таблице 2.

Таблица 2.
Уровень веществ низкой и средней молекулярной массы в крови и мочи при разной длительности агонального периода

	Кровь (у. ед.)	**Мк/Мм**	**Моча (у. ед.)**
живые	15,22±5	<1	26,68±11,25

смерть с агонией	53,71±23,34	>1	17,84±10,7
мгновенная смерть без агонии	32,94±11,63	<1	43,8±20,23

Приведенные данные свидетельствуют, что у живых лиц соотношение Мк/Мм<1, у трупов, смерть которых сопровождалась агонией, Мк/Мм>1, а у трупов с мгновенной смертью (практически без агонального периода) Мк/Мм<1, т.е. как у живых лиц. Полагаем, что это обусловлено происходящими в организме во время агонального периода различными биохимическими процессами на фоне снижения фильтрующих функций почек и нарастания эндогенной интоксикации, одним из маркеров которых являются ВНСММ.

Таким образом, показатели окислительной модификации белков крови и веществ низкой и средней молекулярной массы (ВНСММ) зависят от продолжительности премортального периода и могут служить одним из маркеров установления длительности агонального периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mazeikiene S., Laima S., Chmieliauskas S., Fomin D., Andriuskeviciute G., Markeviciute M., Matuseviciute A., Jasulaitis A., Stasiuniene J. Deontological examination: Clinical and forensic medical diagnoses discrepancies. Egyptian Journal of Forensic Sciences. 2016; 6(4). P. 323–327.
2. Путинцев В.А., Богомолов Д.В., Богомолова И.Н., Денисова О.П. Определение длительности и темпа умирания по морфологическим признакам. Методические рекомендации. Москва: ФГБУ РЦСМЭ, 2017. С. 32.
3. Дубинина Е.Е., Бурмистров С.О., Ходов Д.А., Поротов И.Г. Окислительная модификация белков сыворотки крови человека, метод ее определения. Вопросы медицинской химии; 1995; 41(1). С. 24–26.
4. Копытова Т.В., Добротина Н.А., Химкина Л.Н., Ларина Т.Н. Некоторые подходы к лабораторной диагностике эндоинтоксикации при хронических дерматозах // Клиническая лабораторная диагностика. 2000. №1. С. 18–20.
5. Эделев И.С. Определение факта мгновенно наступившей смерти на основании содержания веществ низкой и средней молекулярной массы (ВНСММ) в крови и моче // Вестник судебной медицины. 2018. Т. 7, №2. С. 19–22.
6. [Gayen J. R., Zhang K., RamachandraRao S. P., Mahata M., Chen Y., Kim H.-S., Naviaux R. K., Sharma K., Mahata S.K., O'Connor D.T. Role of Reactive Oxygen Species in Hyper-Adrenergic Hypertension: Biochemical, Physiological, and Pharmacological Evidence from Targeted Ablation of the Chromogranin A (Chga) Gene. Circulation: Cardiovascular Genetics; 2010; 3(5). P. 414–425. https://doi.org/10.1161/CIRCGENETICS.109.924050].

Possibilities of using biochemical research methods in determining the features of the premortal period

N.S. Edelev[1], N.A. Andrianova[1], I.S. Edelev[2]

[1] *GBUZ NO «Nizhny Novgorod regional Bureau of forensic medical examination» (Russia, Nizhny Novgorod)*

[2] *Cafedra of clinical forensic medicine of VOLGA region research medical University of the Ministry of health of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*

This article presents studies of the activity of free radical oxidation, the oxidative modification of proteins in the blood serum and the level of substances of low and average molecular weight in the blood and urine in cases of death with a long agonal period. The dependence of the level of oxidative modification of proteins and the level of substances of low and medium molecular weight on the duration of the agonal period is shown.

Keywords: oxidative modification of proteins, duration, substances of low and medium molecular weight.

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ

В.А. Юматов[1], Э.Г. Юматова[2], А.В. Романов[3]

[1] *ННГУ им. Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)*

[2] *ННГАСУ (Россия, Нижний Новгород)*

[3] *НРЭР (Россия, Нижний Новгород)*

yumatovva@yandex.ru

В статье рассматриваются разработки подходов к классификации судебных экспертиз электронной техники, проблемы недостаточной разработанности специализированного методического и информационного обеспечения по исследованию данных объектов. Предлагается современная структура данного рода судебных экспертиз, технологические решения типовых задач при производстве электронно-технических экспертиз с максимальной детализацией стадий предварительного и раздельного (детального) исследования конкретных объектов (смартфонов) при решении диагностических и идентификационных задач и с использованием набора методов.

Ключевые слова: электронная техника, электронно-технические экспертизы, техническая диагностика.

В настоящее время одним из приоритетных направлений развития экономики нашей страны является её «цифровизация». Реализация этого курса заключается в активном внедрении «цифровых» и «нанотехнологий», основанных на мировых научно-технических открытиях в области электроники. На рынке появляется всё более сложная, компактная и многофункциональная электронная техника – технические средства, работа которых основана на движении электронов. Активное развитие электроники способствует внедрению электронной техники и её элементов (узлов, блоков, модулей) практически во все отрасли промышленности, повышая их эффективность.

К сожалению, результаты развития электроники и электронной техники всё активнее используются и в незаконной (противоправной) деятельности. Например, в последние годы существенно расширился ассортимент электронных устройств, предназначенных для негласного получения информации, увеличился поток нелегально поступающей на рынок низкокачественной и небезопасной электронной продукции, которую все сложнее отличить от легальной.

Тенденция роста и усложнения электронной техники во всех сферах деятельности приводит к увеличению в судопроизводстве числа назначаемых экспертиз как самой электронной техники, так и связанных с ней процессов. Вместе с тем в научной классификации вопрос о структуре научного знания по данному направлению остаётся дискуссионным, а в экспертных учреждениях Российской Федерации отсутствует единый подход к проведению экспертиз электронных технических средств. Такая ситуация существует в течение многих лет, что, безусловно, отражается на результативности проводимых исследований. В связи с этим возникает потребность в разработке подходов к построению классификации указанных экспертиз, а также типовых методик данного вида экспертных исследований.

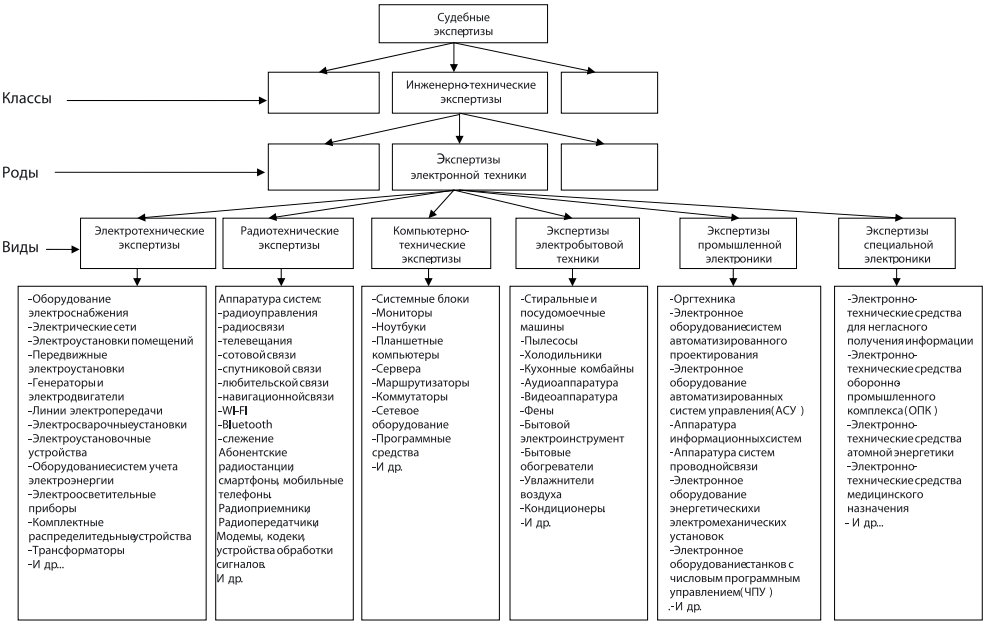
При группировании важен правильный выбор признаков или свойств, на основании которых осуществляется группировка. Это помогает понять сущность, т. е. закономерность классифицируемых явлений, известных нам в качестве фактов. Для научной классификации должны соблюдаться следующие принципы: системность (взаимосвязь и взаимодействие), структурность, методическое обеспечение и самостоятельное доказательственное значение результатов судебно-экспертного исследования. Важным является соблюдение основных этапов классификации: 1) выбор некоторого множества объектов; 2) указание и точное определение признаков, по которым будет производиться сравнение (информационных полей); 3) способ разбивки на классы/роды/виды, т. е. алгоритм выделения. Подход к построению классификации судебных экспертиз в настоящее время видится следующим образом: это объекты и решаемые задачи экспертного исследования, методическое обеспечение задач и самостоятельное доказательственное значение результатов, характер специальных знаний [1].

Прежде всего следует отметить, что существует большое количество технических средств, общее свойство которых объединяет их все в одну большую, отличную от других группу. Их функционирование основано на движении электронов, поэтому они получили название электронно-технические средства или электронная техника. Электронная техника предназначена для: а) выработки, преобразования, распределения и использования электрической энергии; б) приёма, передачи, обработки и хранения информации. Выполнение функций первого вида осуществляется преимущественно электротехническими средствами, а функций второго вида – в основном, радиотехническими средствами

и компьютерно-техническими средствами. При этом радиотехнические средства отличаются от компьютерно-технических средств тем, что их работа основана на использовании электромагнитной энергии радиоволн.

В соответствии с имеющимися различиями в функциональном назначении и в принципе работы группа технических средств с названием «электронная техника» подразделяется на три большие подгруппы. Это «электротехнические средства», «радиотехнические средства», «компьютерно-технические средства». Наряду с таким разделением существует и разделение электронной техники по области её применения. В этом случае различают три подгруппы: «бытовая электроника», «промышленная электроника», «специальная электроника». При разработке классификации **судебных экспертиз электронной техники** (далее СЭЭТ) авторы исходили из сложившейся и описанной выше классификации (разделение на подгруппы) электронно-технических средств, которые в данном случае являются объектами экспертиз электронной техники. Классификация СЭЭТ показана на схеме №1.

Схема 1



Предметом данного рода экспертизы являются фактические данные (факты, обстоятельства), устанавливаемые на основе изучения закономерностей, сопряжённых с производством и эксплуатацией электронной техники, в целях получения доказательственной информации по делу. Соответственно предмет экспертизы определяется сложным интегральным комплексом особенностей – характеристиками объекта исследования, задачами исследования и методиками

исследования.

Объектами СЭЭТ являются некоторые предметы материального мира – электронно-технические изделия и их части, входящие в состав других изделий, документальные данные о них и о процессах, связанных со всеми этапами их жизненного цикла (от проектирования и разработки, до эксплуатации и утилизации), а также «нематериальные субстанции – программные продукты и собственно информация в различных её проявлениях» [2]. Далеко не случайно ряд авторов указывает, что «информация – это не материя и не энергия, а третья составляющая бытия» [3]. Главное заключается в утверждении о нематериальном характере информации. Ряд ученых высказывает суждение о том, что «информацию возможно рассматривать как пятую форму бытия: материя, энергия, время, пространство и информация» [2]. Есть мнение о существовании новой категории следов – «виртуальные следы». Для данной категории следов определено промежуточное положение между традиционно рассматриваемыми в криминалистике материальными и идеальными следами. Обосновывается это тем, что в электронно-цифровой среде процесс отражения происходит не напрямую, как в ситуации с материальными следами, когда имеется непосредственное взаимодействие следообразующего и следовоспринимающего объектов, а опосредованно через целую иерархию формализованных (чаще всего математических) моделей, используемых для описания реальных физических явлений. В результате записанная на соответствующем материальном (магнитном, оптическом, электронном) носителе совокупность цифровых значений представляет собой лишь параметры формализованной модели, используемой в конструкции и соответствующих режимах работы регистрирующего устройства [4].

Электронно-технические средства являются носителями определенной информации. Сами сообщения о событиях не могут существовать вне материальных носителей: записанные на каких-либо носителях сообщения существуют в виде материальных зарядов, которые могут быть измерены и перенесены с одного объекта на другой. То есть в действительности природа информации носит двойственный характер – функционально-атрибутивный. Это позволяет осуществить переход к анализу закономерностей возникновения и передачи информации, когда на первый план выходят не физические, а «информационные» свойства материального носителя. У объектов первого рода функционирование определяется процессами материального обмена, то есть процессами переноса (передачи, приёма) материальных факторов: вещества, энергии, импульса, различных материальных предметов и ценностей. Изучаются такие объекты преимущественно методами естественных, технических, экономических наук. Объекты второго рода определяются «нефизическим» взаимодействием – коммуникацией, то есть процессами приёма и передачи сигналов, данных, команд, обменом сообщениями и иной информацией. Изучаются такие объекты методами кибернетических (математика, математическая логика, информатика, тео-

рия связи и др.) и ряда современных технических наук (электронная техника и технологии, компьютерная техника и технологии, радио- и электросвязь, системотехника, программирование и др.).

Информационные процессы – неотъемлемая сторона указанной деятельности – реализуются практически как новая форма действия. Её особенность в том, что это действие со знаками. Криминалистическая информатика – «алгоритмическая поисковая процедура», предлагаемая В.Ю. Толстолуцким как новая категория в криминалистике – исследует уже не материальную форму действия, поскольку последняя составляет предмет исследования криминалистической техники, тактики и методики, а так называемую материализованную форму действия [5].

Полагаем, что с позиции криминалистики следы могут быть либо материальными, либо идеальными, но «виртуальных следов» не может быть в принципе. Перенос информации возможен только благодаря физиологическому, физическому, химическому либо иному материальному процессу, а сохранение её связано с относительно устойчивыми структурами состояний клеток мозга или элементов узлов памяти машины [6]. Информация выступает как некоторый инвариант отражения, именно то, что может объективироваться при трансформации и передаче преобразований отражения [1]. С этих позиций объектами СЭЭТ могут быть различные электронно-технические изделия и процессы, зафиксированные на материальных носителях и связанные с этапами их жизненного цикла путем изменения свойств и состояний отдельных их элементов. Мы согласны с позицией ряда учёных, что информацию, формирующуюся в процессе работы с вычислительной техникой, необходимо выделить в особую группу материальных следов и обозначить их как «цифровые», поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий и связано с представлением информации в цифровой форме, а для их преобразования в доступную для восприятия форму также используются цифровые технологии. Полученные доказательства соответственно можно именовать «цифровыми доказательствами» [7].

Для повышения результативности исследований электронной техники, которая характеризуется непрерывно растущим разнообразием объектов, необходимо выделить типовые экспертные задачи. Задачи, решаемые при выполнении экспертных исследований электронной техники, разделяются на идентификационные (установление индивидуально-конкретного тождества единичного объекта, целого по частям, установление источника происхождения объекта) и диагностические (классификационные, интеграционные, ситуалогические). Приведенные экспертные задачи обычно взаимосвязаны между собой и решаются последовательно. *Цели и задачи* рассматриваемых экспертиз – выявление и изучение свойств и признаков объектов электронной техники, дальнейший научный анализ которых позволяет установить имевшие место события

и спрогнозировать возможность появления тех или иных событий в будущем. Типовыми задачами в процессе проведения экспертиз являются: установление причин, влияющих на снижение качества и безопасности объектов; установление соответствия/несоответствия стандартным и обязательным требованиям; условий эксплуатации изделий требованиям Технических регламентов, ТУ, ГОСТов; определение технических характеристик исследуемых элементов/частей; установление работоспособности и исправности объектов; индивидуальная идентификация аппаратного, программного продукта, а также установление групповой принадлежности; установление источника происхождения объекта и идентификация целого по части.

Следует указать, что границы компетенции эксперта по электронной технике определяются базовыми научными знаниями в области электроники, которые необходимы эксперту для успешного проведения инженерно-технических экспертиз любой современной электронной техники. Объем базовых знаний в области электроники определяется тремя основными выделившимися из физики и математики дисциплинами: электротехника, радиотехника, информатика. В соответствии с этими дисциплинами исторически сложилось разделение электронной техники на три группы. Это электротехнические средства, радиотехнические средства и компьютерно-технические средства (как аппаратные, так и программные). Однако для современной электронной техники, которая достигла высокого уровня сложности и многофункциональности, такое разделение уже давно стало условным. Объясняется это тем, что большая часть (~90%) электронно-технических средств включает в себя элементы из двух или трех перечисленных выше групп. Наиболее распространенным современным смешанным электронно-техническим средством является смартфон, который состоит из электротехнических, радиотехнических и компьютерно-технических частей. Смешанный состав большинства современной электронной техники требует от эксперта овладения базовыми знаниями всех трех перечисленных дисциплин.

Базовое знание представляет собой совокупность знаний в узких областях науки/техники, что недостаточно для профессиональных компетенций судебного эксперта. Судебный эксперт должен: иметь представления об основах и особенностях производства данной экспертизы; знать основы законодательства о судебной экспертизе, основы общей и частных теорий судебной экспертизы; уметь определять основные проблемы эксперта в области применения норм процессуального законодательства; владеть способами и подходами практического применения методик при производстве экспертизы. В целях обеспечения эффективного решения данной проблемы целесообразно осуществлять профессиональную подготовку соискателей (у которых имеется базовое образование по программе бакалавриата) по программе магистра – «Судебно-экспертная деятельность в области правоприменения». В качестве альтернативы – получе-

ние дополнительного профессионального обучения (переподготовки и повышения квалификации) на базе специализированных кафедр/факультетов образовательных учреждений высшего образования по специальности 40.05.03 «Судебная экспертиза» (уровень специалитета).

Эффективность процесса исследования электронно-технических средств зависит от знаний, умений и владения экспертом методами и техническими средствами реализации конкретного типа исследования. Основу системы методов исследования электронной техники составляют общепознавательные методы: наблюдение, измерение, тестирование, эксперимент, сравнение и другие, дающие возможность объективизировать анализ информации (метод замены комплектующих деталей, использование интеграции признаков и пр.). Неотъемлемым методом исследования электронно-технических средств являются измерения, которые проводятся в специальной лаборатории, имеющей поверенные измерительные приборы и диагностические стенды. Порядок и условия проведения измерений параметров исследуемой электронной техники регламентированы в Федеральном законе от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» [8], а также в инструкциях на используемые измерительные приборы.

Исходя из вышеизложенного дадим определение данному роду судебной экспертизы. *Судебная экспертиза электронной техники – это исследование технического состояния объекта, находящегося на любом из этапов своего жизненного цикла, и документальной информации о нём в целях установления его соответствия/несоответствия предъявляемым к нему действующим требованиям и определение причинно-следственных связей явлений (событий), имеющих доказательственное значение при расследовании и судебном рассмотрении конкретных дел.*

В процессе исследования эксперт выявляет содержащуюся в этих объектах информацию и на её основе реализуется возможность установления объективных фактов. Выявленные в процессе экспертного исследования диагностические/ идентификационные признаки и свойства, будучи оценены экспертом на основе специальных знаний, вводятся в процесс доказывания в форме заключения эксперта, используемого следователем и судом в качестве исходных данных для доказывания фактических данных – доказательств. Ниже нами предлагается методика, описывающая технологию деятельности судебного эксперта при проведении судебной экспертизы такого наиболее распространенного объекта электронной техники, как смартфона при решении вопросов установления недостатков в объекте, причин их появления и возможности устранения. Данная методика проверена/апробирована в экспертных организациях Нижнего Новгорода: Торгово-Промышленная Палата Нижегородской области, ООО «Альтернатива», ООО «Ассоциация судебных экспертов и оценщиков», ООО «Приволжский региональный центр независимых экспертиз», ООО «ПрофЭксперт

– НН», «Нижегородская ремонтно-экспертная радиолаборатория» (ИП Романов А.В.) и др.

СТАДИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Подзадача 1. Получение достоверной информации о требованиях к проведению судебной экспертизы в соответствии с последними (актуальными) редакциями нормативно-правовых актов в условиях непрерывного появления изменений и дополнений в законодательстве РФ.

Действие: при получении материалов дела и определения/постановления на проведение судебной экспертизы эксперт, ознакомившись с ними, в первую очередь должен **проверить актуальность** действующих на данный момент нормативно-правовых актов, регламентирующих экспертную деятельность.

Способ выполнения: для определения актуальности действующих требований к судебно-экспертной деятельности необходимо ознакомиться с последними редакциями нормативно-правовых актов. Порядок их опубликования и вступления в силу изложен в Федеральном законе от 14.06.1994 N 5-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» [9]. Одним из органов официального опубликования (размещения) нормативно-правовых актов, согласно этому закону, является «Официальный интернет-портал правовой информации», находящийся в информационной телекоммуникационной сети Интернет по электронному адресу. На этом интернет-сайте возможно проверять появление новых законов и изменений в существующих законах (новых редакций). Дальнейшие действия эксперта будут проводиться с учетом наличия или отсутствия изменений, дополнений в действующем законодательстве.

Подзадача 2: Соблюдение требований ст. 85 ГПК РФ.

Действие: **убедиться в наличии соответствия** между поставленными в определении суда вопросами и областью специальных знаний эксперта. При отсутствии такого соответствия эксперт согласно ст. 85 ГПК обязан отказаться от проведения данной экспертизы.

Способ выполнения: проведя анализ сформулированных в определении вопросов, следует убедиться в том, что для ответа на них необходимо и достаточно наличия знаний в области электроники. Типовыми вопросами при экспертизе смартфонов являются вопросы о наличии, причинах появления и возможности устранения тех или иных недостатков (дефектов) в работе этого объекта электронной техники. Для ответов на эти и подобные им вопросы необходимо наличие у эксперта документально подтвержденных профессиональных знаний в области электроники.

Подзадача 3. Соблюдение требований ст. 171 и ст. 80 ГПК РФ.

Действие: дать подписку о полученном предупреждении об ответственности эксперта по ст. 307 УК РФ за заведомо ложное заключение.

Способ выполнения: составить соответствующий документ «Подписка эксперта», который в дальнейшем необходимо приложить к «Заключению эксперта» и передать в суд. В подавляющем большинстве случаев предупреждение эксперта об ответственности эксперта по ст. 307 УК РФ за заведомо ложное заключение содержится в определении о назначении экспертизы.

Подзадача 4. Организация и подготовка процесса исследования.

4.1. *Действие*: **составить и направить ходатайство**, выполнение положений которого потребуется для реализации разработанного плана.

Способ выполнения: в ходатайстве указывается следующее:

- предоставить спорный смартфон в полном комплекте с отключенными блокировками и паролями в указанные место и время для начала проведения экспертного исследования;
- сообщить заблаговременно заинтересованным сторонам о времени и месте начала экспертизы;
- запросить у продавца спорного смартфона и предоставить эксперту сведения о сертификатах соответствия и (или) декларациях о соответствии на спорный смартфон;
- в ряде случаев разрешить эксперту проведение исследования с использованием методов, приводящих к существенному и необратимому изменению свойств объекта. Применение экспертом таких методов является исключительной мерой и требует от него составления и предоставления суду достаточно веского и убедительного обоснования в необходимости их использования.

4.2. *Действие*: **подготовить** требуемые для исследования представленного смартфона измерительные приборы и оборудование, имеющееся в радиолаборатории.

Способ выполнения: проверить работоспособность приборов и действительность сроков свидетельств об их поверке.

4.3. *Действие*: в указанное в ходатайстве время начала экспертизы эксперт должен принять **объект исследования, зафиксировать** факт приема и указать присутствующих лиц при производстве данной экспертизы.

Способ выполнения: предъявить присутствующим свои документы, составить акт приема–передачи смартфона, проверить целостность печати (если смартфон опечатан), выполнить фотофиксацию, осуществить фиксацию данных из документов лиц, присутствующих при производстве экспертного исследования.

4.4. *Действие*: после получения смартфона и прилагаемых документов эксперт в первую очередь должен **проверить актуальность** на данный момент документов по стандартизации и технических регламентов Таможенного союза, содержащих требования к смартфонам и методам их исследования.

Способ выполнения: для определения актуальности действующих документов по стандартизации и технических регламентов Таможенного союза необ-

ходимо ознакомиться с последними редакциями этих документов. Органом официального опубликования (размещения) перечисленных документов является «Росстандарт – Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии». На официальном интернет-сайте этого агентства, расположенном по электронному адресу: http://www.gost.ru, возможно проверять появление новых документов и изменений в существующих технических документах (новых редакций). Дальнейшие действия эксперта будут проводиться с учетом наличия или отсутствия изменений в действующих документах.

СТАДИЯ РАЗДЕЛЬНОГО (ДЕТАЛЬНОГО) ИССЛЕДОВАНИЯ

Подзадача 5. Организация и подготовка детального исследования.

5.1. *Действие*: осуществить органолептическое исследование смартфона с указанием состояния объекта и выявленных признаков.

Способ выполнения: с применением визуального метода исследования осмотреть поверхности смартфона, его компоненты, зафиксировать имеющиеся следы и их взаиморасположение, указать форму, конфигурацию и пр. Ознакомиться со сведениями и маркировкой на корпусе смартфона, его компонентов, на упаковке и в прилагаемых эксплуатационных документах.

5.2. *Действие*: осуществить идентификацию смартфона.

Способ выполнения: методом сравнения (прием сопоставления) установить и зафиксировать наличие либо отсутствие тождественности характеристик и параметров смартфона, указанных в материалах дела, в прилагаемых документах, на упаковке, на корпусе аппарата и компонентах смартфона.

5.3. *Действие*: **произвести контроль функционирования** смартфона.

Способ выполнения: выполнить указанные в инструкции действия для включения смартфона. Произвести тестовую эксплуатацию смартфона в различных режимах работы. Установить и зафиксировать наличие или отсутствие каких-либо несоответствий в работе смартфона относительно данных в прилагаемой инструкции по эксплуатации. В случае нефункционирования смартфона в каких-либо режимах работы необходимо выполнить действия, рекомендованные производителем в таких случаях. После выполненных действий зафиксировать появление или отсутствие изменений в работе аппарата и определить его работоспособность.

5.4. *Действие*: **произвести контроль технического состояния** смартфона.

Способ выполнения:

- установить наличие в составе конкретного исследуемого смартфона узлов и электрорадиоэлементов потенциально опасных для жизни и здоровья, а также электрорадиоэлементов, являющихся источниками электромагнитного излучения и чувствительных к электромагнитным излучениям;
- исходя из установленного состава и функционального назначения аппарата, его узлов, а также, учитывая дату его продажи, определить перечень документов, в которых содержатся как обязательные (требования безопасности),

так и добровольные (требования качества) требования к исследуемому смартфону. В большинстве случаев к искомым документам относятся: Федеральный закон «О техническом регулировании» [10], технические регламенты Таможенного союза [11], [12], [13] и документы по стандартизации (ГОСТы) [14], [15], [16], [17], [18].

- ознакомиться с требованиями качества и безопасности к исследуемому смартфону, содержащимися в установленных документах, после чего определить и зафиксировать наличие либо отсутствие каких-либо несоответствий (дефектов) смартфона этим требованиям.

5.5. *Действие*: **выполнить программную диагностику аппаратной части и программного обеспечения** смартфона (по возможности).

Способ выполнения: методом тестирования программных и информационных продуктов выявить признаки проявления дефекта смартфона. Для диагностики рекомендуем применять установленную в нем одну из трех операционных систем (ОС) iOs, Android, Windows Phone или (и) использовать лицензионную последнюю версию ОС Windows 10, установленную на внешнем, заведомо исправном, устройстве (персональном компьютере). При этом в обоих случаях программные диагностические продукты, которые необходимо установить и запустить на перечисленных платформах, выбираются экспертом самостоятельно в зависимости от их эффективности и характера дефекта в исследуемом смартфоне. Обязательным условием является приобретение программных продуктов в официальных интернет-источниках их производителей «App Store», «Google Play» и «Microsoft Store».

5.6. *Действие*: **произвести аппаратное исследование состояния электрорадиоэлементов** в смартфоне.

Способ выполнения: Используя диагностические стенды и измерительные приборы произвести по возможности следующие измерения:

- измерить и сравнить с указанным в эксплуатационных документах значение постоянного напряжения питания на шине USB в процессе режима зарядки смартфона (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- измерить значение токопотребления смартфоном в процессе режима зарядки смартфона (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- измерить время полной зарядки аккумуляторной батареи (АКБ) в смартфоне;
- измерить и сравнить с указанными на АКБ параметрами значения постоянного напряжения на выводах Li-ion аккумуляторной батареи в начале и конце заряда (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- определить с использованием измерений и расчета номинальную ем-

кость Li-ion АКБ смартфона согласно методике, описанной в ГОСТ Р МЭК 61960-2007 «Аккумуляторы и аккумуляторные батареи, содержащие щелочной и другие некислотные электролиты. Аккумуляторы и аккумуляторные батареи литиевые для портативного применения» [19]. Сравнить полученное значение с указанным на АКБ;

- измерить значения постоянных напряжений вторичных по отношению к U акб=3.8 В источников питания, расположенных на материнской плате (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- измерить и сравнить со значениями протокола USB 2.0 параметры сигналов обмена информацией на шинах D+ и D- в режиме синхронизации смартфона с хостом (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- измерить и сравнить со значениями протокола USB 2.0 входные сопротивления шин D+ и D- порта USB смартфона (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- измерить и сравнить со значением, указанным в ПУЭ [20] сопротивление изоляции зарядного устройства смартфона (согласно методике, указанной в инструкции на измерительный прибор);
- произвести оценку погрешностей проводимых измерений.

5.7. *Действие*: **выявить неисправные электрорадиоэлементы** в смартфоне.

Способ выполнения: произвести анализ и сопоставление полученных результатов аппаратного и программного исследований, которые укажут на наличие и количество неисправных элементов в смартфоне.

5.8. *Действие*: **установить причины неисправности** смартфона.

Способ выполнения: реализуя метод использования интеграций признаков произвести синтез результатов исследования технического состояния смартфона, который укажет на причины выхода из строя элементов смартфона. Построить цепочки причинно-следственных связей и описать их механизм для каждого выявленного дефекта. Затем выбрать наиболее вероятное и технически возможное событие, которое могло привести к неисправности смартфона.

СТАДИЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРОВЕДЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ФОРМУЛИРОВАНИЕ ВЫВОДА ЭКСПЕРТА

Действие: **сформулировать выводы** проведенного исследования смартфона.

Способ выполнения: дать определение технического состояния смартфона и указать события, которые привели к возникновению выявленных дефектов. В выводах эксперт ещё раз должен указать основные отличительные реквизиты смартфона. Выводы излагаются в той последовательности, в которой были поставлены вопросы эксперту.

Действие: **дать ответы** на поставленные судом вопросы.

Способ выполнения: сформулировать ответы на каждый из поставленных вопросов в соответствии с результатами проведенного исследования. Ответы

должны быть краткими, четко сформулированными, понятными и определенными.

ОФОРМЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Действие: **Составить документ «Заключение эксперта»**.

Способ выполнения: Систематизировать данные о проведенном исследовании и описать процесс экспертизы смартфона с учетом требований, которые содержатся в нормативно-правовых актах и документах по стандартизации. В заключении эксперта указываются: основание производства экспертизы; когда, где и кем произведена экспертиза; условия производства экспертизы; кто присутствовал при производстве экспертизы; какие материалы эксперт исследовал; какие вопросы были перед ним поставлены; какие исследования он произвёл (с указанием применяемых методик и методов, полученных промежуточных результатах); выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юматов В.А. Судебно-почерковедческая экспертиза: теория и практика. Учебное пособие. // Юматов В.А., Лесникова П.Г. Н.Новгород. Издательство Нижегородского госуниверситета, 2017. С. 336; Юматов В.А. Материальные источники криминалистической информации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 9. С. 108–111.
2. Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. М., 2012. С. 233, 234.
3. Фридланд А.Я. и др. Информатика и компьютерные технологии. Основные термины. Толковый словарь. М., 2003. С. 72–73.
4. Мещеряков В.А. Следы цифрового века // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2019. С. 423–427.
5. Толстолуцкий В.Ю. Криминалистическая информатика. Ижевск, 2003. С. 23.
6. Украинцев Б.С. Отображение в неживой природе. М.: Наука, 1969. С. 272.
7. Россинская Е.Р. Цифровизация судебно-экспертной и криминалистической деятельности взаимосвязи и разграничения // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы. М., 2019. С. 569-574.
8. Официальный интернет портал правовой информации. Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.r (Дата обращения: 28.01.2019).
9. Официальный интернет портал правовой информации. Федеральный закон от 14.06.1994 N 5-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 28.01.2019).

10. Официальный интернет портал правовой информации. Федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ «О техническом регулировании» в редакции федерального закона от 29.07.2017 г. №216-ФЗ: [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
11. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). Технический регламент Таможенного союза «О безопасности упаковки» ТР ТС 005/2011: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
12. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). Технический регламент Таможенного союза «О безопасности низковольтного оборудования» ТР ТС 004/2011: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
13. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). Технический регламент Таможенного союза «Электромагнитная совместимость технических средств» ТР ТС 020/2011: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
14. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ IEC 60268-1-2014 «Оборудование звуковых систем. Часть 1. Общие положения»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
15. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ IEC 60065-2013 «Аудио-, видео- и аналогичная электронная аппаратура. Требования безопасности»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
16. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ Р МЭК 62680-4-2015 «Интерфейсы универсальной последовательной шины для передачи данных и подачи электропитания. Часть 4. Документ по классу кабелей и разъемов универсальной последовательной шины»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
17. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ IEC 60950-1-2014 «Оборудование информационных технологий. Требования безопасности. Часть 1. Общие требования»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
18. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ Р МЭК 62684-2012 «Технические требования к совместимости внешних источников питания (EPS) для использования с мобильными телефонами, позволяющими вводить данные»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
19. Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт). ГОСТ Р МЭК 61960-2007 «Аккумуляторы и аккумулятор-

ные батареи, содержащие щелочной и другие некислотные электролиты. Аккумуляторы и аккумуляторные батареи литиевые для портативного применения»: [Электронный ресурс]. URL: http://gost.ru (Дата обращения: 28.01.2019).
20. Правила устройства электроустановок (издания 6, 7). Приказ Минэнерго России от 08.07.2002 № 204 «Об утверждении глав Правил устройства электроустановок» (вместе с «Правилами устройства электроустановок. Издание седьмое. Раздел 1. Общие правила. Главы 1.1, 1.2, 1.7, 1.9. Раздел 7. Электрооборудование специальных установок. Главы 7.5, 7.6, 7.10».

Forensic examination of electronic equipment: problems and methodological solutions

V.A. Yumatov[1], E.G. Yumatova[2], A.V. Romanov[3]

[1] *The Nizhny Novgorod State University (Russia, Nizhny Novgorod)*
[2] *Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (Russia, Nizhny Novgorod)*
[3] *NRER (Russia, Nizhny Novgorod)*
yumatovva@yandex.ru

The article deals with the development of approaches to the classification of forensic examinations of electronic equipment, the problem of insufficient development of specialized methodological and information support for the study of these objects. A modern structure of this kind of forensic examinations, technological solutions of typical tasks in the production of electronic-technical examinations with maximum detail of the preliminary and separate (detailed) research of specific objects (smartphones) in solving diagnostic and identification problems and using a set of methods are proposed.

Keywords: electronic engineering, electronic-technical examination, technical diagnostics.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕТОВ

С.В. Юматов

Экспертно-криминалистический отдел Управления МВД России по г. Н. Новгороду (Россия, Нижний Новгород)
sergey.yumatov@mail.ru

Развитие научных основ отдельных видов экспертно-криминалистических учетов, совершенствование технических средств автоматизации открывают большие перспективы использования учетов при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел. В статье сделан вывод о том, что применение достижений науки и техники в рассматриваемой области невозможно без системного анализа экспертно-криминалистических учетов. На основе проведенного исследования предложены рекомендации по совершенствованию технических средств автоматизации учетов, по использованию всего комплекса признаков объектов при формировании и ведении учетов, а также корреляционных связей между ними и по созданию новых видов учетов.

Ключевые слова: экспертно-криминалистический учет, системный анализ, автоматизация учетов, биометрия, «инициативные» учеты, габитоскопия.

Одним из важнейших видов деятельности экспертно-криминалистических подразделений является ведение экспертно-криминалистических учетов, которые предназначены для установления лиц, подозреваемых в совершении преступлений, обстоятельств, имеющих значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел. Успешное функционирование экспертно-криминалистических учетов предполагает их соответствие последним достижениям науки и техники, а также реалиям общественной жизни. Это должна быть система мобильная и постоянно совершенствующаяся.

Ученые уделяют внимание различным аспектам экспертно-криминалистических учетов: введение новых видов учетов, корреляционные связи между объектами различных видов учетов, создание технических средств автоматизации учетов и автоматизированных информационных систем. Вместе с тем, в их трудах системный анализ экспертно-криминалистических учетов как единого целого не нашел должного отражения. Системный анализ «имеет научный, правовой, организационный, информационный и структурный аспекты» [1, с. 633]. Авторы исследований, как правило, ограничиваются научным и информационным аспектами системного анализа. А вносимые в определяющий действующую систему экспертно-криминалистических учетов Приказ МВД № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» [2] изменения и дополнения демонстрируют фрагментарность и непоследовательность принимаемых решений. Так, в 2016 году были введены два новых учета (учет поддельных рецептов на наркотические средства, психотропные и сильнодействующие вещества; учет рукописных записей и подписей неустановленных лиц), но в 2018 году они уже упразднены.

Актуальным остается вопрос о значимости информации, полученной с помощью экспертно-криминалистических учетов, для раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Р.С. Белкин обращает внимание на то, что регистрационная информация может быть потенциально доказательственной и потенциально ориентирующей [3, с. 170]. Если с использованием потенциально доказательственной информации сложностей не возникает, то ориентирующая информация оперативными и следственными подразделениями практически не используется. Кроме того, увеличение накопленных данных при неизменном количестве признаков объектов, используемых при регистрации, а также недостаточное использование корреляционных связей между ними существенно ограничивают возможность получения значимой информации. Например, информационная карта на субъективный портрет разыскиваемого лица не включает в себя данные о внешности по методу словесного портрета, что вле-

чет невозможность проведения полного сопоставления при проверке по учету субъективных портретов фотоснимков подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления.

Изложенное указывает на необходимость дополнительного исследования, ориентированного на оценку эффективности системы экспертно-криминалистических учетов и её преобразование с учетом происходящих изменений общественной жизни, достижений науки и техники, практических наработок правоохранительных органов. В рамках настоящей статьи мы остановимся на региональных экспертно-криминалистических учетах: это учеты следов рук, следов подошв обуви, следов орудий взлома, следов протекторов шин транспортных средств, субъективных портретов разыскиваемых лиц.

Учет следов рук, изъятых с места происшествия, остается одним из наиболее эффективных видов экспертно-криминалистических учетов. Действующая централизованная интегрированная автоматизированная дактилоскопическая информационная система МВД РФ (ЦИАДИС-МВД) обеспечивает его формирование и ведение. Вместе с тем, актуальным остается вопрос об использовании следов рук с малым количеством деталей папиллярного узора, т.е. применение положений пороскопии в ЦИАДИС-МВД. На данном этапе система не позволяет регистрировать, обрабатывать, сравнивать и отождествлять следы рук по расположению и особенностям пор. В этой связи, считаем необходимым проведение модернизации ЦИАДИС-МВД с целью реализации возможности использования достижений пороскопии. Изменения такого рода позволят обеспечить повышение раскрываемости преступлений за счет использования в процессе исследования дополнительной следовой информации.

Учеты следов подошв обуви, следов орудий взлома предназначены для определения серийности преступлений, а также установления обуви и орудия взлома по следам на месте происшествия. Анализ практики показывает, что основная проблема данных учетов состоит в их автоматизации. В системе МВД автоматизированные базы данных созданы на основе программы «Портрет-Поиск». Эта программа позволяет регистрировать, проводить проверки по изображениям следов и их описаниям. При сравнении следов и оттисков возникает много субъективных моментов, сказывающихся на эффективности учетов, поскольку описание одного и того же элемента, например, в следе подошвы обуви, каждым экспертом может производиться по-своему, а это влияет на выборку следов при проведении проверок по базам данных.

Объективизировать процесс может внедрение автоматизированных баз данных, в которых за основу берется не кодировка словесного описания следа подошвы обуви, орудия взлома, а кодировка изображения следа. Такое нововведение позволит повысить результативность проводимых проверок по рассматриваемым видам экспертно-криминалистических учетов.

Учет следов протекторов шин транспортных средств в настоящее время

утратил свое значение для решения диагностических и идентификационных задач вследствие изменения объемов производимых автомобильных шин и изменений условий их установки. Если раньше существовали государственные стандарты и на определенные марки автомобилей устанавливались конкретные шины, то сейчас на автомобиль могут быть установлены шины любого производителя. Кроме того, отсутствуют справочники, систематизирующие информацию о применяемых автомобильных шинах. Как отмечает Р.С. Белкин, эффективность информационного обеспечения процесса доказывания и оперативно-розыскной деятельности криминалистическими учетами зависит от «…четкой систематизации учетных данных, накопления и сохранения только тех из них, которые носят актуальный характер» [3, с. 171]. Сегодня учет следов протекторов шин транспортных средств уже не позволяет получать ориентирующую информацию, обеспечивающую раскрытие преступлений и расследование уголовных дел. Таким образом, рассматриваемый вид учета необходимо исключить из перечня экспертно-криминалистических учетов.

Следующий вид экспертно-криминалистических учетов – учет субъективных портретов разыскиваемых лиц. Субъективные портреты позволяют визуализировать мысленный образ разыскиваемого лица, сохранившийся в памяти очевидца происшествия. Практика показывает, что в отдельных случаях субъективные портреты способствуют розыску и установлению личности при раскрытии преступлений. Однако при систематизации данных возможности метода словесного портрета используются не в полной мере. Так, информационная карта на субъективный портрет в качестве сведений о внешности разыскиваемого лица включает только пол, возраст, антропологический тип, рост, телосложение, цвет волос, цвет глаз, особые приметы, одежду. В связи с чем, считаем необходимым включить в информационную карту признаки внешности по методу словесного портрета. Это обеспечит возможность использования корреляционных связей между различными видами криминалистической регистрации.

Автоматизация учета субъективных портретов разыскиваемых лиц осуществляется с помощью АИПС «Портрет-Поиск». Здесь не может вестись речь о кодировке изображений (как по следам подошв обуви и орудий взлома), так как субъективный портрет не является объективным отображением внешности человека. Для увеличения эффективности использования учетов в АИПС «Портрет Поиск», так же как и в информационной карте на субъективный портрет, должны найти отражения признаки, используемые в словесном портрете.

Решение вопроса о модернизации системы экспертно-криминалистических учетов невозможно без определения новых объектов учета. В последнее десятилетие ученые уделяют значительное внимание криминалистической регистрации на основе биометрии. При этом дискуссионным остается вопрос о параметрах и характеристиках человека, которые должна включать в себя био-

метрическая система [4]. В целом к ним относят: индивидуальные анатомические характеристики человека (отпечатки пальцев, признаки внешности, ДНК и т.д.), физиологические и поведенческие свойства (голос, походка, подпись и т.д.). Следует признать верным то, что за данным видом регистрации будущее. Однако еще не до конца изучены корреляционные связи между различными блоками биометрических учетов, также может быть отложено введение данного вида учета из-за недостаточного финансирования.

Таким образом, создание интегрированных биометрических учетов является перспективным направлением, но в силу ряда объективных причин сейчас они не могут быть введены на территории всей страны. Вместе с тем, заслуживает внимания создание так называемых «инициативных» [5] экспертно-криминалистических учетов. В соответствии с п. 19.17 Приказа № 70 «При наличии необходимости соответствующего организационно-штатного и материально-технического обеспечения в экспертно-криминалистических подразделениях может осуществляться учет иных объектов, поступающих в ЭКП в установленном законодательными и нормативными правовыми актами порядке». То есть в Приказе № 70 предусмотрена возможность создания на базе экспертно-криминалистических центров субъектов РФ новых видов учетов. Внедрение таких учетов позволяет апробировать научные достижения, произвести все необходимые доработки для надлежащего функционирования, в целях последующего введения учета на всей территории Российской Федерации. Предлагается создавать «инициативные» учеты на основе отдельных биометрических данных: учет по рисунку вен на тыльных частях кистей рук, на внутренней поверхности предплечья и лба, учет роговой и сетчатой оболочек глаза, учет зубов [5] и т.д. Следует признать, что предоставленная приказом возможность создания новых видов учетов используется редко. В связи с чем, предлагаем создать на базе экспертно-криминалистических центров субъектов РФ отделы (отделения), которые будут заниматься вопросами разработки, создания, изменения экспертно-криминалистических учетов и технических средств их автоматизации. Для успешного функционирования эти структурные подразделения должны быть укомплектованы высококвалифицированными специалистами, поэтому экспертно-криминалистическим центрам МВД целесообразно наладить взаимодействие с ведущими образовательными учреждениями для соответствующей подготовки сотрудников и для проведения совместных совещаний, круглых столов работников экспертных подразделений и научных работников по теоретико-практическим вопросам функционирования экспертно-криминалистических учетов.

Изменения общественной жизни предоставляют новые источники криминалистически значимой информации. В крупных городах практически повсеместно внедряются системы видеонаблюдения: на вокзалах, в магазинах, на оживленных улицах, в метро, на парковках и т.д. Записи с камер видеонаблю-

дения становятся эффективным средством раскрытия преступлений и расследования уголовных дел. Видеоматериалы содержат информацию о внешнем облике человека. Исходя из этого, необходимо создать новый вид экспертно-криминалистического учета на основе положений габитоскопии. Следует отметить, что в настоящее время видеоучеты успешно ведутся в ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области [6]. Нам представляется целесообразным создание учета на основе габитоскопии в несколько ином виде, нежели в указанном регионе. Мы предлагаем создать учет изображений лиц, который будет предназначен для розыска лиц и выявления фактов совершения нескольких преступлений одним лицом. Объектом учета будут являться фотоснимки разыскиваемых лиц, полученные в результате производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также выделенные участки кадров видеозаписей с мест происшествия, содержащие лица подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Форма ведения учета изображений разыскиваемых лиц – картотека, состоящая из информационных карт установленной формы. Учет должен вестись на региональном и районном уровнях. На первоначальном этапе учет изображений разыскиваемых лиц должен быть автоматизирован с помощью АИПС «Портрет-Поиск», что потребует ее доработки для ведения габитоскопического учета.

Таким образом, для успешного решения возложенных на нее задач действующая система экспертно-криминалистических учетов требует внесения изменений. Работа по совершенствованию должна вестись одновременно по нескольким направлениям: модернизация средств автоматизации учетов, использование при формировании и ведении учетов большего количества признаков объектов, исключение неэффективных видов учетов. Важнейшей составляющей развития системы экспертно-криминалистических учетов является активизация работы экспертно-криминалистических центров субъектов РФ по разработке, внедрению, апробированию теоретических положений новых видов учетов. Кроме того, необходимо в кратчайший срок ввести габитоскопический учет на всей территории РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминалистика: информационные технологии доказывания. Учебник для вузов / Под редакцией В.Я. Колдина. М.: Зерцало-М, 2007. 752 с.
2. Приказ МВД от 10 февраля 2006 г. № 70 (ред. от 11.09.2018 г.) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Учебное пособие для вузов в 3-х томах. Т. 2. 3-е изд., дополненное. М. 2001. 451 с.
4. Гусев А.В. Медведева С.Н. Форма криминалистической регистрационно-биометрической карты // Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар, 2016. № 4 (34). С. 63–66.

5. Хмыз А.И. Инициативные экспертно-криминалистические учеты как источник получения оперативно-розыскной информации // Грамота. Тамбов, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 181–184.
6. Ильин Н.Н. К вопросу о создании видеоучетов анатомических элементов внешнего облика человека в органах внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. Казань, 2017. № 2 (28). С. 129–132.

Prospects for the development of forensic accounting systems

S.V. Yumatov

Forensic Department of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of N. Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)
sergey.yumatov@mail.ru

The development of the scientific foundations of certain types of forensic accounting, the improvement of technical means of automation open up great prospects for using counts in the detection of crimes and the investigation of criminal cases. The article concluded that the application of science and technology in the area under consideration is impossible without a system analysis of forensic accounting. On the basis of the conducted research, recommendations were proposed for improving the technical means of automated accounting, for using the whole complex of object features in the formation and maintenance of counts, as well as for the correlation links between them and for creating new types of counts.

Keywords: forensic accounting, system analysis, automation of accounting, biometrics, “initiative” accounting, habitoscopy.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

1. **Bill Louw**
   professor of Coventry University, Ph.D (Coventry, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland)

2. **Mustafa Ay**
   Cukurova University, Institute of Addiction and Forensic Sciences, Department of Forensic Sciences (Turkey, Adana)

3. **Ayşe Serin**
   Cukurova University, Faculty of Medicine, Department of Forensic Medicine (Turkey, Adana)

4. **Mete K. Gulmen**
   Cukurova University, Faculty of Medicine, Department of Forensic Medicine (Turkey, Adana)

5. **Алсаег Билал Амджад**
   старший преподаватель кафедры бухгалтерского учёта факультета менеджмента и экономики Мосул Университета, кандидат экономических наук (г. Мосул, Республика Ирак)

6. **Амбарова Елена Алексеевна**
   главный государственный таможенный инспектор отделения экспертизы материалов, веществ и изделий Экспертно-криминалистической службы – региональный филиал Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (г. Нижний Новгород)

7. **Аминев Азамат Фаритович**
   эксперт Экспертно-криминалистического центра МВД по Республике Башкортостан (г. Уфа)

8. **Аминев Фарит Гизарович**
   профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, исполнительный директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов, Почетный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа)

9. **Андриянова Наталья Александровна**
   заведующая судебно-химическим отделением, судебно-медицинский эксперт ГБУЗ Нижегородской области «Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы», кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

10. **Бабаева Л.Г.**
    Дагестанский государственный университет, кандидат химических наук (г. Махачкала)

11. **Бершацкий Алексей Сергеевич**
эксперт экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Нижегородской области (г. Нижний Новгород)

12. **Бондаренко Роза Ватановна**
доцент кафедры исследования документов Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)

13. **Бондарь Наталья Николаевна**
ведущий государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (г. Москва)

14. **Буланов Евгений Николаевич**
доцент кафедры медицинской химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

15. **Виноградова Марина Михайловна**
главный государственный судебный эксперт отдела судебных экономических экспертиз ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, кандидат юридических наук (г. Москва)

16. **Воронин Вадим Вениаминович**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)

17. **Газизов Вячеслав Абдуллович**
доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, доцент (г. Москва)

18. **Галяшина Елена Игоревна**
профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

19. **Герасимова Инна Владимировна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, учёный секретарь Учёного совета Нижегородского института развития образования, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

20. **Говоркова Елена Юрьевна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

21. **Голубятников Севир Павлович**
профессор кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

22. **Гольцев Дмитрий Сергеевич**
старший преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии Учебно-научного комплекса судебной-экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук (г. Москва)

23. **Горбачева Алена Владиславовна**
преподаватель кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук (г. Нижний Новгород)

24. **Грачев Михаил Александрович**
профессор кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

25. **Гурина Оксана Дмитриевна**
начальник отдела психологических экспертиз и исследований ГБУ г. Москвы Московский Исследовательский Центр (г. Москва)

26. **Дятлова Ангелина Федоровна**
профессор кафедры «Экономика и бухгалтерский учет» Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент (г. Москва)

27. **Зайцева Ольга Валерьевна**
лаборант отдела психологических экспертиз и исследований ГБУ г. Москвы Московский Исследовательский Центр (г. Москва)

28. **Зарубин Олег Павлович**
заместитель начальника отдела экспертизы товаров органического происхождения ФТС ЭКС – региональный филиал ЦЭКТУ (г. Нижний Новгород)

29. **Захаров Руслан Иванович**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

30. **Зобнина Наталья Валентиновна**
лаборант отдела психологических экспертиз и исследований ГБУ г. Москвы Московский Исследовательский Центр (г. Москва)

31. **Зылёва Наталья Владимировна**
доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», кандидат экономических наук, доцент (г. Тюмень)

32. **Ионова Светлана Валентиновна**
профессор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

33. **Калинина Ирина Николаевна**
доцент кафедры аудита ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», кандидат экономических наук, доцент (г. Краснодар)

34. **Камелов Андрей Владимирович**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

35. **Кандеев Кирилл Владимирович**
начальник отдела экспертизы товаров органического происхождения ФТС ЭКС – региональный филиал ЦЭКТУ, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

36. **Кирвель Виталий Казимирович**
доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент (г. Минск, Республика Беларусь)

37. **Князев Александр Владимирович**
декан химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, заведующий кафедрой медицинской химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор химических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

38. **Князева Светлана Сергеевна**
ведущий инженер кафедры химии твердого тела химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

39. **Козменкова Светлана Вячеславовна**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор экономических наук, профессор, (г. Нижний Новгород)

40. **Колесникова Елена Николаевна**
доцент кафедры экономической безопасности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, доцент (г. Рязань)

41. **Колтунова Елизавета Аркадьевна**
доцент кафедры теоретической и практической лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

42. **Комраков Николай Львович**
начальник экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Нижегородской области (г. Нижний Новгород)

43. **Корокин Виталий Жанович**
лаборант кафедры медицинской химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

44. **Крашенинникова Ольга Владимировна**
ассистент кафедры химии твердого тела химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

45. **Крылов Валентин Алексеевич**
заведующий кафедрой аналитической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор химических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

46. **Кудряшов Дмитрий Александрович**
преподаватель кафедры оружиеведения и трасологии Учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва)

47. **Левина Мария Владимировна**
начальник отдела экспертизы товаров растительного происхождения Экспертно-криминалистической службы г. Москва Центрального экс¬пертно-криминалистического таможенного управления (г. Москва)

48. **Лизунова Галина Михайловна**
доцент кафедры аналитической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

49. **Лысов Николай Николаевич**
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Пятигорского филиала Северо-Кавказского университета, доктор юридических наук, профессор (г. Пятигорск)

50. **Маркина Марина Викторовна**
доцент кафедры теоретической, компьютерной и экспериментальной механики Института информационных технологий, математики и механики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат физико-математических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

51. **Мешков Владимир Михайлович**
профессор кафедры криминалистики Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный юрист РФ , доктор юридических наук, профессор (г. Калининград)

52. **Милойкович Мария**
старший преподаватель кафедры англистики филологического факультета Белградского университета (г. Белград, Сербия)

53. **Мосягин Павел Валерьевич**
доцент кафедры аналитической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

54. **Моштылева Екатерина Сергеевна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

55. **Надеина Татьяна Михайловна**
профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), доктор филологических наук, профессор (г. Москва)

56. **Нестерова Ольга Александровна**
эксперт экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Нижегородской области, кандидат филологических наук (г. Нижний Новгород)

57. **Новосёлова Антонина Николаевна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат филологических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

58. **Обидина Людмила Борисовна**
доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

59. **Огорелков Игорь Витальевич**
начальник отдела лингвистических экспертиз и исследований ГБУ г. Москвы «Московский Исследовательский Центр» (г. Москва)

60. **Орлова Татьяна Владимировна**
начальник кафедры исследования документов Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук (г. Москва)

61. **Павличенко Георгий Вячеславович**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

62. **Парамонова Лада Фёдоровна**
главный эксперт Института судебных экспертиз по Павлодарской области РГКП ЦСЭ Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук (г. Павлодар, Республика Казахстан)

63. **Петелина Ольга Олеговна**
эксперт экспертно-криминалистического отдела СУ СК России по Нижегородской области, кандидат филологических наук (г. Нижний Новгород)

64. **Петров Павел Валерьевич**
преподаватель кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

65. **Подволоцкий Игорь Николаевич**
доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

66. **Полякова Анастасия Васильевна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

67. **Прусакова Анна Борисовна**
начальник отделения экспертизы пищевых товаров Экспертно-криминалистической службы – региональный филиал Центрального экс¬пертно-криминалистического таможенного управления (г. Нижний Новгород)

68. **Радбиль Тимур Беньюминович**
заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор филологических наук, профессор, академик РАЕ (г. Нижний Новгород)

69. **Раджабова Замира Гаджиевна**
главный государственный таможенный инспектор экспертно-исследовательского отдела № 2 экспертно-криминалистической службы – регионального филиала Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления (г. Махачкала)

70. **Рамазанова М.Г.**
Дагестанский государственный университет (г. Махачкала)

71. **Рафи Назар Джамиль**
ассистент кафедры бухгалтерского учёта факультета менеджмента и экономики Мосул Университета (г. Мосул, Республика Ирак)

72. **Романов Анатолий Владимирович**
руководитель экспертной радиолаборатории (г. Нижний Новгород)

73. **Румянцев Федор Полиектович**
доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И.Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

74. **Руф Юлия Николаевна**
доцент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита ФГАОУ ВО Тюменский государственный университет, кандидат экономических наук, доцент (г. Тюмень)

75. **Сафонова Маргарита Фридриховна**
заведующий кафедрой аудита ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», доктор экономических наук, доцент (г. Краснодар)

76. **Севастьянова Екатерина Александровна**
ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

77. **Смирнова Любовь Владимировна**
ассистент кафедры аналитической химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

78. **Соколова Татьяна Петровна**
доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), кандидат филологических наук, доцент (г. Москва)

79. **Соловьев Олег Демьянович**
доцент кафедры судебной бухгалтерии и бухгалтерского учета Нижегородской академии МВД России, доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

80. **Тимченко Владимир Александрович**
профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

81. **Толстолуцкий Владимир Юрьевич**
заведующий кафедрой права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор медицинских наук, профессор (г. Нижний Новгород)

82. **Федоровцев Андрей Леонидович**
судебно-медицинский эксперт судебно-цитологического отделения ГБУЗ Нижегородской области «Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы», доктор медицинских наук (г. Нижний Новгород)

83. **Фролова Элина Борисовна**
доцент кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

84. **Хибиев Хидирляс Саидович**
заместитель начальника экспертно-исследовательского отдела № 2 экспертно-криминалистической службы – регионального филиала Центрального экспертно-криминалистического таможенного управления, кандидат химических наук (г. Махачкала)

85. **Чернышова Яна Михайловна**
заведующий лабораторией ФБУ Приволжский РЦСЭ Минюста России (г. Нижний Новгород)

86. **Четвертнова Анна Павловна**
судебно-медицинский эксперт судебно-биологического отделения ОГБУЗ «Костромское областное бюро судебно-медицинской экспертизы» (г. Кострома)

87. **Чубина Елена Александровна**
доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат педагогических наук, доцент (г. Москва)

88. **Шаров Виктор Иванович**
профессор кафедры математики, информатики и информационных технологий Нижегородской академии МВД России, профессор кафедры судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)

89. **Шипилова Анастасия Сергеевна**
ассистент кафедры медицинской химии химического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат химических наук (г. Нижний Новгород)

90. **Шурганова Екатерина Александровна**
специалист Центра обработки документов Тюменского МРО АО «Газпром энергосбыт Тюмень» (г. Тюмень)

91. **Эделев Иван Сергеевич**
аспирант кафедры клинической судебной медицины Приволжского исследовательского медицинского университета (г. Нижний Новгород)

92. **Эделев Николай Серафимович**
начальник ГБУЗ Нижегородской области «Нижегородское областное бюро судебно-медицинской экспертизы», заведующий кафедрой клинической судебной медицины Приволжского исследовательского медицинского университета, доктор медицинских наук, профессор (г. Нижний Новгород)

93. **Юматов Василий Алексеевич**
заведующий кафедрой судебной экспертизы юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского, кандидат юридических наук, доцент, профессор РАЕ (г. Нижний Новгород)

94. **Юматов Сергей Васильевич**
эксперт экспертно-криминалистического отдела Управления МВД России по г. Н. Новгороду (г. Нижний Новгород)

95. **Юматова Эвелина Геннадьевна**
заведующий кафедрой стандартизации, метрологии и управления в технических системах инженерно-строительного факультета ННГАСУ, кандидат педагогических наук, доцент (г. Нижний Новгород)

СОДЕРЖАНИЕ

Further and Better Empiricism for Forensic Purposes
Bill Louw 3

DNA Analysis and Registration in Turkey
Mustafa Ay, Ayşe Serin, Mete K. Gulmen 11

Дактилоскопическая экспертиза (АДИС) и биометрические системы идентификации личности по отпечаткам пальцев рук: проблема искусственных папиллярных узоров
В.К. Кирвель 16

Опыт реформирования и перспективы развития судебно-экспертной системы Республики Казахстан
Л.Ф. Парамонова 35

Возможности контекстуально-просодической теории для установления диагностических признаков манипулятивного дискурса при производстве лингвистической экспертизы
М. Милойкович 42

Судебная экономическая экспертиза в Ираке: состояние и перспективы развития
Алсаег Билал Амджад, Рафи Назар Джамиль, Н.В. Зылёва . . . 60

О некоторых подходах к повышению качества судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации
Ф.Г. Аминев, А.Ф. Аминев 65

Установление общего источника происхождения нефтей Северного Кавказа и продуктов их переработки
Л.Г. Бабаева, Х.С. Хибиев М. Г. Рамазанова 72

Некоторые наблюдения по поводу инструментария, предоставляемого ПО «OTExpert» для лингвистического исследования в рамках фоноскопической экспертизы
А.С. Бершацкий 79

Современные тенденции развития судебной экономической экспертизы
М.М. Виноградова, Н.Н. Бондарь 88

К вопросу о несовершенстве классификации специальной техники на примере использования многофункциональных цифровых устройств
В.В. Воронин, А.В. Камелов, П.П. Петров 94

Биометрическая система как элемент развития информационного общества
В.А. Газизов, И.Н. Подволоцкий 100

Подготовка судебных экспертов по специализации «Речеведческие экспертизы»: проблемы унификации подходов к образовательным программам
Е.И. Галяшина *104*

Речевая агрессия в современном образовательном дискурсе: идентификация проблемы
И.В. Герасимова, А.Н. Новоселова *113*

Особенности производства почерковедческих экспертиз по копиям документов
Е.Ю. Говоркова *119*

К вопросу о методологических основах судебно-бухгалтерской экспертизы
С.П. Голубятников, А.В. Горбачева *128*

Проблемы стандартизации информационно-методического обеспечения судебно-экономических экспертиз
Д.С. Гольцев *134*

Особенности лингвистических экспертиз о коррупции: из опыта проведения судебных исследований
М.А. Грачев *138*

Побуждение как экспертное понятие в рамках комплексной психолого-лингвистической экспертизы
О.Д. Гурина *142*

Искажения учетной информации в бухгалтерском учете как объект судебной бухгалтерской экспертизы
А.Ф. Дятлова *148*

Коммуникативные тактики сексуального онлайн-взаимодействия (на материале секстинга и порномести)
О. В. Зайцева, Н. В. Зобнина *154*

Международное сотрудничество таможенных лабораторий в сфере таможенной (судебной) экспертизы нефтепродуктов как инструмент пресечения таможенных преступлений
О.П. Зарубин, К.В. Кандеев *160*

Содержание документа и его толкование как предмет лингвистической экспертизы
С.В. Ионова *167*

Документальные методы контроля, используемые при экспертном исследовании операций с денежными средствами
И.Н. Калинина *173*

Использование рентгеновских и спектроскопических методов для идентификации соединений
А.В. Князев, Е.Н. Буланов, О.В. Крашенинникова, А.С. Шипилова, С.С. Князева, В.Ж. Корокин *178*

Методические особенности проведения финансово-экономической экспертизы
С.В. Козменкова *182*

Методологическое обеспечение производства судебных экономических экспертиз операций с товарно-материальными ценностями
Е.Н. Колесников. *188*

Оценка лингвистической экспертизы: проблема относимости, допустимости и достоверности результатов
Е.А. Колтунова *196*

О роли «цифровых доказательств» при расследовании преступлений
Н.Л. Комраков *204*

Хромато-масс-спектрометрическое и газохроматографическое определение денатурирующих добавок в спиртосодержащих жидкостях с использованием микроэкстракционного концентрирования
В.А. Крылов, П.В. Мосягин, Л.В. Смирнова. *210*

Проблема дифференциации форм комплексности при производстве судебных экспертиз: гносеологический и процессуальный аспект
Д.А. Кудряшов *218*

Практика применения палинологического анализа для целей таможенной экспертизы
М.С. Левина, Е.А. Амбарова, А.Б. Прусакова *222*

Определение содержания основного вещества в фармпрепаратах группы алкалоидов
Г.М. Лизунова *228*

Технология создания образцов для судебных фоноскопических экспертиз и её современные возможности
Н.Н. Лысов, В.М. Мешков 233

Создание программы идентификации авторства текста на основе теории корреляционного анализа
М.В. Маркина *242*

О попытках анализа спорного нарратива в рамках судебно-лингвистического исследования поликодовых интернет-текстов
Е.С. Моштылева *246*

Судебное речеведение как научно-методологическая основа судебных лингвистических экспертиз
Т.М. Надеина, Е.А. Чубина 255
Судебная лингвистическая экспертиза и её возможности
О.А. Нестерова 261
Экспертная оценка правильности перевода письменных документов и процессуальных актов
Л.Б. Обидина 265
Современное состояние и перспективы развития судебной авторoведческой экспертизы
И.В. Огорелков 271
Подпись как удостоверительный реквизит документа
Т.В. Орлова, Р.В. Бондаренко 275
Вопросы использования цифровой фотографии в экспертной деятельности
Г.В. Павличенко, Р.И. Захаров 280
Некоторые актуальные вопросы производства лингвистических и фоноскопических экспертиз
О.О. Петелина 284
Совершенствование теоретико-методологических аспектов исследования оттисков рельефных печатей
А.В. Полякова 293
Идеи современной русистики в производстве речеведческих экспертиз
Т.Б. Радбиль 298
Показания эксперта как одно из доказательств в уголовном судопроизводстве
З.Г. Раджабова 313
О проблемах проведения экспертиз по определению размеров вреда, причиненного гражданами и юридическими лицами природным объектам и ресурсам
Ф.П. Румянцев 318
Проблемы производства судебной экономической экспертизы
Ю.Н. Руф, Е.А. Шурганова 323
Актуальные проблемы развития бухгалтерской экспертизы: теория и практика
М.Ф. Сафонова 329
Некоторые проблемные вопросы формирования лингвистической компетенции в процессе подготовки юристов и экспертов
Е.А. Севастьянова 335

Проблемы экспертной диагностики в судебном авторoведении
Т.П. Соколова *340*
Использование специальных знаний при определении размера ущерба, причиненного нарушениями лесного законодательства
О.Д. Соловьев *345*
Дискуссионные вопросы определения предмета судебной экономической экспертизы
В.А. Тимченко *352*
Конвергенционная парадигма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве на примере определения давности смерти
В.Ю. Толстолуцкий *360*
Экономическая экспертиза бухгалтерской отчетности, подготовленной в соответствии с международными стандартами
Е.Б. Фролова *364*
Современное состояние и перспективы развития методов исследования защищенной продукции – бланков организаций
Я.М. Чернышова *367*
Установление наличия мекония в следах на вещественных доказательствах
А.П. Четвертнова, А.Л. Федоровцев, Н.С. Эделев *374*
Некоторые вопросы правового регулирования судебной экспертизы в Российской Федерации
В.И. Шаров *379*
Возможности использования биохимических методов исследования при установлении особенности премортального периода
Н.С. Эделев, Н.А. Андриянова, И.С. Эделев *384*
Судебная экспертиза электронной техники: проблемы и методические решения
В.А. Юматов, Э.Г. Юматова, А.В. Романов *388*
Перспективы развития системы экспертно-криминалистических учетов
С.В. Юматов *402*
Авторы выпуска *409*

Международная научная конференция

Международные и национальные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы

Сборник докладов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 06.05.2019. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 25,71. Усл. печ. л. 26,33. Заказ № 317. Тираж 30 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37.